

Б₂₁ 909

4900

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДѢ.

ВЫПУСКЪ 15.

Бѣлградъ.
1938.

15-105985036

ЗАПИСКИ
РУССКАГО
НАУЧНАГО ИНСТИТУТА
ВЪ БЪЛГРАДѢ.

ВЫПУСКЪ 15.

Бѣлградъ
1938.

МНОГОВА
СТАВА
НАСТАВНИ
МАТЕРИЈАЛ

НАСТАВНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
— † А. П. ДОБРОКЛОНСКІЙ. Моя краткая автобіографія . . .	I
— С. В. ТРОИЦКІЙ. А. П. Доброклонскій, какъ историкъ церкви	IX
— В. В. ФАРМАКОВСКІЙ. † А. П. Доброклонскій (по личнымъ воспоминаніямъ)	XXIII
— П. Б. СТРУВЕ. Труды А. П. Доброклонскаго по русской исторіи	XXVII
1. А. А. БОГОЛЪПОВЪ. Рѣшенія Сената по административнымъ дѣламъ	1
2. А. Н. АНЦЫФЕРОВЪ. Nemesis (демографическій этюдъ). . .	37
3. А. Л. ПОГОДИНЪ. „Искаженный Пушкинъ“ (Романы о жизни Пушкина)	61
4. † Е. В. АНИЧКОВЪ. Единство цивилизаціи и задачи фольклора	95
5. Б. С. ИЖБОЛДИНЪ. Торговая политика С. С. С. Р. съ 1930 года по 1936 годъ включительно	129
6. А. Н. МАКАРОВЪ. Проектъ основныхъ законовъ Россійской Имперіи 1804 года (Проектъ Розенкампа)	151
7. Н. О. ЛОССКІЙ. Формальная разумность міра	165
8. П. Б. СТРУВЕ. Духъ и бытъ (Опытъ историко-соціологическаго истолкованія западно-европейскаго средневѣковья) . .	173

CHAPTER III

1. The first part of the chapter deals with the general principles of the law of contract. It discusses the formation of a contract, the elements of a contract, and the consequences of a breach of contract.

2. The second part of the chapter deals with the law of tort. It discusses the elements of a tort, the types of torts, and the remedies available for a tort.

3. The third part of the chapter deals with the law of property. It discusses the types of property, the acquisition of property, and the transfer of property.

4. The fourth part of the chapter deals with the law of succession. It discusses the types of succession, the requirements for a will, and the distribution of property under a will.

5. The fifth part of the chapter deals with the law of trusts. It discusses the types of trusts, the requirements for a trust, and the duties of a trustee.

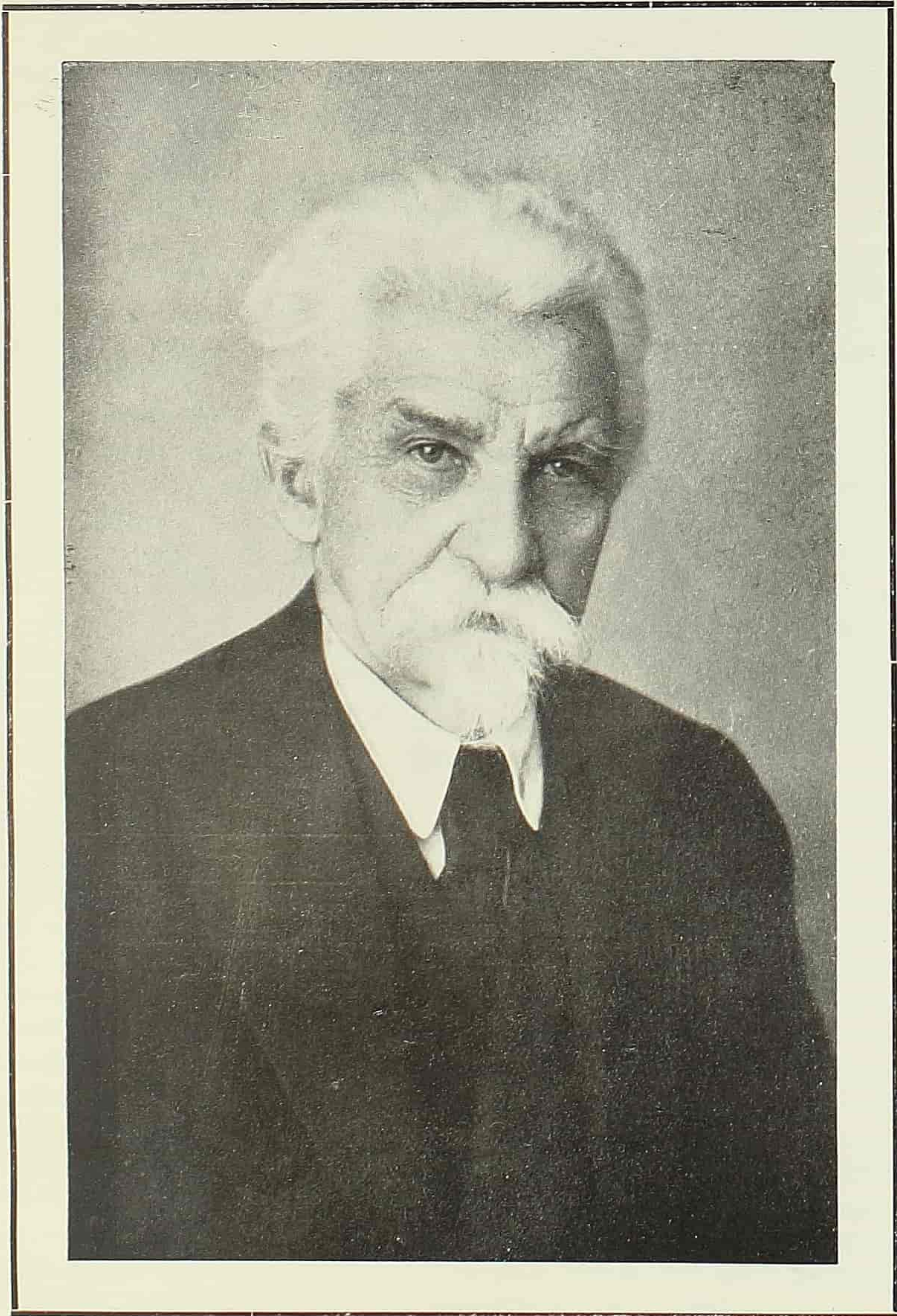
6. The sixth part of the chapter deals with the law of agency. It discusses the types of agency, the requirements for an agency, and the duties of an agent.

7. The seventh part of the chapter deals with the law of partnership. It discusses the types of partnerships, the requirements for a partnership, and the duties of a partner.

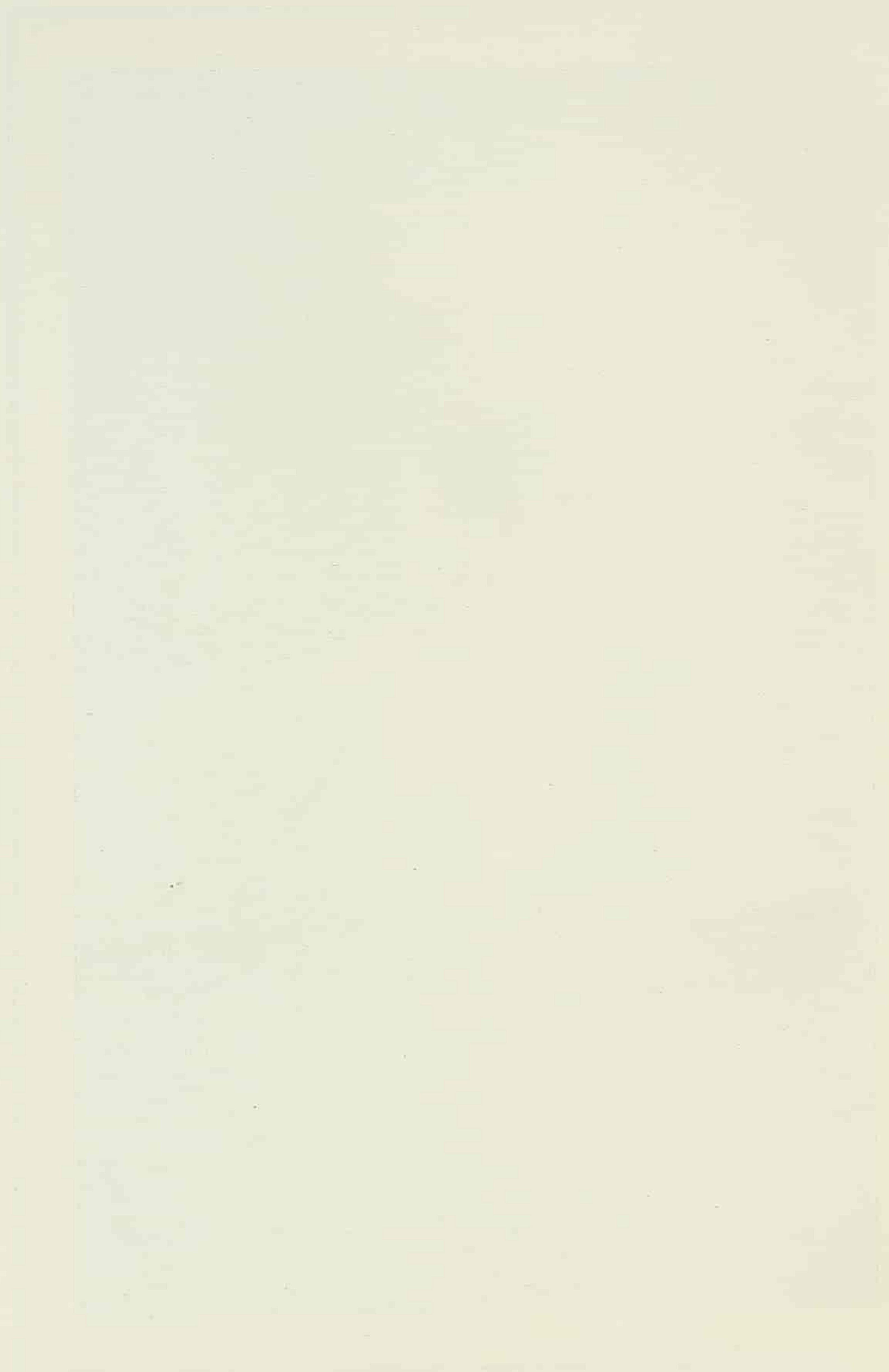
8. The eighth part of the chapter deals with the law of company. It discusses the types of companies, the requirements for a company, and the duties of a director.

9. The ninth part of the chapter deals with the law of insurance. It discusses the types of insurance, the requirements for an insurance policy, and the duties of an insurer.

10. The tenth part of the chapter deals with the law of banking. It discusses the types of banks, the requirements for a bank, and the duties of a banker.

Профессоръ
Александръ Павловичъ
ДОБРОКЛОНСКІЙ

† А. П. Доброклонскій.

МОЯ КРАТКАЯ АВТОБІОГРАФІЯ.

Мой отецъ — священникъ и послѣ протоіерей Павловскаго посада, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, при Нижегородской желѣзной дорогѣ Павелъ Петровичъ Доброклонскій. Мой дѣдъ по отцу, московскій діаконъ Петръ Алексѣевичъ, мой дядя и тетки носили фамилію „Знаменскіе“ и только мой отецъ — фамилію „Доброклонскій“. Взамѣнъ прежней — фамильной — она дана ему официально въ духовной школѣ, какъ было тогда въ обычаѣ, и осталась за нимъ. Родился я 10 декабря 1856 г. (ст. ст.). При назначеніи имени мать колебалась дать ли мнѣ имя Разумника или Александра (память ихъ 12 дек. ст. ст.). Изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ я и, можетъ быть, одинъ братъ (официальныхъ свѣдѣній о немъ не имѣю); 2 брата и двѣ сестренки померли въ раннемъ дѣтствѣ, сестра и 3 брата — въ зрѣломъ возрастѣ при большевицкомъ режимѣ.

Отецъ самъ подготовилъ меня, какъ и братьевъ, къ вступленію въ духовное училище, и я былъ принятъ прямо въ третій классъ четырехкласснаго Заиконоспасскаго духовнаго училища въ Москвѣ, разумѣется, по предварительному экзамену. Тамъ я окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ по успѣху учениковъ; затѣмъ, также по экзаменамъ, поступилъ въ Московскую духовную семинарію и въ 1876 году окончилъ ея шестилѣтній курсъ также однимъ изъ первыхъ. Какъ таковой былъ рекомендованъ семинаріей въ Московскую Духовную Академію (высшую духовную школу, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ); по выдержаніи конкурсныхъ экзаменовъ былъ принятъ въ нее на казенное содержаніе, избравъ себѣ историческое отдѣленіе Академіи и окончилъ въ 1880 г. четырехгодичный курсъ первымъ по успѣхамъ студентомъ этого отдѣленія въ званіи кандидата богословія и послѣ специальныхъ дополнительныхъ экзаменовъ — съ званіемъ магистранта богословія. Это было время, когда здѣсь были профессора съ громкимъ именемъ — Е. Е. Голубинскій (по исторіи русской церкви), А. П. Лебедевъ (по Общей исторіи церкви), В. Д. Кудрявцевъ (по метафизикѣ), Н. И. Субботинъ (по исторіи русскаго раскола) и В. О. Ключевскій (по русской исторіи), причемъ въ лицѣ Голубинскаго, Лебедева и Ключевскаго вѣялъ духъ свободнаго критицизма какъ въ ихъ лекціяхъ,

такъ и въ печатныхъ трудахъ. Предполагаю, что Академія наложила въ нѣкоторой степени свою печать на мой характеръ и направленіе моихъ дальнѣйшихъ научныхъ занятій; именно, мирная трудовая и замкнутая академическая среда, внѣ свѣтскихъ развлеченій и интересовъ, вмѣстѣ съ условіями послѣдующей жизни сдѣлали изъ меня человѣка трудолюбиваго, весьма аккуратнаго въ личныхъ и служебныхъ дѣлахъ, мягкаго и общительнаго съ другими и въ то же время практически неактивнаго въ житейскихъ дѣлахъ. Курсовыя и кандидатская письменная работа на заданныя профессорами темы (изъ области психологіи, философіи, библейской и церковной (общей) исторіи, русской исторіи) и слушаніе лекцій спеціального историческаго отдѣленія сообщили интересъ къ церковно-исторической наукѣ, втянули въ научную работу, дали извѣстный навыкъ въ ней и освоили съ методологическими приѣмами исторической науки.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса Академіи, въ томъ же 1880 году, по публичной защитѣ своей диссертациі „Сочиненіе Факунда епископа Германскаго „Въ защиту трехъ главъ“ (изъ эпохи V вселенскаго собора)“, я получилъ отъ Московской Духовной Академіи ученое званіе магистра богословія, а въ 1916 году, по представленіи диссертациі „Преп. Θεодоръ Исповѣдникъ и игумень студійскій. Его эпоха, жизнь, дѣятельность и творенія“, согласно одобренію Совѣта Московской Академіи, утвержденъ Св. Синодомъ русской церкви въ званіи доктора церковной исторіи.

Семейное и служебное положеніе. Я былъ два раза женатъ — первый разъ на Маріи Павловнѣ Бобровой, другой — на Маріи Григорьевнѣ Григорьевой, моей бывшей ученицѣ по Одесскимъ Высшимъ Женскимъ курсамъ. Послѣ ея смерти (31 іюля 1932 г.) я одинокъ; дѣтей нѣтъ, съ родственниками, оставшимися въ Совѣтской Россіи, всякія связи со времени эвакуаціи (1920 г.) прекратились.

Послѣдовательно я былъ штатнымъ преподавателемъ по церковной исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ: Пензенской (по приказу Оберъ-прокурора св. Синода, 1880—1881 г.), Рязанской (по избранію Педагогическимъ Собраніемъ Правленія Семинаріи, 1881—1882 г.) и въ Рязанскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ (1881—1884 г.), въ Московской духовной семинаріи (по приказу Синодальнаго оберъ-прокурора, 1892—1899 г.), причемъ въ семинаріяхъ Рязанской и Московской преподавалъ временно и нѣмецкій языкъ. Совмѣстно съ должностью преподавателя въ семинаріи былъ по избранію историко-филологическаго факультета Московскаго университета и съ утвержденія попечителя округа, приватъ-доцентомъ при кафедрѣ церковной исторіи (1892—99), съ порученіемъ обязательнаго для студентовъ курса русск. церк. исторіи,

по вакантной тогда кафедрѣ церковной исторіи (1895); затѣмъ былъ въ Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ исполняющимъ должность экстраординарнаго (1899—1907 г.) и ординарнаго (1907—1916) профессора, затѣмъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ церковной исторіи (1916—1920 г., до эвакуаціи изъ Одессы); съ 1917 г. былъ пенсіонеромъ (съ годовымъ окладомъ 3.000 рубл. — въ 1910 г. и 4 500 р. въ 1917 г.), но по порученію факультета продолжалъ читать лекціи до эвакуаціи изъ Одессы въ 1920 г. Притомъ послѣдовательно былъ при университетѣ секретаремъ факультета (1903—1909) и деканомъ (1910—1920 г.) по избранію факультета и редакторомъ „Записокъ Н. университета“ по избранію правленія университета (1912—1920 г.). Совмѣстно съ преподаваніемъ въ университетѣ преподавалъ въ званіи профессора исторію церкви и на Одесскихъ Высшихъ Женскихъ курсахъ (1907—1920 г.). По пріѣздѣ въ Югославію былъ въ 1920 г. избранъ Совѣтомъ Бѣлградскаго университета и Указомъ Королевскимъ 9.VII того же года назначенъ контрактальнымъ редовнымъ профессоромъ новоучрежденнаго Богословскаго факультета, въ организаціи котораго, какъ одинъ изъ первыхъ профессоровъ, принималъ дѣятельное участіе.

Помимо вышеначертанной главной линіи своего служебнаго положенія я несъ и другія, побочныя, службы, исполнялъ различныя служебныя и учебныя порученія, служебныя и научныя командировки. Таковы:

Въ Рязани: какъ преподаватель семинаріи, неоднократно былъ командированъ Правленіемъ семинаріи въ духовныя училища (Касимовское 1883 г., Зарайское 1887 г., Скопинское 1891 г.), для участія въ выпускныхъ экзаменахъ и ревизіи школьнаго дѣла; по назначенію епархіальной власти былъ помощникомъ редактора „Рязанскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ (1889—1892 г.).

Въ Москвѣ: также исполнялъ порученіе семинарскаго Правленія контролировать выпускные экзамены въ духовныхъ училищахъ (Коломенскомъ 1893 г.), временно былъ секретаремъ семинарскаго Правленія (1893—1895 г.) и по резолюціи митрополита исполнялъ обязанности инспектора семинаріи (1897—1898 г.).

Въ Одессѣ: какъ деканъ историко-филологическаго факультета, по положенію входилъ въ составъ Учебнаго Совѣта при Попечителѣ округа, и, какъ старѣйшій деканъ, нѣсколько разъ исполнялъ обязанности ректора университета (1915, 1916, 1917, 1918, 1919 г. г.). Нѣсколько лѣтъ подрядъ былъ членомъ и, послѣдніе годы, предсѣдателемъ Государственныхъ Испытательныхъ историко-филологическихъ комиссій при университетѣ. Отъ университета былъ делеги-

ранъ на XV Археологическій съѣздъ въ Новгородѣ (1911 г.), на Университетскій Украинскій съѣздъ и Украинскій церковный соборъ въ Кіевѣ.

Имѣлъ нѣсколько научныхъ командировокъ — въ Москву и св. Троицкую Сергіеву Лавру (1905 г.) въ Москву (1916 г.) и за границу (1903, 1913 г.) главнымъ образомъ съ цѣлью собиранія рукописныхъ матеріаловъ для докторской диссертациі о Ѳеодорѣ Студитѣ.

Въ Югославіи состою консультантомъ по учебнымъ дѣламъ при Делегациі вѣдающей интересами русской эмиграціи (съ 1923 г.); исполнялъ различныя порученія Сербскаго Архіерейскаго Синода и Патріарха — по разсмотрѣнію учебниковъ изъ исторіи церкви и патрологіи для среднихъ школъ Мин. Просв. и Дух. семинарій, по вопросу объ англиканскихъ ординаціяхъ, о *intercommunio in sacris*, о соединеніи церквей. По назначенію Мин. Просв. отъ 1931 г. и донинѣ, рѣшеніемъ Министра Просв. № 35448 и 28 окт. 1937 г. № 41310 состою въ составѣ „сталне испитне комисије за испитивање кандидата за професоре средњих и средњих стручних школа“. Принималъ участіе въ русскихъ академическихъ зарубежныхъ съѣздахъ въ Прагѣ (1921 г.), Бѣлградѣ (1928 г.) въ Византологическомъ конгрессѣ въ Бѣлградѣ (1927 г.), на Съѣздѣ русскихъ педагоговъ въ Бѣлградѣ (1923 г.). Съ правомъ контроля при производствѣ экзаменовъ и ревизіи въ русскихъ школахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Городскаго Союза, а нынѣ Русской Державной Комиссіи, разновременно былъ командированъ въ эти школы (въ Земунъ, Панчево, Сараево, Хрстоваць).

Членство въ различныхъ общественныхъ, учебныхъ и ученыхъ организаціяхъ:

Въ Рязани: былъ членомъ Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ семинаріи (1882—1892 г.), Попечительства при Женскомъ Еперхіальномъ училищѣ (1891—1892 г.), Совѣта Епархіальнаго Рязанскаго Братства св. Василя (1890—1892 г.), членомъ (съ 1884 г.) рязанской Ученой Архивной Комиссіи и (1890—1892 г.) предсѣдателемъ ея историческаго отдѣленія

Въ Москвѣ: былъ членомъ Комитета по составленію историко-статистическаго описанія Московской епархіи (съ 1892 г.) и товарищемъ предсѣдателя Историко-археологическаго отдѣла при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія (1896—1897 г.).

Въ Одессѣ: былъ членомъ и предсѣдателемъ Историко-филологическаго и Педагогическаго Общества при Новороссійскомъ (Одесскомъ) университетѣ (1907—1920 г.), членомъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей (1908—1920 г.), гласнымъ Одесской Городской Думы (1913—1920 г.).

Въ Югославіи: состою членомъ (съ 1920 г.) и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1924 г.) несмѣннымъ предсѣдателемъ Общества русскихъ ученыхъ въ Югославіи; дѣйствительнымъ членомъ-учредителемъ (съ 1928 г.) и предсѣдателемъ Русскаго Научнаго Института въ Югославіи (съ 1936 г.); членомъ Русскаго Археологическаго Общества (съ 1924 г.); членомъ и въ теченіи многихъ лѣтъ предсѣдателемъ Русскаго педагогическаго Общества, пока въ 1937 г. не сложилъ съ себя предсѣдательства и въ Общемъ Собраніи удостоенъ званія Почетнаго предсѣдателя; членомъ (съ 1923 г.) и послѣ многихъ лѣтъ замѣстительства предсѣдателя предсѣдателемъ Учебнаго Совѣта по дѣламъ русскихъ школъ въ Югославіи при Державной Комиссіи за русскую эмиграцію (съ 1936 г.), членомъ Издагельской Комиссіи при Державной Комиссіи (съ 1936 г.), членомъ Русскаго Комитета объединяющимъ собою десятки разнообразныхъ русскихъ организацій въ Югославіи; членомъ „Удружења университетскихъ наставника“ въ Бѣлградѣ (съ 1925 г.); Почетнымъ членомъ Кружка православныхъ русскихъ студентовъ Богословскаго факультета Бѣлградскаго университета (съ 1923 г.); членомъ Предсоборной Комиссіи для подготовки къ Собору русскихъ православныхъ церквей за границей, предположенному въ Югославіи въ 1938 г. (съ 1935 г.).

Чины, званія и отличія. Имѣю чины: Коллежскаго Ассесора (съ 1885 г.), Надворнаго Совѣтника (1886 г.), Коллежскаго Совѣтника (1890 г.), Статскаго Совѣтника (1893 г.), Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (1909 г.). Почетныя званія: Заслуженнаго ординарнаго профессора Новороссійскаго университета (1918 г.) и Почетнаго члена Петроградской Духовной Академіи (1917 г.). Преміи за печатные труды: отъ Св. Синода въ Петроградѣ по заключенію Учебнаго Комитета при немъ удостоенъ премій имени митр. Макарія — половиной въ 500 рубл. (1887 г.) за I II выпуски „Руководства по исторіи русской церкви“ и полной въ 1000 рубл. за III и IV выпуски того же „Руководства“ (1892 г.) и за обширный трудъ о Ѳедорѣ Исповѣдникѣ и игуменѣ Студійскомъ (1916 г.). Отъ Академіи наукъ въ Россіи эготъ трудъ былъ признанъ достойнымъ преміи имени М. Н. Ахматова, но за неимѣніемъ на это свободныхъ суммъ удостоенъ почетнаго отзыва (1915 г.) Имѣю слѣдующія ордена и медали: Орд. св. Станислава III (1889 г.), II (1899 г.) и I (1914 г.) степеней, св. Анны III (1894 г.) и II (1903 г.) степени, св. Владимира IV (1906 г.) и III (1912 г.) степ., св. Саввы Сербскаго (1929 г.) III степ. Медали — серебряную на Андреевской лентѣ въ память священнаго коронованія Императора Николая II (1897 г.) и свѣтло-бронзовую въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ (1913 г.).

Печатные научные труды: Первые изъ таковыхъ трудовъ относятся еще ко времени моего студенческаго пребыванія въ Московской Духовной Академіи, именно статьи въ Духовныхъ журналахъ:

1. „Александрійская образованность, какъ сфера благопріятствовавшая происхожденію христіанской богословской школы“ (Чтен. въ Обществѣ любит. дух. просв. 1880 г. II).

2. „Христологическое ученіе Θεодора Мопсуетскаго“ (ibid. IV).

3. „Отношеніе европейскихъ правительствъ къ католичеству и католической церкви во II полов. XVIII в. (ibid. 1881, VIII—IX).

*4. Кандидатская работа „Сочиненіе Факунда епископа Германскаго „Въ защиту трехъ главъ“ (изъ эпохи V всел. собора)“, написанная во время пребыванія моего на III курсѣ Академіи, затѣмъ пересмотренная и дополненная на IV курсѣ, напечатанная тогда же (1880 г.) на счетъ Академіи и одобренная Совѣтомъ Академіи какъ магистерская диссертация. (Лестный отзывъ о ней проф. D. Nagelsack-a. Theolog. Literaturzeitung. 1880, № 26).

5. Рѣчь 6 апр. 1885 г. по случаю юбилея Меѳодія Моравопанонскаго (Чтен. въ Общ. любит. дух. просв. 1885 г., V—VI (перепечатано въ Сборникѣ въ память 1000-лѣтія св. Кирилла и Меѳодія. Рязань, 1885 г.).

6. Православно-католическая унія и воссоединеніе униатовъ въ Россіи (ibid. 1889 г. XI).

*7. Руководство по исторіи русской церкви вып. I (1884 г.), II (1886 г.) 2-е изданіе ихъ (1889 г.), вып. III (1889 г.) и IV (1893 г.) въ Душепол. Чтен. 1889 г., 1892—1893 и отдѣльнымъ изданіемъ (Отзывы Учебнаго Комитета при св. Синодѣ и Малицкаго).

*8. Солотчинскій монастырь. Его слуги и крестьяне въ XVII в. (Чтен. въ Московск. Обществѣ исторіи и древностей и отдѣльный оттискъ).

9. Рецензія на книгу Малицкаго „Руководство по исторіи русской церкви“. (Правосл. Обозр.).

10. Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи — не окончено (Рязан. епарх. Вѣдомости въ 1890—1892-хъ годахъ).

11. Описаніе рукописей Солотчинскаго монастыря (Въ архивѣ Рязанской ученой Архивной комиссіи).

12. Н. Надеждинъ по письмамъ семейнаго архива (въ Труд. Рязан. учен. архивн. комиссіи).

13. Письма Вука Караджича Надеждину въ руск. переводѣ (ibid. и въ Русскомъ Архивѣ).

14. Религіозность въ древней и новой Россіи (Душепол. Чтен. 1893 г. XII и 1894 г. II).

15. Св. Стефанъ, епископъ Пермскій (Московск. Церк. Вѣдомости 1896 г. XVI).

16. Новооткрытыя изреченія І. Христа (ibid 1898 г. II).

*17. Преп. Феодоръ Исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. Его эпоха, жизнь, дѣятельность и творенія т. I (1913 г.) и т. II вып. I (1914 г.) (Учен. записки Новоросс. Универс. 1913—1914 г. и отд. оттиск.). Отзывы Московской духовной Академіи. Богосл. Вѣстникъ 1916 г. Учебн. Комитета при св. Синодѣ, Н. Гроссу (труд. Кіевск. дух. Акад. 1914 г.) Юлико, Русская Рѣчь 1914 г., Ф. И. Успенскаго.

18. Мишльење поводом питања о аутентичности хиротоније Англиканске цркве. (Весник српске Цркве. 1923 г. Март—Август).

19. Рецензія на кн. др. Микијеља „Апостолски мужеви“ — на сербск. языкѣ (Богословље) Орган правосл. Богосл. факулт. у Београду, год. I (1926 год.) св. 2.

20. Црквена политика ригористичка (ή της ἀκρεβείας) и попустљива (ή της οἰκονομίας). Ibid. св. 3.

21. Рецензія на кн. проф. др. М. Е. Поснова „Первият вселенски Съборъ и неговото църковно историческо значеніе“ (ibid. II год. (1927 г.) св. I).

22. Рецензія на кн. „Православная Мысль. Труды православно-Богосл. Института въ Парижѣ“ вып. I. 1928 г. (Богосл. IV год. 1929 г. св. 2—3).

23. Рецензія на кн. L. Patterson-a Theodore of Mopsuestia and modern thought (ibid V год. 1930 г. св. 2).

24. Васельенски Сабори (њихова структура) ibid. 1936 г. XI, св. 2—3.

Знакомъ * отмѣчены работы обширныя по своимъ размѣрамъ.

Изъ трудовъ, оставшихся въ рукописи назову:

1. Исторія второго 25-лѣтія Новороссійскаго Университета, писанная по порученію Университета и не оконченная. Въ печати займетъ не менѣе 15 стр. in 8, оставлена въ Одессѣ.

2 Выписки и справки изъ древнихъ рукописей, собранныя въ заграничныхъ и другихъ научныхъ командировкахъ, вмѣстѣ съ собственными замѣтками, какъ матерьялъ для II вып. II т. диссертациі о Феодорѣ Студитѣ, именно о его твореніяхъ. Также остались въ Одессѣ за невозможностью вывести во время эвакуациі.

3. Нѣсколько мелкихъ статей для Богословской Энциклопедіи оставшихся въ рукописи за прекращеніемъ изданія.

*4. Обширный курсъ лекцій по общей исторіи Церкви на сербскомъ языкѣ — періодъ I и часть періода II (310 + 300 стр. in 8 — съ указаніемъ обширной научной литера-

туры къ каждой отдѣльной главѣ). Трудъ не законченъ и продолжается по мѣрѣ свободнаго времени. За исключеніемъ нѣсколькихъ послѣднихъ главъ этотъ курсъ студенческимъ кружкомъ Богословскаго факультета въ Бѣлградѣ литографированъ, но безъ литературнаго указателя и, къ сожалѣнію, съ нерѣдкими ошибками и опущеніями въ текстѣ. Въ литографіи in folio — онъ обнимаетъ стр. (очеркъ церковной исторіографіи), стр. (I періодъ) и 249 стр. (II періодъ ч. I). Двѣ главы изъ курса, именно „Црквена политика ригористичка и попустљива“ и „Васельенски Сабори Православне Цркве (њихова структура)“ напечатаны въ видѣ статей въ „Богословљу“ (см. выше).

*5. Обширный трактатъ „Христіанскія хетеродоксальныя церкви (къ вопросу о соединеніи ихъ съ православной и о *intercommunio in sacris*)“ на русскомъ языкѣ, написанный по порученію Сербскаго Синода. Въ рукописи онъ занимаетъ не менѣе 190 стр. in folio моего очень мелкаго и убористаго письма, въ изданіи займетъ около 20 листовъ in 8—. Св. Синодомъ предложено его издать въ сербскомъ переводѣ. Послѣ краткаго указанія критерія, коимъ православная церковь должна руководиться и руководится при рѣшеніи вопроса о соединеніи церквей, въ трактатѣ разносторонне разсматриваются подъ этимъ критеріемъ благопріятныя и неблагопріятныя условія къ соединенію съ православной инославныхъ церквей англиканской, старокатолической, армянской, іаковитской, коптской, абиссинской, несторіанской (сирохалдейской). Оставлены въ сторонѣ римо-католическая, которая въ лицѣ своего главы римскаго папы, заявила нежеланіе участвовать на междувѣроисповѣдныхъ конференціяхъ и конгрессахъ, и протестантская (лютеранская и реформаторская), какъ проникнутая раціоналистическимъ направленіемъ, въ корнѣ препятствующимъ органическому соединенію съ православной.

5. Предварительный критическій разборъ статьи аѳинскаго митр. Хризостома (на греческомъ языкѣ) по поводу енциклики папы Пія XI 25. XII 1931 г. о III вселенскомъ Соборѣ съ папистической тенденціей. Статья предполагалась къ напечатанію и была авторомъ прислана Сербскому Патриарху Варнавѣ на одобреніе, а имъ поручена мнѣ на разсмотрѣніе. Впослѣдствіи она была напечатана въ „Εκκλησία“ и издана отд. оттискомъ подъ титуломъ „Χρισοστόμου ἡ τρίτη οἰκουµενικὴ σύνοδος καὶ πρωτεῖον τοῦ ἐπισκόπου Ρώμης Ἀπάντησις εἰς τὴν ἐγκύκλιον τοῦ Πίου XI. Lux veritatis, Ἀθῆν 1932.

С. В. Троицкій.

А. П. ДОБРОКЛОНСКІЙ, КАКЪ ИСТОРИКЪ ЦЕРКВИ.

Покойный А. П. началъ свои труды по общей церковной исторіи еще будучи студентомъ Московской Духовной Академіи. И мѣсто и время шли ему на встрѣчу. Не могу судить, справедливо ли мнѣніе м. Антонія (Храповицкаго), что „Духовная Академія есть лучшая въ Россіи высшая школа“¹⁾, но во всякомъ случаѣ школа эта была очень хорошая, а изъ четырехъ нашихъ духовныхъ академій Московская Академія — „русскій Оксфордъ“, какъ удачно сказалъ Ч. Биркбекъ, особенно выдѣлялась своими работами какъ въ сферѣ исторіи вообще, такъ и церковной въ особенности.

„Образованіе въ Московской Академіи, пишетъ ея историкъ, получило особое направленіе съ характеромъ преимущественно историческимъ. Это было въ эпоху разработки историческихъ матеріаловъ, когда стали дорожить всякимъ памятникомъ, уцѣлѣвшимъ отъ древности, когда отечественная исторія получила много новыхъ данныхъ. Въ эту пору историческія работы Московской Академіи обратили на нее вниманіе ученыхъ, которые относились къ ней за пособіями въ интересахъ науки“²⁾. „Историческое вліяніе въ русскомъ богословіи началось съ Московской Духовной Академіи. Именно здѣсь впервые и создается русская школа церковныхъ историковъ“, пишетъ изслѣдователь „путей русскаго богословія“³⁾.

Въ ряду своихъ ректоровъ и профессоровъ она числила такія славныя въ исторической наукѣ имена, какъ Филарета

¹⁾ Четыре академіи. Бѣлградъ, 1933, стр. 19.

²⁾ С. Смирновъ. Исторія Московской Дух. академіи до ея преобразования. Москва, 1897, стр. 68.

³⁾ Прот. Г. Флоровскій, Пути русскаго богословія. Парижъ, 1937, стр. 345; Ср. А. Спасскій: Русская церковно-историческая наука зародилась здѣсь“. Первая лекція по кафедрѣ общей церковной исторіи. Богосл. Вѣстникъ, 1903, I, 279.

Гумилевскаго, впоследствии архіепископа Черниговскаго († 1866), протоіерея А. В. Горскаго († 1875), арх. Іоанна Митропольскаго († 1914), Е. Е. Голубинскаго († 1912), В. О. Ключевскаго († 1911), А. П. Лебедева († 1908), Ф. А. Терновскаго († 1884), П. С. Казанскаго († 1878), Н. П. Субботина († 1905), Н. Ф. Каптерова († 1917), С. К. Смирова († 1886) и др. Изъ этихъ крупныхъ именъ нужно особенно выдѣлить А. В. Горскаго, тридцать лѣтъ читавшаго этотъ предметъ. По своей чрезвычайной скромности и строгости къ себѣ, писалъ онъ немного, но какъ по обыкновенному обилію и глубинѣ знаній, такъ и по безграничной преданности наукѣ долго стоялъ во главѣ всей церковно-исторической работы въ Россіи.

Учился А. П. въ Московской Академіи съ 1876 до 1880 г., а это было счастливое для церковной исторіи время, ея, можно сказать, медовый мѣсяцъ. Въ эти годы уже сказались благіе результаты академической реформы 1869 г. Уставъ 1869 г. кореннымъ и самымъ счастливымъ образомъ измѣнилъ постановку изученія исторіи. Прежде всего онъ вчетверо увеличилъ число кафедръ историческихъ предметовъ. Тогда какъ до этого устава въ академіи было лишь двѣ-три такихъ кафедры, да и тѣ считались второстепенными, такъ что баллы по исторіи не принимались во вниманіе, новый уставъ установилъ ихъ 8: четыре кафедры церковной исторіи — древней (А. П. Лебедевъ), новой (Д. Ф. Касицынъ), русской (Н. Ф. Каптеревъ) и раскола (Н. И. Субботинъ), три гражданской — древней (П. С. Казанскій), новой (Д. Д. Корольковъ) и русской (В. О. Ключевскій) и одну — библейской (А. П. Смирновъ). Преподавались и вспомогательные предметы — священная и историческая географія, библейская и церковная археологія. Господствовавшее раньше въ академіи вѣроисповѣдно полемическое направленіе смѣнилось строго научнымъ критическимъ. Съ введеніемъ въ жизнь новаго устава начались довольно частые публичные диспуты, при чемъ нѣкоторые были цѣлымъ общественнымъ событіемъ и привлекали къ себѣ вниманіе не одного лишь московскаго ученаго люда.

Спеціализація была проведена не только въ отношеніи учащихся, но и у учащихся. Академія была подѣлена на три отдѣленія или факультета: богословское, церковно-историческое и практическое. И церковно-историческое, куда поступилъ А. П., по единогласному свидѣтельству современниковъ А. П., по подбору профессоровъ стояло на первомъ мѣстѣ. „У историковъ были все свѣтила науки, или настоящія или будущія“, какъ будто съ завистью пишетъ проф. М. Д. Муретовъ († 1917), старшій товарищъ (1873—1877) А. П., „П. С. Казанскій, Е. Е. Голубинскій, Н. Н. Субботинъ. Даже

юнцы тогдашніе смотрѣли уже будущими богатырями науки — А. П. Лебедевъ и В. О. Ключевскій“. (Изъ воспоминаній студента, Б. Вѣстникъ, 1915, 12, 770).

„Наиболѣе богато по ученымъ силамъ въ наше время“, пишетъ уже однокурсникъ А. П., „было церковно-историческое отдѣленіе Академіи. Тамъ что лекторъ, то оригинальность и научная сила: Василій Александровичъ Соколовъ и Николай Феодоровичъ Каптеревъ и въ то время были уже хозяевами въ своей области, а Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, Евгеній Евстигнѣевичъ Голубинскій и Василій Осиповичъ Ключевскій были уже восшедшими звѣздами на ученой тверди: первый при насъ защитилъ свою докторскую диссертацию; второй напечаталъ 1-ю половину 1-го тома своей знаменитой „Исторіи Русской Церкви“; третій былъ уже докторъ исторіи и очаровывалъ слушателей своихъ какъ самобытнымъ, свѣжимъ и смѣлымъ содержаніемъ своихъ лекцій, такъ и особеннымъ, чисто художественнымъ даромъ произнесенія ихъ“¹⁾).

Особенно большое вліяніе имѣлъ на А. П. проф. А. П. Лебедевъ. Онъ былъ не только плодовитымъ ученымъ съ европейскимъ именемъ, но и вдохновителемъ и умѣлымъ руководителемъ начинающихъ научныхъ работниковъ и успѣлъ создать цѣлую церковно-историческую школу. Подъ его руководствомъ было написано болѣе десятка цѣнныхъ диссертаций и цѣлый рядъ его учениковъ со славой подвизался потомъ въ высшей школѣ. Кромѣ А. П. назову, напр. И. Мартынова, Н. Лебедева, Н. Глубоковскаго, И. Андреева. А. Спасскаго.

Духовная школа того времени придавала гораздо болѣе значенія систематическому пріученію своихъ питомцевъ къ самостоятельной творческой работѣ, чѣмъ пассивному воспріятію профессорскихъ лекцій. Въ этомъ состояло ея главное отличіе и, думаемъ, не малое преимущество предъ школой свѣтской. Уже въ семинаріяхъ, помимо устныхъ отвѣтовъ, ученики обязаны были написать цѣлый рядъ такъ называемыхъ „сочиненій“, а въ академіяхъ, въ особенности въ Московской, такъ называемые „семестряки“ и кандидатское сочиненіе цѣнились гораздо выше, чѣмъ отвѣты на экзаменахъ. Баллъ за семестровое сочиненіе въ Московской академіи значилъ четыре раза болѣе, чѣмъ баллъ за устный экзамень, а баллъ за кандидатское сочиненіе 12 разъ. И сами студенты письменными работами интересовались гораздо больше чѣмъ лекціями и экзаменами. „Мы этой работой за-

¹⁾ Студентъ семидесятихъ годовъ. Краткія воспоминанія о Московской Духовной Академіи въ періодъ 1876—1880 г. Въ сборникѣ „У Троицы въ Академіи“, Москва, 1914, стр. 187—188.

нимались съ увлеченіемъ“¹⁾), пишетъ проф. Муретовъ, „и неразгибаясь сидѣли надъ ней цѣлые дни“. Неудивительно, что работы эти нерѣдко превращались въ настоящіе ученые труды. „Курсовыя и кандидатскія письменныя работы, на заданныя профессорами темы (изъ области психологіи, философіи, библейской и церковной общей исторіи, русской исторіи“), пишетъ самъ А. П. въ своей автобіографіи, „сообщили интересъ къ церковно-исторической наукѣ, втянули въ научную работу, дали извѣстный навыкъ къ ней и освоили съ методологическими приѣмами исторической науки“.

И первые научные труды А. П. возникли именно такимъ путемъ еще на школьной скамьѣ. Три первыя его печатанныя работы по церковной исторіи, помѣщенные въ духовныхъ журналахъ, являются семестровыми сочиненіями, а его магистерскій трудъ былъ переработкой кандидатской студенческой работы. Изъ историческихъ предметовъ А. П. своею спеціальностью избралъ общую церковную исторію и работалъ въ этой области главнымъ образомъ подъ руководствомъ самого основателя русской церковно-исторической школы проф. А. П. Лебедева. Главный интерес его работы сосредоточился на раннемъ византійскомъ періодѣ, которому посвящены какъ его обѣ ученыя диссертациі такъ и большинство статей, а изъ разныхъ сферъ церковной жизни всего болѣе интересовала его въ то время сфера наиболѣе важная и глубокая, занимающая въ ней центральное мѣсто, — эволюція религіознаго сознанія, выражающаяся въ догматической формулировкѣ. Въ этомъ отношеніи А. П. имѣлъ достойныхъ себѣ предшественниковъ и соработниковъ. Въ его время русская церковно-историческая наука уже вышла изъ стадіи заимствованія и подражанія наукъ западно-европейской на самостоятельный путь, и церковно-историческіе труды его учителей и современниковъ А. П. Лебедева, Н. Н. Глубоковскаго, В. В. Болотова и др. обратили на себя заслуженное вниманіе западнаго ученаго міра, какъ по своей свѣжести и самостоятельности, такъ и по своей широкой и глубокой эрудиціи. Крупнѣйшіе европейскіе ученые Адольфъ Гарнакъ²⁾, Бонвечъ³⁾, Эдуардъ Шварцъ, Крумбахеръ, увидѣли, что нельзя быть *au courant* церковно-исторической науки, не слѣдя за наукой русской и одни изъ нихъ (Гарнакъ и Бонвечъ) воспользовались знаніемъ русскаго языка,

¹⁾ А проф. Н. Н. Глубоковскій пишетъ, что въ научномъ творчествѣ „всѣ видѣли не формальный долгъ, а морально обязательную задачу, которую исполняли по совѣсти и съ увлеченіемъ, хотя бы и не безъ увлеченій“. (У Троицы въ Академіи, Москва, 1914, стр. 740).

²⁾ Гарнакъ первые 23 года жизни (1851—1874) жилъ въ Юрьевѣ.

³⁾ Нафанаиль Бонвечъ первые годы жизни (1848—1872) провелъ въ Россіи, а затѣмъ позднѣе (1878—1891) былъ профессоромъ Юрьевскаго университета.

полученнымъ еще въ Россіи, а другіе (Шварцъ, Крумбахеръ) даже специально изучили его, только для того, чтобы ознакомиться съ трудами русскихъ церковныхъ историковъ. Высокую оцѣнку этой русской церковно-исторической школы далъ не такъ давно современный крупный ученый, ректоръ Мюнхенскаго университета и членъ Академіи наукъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Петроградѣ, Эдуардъ Шварцъ, въ примѣчаніи къ своей статьѣ „О вселенскихъ соборахъ отъ Θεодосіа до Юстиніана“. Говоря о дѣятельности Іоанна Ефесскаго, онъ замѣчаетъ: „Подробнѣе объ этомъ пишетъ, на основаніи сообщеній Іоанна Ефесскаго въ его Церковной исторіи, реконструкція которой является одной изъ важнѣйшихъ задачъ научнаго изслѣдованія для ориенталистовъ, русскій ученый Дьяконовъ въ своей книгѣ: „Іоаннъ Ефесскій и его церковно-историческіе труды“. Онъ, какъ и мой другъ и соработникъ Бенешевичъ, Лебедевъ и др., принадлежитъ къ небольшому, но избранному сонму изслѣдователей. Эти русскіе ученые, во главѣ съ великимъ и въ значительной мѣрѣ вдохновленнымъ Делагардомъ церковнымъ историкомъ и ориенталистомъ Болотовымъ въ эпоху, предшествующую войнѣ, сдѣлали русскую науку о древнегреческой и славянской церкви равносильной соперницей („ebenbürtigen Rivalin“) науки европейской. Революція съ пролетарской жестокостью сорвала этотъ цвѣтокъ; эти дѣльные люди, если еще живы, влачатъ существованіе, страданія котораго не въ силахъ описать никакое перо. Главной ихъ заботой является спасти для науки ихъ работы и собраніе матеріаловъ изъ библиотекъ восточныхъ монастырей. Надѣюсь, что мои слова найдутъ отголосокъ въ Германіи и внѣ ея“¹⁾.

¹⁾ E d u a r d S c h w a r t z. Über die Reichskonzilien von Theodosius bis Justinian. Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, XLII Band. Kanonistische Abtheilung XI, Weimar, 1922, S. 248. „Das Nähere darüber gibt, nach den Mitteilungen des Johannes in seiner Kirchengeschichte, die zu rekonstruieren eine der wichtigsten Aufgaben der orientalistischen Forschung ist, der russische Gelehrte Diakonoff in seinem vorzüglichem, 1908 in Petersburg erschienenen Buche „Johannes der Epheser und seine kirchengeschichtlichen Werke“. Er gehört, wie mein Freund und Mitarbeiter Beneschewitsch, Lebedeff u. a. zu der kleinen, aber erlesenen Schaar von Forschern, die in Nachfolge des grossen, von Lagarde stark angeregten Kirchenhistorikers und Orientalisten Bolotoff in dem Menschenalter vor dem Krieg die russische Wissenschaft von der alten griechischen und slawischen Kirche zu einer ebenbürtigen Rivalin der europäischen gemacht haben. Die Revolution hat diese Blüte mit proletarischen Grausamkeit geknickt; soweit sie noch leben, führen die wackeren Männer eine Existenz, deren Elend zu schildern keine Feder vermag. Ihre grösste Sorge ist, ihre Arbeiten und Materialsammlungen aus den Bibliotheken der orientalischen Klöster für die Wissenschaft zu retten. Höffentlich finden meine Worte in oder ausserhalb Deutschlands ein Echo“.

Столь же высокую оцѣнку русскому богословію даетъ Ch. Birckbeck въ книгѣ: „Hindrances to christian unity“, p. 9, ссылаясь на А. Гарнака.

Такъ писалъ нѣмецкій ученый въ 1921 г., а въ 1872 г. совсѣмъ иначе оцѣнивалъ русскую церковно-историческую науку ученый русскій — профессоръ Московскаго университета Иванцовъ Платоновъ „У насъ по церковной исторіи — писалъ онъ — не сдѣлано и десятой доли того, что сдѣлано на Западѣ“¹⁾. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ русская наука церковной исторіи успѣла догнать науку европейскую и пошла въ уровень съ нею.

И вотъ, къ сонму работниковъ, успѣвшихъ за такой недолгой срокъ сравнять русскую науку съ европейской, принадлежалъ и А. П.

Его магистерскій трудъ озаглавленъ: „Сочиненіе Факунда, епископа Герміанскаго въ защиту трехъ главъ (изъ эпохи пятаго вселенскаго собора)“ и напечатанъ въ Москвѣ въ 1880. Факундъ, епископъ Герміаны, въ африканской провинціи Визацена, былъ однимъ изъ вождей оппозиціи противъ Юстиніана, который настаивалъ на осужденіи трехъ главъ, т. е. Θεодорита Киррскаго, Θεодора Мопсуестійскаго и Ивы Едесскаго за ихъ несторіанское направленіе. Въ ихъ защиту Факундъ и написалъ свой трудъ „Pro defensione trium capitulorum“ (Migne, Patrol. ser. lat., 67, 1527—1852) и въ 548 году послалъ его императору. Самъ Факундъ былъ совершенно чуждъ несторіанскихъ тенденцій, но онъ выступилъ въ защиту несторіанствующихъ во имя свободы церкви отъ вмѣшательства свѣтской власти, во имя авторитета Халкидонскаго собора. Тему диссертациі А. П. далъ проф. А. П. Лебедевъ, въ то время заканчивавшій свою диссертацию о первыхъ вселенскихъ соборахъ и ооратившій вниманіе на крупный пробѣлъ исторической науки въ выясненіи предшествующей исторіи V вселенскаго собора. Трудъ А. П. является такимъ образомъ продолженіемъ и дополненіемъ работы его учителя. Трудъ этотъ сразу же выдвинулъ А. П. въ первые ряды работниковъ на церковно-исторической нивѣ. На него обратили вниманіе не только въ Россіи, но и за границей. Самъ корифей нѣмецкаго протестантскаго богословія Адольфъ Гарнакъ, жившій въ молодости въ Юрьевѣ и знавшій русскій языкъ, посвятилъ труду А. П. въ „Theologische Literaturzeitung“ (1880, № 26, SS. 632—635) довольно обширный и, какъ пишетъ самъ А. П., „лестный“ отзывъ. Дѣйствительно, въ отзывѣ есть не мало лестныхъ строкъ по адресу не только А. П., но и русской церковно-исторической науки вообще, хотя панегирикомъ его нельзя назвать, а кое-гдѣ въ немъ звучатъ нотки протестантскаго самодовольства. Благодаря любезности проф. Г. В. Флоровскаго,

¹⁾ Первые лекціи по исторіи христіанской церкви въ Моск. университетѣ. Москва, 1872, стр. 75.

мнѣ удалось достать этотъ отзывъ, который будетъ храниться въ архивѣ Института, а здѣсь позволю себѣ привести изъ него нѣсколько строкъ. Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію изученія V вселенскаго собора, Гарнакъ продолжаетъ: „Защита трехъ главъ составляетъ послѣднюю и не худшую страницу въ славной исторіи Сѣверо-Африканской церкви. Но, правильно замѣчаетъ авторъ настоящей монографіи (т. е. А. П. Доброклонскій, прим. С. Т.) немногіе до сихъ поръ изучали эту страницу. Точно также она болѣе выдающихся противникахъ церковной политики Юстиніана, каковъ, на примѣръ, Факундъ, можно почерпнуть очень скудныя свѣдѣнія даже у такихъ лицъ, какъ Александръ Натальсь, Сейе (Ceiller), не говоря уже о нынѣшнихъ авторахъ. Такимъ образомъ, русскому ученому принадлежитъ та заслуга, что онъ первый изслѣдовалъ трудъ выдающагося епископа Германскаго „Pro defensione trium capitulorum“ и выяснилъ его связь съ исторіей того времени. Это изслѣдованіе было имъ произведено самостоятельно и основательно. Авторъ всюду черпаетъ матеріаль изслѣдованія изъ самыхъ источниковъ и при этомъ проявляетъ широкое знаніе всей, нѣмецкой и французской литературы вопроса. Такая освѣдомленность вообще проявляется въ цѣломъ рядѣ болѣе новыхъ русскихъ церковно-историческихъ монографій и создаетъ очень благопріятное впечатлѣніе о богатствѣ Московской бібліотеки и руководствѣ въ использованіи ея“¹⁾.

И въ дальнѣйшемъ изложеніи рецензентъ находитъ догматическую критику ученія Факунда у автора удачной, анализъ содержанія сочиненія Факунда точнымъ, датировку труда убѣдительною, автора называетъ богословомъ, обладающимъ богатой эрудиціей, а въ заключеніи говоритъ, что труды православныхъ стоятъ выше, чѣмъ труды историковъ католическихъ, искажающихъ исторію во имя современныхъ тенденцій католичества. Какъ на недостатки труда Гарнакъ ука-

¹⁾ „Vertheidigung der „drei Capitel“ bildet das letzte und nicht das schlechteste Blatt in der ruhmvollen Geschichte der nordafrikanischen Kirche. Aber, sagt der Verfasser vorstehender Monographie mit Recht, Wenige noch haben bisher dieses Blatt studirt und auch über der bedeutendsten Gegner der Justinianischen Kirchenpolitik Facundus erfährt man selbst bei Alexander Natalis und Ceillier, von den Modernen zu schweigen, nur ganz Ungenügendes (S. 6 f.). So gebührt dem russischen Gelehrten das Verdienst, zum ersten Male das Hauptwerk des charaktervollen Bischofs von Hermiane „pro defensione trium capitulorum“ untersucht und im Zusammenhang mit der Geschichte der Zeit gewürdigt zu haben. Diese Untersuchung ist von ihm selbständig und gründlich geführt worden. Der Verf. schöpft überall aus den Quellen selbst und zeigt dabei eine umfassende Kenntniss der gesamten einschlagenden deutschen und französischen Literatur. Diese Kenntniss zeichnet überhaupt eine Reihe der neueren russischen Kirchenhistorische Monographien aus und erweckt sehr günstige Vorstellungen über den Umfang der Moskauer Bibliothek und über die Anleitung zu ihrer Benutzung“.

зываетъ на его растянутость, на недостаточное выясненіе тонкой политики Юстиніана и придворныхъ богослововъ и, наконецъ, на то, что авторъ всюду стоитъ на точкѣ зрѣнія, свойственной его церкви. Конечно, послѣдній недостатокъ, являющійся таковымъ для протестанта Гарнака, съ православной точки зрѣнія является великимъ достоинствомъ.

Благодаря рецензій, трудъ А. П., такъ сказать, вошелъ въ обиходъ западно европейской науки, и напр., лучшей протестантскій богословскій словарь Герцога—Гаука *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche* (3 Aufl. B. 5, S. 733), также какъ и Патрологія Барденгевера (Freiburg, 1932, S. 322) и словарь классической древности Pauly-Wissowa (Stuttgart, 1909 s. v. Facundus) ссылаются на трудъ А. П., какъ на единственную въ міровой литературѣ монографію о Факундѣ.

Тѣ же достоинства, которыя были отмѣчены Гарнакомъ въ первомъ крупномъ научномъ трудѣ А. П., отличаютъ и всѣ его дальнѣйшія работы.

Полная самостоятельность, работа по первоисточникамъ и въ то же время широкое и даже исчерпывающее знаніе литературы предмета, точность до щепетильности въ пользованіи матеріаломъ и строгій неподкупный критицизмъ, не останавливающійся передъ выводами, противными общепринятымъ взглядамъ и видамъ сильныхъ міра сего — таковы отличительныя качества всѣхъ его печатныхъ (24) и рукописныхъ (6) работъ. Вѣрный сынъ Православной церкви, онъ въ то же время былъ истиннымъ ученымъ, ученымъ Божіею милостью, и историческая истина всегда была у него на первомъ планѣ. Никогда не поступался онъ ею въ угоду предвзятымъ мнѣніямъ, кому бы они не принадлежали. Какъ и его учитель А. П. Лебедевъ онъ зналъ, что „православіе стоитъ выше практической жизни церкви и ничего не теряетъ, если бы въ этой фактической сторонѣ церкви не все оставалось въ томъ видѣ, какъ было раньше“.

Другимъ крупнымъ трудомъ А. П. по общей церковной исторіи является его докторская диссертация: „Преподобный Θεодоръ Исповѣдникъ и игумень Студійскій“. I часть: Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса. 1913 г. XX+972+XC+10; II часть, выпускъ I, Одесса, 1914 г. ¹⁾.

Повидимому А. П. выбралъ именно эту тему для своего главнаго труда не только по характеру своихъ личныхъ научныхъ интересовъ, но и подъ вліяніемъ замѣтки извѣстнаго византиста проф. Θ. И. Успенскаго, который въ своихъ

¹⁾ Сначала этотъ трудъ А. П. печатался въ „Ученыхъ запискахъ Новороссійскаго Университета“ за 1913 и 1914 г., а потомъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ.

„Очеркахъ по исторіи византійской образованности“ въ 1891 г. высказалъ мнѣніе, что „жизнь этого замѣчательнаго борца воинствующей церкви достойна всесторонняго изученія и можетъ быть привлекательной темой для ученой диссертациі“. На эти слова Успенскаго А. П. ссылается въ своей диссертациі¹⁾ и ихъ онъ взялъ ея эпиграфомъ.

Этотъ трудъ А. П. поражаетъ прежде всего своей монументальностью. Онъ обнимаетъ два громадныхъ тома, насчитывающихъ болѣе двухъ тысячъ страницъ мелкой печати, при чемъ около трети труда занимаютъ примѣчанія, напечатанныя петитомъ. Такимъ образомъ, трудъ А. П. по объему является, если не самымъ крупнымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ докторскихъ диссертациій, вообще далеко превышающихъ обычный типъ диссертациій иностранныхъ, напр. нѣмецкихъ. Но, конечно, не въ этомъ его значеніе. И по своему научному достоинству трудъ этотъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской, да и въ міровой церковно-исторической литературѣ. Автору онъ принесъ не только высшую ученую степень доктора церковной исторіи, но и двѣ ученыхъ преміи: Академія Наукъ въ 1915 г. признала этотъ трудъ достойнымъ преміи имени М. Н. Ахматова, а русскій Святѣйшій Синодъ далъ автору въ 1917 году полную премію митрополита Макарія. Высоко оцѣнила его и ученая критика.

„Трудъ этотъ“, пишетъ напр. проф. Н. С. Гроссу, незадолго передъ тѣмъ выпустившій свой трудъ на ту же тему, „выполненъ авторомъ съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ требованій. Въ немъ все носитъ на себѣ отпечатокъ глубокаго пониманія эпохи преподобнаго Θεодора Студита и самаго обстоятельнаго изслѣдованія его многосложной и многоплодной дѣятельности... А. П. Доброклонскій сумѣлъ обогатить науку новыми пріобрѣтеніями. Онъ обратилъ прежде всего вниманіе на изображеніе эпохи преп. Θεодора, и справедливость требуетъ признать, что картина религіозно-церковной жизни и нравственнаго состоянія Византіи въ вѣкъ иконоборчества у него вышла яркая и вышуклая...“

Далѣе авторъ выяснилъ вопросъ объ источникахъ для біографіи преп. Θεодора и о состояніи литературы предмета. Здѣсь мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить, что онъ изучилъ рукописныя сокровища нашихъ и заграничныхъ книгохранилищъ, нашелъ въ нихъ много новаго матеріала и потому оказался въ состояніи весьма широко поставить задачи своего изслѣдованія“.

Далѣе рецензентъ признаетъ, что въ обстоятельномъ изложеніи свѣдѣній о жизни и дѣятельности преп. Θεодора

¹⁾ Томъ I, стр. 273.

у А. П. „... по сравненію съ предшествующими работами въ этой области мы находимъ ... болѣе подробныя трактации разныхъ біографическихъ и историческихъ деталей, болѣе обширныя выдержки изъ документовъ, болѣе обстоятельное выясненіе разныхъ хронологическихъ и историческихъ вопросовъ и весьма значительное количество экскурсовъ частнаго характера“¹⁾).

Нужно сказать, однако, что въ общемъ степень научнаго признанія докторской диссертации А. П. не соотвѣтствовала затраченному на нее труду. А. П. удачно избралъ тему своей работы, ибо когда онъ началъ свой трудъ, въ научной литературѣ, какъ русской, такъ и заграничной, не было кромѣ работы Томаса²⁾, ни одного значительнаго труда на эту тему, но необычайная научная добросовѣстность заставила А. П. слишкомъ много лѣтъ, во всякомъ случаѣ болѣе десятилѣтія, посвятить своей работѣ, и кромѣ того, закончивъ первую часть, онъ нѣсколько лѣтъ не выпускалъ ее въ свѣтъ, ожидая окончанія второй, а между тѣмъ за то время этотъ зіяющій пробѣлъ въ наукѣ одновременно обратилъ на себя вниманіе въ разныхъ странахъ и еще прежде, чѣмъ А. П. успѣлъ выпустить первый томъ своего изслѣдованія, въ Германіи былъ написанъ трудъ Шнейдера³⁾, во Франціи труды Паргуара⁴⁾ и аббата Марена⁵⁾, въ Англіи — Алисы Гарднеръ⁶⁾ и, наконецъ, въ Россіи вышла магистерская диссертация профессора Н. С. Гроссу⁷⁾ и обширная статья проф. И. И. Соколова⁸⁾.

„Эти труды, пишетъ самъ А. П. въ добавленіи къ указателю цитируемыхъ въ изслѣдованіи сочиненій и изданій, посвященномъ трудамъ Гроссу и Соколова (стр. XX), — предупредивъ выходъ въ свѣтъ нашего изслѣдованія, тѣмъ самымъ лишили его новизны и отчасти обезцѣнили его въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но не думаемъ, чтобы послѣ нихъ оно стало излишнимъ, какъ не думалъ этого послѣ другихъ трудовъ, предшествовавшихъ ему“.

1) Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи 1914, апрѣль, стр. 614—628.

2) C. Thomas, Theodor von Studion und sein Zeitalter, Osnabr, 1892.

3) G. A. Schneider. Der heil. Theodor von Studion, Münster, 1900.

4) I. Pargoire. S. Theophane le Chronographe et ses rapport avec S. Théodore Stud. („Визант. Врем.“ IX/1902, 3 — 102).

5) L'Abbé Marin. Saint Théodore, Paris, 1906.

6) Alice Gardner. Theodor of Studium, London, 1905. Dobschütz называетъ этотъ трудъ „eine vortreffliche Biographie“ Prot. R. E. 24, 561.

7) Н. Гроссу Пр. Θεодоръ Студитъ, его время, жизнь и творенія. Кіевъ, 1907. О трудѣ Гроссу упоминаетъ и Добшютцъ (I. c.).

8) И. И. Соколовъ. „Преподобный Θεодоръ Студитъ, его церковно-общественная и богословско-научная дѣятельность“. Спб. 1906 (См. А. П. Доброклонскій Преп. Θεодоръ... I, стр. XVII и 256).

Мы уже видѣли, что и самъ Н. Ст. Гроссу признаетъ трудъ А. П. не только не излишнимъ, но и значительно превосходящимъ какъ его собственный трудъ, такъ и всѣ предшествовающіе труды.

Не посчастливилось труду А. П. и въ другомъ отношеніи. Первый его томъ вышелъ наканунѣ великой войны, а второй — во время войны. Сношенія Россіи съ западнымъ ученымъ міромъ были прерваны, вниманіе было отвлечено на другіе предметы, такъ какъ *inter arma silent musae*, почему трудъ А. П. на западѣ прошелъ сначала какъ то незамѣченнымъ и только въ послѣднее время на него обратила вниманіе нѣмецкая и французская литература.

Помѣшала война и ея послѣдствія и завершенію главнаго труда А. П. Второй выпускъ второй части не былъ написанъ, такъ какъ заготовленныя для него выписки изъ древнихъ рукописей, собранныя А. П. въ заграничныхъ и другихъ научныхъ книгохранилищахъ, вмѣстѣ съ его замѣтками, остались въ Одессѣ за невозможностью вывезти ихъ во время эвакуаціи.

Изъ другихъ работъ А. П. по общей церковной исторіи слѣдуетъ упомянуть прежде всего его обширный литографированный курсъ лекцій по общей церковной исторіи на сербскомъ языкѣ, написанный подъ сильнымъ вліяніемъ трудовъ А. П. Лебедева, а затѣмъ рядъ журнальныхъ статей.

Нужно отмѣтить также три его рецензіи, и довольно строгія, на труды по общей церковной исторіи, а именно:

1) на книгу д-ра Микиеля, Апостольски мужеви, (Богословье, 1926, св. 2).

2) Проф. Поснова, Первыятъ вселенски Съборъ и неговото църковно-историческо значение (*ibid*, 1927, св. 1).

3) Patterson'a, Theodore of Mopsuestia and modern thouth, London, 1926, (*ibid*, 1930, св. 2)

Если мы отъ этого перечня трудовъ А. П. перейдемъ къ вопросу о томъ, что именно, какая область церковной исторіи всего болѣе интересовала А. П., то, повидимому, должны признать, что всего болѣе интересовала его та тема, которая, по словамъ Ранке, составляетъ главное содержаніе всемірной исторіи — взаимное отношеніе церкви и государства и въ связи съ этимъ защита церковной свободы. Не случайно предметомъ обѣихъ своихъ диссертаций онъ избралъ дѣятельность двухъ защитниковъ независимости церкви, одного на западѣ, другого на востокѣ. Въ своей докторской диссертации онъ не ограничивается подробнѣйшимъ изложениемъ дѣйствій Θεодора и его партіи въ защиту церковной свободы, а даетъ обширный и основательный экскурсъ, весьма цѣнный для канониста, о предшествовавшей Θεодору исторіи взаимоотношеній церкви и государства въ Византіи (стр 55—

100). Человѣкъ правыхъ политическихъ убѣжденій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко понималъ, чувствовалъ и цѣнилъ церковную свободу и всегда былъ противъ вторженія грубой силы въ святое святыхъ человѣческой души. Его обычная спокойная манера изложенія событій, манера лѣтописца, смѣняется воодушевленіемъ и подчасъ доходитъ до лирическаго пафоса, когда переходитъ онъ къ итогам борьбы своего героя — Θεодора въ защиту церковной свободы.

„Чѣмъ чаще напоминалось о традиціонномъ принципѣ раздѣленія властей (государственной и церковной), свободы церкви, какъ института, и общеобязательности канонівъ, — принципѣ, освященномъ апостольскимъ и соборнымъ правилами, словомъ и примѣромъ св. отцовъ, прошлой исторіей и законодательствомъ Византіи, чѣмъ шумнѣе велась защита принципа и чѣмъ суровѣе карались правонарушители, тѣмъ болѣе и болѣе возбуждалось общественное вниманіе въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе поддерживался данный принципъ въ общественномъ сознаніи“, — пишетъ А. П. „Такъ и случилось, что онъ (т. е. Θεодоръ) не только не умеръ въ сознаніи византійскаго общества до самаго паденія Византіи, но и былъ живымъ мѣриломъ, по которому большинство трактовало случившіяся правонарушенія въ этомъ отношеніи, именно, какъ правонарушенія и злоупотребленія. И сами императоры, сколько не стремились подчинить своей власти управленіе дѣлами церкви, не смогли и не дерзнули вытравить изъ византійскаго законодательства этотъ принципъ“ (Преп. Θεодоръ .. I, 969—970).

Всего охотнѣе обращается А. П. къ этой темѣ и въ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ, напр. въ статьѣ о вселенскихъ соборахъ, объ акривіи и экономіи, объ отношеніи европейскихъ правительствъ къ католичеству. Но онъ не смѣшивалъ церковной свободы съ клерикализмомъ. Глубоко вѣрующій человѣкъ, онъ далеко не былъ клерикаломъ, и въ его трудахъ найдется не мало горькихъ словъ по адресу „дряблой“, по его выраженію, византійской іерархіи.

„Какъ только онъ (императоръ) переходитъ свои предѣлы и посягаетъ на права и интересы вѣры и церкви, тогда и церковная власть переходитъ отъ повиновенія къ противодѣйствію; въ этомъ ея долгъ и честь“, пишетъ онъ (стр. 60), и въ тоже время констатируетъ, что этого своего долга іерархія не исполнила.

„Большинство епископовъ „пассивно“ терпѣли вмѣшательство императоровъ въ церковныя дѣла; другіе же сами давали поводъ и пищу императорскому абсолютизму“ (77).

Не на іерархіи держалась церковная свобода. Подобно тому, какъ въ періодъ гоненій кровь мучениковъ, по словамъ Тертуліана, была сѣменемъ христіанъ, такъ въ эпоху

государственной церкви свобода церковная покоилась на личных подвигах отдельных христианских героев, по большей части изъ монашества. „Въ противоположность іерархіи, пишетъ А. П., монашество держалось съ удивительной стойкостью, и изъ среды монаховъ вышло много мучениковъ и исповѣдниковъ за иконопочитаніе“ (стр. 96). Вотъ почему такіе герои борьбы за церковную свободу и живые символы этой свободы, какъ Θεодоръ Студитъ, такъ привлекали къ себѣ А. П. и побудили его посвятить имъ столько труда и многіе, многіе годы своей долговѣчной жизни.

Кругъ научныхъ интересовъ А. П., какъ богослова, далеко не ограничивался областью церковной исторіи, всеобщей и русской. Его работы по исторіи догматическихъ движеній въ древней Византіи сообщили ему интересъ и дали прекрасную подготовку къ разработкѣ чисто догматическихъ вопросовъ, которую онъ и примѣнилъ на дѣлѣ, написавъ по порученію Сербскаго синода объемистую работу: „Христианскія хетеродоксалныя церкви (къ вопросу о соединеніи ихъ съ православной и о *intercommunion in sacris*)“. „Послѣ краткаго указанія критерія, коимъ православная церковь должна руководиться и руководится при рѣшеніи вопроса о соединеніи церквей, пишетъ А. П. въ своей автобіографіи, въ Трактатѣ разсматриваются подъ этимъ критеріемъ благопріятныя условія и неблагопріятныя условія къ соединенію православной и иностранныхъ церквей — англиканской, старокатолической, армянской, іаковитской, коптской, абиссинской, несторіанской (сирохалдейской). Оставлены въ сторонѣ римокатолическая, которая въ лицѣ своего главы, римскаго папы, заявила нежеланіе участвовать въ междувѣроисповѣдныхъ конференціяхъ и конгрессахъ, и протестантская (лютеранская и реформатская), въ корнѣ препятствующая органическому соединенію съ православной“.

Здѣсь А. П. пришлось разрѣшать цѣлый рядъ тонкихъ догматическихъ вопросовъ, различно рѣшаемыхъ автокефальными церквами, а практическіе выводы, связанные съ таковымъ разрѣшеніемъ, дѣлали эту работу очень отвѣтственной. Къ сожалѣнію, работа эта такъ и не напечатана.

Наконецъ, имѣютъ не малое значеніе работы А. П. и для церковнаго права. По важнѣйшему въ церковноправной области вопросу объ отношеніи церкви къ государству въ его трудахъ собранъ объемистый и притомъ всегда взятый изъ первоисточниковъ надежный матеріалъ. Нѣкоторыя его работы, напр. объ отношеніи европейскихъ правительствъ къ католичеству, объ акривіи и экономіи, съ неменьшимъ правомъ можно отнести къ церковному праву, чѣмъ къ церковной исторіи. Нужно сказать, однако, что въ этой области А. П. очень неохотно сходится съ чисто исторической почвы

и вступаетъ на путь выясненія догмы церковнаго права, а по большей части ограничивается сообщеніемъ фактическихъ данныхъ.

Такимъ образомъ, А. П. принадлежитъ къ числу не только крупныхъ, но и многостороннихъ работниковъ на полѣ богословской науки. Тотъ малый, но избранный сонмъ русскихъ изслѣдователей, о которомъ пишетъ Шварцъ, рѣдѣетъ не только въ Россіи подъ игомъ большевистскаго варварства, но и за границей подъ гнетомъ неумолимаго времени. И если даже въ Россіи, по свидѣтельству Шварца, главной заботой послѣднихъ изъ могиканъ русской церковно-исторической науки является сохраненіе ихъ научныхъ работъ и матеріаловъ, то тѣмъ болѣе объ этомъ должны позаботиться мы здѣсь за границей. И мнѣ кажется, что Русскій Научный Институтъ въ память своего достойнаго предсѣдателя долженъ прежде всего позаботиться объ изданіи его главныхъ трудовъ — лекцій по церковной исторіи и трактата о христіанскихъ неправославныхъ церквахъ.

В. В. Фармаковскій.

† А. П. ДОБРОКЛОНСКІЙ.

(По личнымъ воспоминаніямъ *).

Мое личное знакомство съ А. П. состоялось въ обширныхъ, но мрачныхъ и биткомъ набитыхъ трюмахъ англійскаго военнаго транспорта „Rio Pardo“, на который мы погрузились въ январѣ 1920 года при эвакуаціи г. Одессы. Трудно было ориентироваться въ этомъ скопленіи разнообразнѣйшихъ элементовъ эмиграціи, начиная съ генераловъ и профессоровъ и кончая украинскими хлѣборобами, сбитыми въ трюмахъ, мало приспособленныхъ для перевозки культурныхъ людей, но фигура Александра Павловича съ его сѣдой шевелюрой выдѣлялась, бросалась въ глаза и imponировала. 17 дней подневольной совмѣстной жизни въ трюмахъ при почти полномъ бездѣйствіи содѣйствовало болѣе близкому взаимному ознакомленію и мы за это время научились уважать Александра Павловича. Онъ показывалъ намъ постоянно примѣръ безграничной скромности и уваженія къ чужому я. Не смотря на свой высокій постъ заслуженнаго профессора и свой уже далеко не молодой возрастъ, онъ не уклонялся отъ общественныхъ обязанностей — чистки помѣщенія, уборки снѣга во время снѣжной метели, захватившей нашъ транспортъ на открытомъ морѣ, отъ раздачи провизіи, когда еще до разсвѣта трюмы оглашались крикомъ судового повара, англичанина, требовавшаго въ кухню „three strong man“! Мы видѣли, какъ А. П. былъ заботливъ по отношенію къ своей супругѣ Маріи Григорьевнѣ, которая раздѣляла съ нимъ тягости пребыванія въ I мужскомъ трюмѣ транспорта Rio Pardo, отказавшись отъ помѣщенія въ болѣе удобномъ дамскомъ трюмѣ.

При проходѣ Мраморнаго моря и Дарданеллъ А. П. да-

*) Рѣчь, произнесенная на Общ. Собр. Р. Н. И. 23.-III.-1938. Первая часть рѣчи, содержащая біографическія данныя, здѣсь не воспроизводится ввиду того, что автобіографія А. П. исчерпываетъ эти данныя.

валъ намъ объясненія о Троѣ и другихъ интересныхъ историческихъ мѣстахъ.

Послѣ выгрузки въ Салоникахъ и краткаго сравнительно пути желѣзной дорогою, наша группа эмигрантовъ обосновалась въ южно-сербскомъ гор. Враньѣ. Здѣсь мы прожили вмѣстѣ около 3-хъ мѣсяцевъ и познакомились еще ближе. А. П. принялся за изученіе сербскаго языка, а на досугѣ совершалъ большія пѣшеходныя экскурсіи въ окрестности. Онъ часто поражалъ насъ выносливостью, совершая, не смотря на свои 63 года прогулки во Враньскую баню и обратно, — а это полныхъ 25 километровъ по гористой мѣстности.

Болѣе тѣсное знакомство мое съ А. П. начинается, однако, въ Бѣлградѣ, гдѣ и онъ и я со своими ближайшими друзьями поселились по близости другъ отъ друга на окраинѣ города въ районѣ „Сеньяка“. По первому взгляду казалось, что между нами, сравнительно молодыми инженерами, и старымъ историкомъ и богословомъ, было мало общихъ интересовъ, но при ближайшемъ знакомствѣ нашлось много общихъ точекъ соприкосновенія и единомыслія, а главное мы узнали близко тѣ рѣдкія душевныя качества, которыя имѣлъ покойный Александръ Павловичъ и научились не только уважать его, но и сыновно любить его. Чисто русское широкое гостепріимство четы Доброклонскихъ дѣлало ихъ очагъ привлекательнымъ особенно для насъ, которые волею судьбы были тогда въ Бѣлградѣ совершенно одиноки. Мы скоро убѣдились, что у А. П. „по имени житіе“ — онъ дѣйствительно былъ Доброклонскимъ — человекомъ, склоннымъ къ добру, человекомъ чистой, благостной души. Человекомъ, который не только не причинялъ зла окружающимъ, но наоборотъ всегда стремился активно дѣлать всякое добро людямъ, не смотря на свое тяжелое въ ту пору матеріальное положеніе.

А. П. былъ работникомъ во всѣхъ смыслахъ этого слова, работникомъ педантичнымъ и добросовѣстнымъ. Безконечно много работалъ онъ при основаніи при Бѣлградскомъ Университетѣ Православнаго Богословскаго Факультета, какъ при выработкѣ его „уредбы“, такъ и при избраніи первыхъ наставниковъ этого Факультета и при организаціи преподаванія, чѣмъ и заслужилъ завидное уваженіе своихъ коллегъ и сыновнюю любовь своихъ учениковъ. Безконечно много работалъ А. П. дома за своимъ письменнымъ столомъ, читая книги по своей спеціальности и занимаясь своими собственными учеными трудами. Все свободное время А. П. работалъ по дому. Онъ самъ пилилъ и кололъ дрова, копалъ землю въ саду, поливалъ цвѣты и исполнялъ другія тяжелыя работы, облегчая труды своей супругѣ. Мнѣ никогда, до самыхъ послѣднихъ дней его жизни, не приходилось ви-

дѣтъ А. П. совершенно празднымъ — онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ. А его педантичность въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей была также безгранична. Недомоганія и даже серьезныя болѣзни не могли его отклонить отъ исполненія служебныхъ и общественныхъ обязанностей и онъ во время болѣзни всегда принималъ и студентовъ и другихъ лицъ, имѣющихъ къ нему дѣло, у себя на дому, лежа въ постели.

Писалъ свои работы А. П. бисернымъ, очень сжатымъ, но и очень четкимъ, разборчивымъ почеркомъ, причемъ употреблялъ исключительно гусиные перья, которыя онъ самъ гдѣ то добывалъ и съ мастерствомъ ихъ чинилъ. Это была интересная и характерная особенность А. П.

Покойный А. П. былъ глубокимъ созерцателемъ природы и ея страстнымъ любителемъ. Свои досуги онъ посвящалъ въ то время, когда былъ помоложе — охотѣ, а въ старости — рыбной ловлѣ. Случалось, что онъ часами просиживалъ здѣсь на Савѣ съ удочкой и съ гордостью приносилъ свою добычу домой! Еще болѣе, пожалуй, любилъ А. П. цвѣтоводство. Онъ самъ и сѣялъ и выращивалъ цѣлыя заросли цвѣточной разсады, поливалъ и выращивалъ обильный и красивый цвѣтникъ. Большую радость можно было доставить А. П., привезя ему какія-нибудь новыя сѣмена, луковицы, растенія. Еще прошлымъ лѣтомъ приходилось мнѣ заставать восьмидесятилѣтняго А. П. съ поливальнойницей въ саду. Любилъ также А. П. и домашнихъ животныхъ. Все это вмѣстѣ выявляло его исключительную душевную красоту и доброту.

А. П. былъ вѣрующій православный христіанинъ, но совершенно былъ чуждъ всего показного въ своей глубокой и искренней вѣрѣ. Болѣзнь свою онъ переносилъ стойчески, безропотно, хотя сознавалъ приближеніе смерти. Кончину его нельзя назвать иначе, какъ истинно христіанской. Наканунѣ смерти онъ исповѣдовался и принялъ св. Причастіе. Послѣ того онъ собрался съ силами, позвалъ къ себѣ присутствующихъ въ домѣ и ясно и внятно выразилъ свою послѣднюю волю: всѣмъ своимъ должникамъ онъ простилъ долги, а всѣ свои трудовыя сбереженія передалъ исключительно на дѣла благотворительности. Послѣ того онъ къ вечеру впалъ въ забытѣе и на слѣдующій день тихо скончался.

Вѣчная память добрѣйшему и незабвенному Александру Павловичу!

П. Б. Струве.

**ТРУДЫ А. П. ДОБРОКЛОНСКАГО
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ *).**

Главные спеціальныя изслѣдованія покойнаго А. П. Доброклонскаго посвящены исторіи церкви и церковной письменности латино-африканской и греческо-византійской и тѣмъ самымъ не относятся ни къ русской исторіи вообще, ни къ русской церковной исторіи въ частности. Но нельзя въ нашемъ поминовеніи пройти молчаніемъ работы покойнаго по русской церковной исторіи. Тѣмъ болѣе надлежитъ о нихъ сказать, что русская церковная исторія — область нашей исторической науки, которая отмѣчена трудами многихъ поколѣній русскихъ духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ и, какъ отрасль національной исторіи, по многимъ причинамъ и основаніямъ, особенно дорога русскому научному и культурному сознанію.

Исполняя въ этой части долгъ нашего коллегіальнаго поминовенія покойнаго А. П., я постараюсь вставить его труды въ общую рамку развитія русской исторической науки.

Какъ историкъ русской церкви А. П. Доброклонскій потрудился и какъ преподаватель средней и высшей школы, и какъ ученый изслѣдователь. Въ качествѣ преподавателя, А. П. систематически излагалъ своимъ ученикамъ по семинаріи и своимъ слушателямъ по университету общее обзорѣніе русской церковной исторіи. Исторія русской церкви есть научная дисциплина, которая развивалась и выростала параллельно съ наукой русской исторіи, — послѣдняя въ русскихъ духовныхъ академіяхъ называлась русской „гражданской“ исторіей, и ее преподавали большей частью даже не воспитанники самой духовной академіи. Параллелизмъ русской „церковной“ исторіи и русской „гражданской“ исто-

*) Рѣчь, произнесенная въ Общемъ Собраніи Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ 23-го марта 1938 года.

ри разительно воплощается въ крупныхъ фигурахъ научнаго творчества. Русская „гражданская“ исторія, какъ „научнообразная“ отрасль, старше русской церковной исторіи. Если даже „научнообразное“ бытіе русской исторіи, какъ національной науки, начинать лишь съ Н. М. Карамзина¹⁾, то въ области русской церковной исторіи подобіе Карамзина воплощаетъ въ себѣ и параллель великому автору „Исторіи Государства Россійскаго“ представляетъ архіепископъ Филаретъ Черниговскій (Гумилевскій, 1805—1866). Далѣе параллель между обѣими дисциплинами можно продолжить такъ — и это подобіе разительно! — С. М. Соловьеву (1820—1879) соотвѣтствуетъ митрополитъ Макарій (въ міру Михаилъ Петровичъ Булгаковъ, 1816—1882), фигура въ наукѣ исторіи русской церкви почти столь же грандіозная, какъ и Соловьевъ въ наукѣ нашей „гражданской“ исторіи. И, наконецъ, по чисто научному стилю, В. О. Ключевскому (1841—1911) соотвѣтствуетъ Евгеній Евстигнѣевичъ Голубинскій (1834—1912). Трудно представить себѣ большую противоположность въ литературномъ отношеніи, чѣмъ эти учителя нашего покойнаго сочлена, Голубинскій и Ключевскій. Въ первомъ не было ничего отъ художника писателя. Въ исторіи гуманитарныхъ наукъ всего міра и, въ частности, въ исторіи исторической науки — насколько я обзрѣваю эту исторію — нѣтъ другого примѣра, чтобы первокласный историкъ, какимъ слѣдуетъ признать Голубинскаго, былъ въ такой мѣрѣ лишенъ чисто литературнаго и художественнаго таланта, дара композиціи и изложенія, дара изображенія и оживленія словомъ. Между тѣмъ Ключевскій и въ роли писателя, и въ роли преподавателя, или лектора, былъ столько же художникомъ, сколько и ученымъ изслѣдователемъ...

Рядомъ съ Голубинскимъ и Ключевскимъ, слѣдуетъ поставить ихъ старшихъ и младшихъ современниковъ: С. К. Смирнова (род. 1818), А. С. Павлова (род. 1823), И. А. Чистовича (род. 1828), П. В. Знаменскаго (род. 1836), Ф. А. Терновскаго (род. 1838), протоіерея М. И. Горчакова (род. 1838), протоіерея П. Ѳ. Николаевскаго (род. въ 40 хъ г.г.), Н. Ѳ. Каптерева (род. 1847), протоіерея В. И. Жмакина (род. 1853), — я называю только самыя крупныя имена изслѣдователей въ области исторіи русской церкви.

Изъ этихъ большихъ изслѣдователей только одинъ П. В. Знаменскій такъ же много силъ и сосредоточеннаго вниманія, какъ и покойный нашъ коллега, отдалъ элементарному и въ то же время чисто научному преподаванію исторіи русской церкви. Знаменскій первый составилъ пре-

¹⁾ Пожалуй, правильнѣе начинать не съ Карамзина, а съ кн. Щербатова и Болтина.

восходный, по истинѣ классическій, краткій научный учебникъ русской церковной исторіи.

И вотъ, въ области учебной обработки русской церковной исторіи, рядомъ съ однотомнымъ руководствомъ П. В. Знаменскаго, первое изданіе котораго вышло въ 1870 г., слѣдуетъ поставить четырехтомное руководство А. П. Доброклонскаго. Этимъ сказано очень много! Руководство Знаменскаго въ свое время было учебникомъ, равнаго которому по русской „гражданской“ исторіи не существовало. А. П. Доброклонскій не былъ, правда, такимъ самостоятельнымъ и всестороннимъ специалистомъ-ислѣдователемъ въ области русской исторіи, какимъ былъ П. В. Знаменскій, не даромъ при Ключевскомъ и по инициативѣ послѣдняго получившій въ 1892 г. отъ Московскаго Университета почетную степень доктора русской исторіи. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ оцѣнить ту научную осторожность и то педагогическое мастерство, съ которымъ А. П. составилъ свое обширное руководство по исторіи русской церкви. Въ этой связи уместно отмѣтить, что А. П. Доброклонскій самъ такъ охарактеризовалъ учебникъ Знаменскаго: „онъ служитъ важнымъ и пока необходимымъ пособіемъ въ духовныхъ семинаріяхъ“. Совершенно справедливо А. П. за его руководство была присуждена Св. Синодомъ (за первые два выпуска) половинная Макарьевская премія съ такимъ примѣчательнымъ отзывомъ: „Трудъ Доброклонскаго заслуживаетъ полнаго одобренія и несомнѣнно полезенъ не только для учениковъ духовныхъ семинарій, но и для самихъ преподавателей церковной исторіи въ духовныхъ семинаріяхъ, равно какъ и для всего русскаго православнаго общества, какъ чтеніе по исторіи отечественной церкви, и содержательное, и увлекательное, написанное съ достоинствомъ, соответствующимъ высотѣ и важности предмета“.

„Руководство“ А. П. Доброклонскаго, какъ, конечно, и соответствующій трудъ его предшественника въ этой области, П. В. Знаменскаго, не есть вовсе компиляція. Оба эти произведенія—превосходные общіе обзоры, равныхъ которымъ по систематической полнотѣ содержанія, обилію фактовъ и формальной законченности обработки врядъ ли можетъ указать какая-либо другая область русской исторіи, — во всякомъ случаѣ такими общими обзорами не обладаютъ до сихъ поръ ни общая русская исторія, ни исторія русскаго права, ни исторія русской хозяйственной жизни.

Послѣ сказаннаго мнѣ нечего настаивать на томъ, какое значеніе не только для специалистовъ и ученыхъ, но и

для всѣхъ русскихъ людей имѣеть стройное и вѣрное научное изложеніе исторіи русской церкви, данное нашимъ почившимъ сочленомъ. Это сочиненіе покойнаго можетъ и, по моему глубокому убѣжденію, должно стать настольной книгой всякаго русскаго челоуѣка, притязающаго прозирать въ будущее нашего народа и нашего государства, опираясь на серьезное и любовное изученіе великаго русскаго прошлаго.

Помимо своего сжатаго, хотя и весьма обширнаго, руководства²⁾, А. П. Доброклонскій оставилъ другой выдающійся и интересный трудъ по русской исторіи, и притомъ трудъ чисто спеціальній, относящійся къ экономической и соціальной исторіи Московской Руси. Я имѣю въ виду его извѣстную только среди спеціалистовъ монографію, первоначально напечатанную въ „Чтеніяхъ“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1888 г., а затѣмъ въ томъ же году вышедшую и отдѣльно: „Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія, въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтій“. Монастырскому землевладѣнію и хозяйству въ исторіи хозяйственной жизни и соціальныхъ отношеній Московскаго Государства должно быть удѣлено видное мѣсто и за нимъ надлежитъ признать большое значеніе. Въ общихъ чертахъ и вполне объективно это значеніе извѣстный историкъ С. В. Рождественскій оцѣниваетъ такъ:

„... Монастырь въ Московской Руси сдѣлался самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста. Главная нравственная потребность древнерусскаго общества, забота о спасеніи душевномъ, служила обильнымъ источникомъ монастырскихъ богатствъ, земельныхъ и денежныхъ. То же религиозное чувство поддерживало и развивало земледѣльческія привилегіи монастырей, привлекавшія на московскія земли и удерживавшія на нихъ рабочую силу. Наконецъ, въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйскіе рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и заботами, какъ это бывало на служилыхъ земляхъ, отъ которыхъ служба государева постоянно отрывала хозяина. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи монастыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергавшагося всѣмъ тягостямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ, военной службы, отрывавшей его отъ хозяйственной дѣятельности“³⁾

Попавъ въ Рязань въ качествѣ преподавателя духовной семинаріи, А. П. Доброклонскій занялся регистраціей и обработкой богатаго матеріала архива Солотчинскаго монастыря.

²⁾ „Руководство по исторіи русской церкви“ (1884—1893) въ своихъ 4-хъ выпускахъ содержитъ около 1400 страницъ.

³⁾ Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка СПБ. 1897. Стр. 87.

Такъ получилась его замѣчательная вышеназванная монографія объ этомъ монастырѣ, — превосходное изслѣдованіе по экономической исторіи Московской Руси⁴). А. П. шелъ тутъ въ извѣстной мѣрѣ по слѣдамъ своего учителя, В. О. Ключевского, еще въ началѣ своей, и по возбужденіямъ, и по достиженіямъ одинаково плодотворной, изслѣдовательской работы давшаго интереснѣйшій трудъ о „хозяйственной дѣятельности Соловецкаго монастыря“ (Моск. Унив. Извѣстія за 1867—68 г.г.; перепечатано въ сборникѣ „Опыты и изслѣдованія“ М. 1912). Но положеніе Соловецкаго монастыря (положеніе во всѣхъ смыслахъ, начиная съ географическаго и кончая національно-политическимъ) было совсѣмъ исключительнымъ. Другое дѣло — Солотчинскій монастырь, расположенный въ XVII вѣкѣ въ географическомъ центрѣ объединившаго Великороссію и ея восточныя окраины Московскаго Государства. Это былъ богатый, но не слишкомъ богатый монастырь, и на немъ очень интересно и удобно изучать монастырское хозяйство. Онъ типиченъ и, такъ сказать, „репрезентативенъ“ для этого хозяйства. Историкъ-изслѣдователь можетъ пожалѣть, что А. П. Доброклонскій не напечаталъ полностью всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ документовъ Солотчинскаго монастыря, бывшихъ въ его рукахъ, но и то, что онъ далъ, весьма цѣнно именно потому, что опирается на новый, въ большей своей части не опубликованный архивный матеріалъ.

⁴) Вотъ содержаніе этого изслѣдованія, занимающаго 128 страницъ: Введеніе. — Глава I: Внѣшній видъ Солотчинскаго монастыря въ XVII вѣкѣ. — Кто жилъ въ немъ — Его вотчины, угодыя и другія владѣнія. — Количество крестьянъ, и слугъ въ его вотчинахъ. — Случайные источники его доходовъ — Глава II: Кому принадлежала хозяйственная власть нъ монастырскихъ вотчинахъ. — Какъ и кѣмъ она ограничивалась. — Воспомогательные органы для завѣдыванія монастырскимъ хозяйствомъ. — Глава III: Монастырскіе слуги и дѣтеныши. — Служба ихъ. — Размѣръ земельного жалованья монастырскимъ слугамъ. — Оброчные слуги. — Сборы съ монастырскихъ слугъ въ государственную казну. — Тяглые и бѣглые крестьяне. — Разверстка тягла и земли между крестьянами. Величина земельного надѣла монастырскимъ крестьянамъ въ связи съ земельными мѣрами и долями тягла. — Оброки и повинность крестьянъ въ пользу государства и монастыря. — Взглядъ на отношеніе монастыря къ крестьянамъ какъ рабочей силѣ и доходной статьѣ. — Глава IV: Количество доходовъ Солотчинскаго монастыря и наличность его хозяйства. — Расходы денежные и вещественные. — Недостатокъ хозяйственной расчетливости у монастырской власти. — Глава V: Объемъ судебной власти монастыря. — Лица помогавшія вѣдать монастырскій судъ. — Гдѣ онъ производился? — Порядокъ судопроизводства: челобитныя, допросъ, розыскъ, осмотръ, приговоръ, мировая, пени и пошлины и т. д. — Характеръ судопроизводства — Монастырскій надзоръ за жизнію лицъ, проживавшихъ въ монастырскихъ вотчинахъ. — Власть монастыря въ брачныхъ и семейныхъ дѣлахъ. — Административная власть монастыря. — Административно-судебное значеніе его, какъ вспомогательнаго органа епархіальной и свѣтской власти. — Заключение.

И ни одинъ историкъ какъ хозяйственной жизни, такъ и управленія Московской Руси не можетъ обойтись безъ этой работы, задуманной и написанной А. П. въ ту пору, когда онъ былъ скромнымъ преподавателемъ провинціальной духовной семинаріи. Упомянутое изслѣдованіе Ключевскаго о Соловецкомъ монастырѣ и внимательно-кропотливо исполненная работа А. П. Доброклонскаго о Солотчинскомъ монастырѣ представляли къ концу 80-хъ г. г. единственныя двѣ обстоятельныя монографіи по изученію монастырскаго землевладѣнія и хозяйства, имѣвшіяся въ литературѣ русской экономической исторіи⁵⁾. Съ тѣхъ поръ наука русской исторіи и въ этой области обогатилась и новыми изслѣдованіями, и, въ особенности, новыми изданіями источниковъ. Появились: работа С. В. Рождественскаго (см. выше), гдѣ обсуждался вопросъ о роли монастырей въ экономическомъ кризисѣ XVI вѣка, труды Н. К. Никольскаго о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (1897—1900), М. М. Богословскаго о сѣверныхъ монастыряхъ въ его превосходной книгѣ о земскомъ самоуправленіи на русскомъ сѣверѣ (1912), работа В. Н. Сторожева о вологодскихъ монастыряхъ и нѣкоторыя другія цѣнныя изслѣдованія. Напечатано съ той поры большое количество новыхъ актовъ, въ томъ числѣ въ послѣднее десятилѣтіе опубликовано капитальное изданіе актовъ Троицко-Сергіева Монастыря, выпущенное такими учеными, какъ С. Б. Веселовскій и А. И. Яковлевъ (1929). Но при всемъ томъ работа А. П. Доброклонскаго сохраняетъ свое значеніе для русской экономической исторіи какъ добросовѣстный сводъ показательныхъ и важныхъ фактовъ, характеризующихъ монастырь центральной Россіи въ роли хозяина и администратора, а монастырскихъ крестьянъ и слугъ какъ „подданныхъ“ этой церковно-общественной организаціи и власти.

⁵⁾ Совершенно особое мѣсто занимаютъ обобщающіе труды рано скончившаго самоубійствомъ (1855) большого и разносторонняго ученаго Владиміра А. Милютина „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи“ (Москва, 1861) и покойныхъ корифеевъ русскаго церковнаго права: протоіерея М. И. Горчакова „Монастырскій приказъ (1649—1725)“ и его же „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“ (СПб. 1877) и А. С. Павлова „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель“ (Одесса, 1871).

А. А. Боголѣповъ.

РѢШЕНІЯ СЕНАТА ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

1. РѢшенія административныхъ судовъ.

Основныя черты судовъ по административнымъ дѣламъ сказываются больше всего въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ нихъ полностью выявляется объемъ полномочій, присваиваемыхъ имъ для воздѣйствія на администрацію. Объемъ этотъ устанавливается законодательствомъ и практикой отдѣльныхъ странъ далеко не одинаково. И чѣмъ явственнѣе Первый Департаментъ Правительствующаго Сената со второй половины XIX вѣка превращался въ высшій судъ по административнымъ дѣламъ, тѣмъ настойчивѣе сказывалась потребность уяснить характеръ и предѣлы полномочій его какъ административнаго суда.

Не приходится удивляться, что первыя попытки выявить лицо Сената, какъ высшаго административнаго суда, проникнуты стремленіемъ сблизить его съ административными судами другихъ странъ и даже рисовать его по ихъ образцу. При первыхъ попыткахъ сравненія, естественно, бросаются въ глаза раньше всего черты сходства. Наиболѣе показательной въ этомъ отношеніи является попытка бар. С. А. Корфа изобразить Первый Департаментъ Сената по образу и подобию французскаго Государственнаго Совѣта (въ большомъ его трудѣ „Административная Юстиція въ Россіи“, СПб., 1910).

С. А. Корфъ находитъ, что, съ нѣкоторыми особенностями и отступленіями, въ практикѣ Сената имѣли мѣсто всѣ тѣ четыре основныхъ вида разбирательства дѣлъ, которые французская доктрина отмѣчаетъ въ дѣятельности Госуд. Совѣта. Основному въ практикѣ Гос. Совѣта „процессу отмѣны“ (contentieux d'annulation) въ изображеніи его С. А. Корфомъ оказывается соответствующимъ разбирательство Сенатомъ дѣлъ „въ кассационномъ порядкѣ“, когда

последній „не разсматривалъ дѣлъ по существу и довольствовался лишь внѣшной провѣркой законности дѣйствій администраціи“ (т. II, стр. 368). „не входя въ обсужденіе ихъ цѣлесообразности“ (стр. 385) Съ другимъ не менѣе важнымъ въ дѣятельности Гос. Совѣта „процессомъ полной юрисдикціи“ (contentieux de pleine juridiction) сходно, по мнѣнію С. А. Корфа, такое разсмотрѣніе дѣлъ Сенатомъ, когда онъ „не ограничивался кассационнымъ порядкомъ уничтоженія неправильнаго и незаконнаго акта администраціи, но принималъ дѣло къ разсмотрѣнію и по существу“ (стр. 366, 367), что включаетъ въ себя „контроль даже дискреціонныхъ полномочій администраціи“ (стр. 377, 378) Съ третьимъ процессомъ — „процессомъ толкованія“, по словамъ А. С. Корфа, „имѣетъ нѣкоторыя признаки сходства возложенная на Первый Департаментъ обязанность толкованія законовъ и правительственныхъ распоряженій“ (стр. 371). Наконецъ, въ компетенціи Перваго Департамента отмѣчается имъ и репрессивная функція, подобная карательному процессу предъ Гос. Совѣтомъ (стр. 380). С. А. Корфъ находитъ лишь, что, между двумя главными порядками разсмотрѣнія дѣлъ „по существу“ и „кассационнымъ“ не было того опредѣленнаго разграниченія, которое имѣется во французской системѣ, такъ что, за нѣкоторыми изъятіями, оба порядка стояли параллельно другъ другу и ничѣмъ кромѣ случайности не разграничивались (стр. 367, 368). Въ общемъ же Первый Департаментъ Сената оказывался дѣйствующимъ почти такъ же, какъ и французскій Гос. Совѣтъ, только менѣе систематично, нѣсколько болѣе безпорядочно.

Можетъ показаться неожиданнымъ столь далеко идущее сходство между учрежденіями двухъ государствъ, имѣвшихъ въ своей политической исторіи столь много различій. Но лишь ближайшее сравненіе рѣшеній Сената съ рѣшеніями какъ французскаго Гос. Совѣта, такъ и высшихъ административныхъ судовъ другихъ странъ можетъ выяснитъ подлинный обликъ Сената какъ административнаго суда, черты его сходства и различія съ соотвѣтствующими учрежденіями другихъ государствъ.

Основное значеніе имѣютъ при этомъ не тѣ рѣшенія, которыми по тѣмъ или другимъ основаніямъ отклоняется жалоба, а тѣ посредствомъ которыхъ производится опредѣленное воздѣйствіе на администрацію для достиженія согласованія ея дѣятельности съ закономъ. Въ практикѣ административныхъ судовъ наблюдается собственно четыре основныхъ типа такого рода рѣшеній: отмѣна административныхъ актовъ, ихъ измѣненіе, предписаніе по отношенію къ администраціи принять опредѣленныя мѣры и установленіе законнаго правоотношенія.

2. Отмѣна .

1. Какъ ни разнятся между собою рѣшенія административныхъ судовъ отдѣльныхъ странъ, въ одномъ они несомнѣнно сходны: отмѣна административныхъ актовъ имѣется всюду. Характерной чертой отмѣны, примѣнявшейся Сенатомъ, была, однако, широта ея дѣйствія. Въ практикѣ прусскихъ административныхъ судовъ по законамъ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія отмѣна, поскольку она примѣнялась къ актамъ полиціи, могла касаться только отдѣльныхъ полицейскихъ распоряженій и не распространялась на т. н. „полицейскіе указы“ (Polizeiverordnungen), т. е. постановленія типа русскихъ обязательныхъ постановленій, содержащія въ себѣ абстрактныя нормы общаго характера и признаваемыя германской доктриной за законы въ матеріальномъ смыслѣ. Судья административный и уголовный не лишень права провѣрять закономѣрность „полицейскихъ указовъ“, но послѣдствіемъ этой провѣрки можетъ быть не отмѣна ихъ полностью, а лишь непримѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ, т. е. отмѣна изданныхъ на основаніи ихъ конкретныхъ административныхъ распоряженій¹⁾. Сенатъ же отмѣнялъ какъ конкретныя администр. распоряженія, такъ и обязательныя постановленія тѣхъ или другихъ органовъ администраціи, состоявшихъ подъ его указами. Въ этомъ отношеніи практика Сената сближалась, дѣйствительно, съ французской.

Отмѣна распространялась приэтомъ не безусловно на весь админ. актъ въ цѣломъ. На ряду съ полной была, какъ во Франціи, Пруссіи и др. странахъ, и частичная. При частичной отмѣнѣ Сенатъ отсѣкалъ лишь отдѣльныя части админ. акта, не внося въ него никакихъ новыхъ элементовъ, такъ какъ это означало бы измѣненіе его. Такъ, Сенатъ отмѣнялъ административныя акты „въ части“, касавшейся оцѣнки не всѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ объектовъ обложенія²⁾ или „въ части“, касавшейся включенія въ избирательные списки опредѣленно указанныхъ лицъ³⁾; иногда онъ отмѣнялъ также отдѣльныя параграфы инструкцій и обязательныхъ постановленій⁴⁾, оставляя прочія части ихъ въ первоначальномъ

¹⁾ К. Friedrichs, Verwaltungrechtspflege, B. I., Brln. 1920, s. 297.

²⁾ Указъ Сен. 26. 11. 904, № 12244, Кузнецовъ III, 93 (И. И. Кузнецовъ, Систематическій сводъ указовъ Правит. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ, томъ III, номеръ рѣшенія въ данномъ томѣ 93. Всего 12 томовъ за время съ 1866 по 1915 г.).

³⁾ Ук. Сен. 13. 12. 913, № 14372, — Кузнецовъ X, 19.

⁴⁾ Ук. Сен. 16. 5. 908, Кузн. V, 138. Ук. Сен. 31. 5. 906 № 5866, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, II, 17 (Сборникъ Рѣшеній Правит. Сената по Общему Собранію и Департаментамъ Первому, Второму и Герольдіи, Часть II, номеръ опредѣленія по сборнику 17. Сенатское изданіе).

видѣ. Необходимой предпосылкой частичной отмѣны являлась всегда отдѣлимость и выдѣлимость соотвѣтствующихъ частей административнаго акта.

II. Значеніе какъ полной, такъ и частичной отмѣны админ. постановленія сводится обычно къ тому, что постановленіе это, сохраняя до момента отмѣны свою силу, послѣ этого момента перестаетъ дѣйствовать. Но иногда такой отмѣны одного только обжалованнаго постановленія оказывалось недостаточнымъ для полного возстановленія законнаго порядка. Бывало это въ тѣхъ случаяхъ, когда въ промежутокъ времени между изданіемъ даннаго постановленія и его отмѣной, и притомъ именно — въ связи съ этимъ постановленіемъ были приняты какія-либо другія админ. мѣры, какъ его послѣдствія. Пользуясь широтой своихъ полномочій по „прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ“ (Учр. Пр. Сен. ст. 2), Сенатъ распространялъ въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствіе своей отмѣны и на эти „послѣдствія“, и по отношенію къ обжалованному постановленію выносилъ рѣшеніе не просто „отмѣнить“ лишь его, а „отмѣнить со всѣми послѣдствіями“.

Съ такого рода явленіями Сенату приходилось встрѣчаться какъ тогда, 1) когда онъ выступалъ въ качествѣ второй инстанціи админ. суда, такъ и тогда, 2) когда дѣло разсматривалось имъ въ первой инстанціи.

1) Отмѣна со всѣми послѣдствіями встрѣчается, между прочимъ, въ рядѣ дѣлъ, разсматривавшихся Сенатомъ во второй инстанціи по жалобамъ на постановленія Губ. Присутствій объ отмѣнѣ произведенныхъ выборовъ земскихъ гласныхъ. Согласно Положенію о земск. учрежденіяхъ, Губернск. по земск. и городск. дѣламъ Присутствіе, отмѣнивъ выборы по какому-либо избирательному собранію, должно было назначить новые, взамѣнъ признанныхъ недѣйствительными (ст. 48). Въ результатѣ этихъ вторичныхъ выборовъ вступали въ Земск. Собраніе на мѣсто первоначально избранныхъ гласныхъ новые гласные и вступали притомъ — въ виду медленности дѣлопроизводства по жалобѣ — иногда ранѣе того, чѣмъ Сенатъ успѣвалъ вынести рѣшеніе по принесенной жалобѣ на постановленіе Губ. Присутствія объ отмѣнѣ первоначальныхъ выборовъ. Если Сенатъ теперь при разсмотрѣніи дѣла находилъ, что первоначальные выборы были отмѣнены Губ. Присутствіемъ неправильно, то онъ не могъ уже ограничиться простой отмѣной неправильной отмѣны выборнаго производства. Съ отмѣной этой отмѣны первоначально избранные гласные не возстановлялись еще въ своихъ правахъ: ихъ мѣста въ Земскомъ Собраніи оказывались занятыми новыми гласными, причемъ правильность

производства вторичныхъ выборовъ сама по себѣ могла не вызывать никакихъ сомнѣній. Въ подобнаго рода случаяхъ, въ частности — напр. по дѣлу объ отмѣнѣ выборовъ по первому избирательному собранію въ Аккерманскомъ уѣздѣ въ 1910 г. — Сенатъ выносилъ рѣшеніе такого рода: обжалованное постановленіе Губерн. Присутствія „отмѣнить со всѣми послѣдствіями, предписавъ Губ. Присутствію возстановить выборы гласныхъ отъ перваго избират. собранія“⁵⁾. Это означало, что отмѣнялась не только неправильная отмѣна первоначальныхъ выборовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣна распространялась и на послѣдовавшіе затѣмъ новые выборы, такъ что все дѣло возвращалось въ то положеніе, въ какомъ оно было до отмѣны выборовъ Губернскимъ Присутствіемъ.

Съ особенной ясностью вскрывается смыслъ „отмѣны со всѣми послѣдствіями“ изъ дѣла по жалобѣ на постановленіе Пензенскаго Губ. Присутствія объ отмѣнѣ выборовъ гласныхъ отъ перваго избират. собранія Наровчатскаго уѣзда на трехлѣтіе 1910—1913 г.г.⁶⁾. Какъ разъ по поводу сенатскаго указа по данному дѣлу мѣстный губернаторъ вошелъ въ Сенатъ съ рапортомъ, прося подробнѣе разъяснить, что собственно означаетъ содержащаяся въ этомъ указѣ отмѣна постановленія Губернск. Присутствія „со всѣми послѣдствіями“: влечетъ ли она за собою лишь возстановленіе правъ лицъ, первоначально избранныхъ въ составъ Земскаго Собранія, съ устраненіемъ изъ него лицъ, избранныхъ взамѣнъ ихъ, или же сверхъ этого должны кончиться также полномочія членовъ управы, землеустроительной комиссіи, училищнаго совѣта и другихъ органовъ, избранныхъ Земскимъ Собраніемъ съ участіемъ гласныхъ, вошедшихъ въ него при вторичныхъ выборахъ? На это Сенатъ отвѣтилъ, что „ближайшимъ и непосредственнымъ результатомъ отмѣны постановленія... Губ. по земск. и городск. дѣламъ Присутствія... должно явиться возстановленіе силы первоначальныхъ выборовъ гласныхъ перваго избират. собранія..., отмѣненныхъ постановленіемъ Присутствія; съ возстановленіемъ же правъ избранныхъ въ гласные на упомянутыхъ выборахъ лицъ и съ измѣненіемъ вслѣдствіе этого значительной части состава Уѣзднаго Земск. Собранія, Собранію несомнѣнно надлежитъ произвести новое замѣщеніе поименованныхъ... Губернаторомъ выборныхъ должностей, дабы вновь избранныя на эти должности лица являлись избранниками и представителями

⁵⁾ Ук. Сен. 18. 4. 913, № 5489, Кузн. X, 25; см. также Ук. Сен. 19. 1. 911, №№ 591, 592, Кузн. VIII, 34; Ук. Сен. 6. 10. 914, № 12066, Кузн. XII, 19.

⁶⁾ Ук. Сен. 1. 6. 911, № 6356, Кузн. VIII, 42.

именно новаго правильно образованнаго состава Земскаго Собранія“⁷⁾).

При такомъ значеніи „отмѣны со всѣми послѣдствіями“ дѣйствіе ея практически переносилось съ момента вынесенія ея Сенатомъ на моментъ изданія отмѣненнаго акта. При простой отмѣнѣ, когда уничтожалась сила лишь самого обжалованнаго постановленія внѣ связи съ его „послѣдствіями“, всѣ акты, совершенные на основаніи этого постановленія еще до отмѣны его, не разсматриваются въ качествѣ незаконныхъ: признается, что они были послѣдствіями его, когда оно имѣло еще силу. При отмѣнѣ же „со всѣми послѣдствіями“ соотвѣтствующее постановленіе лишается своей силы по существу съ самаго момента возникновенія его. Оно признается вообще какъ бы не бывшимъ, почему и всѣ „послѣдствія“ его оказываются незаконными и подлежащими устраненію. При вынесеніи отмѣны Сенатъ различалъ такимъ образомъ два момента дѣйствія отмѣны: простая отмѣна лишала административный актъ его силы съ момента вынесенія сенатскаго рѣшенія, а „отмѣна со всѣми послѣдствіями“ — съ момента изданія даннаго акта.

2) Поскольку Сенатъ выступалъ въ качествѣ первой инстанціи, и его отмѣна распространялась непосредственно на административные акты (а не на рѣшенія судебно-административныхъ инстанцій), различеніе двухъ указанныхъ видовъ отмѣны приводило въ существѣ дѣла къ различенію двухъ категорій актовъ: актовъ „ничтожныхъ“ съ самаго момента ихъ изданія и потому юридически мертворожденныхъ и актовъ „оспоримыхъ“ или „недѣйствительныхъ“, имѣющихъ вначалѣ силу и затѣмъ послѣ обжалованія теряющихъ ее.

Такъ, въ дѣлахъ по земскому обложенію Сенатъ строго различалъ два случая неправильнаго взиманія земскаго сбора: первый — когда при оцѣнкѣ того или другого подлежащаго обложенію имущества были приняты неправильныя основанія оцѣнки, и второй — когда сборы взыскивались съ имущества, въ дѣйствительности не существующаго. Въ первомъ случаѣ постановленія объ обложеніи признавались Сенатомъ сохраняющими свою силу, пока не было предъявлено возраженія противъ правильности обложенія⁸⁾. Сенатъ относительно этой категоріи дѣлъ полагалъ, что „каждому плательщику предоставляется право провѣрять оцѣночныя данныя его имущества, возражать противъ нихъ и требовать переоцѣнокъ, а потому земству не можетъ быть вмѣ-

⁷⁾ Ук. Сен. 29. 9. 911, № 10388, Кузн VIII, 46.

⁸⁾ Ук. Сен. 28. 4. 1915. № 5261, Кузн. XII. 93; см. также Ук. Сен. 12. 8. 1899, № 8153; 9. 9. 902, № 7770; 23. 1. 915, № 623.

нено въ обязанность возвращать излишне взысканный сборъ за время, предшествующее возраженію противъ правильности исчисленія сбора ⁹⁾). Начальнымъ моментомъ возврата излишне взысканныхъ сборовъ Сенатъ признавалъ именно подачу возраженія противъ обложенія, если, конечно, это возраженіе въ послѣдствіи было признано подлежащимъ удовлетворенію ¹⁰⁾).

Иное дѣло — тѣ случаи, когда сборъ падалъ на имущество въ дѣйствительности не существующее, когда напр. сборъ былъ исчисленъ въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ количеству десятинъ облагаемой земли. Постановленія такого рода при обжалованіи ихъ признавались Сенатомъ лишенными правовой силы съ самаго ихъ начала. И такъ какъ по закону обязанность вести окладныя книги лежала на земскихъ учрежденіяхъ, то „небрежность владѣльца, не заявившаго или заявившаго въ неустановленномъ порядкѣ о томъ, что у него облагается земля больше, чѣмъ есть въ натурѣ, не освобождала“, по мнѣнію Сената, „земство отъ обязанности вернуть весь излишне взысканный сборъ“. Поэтому именно, когда поступали жалобы на отказъ земскихъ учрежденій вернуть излишне взысканные сборы съ имущества не существующаго Сенатъ не просто отмѣнялъ этотъ отказъ, а отмѣнялъ „со всѣми послѣдствіями“, вытекавшими изъ этого незаконнаго распоряженія объ обложеніи, т. е. со всѣми произведенными въ силу его сборами; и послѣдніе подлежали въ этомъ случаѣ возврату независимо отъ того, были ли они взысканы до предъявленія возраженія, или послѣ него ¹¹⁾). Точно также отмѣнялъ Сенатъ „со всѣми послѣдствіями“ и такія постановленія земствъ, когда обложенію подвергались объекты, совершенно не предусмотрѣнные закономъ ¹²⁾).

„Отмѣна со всѣми послѣдствіями“ захватывала иногда очень широкій кругъ администр. актовъ. Въ одномъ дѣлѣ по жалобѣ на неправильное привлеченіе просителя къ отбыванію воинской повинности Сенатъ нашель, что собственно неправильно были образованы призывные участки, и въ связи съ этимъ были неправильно составлены призыв-

⁹⁾ Ук. Сен. 13. 4. 915, № 4617, Кузн. XII, 96; Ук. Сен. 6. 11. 908, № 14726, Кузн. V, 84; Ук. Сен. 24. 8. 901, № 7502, Кузн. II, 120.

¹⁰⁾ Ук. Сен. 23. 11. 915, Общ. Вѣд. („Общая вѣдомость о дѣлахъ, находящихся въ производствѣ I Департ. Правит. Сената“, издававшаяся въ 1913—16 г.г. для нуждъ Сенатской канцеляріи) 1915 № 8, стр. 391; Ук. Сен. 8. 6. 915, № 7317, Кузн. XII, 84.

¹¹⁾ Ук. Сен. 12. 12. 906, № 13787, Кузн. III, 159.

¹²⁾ 6. 6. 1895, № 4359, Канторовичъ, 1125 (Я. Л. Канторовичъ, Сборникъ опредѣленій Перваго Департамента Правит. Сената по городскимъ и земскимъ дѣламъ за 10 лѣтъ 1891—1900, номеръ рѣшенія по сборнику 1125).

ные списки, причемъ все это было сдѣлано на основаніи особыхъ распоряженій, изданныхъ мѣстнымъ начальствомъ. Въ связи съ этимъ Сенатъ отмѣнилъ эти самыя распоряженія мѣстной власти „со всѣми послѣдствіями“, такъ что вмѣстѣ съ ними теряли свою силу и дѣленіе на участки, и призывные списки, и, наконецъ, призывы отдѣльныхъ лицъ къ отбыванію воинской повинности, поскольку все это основывалось на указанныхъ распоряженіяхъ¹³⁾.

Различеніе, по образцу гражданскаго права, административныхъ актовъ „оспоримыхъ“ (или недѣйствительныхъ) и „ничтожныхъ“ является собственно продуктомъ теоріи администр. права. На практикѣ оно наталкивается на чрезвычайныя трудности: могутъ ли граждане просто игнорировать административные акты подъ предлогомъ ихъ „ничтожности“, и гдѣ четкая грань между „ничтожностью“ и „оспоримостью“? Практически, какъ это опредѣленно формулировано въ одномъ изъ рѣшеній прусскаго Высшаго Админ. Суда, „въ публичномъ правѣ дѣйствуетъ то положеніе, что актъ госуд. власти, хотя бы онъ былъ соединенъ и съ недостатками, является по общему правилу „оспоримымъ“, а не „недѣйствительнымъ“¹⁴⁾. Сенатъ съ давнихъ поръ шелъ практически этимъ путемъ и въ своихъ рѣшеніяхъ совершенно послѣдовательно исходилъ изъ установленія того момента, съ котораго адм. акты въ случаѣ ихъ отмѣны должны терять свою силу.

3. Возвратъ дѣла для новаго разсмотрѣнія.

I. „Отмѣна“ нерѣдко восполнялась въ практикѣ Сената дополнительнымъ постановленіемъ о передачѣ дѣла на новое разсмотрѣніе вынесшей его инстанціи. Это довольно обычное рѣшеніе въ практикѣ высшихъ судовъ вообще получило у Перваго Департамента особое значеніе въ силу соотношенія его съ прочими рѣшеніями, принимавшимися Сенатомъ въ качествѣ суда по администр. дѣламъ.

Передавалось ли дѣло на новое разсмотрѣніе въ виду процессуальныхъ недостатковъ (неизвѣщенія жалобщика¹⁾ или отвѣтчика²⁾ о днѣ засѣданія и т. п.) или же по матеріально-правовымъ основаніямъ, низшія инстанціи должны были руководствоваться при пересмотрѣ дѣла преподанными Сенатомъ разъясненіями, содержащимися въ мотивахъ его постановленія. Приэтомъ практически было безразлично, по-

¹³⁾ Ук. Сен. 19. 9. 907, № 9798—9800, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 105.

¹⁴⁾ Entscheidung des Oberverwaltungsgerichts, B. 81, 272.

¹⁾ Ук. Сен. 15. 7. 903, № 6068, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, II, 39.

²⁾ Ук. Сен. 30. 4. 903, № 3616, Сборн. Рѣш. Сен. 1904, II, 19.

становлялъ ли Сенатъ просто „поручить разсмотрѣть дѣло вновь“ или поручалъ „разсмотрѣть его вновь на указанныхъ основаніяхъ“. „Заключаящіяся въ указахъ Правит. Сената соображенія, какъ служащія мотивами къ самому по данному предмету рѣшенію, наравнѣ съ резолютивной частью сихъ указовъ“, были „обязательны къ руководству и исполненію для подлежащихъ правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ“. Въ отличіе отъ резолютивной части рѣшеній мотивы ихъ не входили въ законную силу и могли быть во всякое время измѣнены Сенатомъ, но пока они оставались неизмѣненными, они сохраняли свою обязательную силу. Это положеніе Сенатъ неоднократно устанавливалъ въ рядѣ своихъ опредѣленій³⁾.

На значеніи мотивовъ своихъ рѣшеній Первый Департаментъ Сената долженъ былъ въ особенности настаивать потому, что при рѣшеніи административныхъ дѣлъ въ основѣ оставался онъ въ положеніи кассационной инстанціи. Выступая въ качествѣ „хранителя законовъ“ (Учр. Сен. ст. 2), онъ „прекращалъ“ „противозаконныя дѣйствія“ администраціи путемъ отмѣны ихъ, не замѣняя ихъ своими новыми рѣшеніями. Новое рѣшеніе на мѣсто отмѣненнаго должна была поставить сама администрація или низшая судебно-административная инстанція на основаніи преподанныхъ ей указаній.

Изрѣдка можно, впрочемъ, встрѣтить въ резолютивной части рѣшеній Сената и слово „измѣнить“. Онъ постановлялъ, напр., „поручить Губернатору предложить Земскому Собранію измѣнить на будуще время раскладки государственнаго налога соотвѣтственно вышеизложеннымъ основаніямъ“⁴⁾ или „поручить Земскому Собранію измѣнить соотвѣтственно сему“, т. е. преподаннымъ въ мотивахъ разъясненіямъ, опредѣленный параграфъ правилъ обязательнаго взаимнаго земскаго страхованія⁵⁾. Считаая необходимымъ сдѣлать въ изданной Министромъ инструкціи „соотвѣтственное, въ цѣляхъ согласованія ея съ закономъ, измѣненіе и дополненіе“, Сенатъ „поручалъ“ также „Министру Финансовъ сдѣлать надлежащее распоряженіе къ измѣненію“ признанныхъ незаконными параграфовъ данной инструкціи⁶⁾. Совершенно очевидно, однако, что и во всѣхъ подобнаго рода рѣшеніяхъ Первый Департаментъ Сената самъ ничего не измѣнялъ и на мѣсто отмѣненнаго постановленія не выно-

³⁾ Опред. 1 Деп. 11. 10. 1894 по д. Ермоленко; Опред. 1. Общ. Собр. 30. 4/24. 10. 1904 по д. Форстена; Ук. Сен. 23. 5. 911, № 6029. Кузн. VIII, 25; Ук. Сен. 9. 7. 915, № 8386, Общ. Вѣдом. 1915 № 6, стр. 210.

⁴⁾ Ук. Сен. 15. 2. 901, Кузн. II, 174.

⁵⁾ Ук. Сен. 24. 5. 914, № 6839, Кузн. XI, 119.

⁶⁾ Ук. Сен. 2. 4. 903, № 2910, Сборн. Рѣш. Сен. 1903, II, 1.

силъ отъ себя новаго. Онъ поручалъ лишь сдѣлать это тѣмъ самымъ учрежденіямъ, отъ которыхъ исходило данное постановленіе. Пересмотръ всякаго постановленія, естественно, соединяется съ его исправленіемъ и измѣненіемъ. И приведенныя рѣшенія Сената являются по существу лишь порученіями пересмотрѣть дѣло вновь на указанныхъ имъ основаніяхъ. Они только подтверждаютъ несклонность Сената къ самостоятельному измѣненію постановленій низшихъ инстанцій.

Даже по налоговымъ дѣламъ, въ которыхъ преобладаютъ „связанные“ акты администраціи, и по которымъ въ практикѣ высшихъ административныхъ судовъ другихъ государствъ чаще всего выносятся рѣшенія, измѣняющія постановленія предшествующей инстанціи, Первый Департаментъ Сената самъ не выносилъ новыхъ рѣшеній объ установленіи исправленной суммы налоговъ и не освобождалъ отъ налогового обложенія. Онъ и въ этихъ случаяхъ пользовался той же отмѣной съ порученіемъ пересмотрѣть дѣло вновь.

II. Рѣшенія Сената объ отмѣнѣ сходны въ общемъ съ рѣшеніями французскаго Госуд. Совѣта въ процессѣ отмѣны, но настойчивое обереганіе ихъ кассационнаго характера свидѣтельствуется въ то же время о несходствѣ опредѣленій Перваго Департамента съ рѣшеніями французскаго Гос. Совѣта въ процессѣ полной юрисдикціи. И практика и доктрина во Франціи единодушны въ томъ, что въ отличіе отъ „процесса отмѣны“ Государственный Совѣтъ при „процессѣ полной юрисдикціи“ можетъ не только отмѣнять распоряженія администраціи, но и измѣнять ихъ (*modifier et réformer*), а равно можетъ присуждать администрацію къ возмѣщенію убытковъ⁷⁾. Первый же Департаментъ не выносилъ рѣшеній, которыми измѣнялись постановленія низшихъ инстанцій, и среди его рѣшеній нельзя поэтому установить такую категорію, которая соотвѣтствовала бы измѣненіямъ административныхъ актовъ въ процессѣ полной юрисдикціи предъ Госуд. Совѣтомъ во Франціи. С. А. Корфъ полагаетъ, что съ „процессомъ полной юрисдикціи было сходно разсмотрѣніе дѣлъ Сенатомъ“ „по существу“. Однако разсмотрѣніе „по существу“ само по себѣ вовсе не означало того, что Первый Департаментъ Сената въ этихъ случаяхъ не ограничивался кассационной отмѣной и принималъ, подобно Государственному Совѣту во Франціи, другія болѣе рѣшитель-

⁷⁾ М. Naugion, *Précis de droit admin.*, 1914, p. 410; E. Laferrière, „*Traité de la juridiction admin.*“ 1896, I, 15; G. Jèze *Classification des recours contentieux*, *Revue du droit publ.*, 1908, p. 676—78; L. Duguit, *Traité du droit constitutionnel*, T. II, 1928, p. 508 и сл.

ныя мѣры воздѣйствія, въ частности измѣненіе. Разсмотрѣвъ дѣло „по существу“ и особо отмѣтивъ это даже въ самыхъ мотивахъ рѣшенія, Первый Департаментъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ точно такъ же отмѣнялъ обжалованное постановленіе, какъ и при разсмотрѣніи дѣла не „по существу“⁸⁾. И это было съ точки зрѣнія его практики совершенно послѣдовательно.

Для Перваго Департамента „разсмотрѣніе дѣла по существу“ противопоставалось не кассационной отмѣнѣ, а разсмотрѣнію дѣла „въ формальномъ порядкѣ“. Различіе между этими двумя видами разсмотрѣнія сводилось къ тому, въ какой мѣрѣ и съ какихъ именно сторонъ подвергался контролю въ томъ и другомъ случаѣ административный актъ? Разсмотрѣніе дѣла лишь „съ формальной стороны“ касалось собственно формально-процессуальной стороны, а именно — порядка возбужденія и направленія дѣла, а равно разграниченія компетенціи отдѣльныхъ учреждений. Оно сводилось къ вопросамъ: правильно ли написана жалоба, и имѣются ли подъ ней всѣ требуемыя подписи⁹⁾; могло ли быть Губернаторомъ передано на разсмотрѣніе Земскаго Собранія такое дѣло, по которому уже состоялось постановленіе послѣдняго¹⁰⁾, могъ ли Губернаторъ дать разрѣшеніе на созывъ съѣзда земскихъ агентовъ, или оно должно было исходить отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ¹¹⁾ и т. п. Разсмотрѣніемъ же дѣла „по существу“ являлось выясненіе основного вопроса о законности обжалованнаго акта: „не вышла“ ли администрація при совершеніи его „изъ предѣловъ предоставленной ей власти“¹²⁾, въ правѣ ли были она принять данную мѣру¹³⁾, „законны“ ли вообще были ея дѣйствія¹⁴⁾. Къ разсмотрѣнію „по существу“ Сенатъ относилъ также и контроль административнаго усмотрѣнія, отъ чего, онъ впрочемъ, практически старался оградить себя¹⁵⁾.

Терминъ „по существу“ относился въ практикѣ Перваго Департамента Сената не къ какой-либо особой формѣ его рѣшеній, а означалъ болѣе глубокой подходъ къ провѣркѣ законности административныхъ актовъ по сравненію съ разсмотрѣніемъ только по „формѣ“. Если въ резуль-

⁸⁾ Ук. Сен. 10. 2. 904, № 1038, Кузн. III, 182; Ук. Сен. 29. 3. 911, № 3620, Кузн. VIII 14.

⁹⁾ Ук. Сен. 13. 10. 914. № 12507. Кузн. XI, 6.

¹⁰⁾ Ук. Сен. 9. 10. 914 № 12362, Кузн. XI, 108.

¹¹⁾ Ук. Сен. 29. 3. 911, № 3620, Кузн. VIII, 14.

¹²⁾ Ук. Сен. 10. 2. 904, № 1038, Кузн. III, 182; Ук. Сен. 6. 7. 911, № 7782. Кузн. VIII, I.

¹³⁾ Ук. Сен. 24. 3. 911, № 3217, Кузн. VIII, 2.

¹⁴⁾ Ук. Сен. 9. 10. 914, № 12362, Кузн. IX, 108.

¹⁵⁾ Ук. Сен. 19. 12. 913, № 14658. Общ. Вѣдом. 1913, № 2. стр. 39; Ук. Сен. 3. 8. 909, № 7376, Кузн. VI, 88; Ук. Сен. 21. 7. 900, Кузн. II 195.

татъ примѣненія того и другого приѣма контроля: и „по существу“ и „съ формальной стороны“, получался одинъ и тотъ же результатъ, а именно — выяснялась незаконность админ. акта, то Первый Департаментъ и примѣнялъ одну и ту же обычную свою мѣру воздѣйствія, отмѣнялъ администрат. распоряженіе, сопровождая иногда эту отмѣну (какъ объ этомъ указывается въ дальнѣйшемъ) нѣкоторыми дополнительными мѣропріятіями.

Разсмотрѣніе Сенатомъ дѣлъ „по существу“ не можетъ, такимъ образомъ, и приравняться къ процессу „полной юрисдикціи“ предъ Госуд. Совѣтомъ во Франціи. Это — явленія, лежащія въ совершенство разныхъ плоскостяхъ. Первое касается степени широты провѣрки администр. актовъ и сводится къ вопросу: провѣряется ли только форма актовъ и компетенція издавшихъ ихъ органовъ или также и законность самого административнаго мѣропріятія вообще? Второе относится къ области полномочій суда по принятію мѣръ для приведенія административныхъ актовъ въ соотвѣтствіе съ закономъ, послѣ уже провѣрки ихъ, и сводится къ вопросу: должна ли быть примѣнена только отмѣна или сверхъ того и иныя мѣры, въ частности — измѣненіе обжалованнаго админ. акта?

Если сравненіе этихъ двухъ разнородныхъ явленій имѣло мѣсто у С. А. Корфа, то лишь потому, что при характеристикѣ имъ процесса „полной юрисдикціи“ у него оказался не выявленнымъ основной отличительный признакъ его — особая широта полномочій судьи при вынесеніи рѣшеній и особый характеръ этихъ рѣшеній по сравненію съ процессомъ отмѣны, т. е. измененіе адм. актовъ и присужденіе къ выплатамъ. Превалирующее надъ всѣмъ значеніе получилъ въ глазахъ С. А. Корфа другой признакъ, фактически такого значенія не имѣющій, именно — провѣрка при процессѣ „полной юрисдикціи“ вопросовъ не только права, но и „вопросовъ факта“; для С. А. Корфа это означало возможность контролировать не только законность, но и цѣлесообразность дѣятельности администраціи (стр. 412). Данное же обстоятельство связывалось для него съ горячо отстаиваемой имъ точкой зрѣнія о правѣ Сената провѣрять и дискреціонныя полномочія русской администраціи (стр. 374 и сл.). Это былъ вообще одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе живо обсуждавшихся въ русской юридической литературѣ послѣ введенія конституціоннаго строя въ 1906 г. Но все это въ общемъ не характерно для французскаго „процесса полной юрисдикціи“. Провѣрка фактической стороны производится и при „процессѣ отмѣны“, и она вовсе не равнозначуща съ провѣркой административнаго усмотрѣнія; контроль послѣдняго во Франціи пошелъ собственно въ порядкѣ отмѣны

администр. актовъ въ виду „извращенія полномочій“ (détournement de pouvoir).

Въ результатъ всего этого, сенатское разсмотрѣніе „по существу“ сравнивается у С. А. Корфа съ такимъ пониманіемъ процесса „полной юрисдикціи“, которое вовсе не выражаетъ его сущности, и отсюда уже явствуетъ, что сходство, полученное въ результатъ такого сравненія есть мнимое, не выражающее подлиннаго соотношенія производства дѣлъ предъ Первымъ Департаментомъ Сената и предъ Госуд. Совѣтомъ во Франціи. И не удивительно, если это смѣшеніе понятій привело и С. А. Корфа къ признанію, что не имѣется четкаго и послѣдовательнаго разграниченія между „кассационнымъ порядкомъ“ и сенатскимъ разсмотрѣніемъ дѣлъ „по существу“, что „ничѣмъ, кромѣ случайности“ оба порядка „не разграничивались другъ отъ друга“ (стр. 368). Поскольку Первый Департаментъ дѣйствительно различалъ разсмотрѣніе „съ формальной стороны“ и „по существу“, эти два явленія въ практикѣ его и не противопоставались другъ другу, а восполняли другъ друга. И нерѣдко въ одномъ и томъ же рѣшеніи, „останавливаясь прежде всего на обсужденіи вопроса... съ формальной стороны“, онъ „обращался засимъ къ обсужденію“ дѣла „по существу“¹⁶).

Мнимость отмѣченнаго выше сходства „разсмотрѣнія по существу“ и „процесса полной юрисдикціи“ не исключаетъ, конечно, того, что въ дѣйствительности могли имѣться иныя сходныя черты судопроизводства въ Сенатѣ и во Французскомъ Гос. Совѣтѣ. Но во всякомъ случаѣ „процессъ полной юрисдикціи“, въ смыслѣ измѣненія административныхъ актовъ, не имѣлъ мѣста въ практикѣ Перваго Департамента Сената. Поскольку же процессъ полной юрисдикціи охватываетъ во Франціи дѣла по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и по имущественной отвѣтственности должностныхъ лицъ, то въ Россіи со времени судебной реформы 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія для дѣлъ этого рода было открыто, помимо административнаго обжалованія, также обжалованіе передъ гражданскимъ судомъ, что и стало основнымъ порядкомъ для ихъ разрѣшенія.

Въ послѣдовательно проводимомъ кассационномъ характерѣ рѣшеній Сената по административнымъ дѣламъ заключается коренная особенность Перваго Департамента Сената, какъ высшаго суда по административнымъ дѣламъ. Отличаясь отъ французскаго Госуд. Совѣта, онъ имѣлъ въ данномъ отношеніи далеко идущее сходство съ другимъ современнымъ ему „Высшимъ Административнымъ Судомъ“,

¹⁶Ук. Сен. 10. 2. 904, № 1038, Кузн. III, 182; Ук. Сен. 29. 3. 911, № 3620, Кузн. VIII, 14.

именно — австрійскимъ. По закону 22 окт. 1875 г. послѣдній былъ надѣленъ лишь правомъ отмѣны административныхъ распоряженій съ правомъ возврата ихъ вынесшему ихъ административному учрежденію, которое обязывалось исправить недостатки и вынести новое рѣшеніе по данному дѣлу (§ 6). Приэтомъ въ силу прямого постановленія закона административныя учрежденія должны были руководствоваться тѣми юридическими сужденіями, которыя были положены въ основу рѣшенія административнаго суда“ (§ 7). Въ Россіи же указы Сената должны были, на основаніи издавна дѣйствовавшихъ постановленій, исполняться всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, какъ собственные Указы Императорскаго Величества (ср. Учр. Сен. изд. 1915 г. ст. 203), изъ чего Сенатомъ и сдѣланъ былъ выводъ объ обязательности и мотивовъ его рѣшеній, приводившихся въ дѣйствіе исходящими отъ него указами.

III. Отказываясь отъ примѣненія „измѣненія“ администр. постановленій, Первый Департаментъ, передавая дѣло на новое разсмотрѣніе, стремился самой мотивировкой своего рѣшенія содѣйствовать наиболѣе полному осуществленію въ дальнѣйшемъ своего правового пониманія дѣла. Въ связи съ этимъ на практикѣ создано огромное значеніе мотивовъ сенатскихъ рѣшеній объ отмѣнѣ.

Когда администрація при пересмотрѣ дѣла могла въ извѣстныхъ рамкахъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, Сенатъ не могъ, конечно, и косвеннымъ образомъ, въ мотивахъ своего опредѣленія, предуказывать какое-нибудь одно опредѣленное рѣшеніе дѣла. Онъ дѣйствовалъ въ подобнаго рода случаяхъ такимъ образомъ, что предусматривалъ нѣсколько вытекавшихъ изъ особенностей дѣла возможныхъ способовъ рѣшенія его и предоставлялъ самимъ административнымъ учрежденіямъ дѣлать выборъ между ними. Въ результатѣ, и то другое рѣшеніе администраціи должно было оказываться не противорѣчащимъ правовымъ воззрѣніямъ Сената.

Земство производило, напр., переоцѣнку нѣкоторыхъ объектовъ обложенія и притомъ на новыхъ основаніяхъ; черезъ это возникала неравномѣрность обложенія по новой оцѣнкѣ по сравненію съ объектами, оцѣненными на прежнихъ основаніяхъ. Ввиду несоблюденія уравнительности обложенія Сенатъ отмѣнялъ земскія постановленія и въ мотивахъ рѣшенія дополнительно указывалъ, что уравнительность эта могла быть достигнута двоякимъ способомъ: или нужно было примѣнить вновь установленный способъ оцѣнки ко всѣмъ тѣмъ объектамъ обложенія, которые были раньше оцѣнены инымъ способомъ, или же слѣдовало оставить прежній способъ оцѣнки и по отношенію къ тѣмъ объектамъ, которые

въ позднѣйшее время были оцѣнены на новыхъ основаніяхъ¹⁷⁾. Земству предоставлялось лишь рѣшить, какой именно изъ этихъ пріемовъ оцѣнки примѣнить ко всѣмъ безъ исключенія объектамъ обложенія. Аналогичныя рѣшенія встрѣчаются и по другимъ дѣламъ. Отдѣльныя земства отказывались принимать на страхъ постройки въ такихъ селеніяхъ, гдѣ строенія были возведены вопреки установленному земствомъ плану даннаго селенія и стояли крайне скучено. Въ виду обязательности земскаго страхованія Сенатъ признавалъ, что земства не могутъ отказываться въ страхованіи, отмѣняя такого рода отказъ земства и поручалъ ему вынести новое постановленіе „на указанныхъ основаніяхъ“. А въ качествѣ „основаній“ рѣшенія Сенатъ приводилъ то соображеніе, что, при обязательности земскаго страхованія, земство въ правѣ или а) предъявить требованіе о выполненіи обязательнаго постановленія относительно порядка построекъ, или же б) установить для неправильно возведенныхъ строеній повышенный размѣръ страховыхъ платежей¹⁸⁾. При пересмотрѣ своего постановленія земство, очевидно, могло только или принять страхованіе построекъ даннаго селенія на общихъ основаніяхъ и одновременно возбудить преслѣдованіе за неисполненіе обязательнаго постановленія или же произвести страхованіе по повышенной таксѣ. Ему предоставлялся собственно лишь выборъ одного изъ двухъ указанныхъ Сенатомъ способовъ рѣшенія дѣла.

При „связанныхъ“ (не дискреціонныхъ) полномочіяхъ администраціи Сенатъ могъ дѣйствовать болѣе прямолинейно и рѣшительно. Въ рядѣ своихъ опредѣленій онъ при отмѣнѣ административнаго постановленія отчетливо устанавливалъ опредѣленный принципъ разрѣшенія его, но все же отсылалъ дѣло на пересмотръ администраціи, такъ какъ въ виду недостатка фактическихъ данныхъ, если бы и хотѣлъ, то не могъ бы примѣнить надлежащимъ образомъ данный принципъ. Такъ, въ дѣлахъ о налогахъ и разнаго рода сборахъ Сенатъ, установивъ надлежащій пріемъ исчисленія ихъ, отсылалъ дѣло къ администраціи то потому, что требовалось произвести заново оцѣнку всѣхъ объектовъ обложенія¹⁹⁾, то потому, что нужно было собрать дополнителныя данныя: выяснить стоимость облагаемаго помещенія²⁰⁾, установить размѣръ тѣхъ участковъ земли, которые въ силу особыхъ

17) Уж. Сен. 6. 2. 915, № 1237 и 13. 4. 915, № 4630, Кузн. XII, 54.

18) Ук. Сен. 13. 3. 903, № 2293, Кузн. II, 209.

19) Ук. Сен. 23. 2. 910, № 2964, Кузн. VII, 51; Ук. Сен. 3. 12. 897, № 9926, Канторовичъ, 1798.

20) Ук. Сен. 30. 3. 905, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, II, 69.

обстоятельствъ должны были быть изъяты изъ обложенія, и т. п.²¹⁾.

Но чѣмъ подробнѣе бывали разработаны и установлены Сенатомъ правовыя основанія рѣшенія дѣла, и чѣмъ полнѣе — вмѣстѣ съ тѣмъ — были выяснены фактическія обстоятельства дѣла, тѣмъ менѣе оставалось для администраціи возможности внести при пересмотрѣ отъ себя что-либо новое, что-либо такое, чего не имѣлось уже въ мотивахъ опредѣленія Сената. Въ налоговыхъ дѣлахъ Сенатъ нерѣдко подвергалъ тщательному анализу всѣ объекты обложенія и устанавливалъ, какіе изъ нихъ должны быть освобождены отъ обложенія, какіе обложены неправильно и почему, указывалъ надлежащія приемы оцѣнки, приводилъ спеціальныя выработанныя практикой формулы расчета обложенія, производя при этомъ подробныя выкладки на основаніи матеріаловъ дѣла²²⁾. Всѣмъ этимъ въ значительной мѣрѣ заранѣе предопредѣлялось рѣшеніе, которое должны были вынести налоговые органы.

Иногда Сенатомъ настолько опредѣленно устанавливался способъ рѣшенія дѣла, и настолько оказывались ясны и полны фактическія обстоятельства дѣла, что выводъ вытекалъ самъ собою. Онъ могъ быть сдѣланъ въ одномъ только опредѣленномъ смыслѣ Первый Департаментъ не включалъ его, однако, въ резолютивную часть своего рѣшенія и предоставлялъ самой администраціи вынести соответствующее рѣшеніе. Сенатъ находилъ, напр., что при опредѣленіи размѣра основного капитала одного предпріятія Присутствіе по промысловому налогу преуменьшило его, такъ какъ не включило въ него 78.980 руб., полученныхъ отъ выпуска предпріятіемъ дополнительныхъ акцій; въ виду именно этого Сенатъ отмѣнилъ постановленіе Присутствія и предписалъ ему разсмотрѣть дѣло вновь. Послѣ этого Присутствіе, при вынесеніи по дѣлу новаго рѣшенія, могло сдѣлать только одно, именно — увеличить ранѣе принятую имъ сумму основного капитала на 78.980 руб., поступившихъ отъ выпуска дополнительныхъ акцій²³⁾. По одной жалобѣ на ненадлежащую выплату заштатнаго содержанія Сенатъ отмѣнилъ постановленіе земства, которымъ просителю назначалось заштатное содержаніе въ размѣрѣ лишь полугодоваго оклада жалованья: Сенатъ нашелъ, что жалобщикъ по закону подле-

²¹⁾ Ук. Сен. 24. 9. 915, № 12621, Кузн. XII, 71; Ук. Сен. 17. 6. 914, № 8550, Общ. Вѣдом. 1914, № 6. 279; Ук. Сен. 25. 6. 914, № 8609. Общ. Вѣдом. 1914. № 6, 338; Ук. Сен. 17. 9. 903, № 8268, Сборн. Рѣш. Сен. 1903, 1. 75.

²²⁾ Ук. Сен. 16. 3. 915, № 3407, Кузн. XII, 110; Ук. Сен. 5. 4. 913, № 5208, Кузн. X. 59; Ук. Сен. 18.4.912, № 4981, Кузн. IX, 48.

²³⁾ Ук. Сен. 21. 9. 907, № 9444, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 111.

жить удовлетворенію заштатнымъ содержаніемъ въ размѣрѣ не полугодового, а всего годового оклада; Сенатъ указаль при этомъ даже точную сумму послѣдняго по должности просителя, именно — 480 руб и поручиль земству „войти въ новое разсмотрѣніе настоящаго дѣла“²⁴). Какой иной результатъ могъ быть отъ этого пересмотра, какъ не назначеніе просителю заштатнаго содержанія въ указанномъ размѣрѣ 480 рублей въ годъ?

Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ Сенатъ явно подсказываль администраціи то измѣненіе ея рѣшенія, которое онъ хотѣль видѣть. И гарантіей этой „подсказки“ было право сената, какъ высшаго суда въ имперіи, отмѣнять впоследствии, по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ, всякое рѣшеніе администраціи, принятое вопреки его указаніямъ. Но самъ Первый Департаментъ Сената этого измѣненія, отъ своего имени въ своихъ рѣшеніяхъ не примѣняль, административныхъ распоряженій не измѣняль даже тогда, когда обстоятельства дѣла были вполне выяснены, и изъ нихъ прямо вытекала необходимость по закону новаго определеннаго рѣшенія²⁵): онъ предпочиталь оставаться въ основѣ съ кассационными функціями.

4. Предписанія.

I. Сходство Перваго Департамента Правит. Сената съ австрійскимъ Высш. Административнымъ Судомъ по зак. 1875 года въ основномъ типѣ ихъ рѣшеній не свидѣтельствуетъ никоимъ образомъ объ однообразіи и тождествѣ ихъ практики. Рисовать Первый Департаментъ Правительствующаго Сената на австрійскій образецъ было бы также ошибочно, какъ и изображать его цѣликомъ на французскій ладъ. Въ стремленіи провести свою волю по отношенію къ администраціи Сенатъ могъ итти и шель гораздо дальше австрійскаго Высшаго Административнаго Суда. Сенату принадлежалъ по закону „высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія“ (Учр. Сен. ст. 2), и въ этомъ порядкѣ ему были „подчинены всѣ вообще мѣста и установленія имперіи“, кромѣ „высшихъ“ и спеціально изъятыхъ отъ этой зависимости (ст. 1). Въмѣстѣ съ „общимъ надзоромъ“ входили въ кругъ его полномочій и „происходящія отъ сего мѣры взысканія, понужденія и поощренія, закономъ установленныя“ (ст. 20, п. 3а). Въ цѣляхъ „прекращенія . . . противозаконныхъ дѣйствій въ подчиненныхъ ему мѣстахъ“ (ст. 2) Сенатъ примѣняль, въ отличіе отъ австрійскаго администра-

²⁴) Ук. Сен. 20. 10. 914, № 4568, Кузн. XII 44.

²⁵) Ср. ст. 59 „Постановленія Врем. Правит.“ „О судахъ по админ. дѣламъ“ 30 мая 1917 г., С. У. 1917, № 692.

тивнаго суда, помимо отмѣны также и прямыя „предписанія“ по адресу администраціи.

Въ этомъ отношеніи Первый Департаментъ Правит. Сената оказывался въ одномъ ряду съ англійскимъ Высшимъ Судомъ (High Court), который обладаетъ правомъ изданія „приказовъ“ по отношенію къ администраціи. Практически наиболѣе важное значеніе изъ числа этихъ приказовъ имѣютъ: Writ of Certiorari, посредствомъ котораго Высшій Судъ можетъ вытребовать къ себѣ для пересмотра всякое дѣло, находящееся въ производствѣ у низшей инстанціи, и въ особенности Writ of Mandamus, какъ предписание по адресу администраціи выполнить возложенныя на нее закономъ публично-правовыя обязанности. Послѣдній указъ находитъ себѣ примѣненіе, какъ по отношенію къ центральнымъ, такъ и по отношенію къ мѣстнымъ органамъ, въ частности для того, чтобы побудить общинныя управленія къ выполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей въ области санитаріи, устройства и содержанія въ порядкѣ канализаціи, водопровода и пр.

Въ практикѣ Сената „предписанія“ были многочисленны и шли нерѣдко также подъ видомъ „порученій“ или „предложеній“. Отмѣнивъ распоряженіе администраціи, Первый Департаментъ Сената „предписывалъ“, „предлагалъ“ или „поручалъ“ соответствующимъ инстанціямъ совершать тѣ или другія дѣйствія, поскольку требовались они сверхъ отмѣны для надлежащаго возстановленія правопорядка.

II. Область примѣненія „порученій“ и „предписаній“ Сената была весьма широка и разнообразна.

Въ первую очередь могутъ быть отмѣчены „предписанія“ относительно устраненія упущеній процессуальнаго характера, изъ-за которыхъ возникали ненужныя задержки въ разсмотрѣніи дѣлъ, или дѣла разрѣшались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовало. Усмотрѣвъ подобнаго рода явленія, Сенатъ давалъ указанія для возстановленія должнаго порядка. Если Министръ Финансовъ оставлялъ безъ движенія ходатайство просителя, требуя предварительно уплаты гербоваго сбора по его прошенію, а Сенатъ находилъ, что требованіе это въ данномъ случаѣ не обосновано, то онъ „поручалъ“ Министру „разсмотрѣть по существу ходатайство жалобщика“¹⁾, не оставляя дѣла безъ движенія только изъ за неуплаты указаннаго сбора. Когда нѣкоторые Губернаторы начинали своею властью отклонять ходатайства городскихъ самоуправленій о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, не направляя ихъ въ Министерство Внутр дѣлъ, Сенатъ „предписывалъ“ имъ „руководиться ст. 102 Город. Положенія“, т.е. не

¹⁾ Ук. Сен. 24. 5. 906, № 5682, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, II, 54.

разрѣшать своею властью ходатайствъ, а направлять ихъ высшему начальству со своимъ заключеніемъ и притомъ не позже, чѣмъ въ мѣсячный срокъ по ихъ поступленіи²⁾.

Основное значеніе „предписаній“, какъ особаго вида рѣшеній судовъ по административнымъ дѣламъ, проявлялось въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны администраціи требовалось по закону совершеніе ряда дѣйствій, необходимыхъ для обезпеченія а) или надлежащаго функціонированія самихъ административныхъ учрежденій или б) для обезпеченія правъ отдѣльныхъ лицъ.

а) „Порученія“ или „предписанія“ Сената шли въ большемъ количествѣ не только по адресу коронной администраціи, но также и по адресу органовъ самоуправления земскаго, городского и сословнаго. При ошибкахъ технического проведенія земскаго обложенія Сенатъ „поручалъ Губернатору . . . предложить Земской Управѣ озаботиться своевременной разсылкой окладныхъ листовъ“³⁾ или „предложить земству устранить допущенную неправильность въ отношеніи составленія и разсылки земскихъ окладныхъ листовъ“⁴⁾. Въ 1902 году Лифляндское Губернское Правленіе отказало Евангелическо-Лютеранской Консисторіи въ исполненіи ея постановленія о взысканіи съ просителя канцелярскаго сбора по одному изъ рѣшеній Консисторіи по бракоразводнымъ дѣламъ. Сенатъ нашелъ этотъ отказъ Губернскаго Правленія недопустимымъ по отношенію къ Консисторіи, какъ къ „равному и не подчиненному ему мѣсту“ и постановилъ „предложить ему (т. е. Губ. Правленію) распорядиться объ исполненіи требованія Консисторіи“ относительно взысканія этого канцелярскаго сбора⁵⁾. Въ отношеніи выборнаго производства Сенатъ по отмѣнѣ Земскихъ выборовъ, „предписывалъ“ Губернаторамъ озаботиться назначеніемъ новыхъ выборовъ⁶⁾ или „предлагалъ“ имъ „созвать вновь избирательное собраніе для дополнительнаго выбора недостающаго числа гласныхъ“⁷⁾. Сенатъ „предписывалъ“ Губернскимъ Присутствіямъ „исключить изъ состава гласныхъ“ неправильно избранныхъ лицъ, а неправильно исключенныхъ „возстановить въ званіи гласнаго“⁸⁾, „поручалъ“ Городскимъ Думамъ „про-

²⁾ Ук. Сен. 21. 9. 906, № 9563, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, II, 43.

³⁾ Ук. Сен. 21. 5. 904, № 4785, Кузн. III, 119.

⁴⁾ Опред. 16. 11. 899, № 8786, Канторовичъ, 2248.

⁵⁾ Ук. Сен. 7. 11. 905, № 9470, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, II, 79.

⁶⁾ Ук. Сен. 18. 8. 904, № 7204, Кузн. II, 49; Ук. Сен. 4. 6. 904, № 5671, Кузн. II, 55; Ук. Сен. 5. 3. 915, № 2834, Кузн. XII, 22.

⁷⁾ Опред. I Деп. 13. 4. 898, № 3058, Канторовичъ 1912.

⁸⁾ Ук. Сен. 9. 6. 914, 7975, Кузн. XI, 29; Ук. Сен. 9. 6. 914, № 7976, Кузн. XI, 26; Ук. Сен. 13. 5. 915, № 5859, Кузн. XII, 35; Ук. Сен. 26. 10. 910, „Извѣстія по дѣламъ земск. и городск. хозяйства“, 1910, № 12, стр. 45.

известить новые выборы Городского Головы⁹⁾, а Земскимъ Собраніямъ — произвести перевыборы членовъ Управы или выборы мировыхъ судей¹⁰⁾ и т. п.

б) Такого же рода „предписанія“ шли по адресу административныхъ органовъ, когда отъ нихъ требовалось выполнение обязанностей по отношенію къ отдѣльнымъ гражданамъ: предоставленія имъ тѣхъ или другихъ правъ, совершенія опредѣленныхъ услугъ для нихъ или выполнения имущественныхъ обязательствъ публично-правового характера. Министръ Финансовъ отклонялъ и притомъ, по соображеніямъ Сената, неосновательно ходатайство просителя о причисленіи его сыновей къ мѣщанскому обществу, и Сенатъ „поручалъ“ Министру „удовлетворить просителя“, т. е. приписать его дѣтей къ мѣщанскому обществу¹¹⁾. Губернаторъ оставлялъ въ паспортѣ просителя отмѣтку, ограничивающую свободу его передвиженія, и не хотѣлъ удалить ее, несмотря на то, что это ограниченіе для даннаго лица уже отпало; Сенатъ „поручалъ“ Губернатору сдѣлать распоряженіе объ устраненіи неправильности¹²⁾. Губернаторъ обязывался, такимъ образомъ, внести измѣненіе въ выданный полиціей паспортъ. Земская Управа отказывала просителю въ выдачѣ требуемой имъ справки относительно недоимки земскихъ сборовъ; Сенатъ постановлялъ: „предписать... Губернатору поручить.. Уѣздной Земской Управѣ выдать П. требуемую имъ справку“¹³⁾.

Особенно многочисленны были „предписанія“ Сената по дѣламъ объ удовлетвореніи публично-правовыхъ имущественныхъ притязаній гражданъ къ казнѣ или къ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Имѣется длинный рядъ опредѣленій, въ которыхъ Сенатъ „поручалъ“ различнымъ органамъ администраціи „принять мѣры къ удовлетворенію ходатайства“ просителей относительно выдачи имъ содержанія по службѣ за тотъ или иной срокъ¹⁴⁾, а равно о выдачѣ прибавочнаго жалованья за выслугой лѣтъ¹⁵⁾ или въ виду службы въ привилегированныхъ мѣстностяхъ¹⁶⁾. Се-

⁹⁾ Опред. I Деп. 8. 5. 895, № 3579, „Опредѣленія 1-го Департ. по вопросамъ о примѣненіи Город. Положенія“, СПб. 1910, стр. 50.

¹⁰⁾ Ук. Сен. 10. 4. 915, № 4311, Кузн. XII, 41; Ук. Сен. 4. 3. 915, № 2725, Кузн. XII, 42.

¹¹⁾ Ук. Сен. 12. 5. 906, № 5207, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, I, 16.

¹²⁾ Ук. Сен. 27. 3. 903, № 2642, „Вѣстн. Сенатск. практики“ 1903, стр. 176.

¹³⁾ Ук. Сен. 5. 7. 901, № 6232, Кузн. II, 15.

¹⁴⁾ Ук. Сен. 10. VIII. 907, № 7398, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 76.

¹⁵⁾ Ук. Сен. 9. 2. 907, № 1715, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 30.

¹⁶⁾ Ук. Сен. 31. 1. 906, № 1154, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, II, 41; Опр. Сен. 30. 4. 893/28. 4. 895, А. М. Нолькенъ, Разъясненія Перваго Общаго Собранія Правительств. Сената и Госуд. Совѣта съ 1. 1. 1894 по

нать „предписывалъ“ также подлежащимъ административнымъ учрежденіямъ „сдѣлать зависящія распоряженія“ о выдачѣ просителямъ полагавшихся по закону усиленныхъ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ¹⁷⁾, о назначеніи пенсій¹⁸⁾ и единовременныхъ пособій¹⁹⁾, о сложеніи начетовъ на должностныхъ лицъ²⁰⁾ или о возвратѣ удержанныхъ изъ залога суммъ²¹⁾ и т.п. По дѣламъ о налогахъ и разнаго рода сборахъ Сенатъ „поручалъ“ удовлетворить ходатайства объ освобожденіи отъ уплаты пошлинъ²²⁾ и повинностей²³⁾, о сложеніи земскихъ сборовъ²⁴⁾, или „предписывалъ“ администраціи сложить неправильно начисленные ею на просителя сборы²⁵⁾, пріостановить взысканіе²⁶⁾, возвратить по принадлежности излишне взысканные налоги²⁷⁾ и пошлины²⁸⁾ и пр.

Можно сказать, что къ такого рода дѣламъ о жалованьяхъ и о разнаго рода налогахъ и сборахъ относится основная часть „предписаній“ и „порученій“ Сената.

III „Приказы“ по сравненію съ другими видами судебныхъ рѣшеній по административнымъ дѣламъ необходимы собственно тогда, когда административный судъ самъ присущими ему средствами не можетъ надлежащимъ образомъ возстановить нарушенный правопорядокъ, и когда для этого требуются еще особыя дѣйствія со стороны администраціи: не только изданіе ею правовыхъ актовъ, но и принятіе какихъ-либо мѣръ техническаго и организаціоннаго характера (организація выборовъ, составленіе и разсылка окладныхъ листовъ и т. п.), или совершеніе опредѣленныхъ дѣйствій, отъ наличія которыхъ ставится въ зависимость самое осуществленіе правъ гражданъ (выдача разрѣшеній, удостовереній, занесеніе въ списки, въ книги и пр.). Во всѣхъ

1. 6. 1901, СПб., 1906, стр. 146; Определ. Сен. 25. 4. 903/10. 100. 903, А. М. Нолькенъ, Вопросы административной практики, СПб., 1906, стр. 72.

¹⁷⁾ Ук. Сен. 29. 1. 903, № 683, Сборн. Рѣш. Сен. 1904, II, 2; Ук. Сен. 7. 8. 907, № 7115, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 36.

¹⁸⁾ Ук. Сен. 11. 10. 903, Сборн. Рѣш. Сен. 1904, II, 3; Ук. Сен. 9. 12. 903, № 12790, Сборн. Рѣш. Сен. 1904, II, 8.

¹⁹⁾ Ук. Сен. 14. 12. 905, № 11898, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, I, 24; Ук. Сен. 1. 6. 906, №№ 6144—6147, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, I, 27.

²⁰⁾ Определ. I Общаго Собр. Пр. Сен. 13. 12. 900/23. 11. 902, Нолькенъ, Вопросы админ. практ., стр. 85—87.

²¹⁾ Определ. I Общ. Собр. Пр. Сен. 17. 3. 906/2. 10. 906, И. Д. Мордухай-Болтовской, Разъясненія по вопросамъ админ. права, СПб., 1909 стр. 18—20.

²²⁾ Ук. Сен. 7. 8. 907, № 7121, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, II, 96.

²³⁾ Ук. Сен. 9. 6. 914, № 7989, Общая Вѣдом. 1914, № 6, стр. 343.

²⁴⁾ Ук. Сен. 21. 2. 914, № 2607, Кузн. XI, 91.

²⁵⁾ Ук. Сен. 18. 11. 909, № 11701, Кузн. VI, 33.

²⁶⁾ Ук. Сен. 29. 9. 915, № 12872, Кузн. XII, 85.

²⁷⁾ Ук. Сен. 29. 7. 914, № 5815, Кузн. XI, 69; Ук. Сен. 13. 2. 915, № 1677, Кузн. XII, 83.

²⁸⁾ Ук. Сен. 4. 12. 906, № 13330, Сборн. Рѣш. Сен. 1906, II, 64.

подобнаго рода случаяхъ примѣнялъ предписанія и Сенатъ. Но если для должнаго возстановленія порядка достаточно только отмѣнить или измѣнить административное постановленіе, если дѣло можетъ быть исчерпано въ самомъ засѣданіи суда вынесеніемъ новаго правового рѣшенія по нему, то административный судъ собственно не имѣетъ основаній примѣнять еще и приказы.

Основная же линія поведенія Сената была такова, что онъ вообще не считалъ себя призваннымъ рѣшать за администрацію; и потому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда для возстановленія правопорядка достаточно было только измѣнить обжалованное административное распоряженіе, замѣнивъ одно правовое рѣшеніе дѣла другимъ, Первый Департаментъ Сената находилъ, что средствами, присущими ему какъ административному суду, онъ этого сдѣлать не можетъ. Чтобы добиться отъ администраціи измѣненія ея постановленій, онъ, какъ уже было указано, въ нѣкоторыхъ случаяхъ передавалъ дѣло на новое разсмотрѣніе съ точнымъ предубаженіемъ основаній пересмотра. Еще большее значеніе имѣли въ этомъ отношеніи его предписанія, какъ средство заставить администрацію измѣнить ея распоряженіе. Помимо предписанія тѣхъ или другихъ административныхъ дѣйствій, Сенатъ „предписывалъ“ иногда администраціи принять, во измѣненіе состоявшагося уже ея распоряженія, иное правовое разрѣшеніе даннаго вопроса, которое она и обязывалась примѣнить къ данному дѣлу. „Постановленіе... Губернск. по воинской повинности Присутствія... по настоящему дѣлу“, опредѣлялъ Сенатъ, „отмѣнить, предписавъ сему послѣднему исчислить срокъ службы въ войскахъ (просителя) М. съ 1-го января 1902г.“²⁹⁾. Губернское Присутствіе не хотѣло зачислить данному лицу въ срокъ его военной службы пребываніе его въ лазаретѣ для испытанія здоровья, гдѣ онъ находился семь съ половиной мѣсяцевъ — съ 1-го января до 15-го августа и считало срокъ службы его съ 15-го августа. Сенатъ же предписалъ зачислить и этотъ довольно длительный срокъ пребыванія въ лазаретѣ въ счетъ военной службы, и Губернское Присутствіе должно было теперь измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и исчислять срокъ службы просителя начиная не съ 15-го августа, какъ оно рѣшило раньше, а съ 1-го января того же года.

Московскій первой гильдіи купецъ Ш. принесъ въ Сенатъ жалбу на то, что Министръ финансовъ постановилъ исчислить таможенный сборъ на ввезенный имъ товаръ не по болѣе льготной для просителя 164-ой статьѣ Таможен-

²⁹⁾ Ук. Сен. 12. 10. 907 №№ 11231—11235, Сборн. Рѣш. Сен. 1907, 1, 9.

наго тарифа, а по соединенной съ повышенной уплатой сборовъ — 159-ой статьѣ. Сенатъ нашелъ, что къ спорному товару, по его характеру, надлежитъ примѣнить именно 164-ю статью, ту самую, о примѣненіи которой ходатайствовалъ и проситель, и потому опредѣлилъ: „поручить Министру Финансовъ ходатайство московскаго первой гильдіи купца Ш. по означенному предмету удовлетворить“³⁰⁾ И Министръ Финансовъ долженъ былъ послѣ этого измѣнить свое первоначальное постановленіе и примѣнить къ данному дѣлу не ту статью, которую онъ вначалѣ предполагалъ, а совершенно другую.

Въ налоговыхъ дѣлахъ Сенатъ не только предписывалъ административнымъ инстанціямъ, вопреки вынесеннымъ ими постановленіямъ, удовлетворять ходатайства просителей объ освобожденіи ихъ отъ обложенія, но и выносилъ рѣшенія болѣе спеціальнаго характера. Л-ское Губернское Правленіе, постепенно увеличивая размѣръ квартирнаго сбора съ просителя Б., подняло этотъ сборъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ 52 руб. 50 коп. до 1200 руб. въ годъ и отказывалось уменьшить эту сумму. Въ отвѣтъ на принесенную налогоплательщикомъ жалобу Сенатъ опредѣлилъ: „Постановленіе... Губ. Правленія въ части, касающейся неудовлетворенія ходатайства просителя объ ограниченіи взыскиваемаго съ него (квартирнаго) сбора до суммы 52 руб. 50 коп...., а равно въ части, касающейся ходатайства о сложеніи взысканнаго съ него въ преувеличенномъ размѣрѣ сбора...., отмѣнить, поручивъ Губ. Правленію принять мѣры къ удовлетворенію ходатайства просителя въ этихъ частяхъ“³¹⁾. Въ силу этого рѣшенія Сената Губернское Правленіе должно было опредѣленную имъ ранѣе сумму годичнаго сбора въ 1200 руб. уменьшить въ 22 слишкомъ раза, низведя ее до прежняго размѣра въ 52 руб. 50 коп., и возвратитъ весь излишне взысканный сборъ въ нѣсколько тысячъ рублей.

Въ подобнаго рода случаяхъ Сенатъ могъ бы собственнo и самъ, не прибѣгая къ содѣйствию администраціи, вынести вмѣсто отмѣненныхъ имъ новыя постановленія: опредѣлить, что срокъ службы просителя въ войскахъ исчисляется съ такого-то числа, а равно установить уменьшенную цифру налога и таможеннаго сбора. Содержаніе новаго рѣшенія по существу и устанавливалось Сенатомъ, но онъ поручалъ самой администраціи, на мѣсто отмѣннаго ея постановленія, издать новый актъ съ этимъ заранѣе указаннымъ содержаніемъ.

При этомъ создавалось иное положеніе, чѣмъ при про-

³⁰⁾ Ук. Сен. 15. 6. 905, № 4799—4800, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, 1, 21.

³¹⁾ Ук. Сен. 9, 2, 905, № 819, Сборн. Рѣш. Сен. 1905, II, 11.

стой передачѣ дѣла на новое разсмотрѣніе. При передачѣ на пересмотръ основанія его трактовались въ мотивахъ сенатскаго рѣшенія. При предписаніи же совершенно опредѣленнаго измѣненія указанія относительно этого измѣненія переносились изъ мотивовъ прямо въ резолютивную часть опредѣленія Сената. При передачѣ дѣла на новое разсмотрѣніе для администраціи могла оставаться извѣстная сфера свободы и самостоятельности въ формулированіи и установленіи содержанія новаго распоряженія, именно — въ зависимости отъ выясненности обстоятельствъ дѣла, степени дискреціонности ея полномочій, конкретности предубаженій Сената и пр. Лишь при наиболѣе простой и полностью выясненной фактической основѣ дѣла и несложности юридической стороны его, передача на новое разсмотрѣніе могла равняться передачѣ для заранѣе предусмотрѣннаго измѣненія. Предписанія же объ опредѣленномъ измѣненіи административнаго постановленія выигрывали въ ясности, точности и рѣшительности. Здѣсь не оставалось мѣста для какихъ-либо сомнѣній или инотолкованій администраціи. Ей оставалось только перенести въ свое распоряженіе то, что содержалось въ резолютивной части рѣшенія Сената. Практически это соответствовало измѣненію административнаго постановленія въ порядкѣ направленнаго на данное админ. учрежденіе начальственнаго приказа. И надлежитъ отмѣтить, что вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ этой рѣзкой формѣ воздѣйствія на администрацію, Сенатъ довольствовался большею частью менѣе бьющей по администраціи простой передачей дѣла на новое разсмотрѣніе съ указаніемъ его основаній.

5. Рѣшенія по дѣламъ о наложеніи административныхъ взысканій и разъясненія.

1. Тенденція видѣть въ практикѣ Сената выявленіе тѣхъ же самыхъ функцій административнаго судопроизводства, какія имѣютъ мѣсто во французскомъ Государственномъ Совѣтѣ, приводитъ, какъ уже указывалось, къ попыткѣ отыскивать и въ производствѣ Сената какъ карательныя постановленія, такъ и „нѣкоторыя признаки сходства“ съ процессомъ толкованія во Франціи. „Въ компетенціи I-го Департамента имѣется и репрессивная функція, подобная французскому понятію *contentieux de la répression*“, пишетъ С. А. Корфъ. Проявляется она, по его мнѣнію, въ дѣлахъ о взысканіяхъ таможенныхъ, горныхъ, по промысловому обложенію и пр.¹⁾

Въ этихъ дѣлахъ Сенатъ, дѣйствительно, въ порядкѣ

¹⁾ Административная юстиція въ Россіи, т. II, стр. 380, 381

разсмотрѣнія жалобъ разбиралъ вопросъ и о карахъ, налагавшихся въ административномъ порядкѣ за нарушение уставовъ казеннаго управленія или Положенія о промысловомъ налогѣ. Но рассматривая этого рода жалобы, Сенатъ строго оставался въ рамкахъ своихъ обычныхъ полномочій при провѣркѣ административныхъ распоряженій: онъ лишь отмѣнялъ неправильно наложенныя взысканія, но самъ не устанавливалъ какихъ-либо каръ. Въ этомъ существенное отличие его отъ французскаго Госуд. Совѣта, который въ „процессѣ карательномъ“ не только отмѣняетъ рѣшенія низшей инстанціи, но выноситъ и прямо карательныя постановленія, устанавливая размѣръ наказаній и денежныхъ штрафовъ. Данныя постановленія касаются главнымъ образомъ небольшой категоріи дѣлъ по нарушенію правилъ относительно сохраненія въ порядкѣ и пользованія важнѣйшими путями сообщенія (*contreventions de grande voirie*). Это — довольно случайная функція Гос. Совѣта, пережитокъ практики, восходящей ко времени, предшествовавшему еще французской революціи, когда нарушенія дорожныхъ правилъ карались прямо въ административномъ порядкѣ. Но въ этихъ дѣлахъ французскій Гос. Совѣтъ выступаетъ, дѣйствительно, съ полномочіями уголовного суда. Рѣшенія же I го Департамента объ отмѣнѣ распоряженій о наложеніи административныхъ взысканій по существу ничѣмъ не отличаются отъ рѣшеній по жалобамъ на всѣ прочія административныя постановленія, и потому не имѣется никакихъ основаній выдѣлять ихъ въ особую группу и отмѣчать сходство ихъ съ французской практикой.

II. Что касается попытки сблизить толкованіе законовъ I ымъ Департаментомъ Сената съ процессомъ толкованія предъ французскимъ Госуд. Совѣтомъ, то сходство между ними заключается лишь въ томъ, что и въ томъ и другомъ случаѣ имѣется „толкованіе“. По существу же это — два совершенно различныхъ явленія. *Conten-tieux de l'interprétation* французскаго Государственнаго Совѣта касается толкованія исключительно административныхъ актовъ, сенатское же толкованіе было толкованіемъ смысла только законодательныхъ актовъ. Процессъ толкованія возникъ въ практикѣ Гос. Совѣта въ силу того своеобразнаго пониманія принципа раздѣленія властей, которое легло въ основу всего построенія французской административной юстиціи. Согласно этому пониманію, гражданскіе суды не имѣютъ права толковать административные акты, а административные суды — вопросы гражданского права. Поэтому, если при разсмотрѣніи какого-либо дѣла гражданскимъ судомъ возникаетъ вопросъ о толкованіи смысла или дѣйствительности административнаго акта, то гражданскій судъ обязывается при-

остановить производство дѣла, обратиться въ админ. судъ за толкованіемъ даннаго акта и, получивъ отъ него необходимое разъясненіе, приступить къ окончательному разрѣшенію дѣла. Въ Россіи же съ 1864 по 1917 годъ гражданскій судъ, какъ равно и уголовный, могли при разбирательствѣ дѣлъ сами толковать имѣвшіе отношеніе къ нему админ. акты²⁾. Правда, имѣлись извѣстныя ограниченія случаевъ, когда именно допускалось возбужденіе дѣла противъ административныхъ лицъ непосредственно предъ гражданскими судами (Уст. Гражд. Суд., ст. 1316). Въ силу административной гарантіи устанавливался также особо осложненный порядокъ возбужденія дѣлъ черезъ административныя и судебныя учрежденія. Но когда дѣло поступало уже на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ учрежденій, для послѣднихъ не существовало какихъ-либо ограниченій въ установленіи силы и смысла админ. актовъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи не имѣлось самой почвы, на которой возникъ и развился во Франціи процессъ толкованія админ. актовъ административнымъ судомъ Первый Департаментъ Сената толковалъ, конечно, административные акты, поскольку такого рода вопросы возникали въ дѣлахъ, находившихся у него на разсмотрѣніи. Это дѣлаетъ неизбежно каждый админ. судъ, дѣлаетъ и франц. Гос. Совѣтъ при разсмотрѣніи дѣлъ въ процессѣ отмѣны и въ процессѣ полной юрисдикціи. Но подъ „contentieux de l'interprétation“ у него понимается процессъ совершенно обособленный отъ разсмотрѣнія жалобъ на админ. акты. Такого рода обособленный процессъ, направленный исключительно на толкованіе админ. актовъ по представленіямъ общихъ судовъ и соединенный съ вынесеніемъ рѣшенія, въ резолютивной части котораго устанавливались бы сила и смыслъ админ. актовъ, вообще не имѣлъ мѣста въ практикѣ Перваго Департамента Правит. Сената.

Сенатское толкованіе, какъ толкованіе законовъ, а не админ. актовъ, связано было съ особымъ положеніемъ Сената въ системѣ высшихъ государственныхъ учрежденій Россійской Имперіи. Въ то время, какъ обычно, публикація законовъ относится къ функціямъ главы государства, въ Россіи обнародованіе законовъ и указовъ Государя входило въ компетенцію Перваго Департамента Сената (Учр. Сен., ст. 20). Черезъ Сенатъ же проходило опубликованіе и такихъ правительственныхъ распоряженій центральныхъ учрежденій, которымъ придавалось общеобязательное значеніе (Учр. Сен. Прил. VII, ст. 8). вмѣстѣ съ этимъ къ полномочіямъ Сената было отнесено „поясненіе и подтвержденіе законовъ“ (Учр.

²⁾ Рѣш. Общ. Собр. I и Касс. Деп. 1869, № 10, 1912, № 6

Сен., ст. 20). Объ этомъ могли просить Сенатъ министры и губернскія мѣста, когда возникали сомнѣнія въ примѣненіи законовъ или разногласія между вѣдомствами въ пониманіи ихъ Учр. Мин., ст. 176; Общ. Учр. Губ. изд. 1892 г., ст. 177, 280). Въ случаяхъ сомнѣній въ пониманіи закона правительственныя учрежденія предпочитали получать предварительное разъясненіе закона отъ Сената вмѣсто того, чтобы впослѣдствіи выступать передъ нимъ въ роли отвѣтчика по жалобамъ на ихъ распоряженія. Въ связи съ этимъ и развилась обширная практика Сената по толкованію смысла законовъ, оказавшая въ свое время большое вліяніе на ходъ развитія государственной жизни, въ частности—на производство выборовъ въ земскія учрежденія и въ Госуд. Думу. Постановленія Сената съ толкованіемъ законовъ нерѣдко распубликовывались для общаго руководства въ Собраніи узакон. и распоряженій Правительства. Какъ ни относиться къ отдѣльнымъ сенатскимъ разъясненіямъ съ чисто юридической или съ историко-политической точекъ зрѣнія, совершенно ясно, что эти толкованія законовъ не имѣли ничего общаго съ толкованіемъ административныхъ актовъ во французской административной юстиціи.

Этимъ объясняется, что попытки сопоставить и сблизить процессъ толкованія предъ франц. Госуд. Совѣтомъ съ сенатскими толкованіями носятъ при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ, неопредѣленно общій характеръ и сводятся въ существѣ дѣла къ соображеніямъ не имѣющимъ прямого отношенія къ толкованію именно административныхъ актовъ. „Можно себѣ представить примѣръ“, полагаетъ С. А. Корфъ, „когда... толкованіе Сенатомъ закона явится въ формѣ преюдиціального рѣшенія для любого административнаго органа, что весьма близко подойдетъ къ французскому *contentieux de l'interprétation*“ (т. II, стр. 372). Но это именно и не можетъ близко подойти къ французской практикѣ, гдѣ толкуется не законъ, а административный актъ „Особо важное значеніе получаетъ“ согласно мнѣнію С. А. Корфа, „толкованіе дѣйствій администраціи“, „когда Сенатъ толкуетъ инструкціи и распоряженія министровъ въ порядкѣ ихъ распубликованія“ (т. II, стр. 373). Но здѣсь Сенатъ выноситъ рѣшенія не о толкованіи уже дѣйствующаго админ. акта, а о допустимости распубликованія еще не вошедшаго въ силу административнаго распоряженія. „Другимъ примѣромъ... имѣющаго весьма важное практическое значеніе толкованія Сенатомъ распоряженій администраціи является“, по словамъ С. А. Корфа, „разсмотрѣніе... споровъ между двумя министерствами, обязанными принять какое-либо рѣшеніе сообща, но не пришедшихъ къ взаимному соглашенію по поводу пониманія ими смысла законовъ“ (стр. 373, 374, прим.).

Однако и разногласія между министрами могли восходить на разсмотрѣніе Сената лишь постольку, поскольку они касались пониманія именно законовъ, а не издаваемыхъ самими министрами распоряженій. Согласно прямымъ указаніямъ Сената, „примѣненіе въ отдѣльныхъ случаяхъ правилъ, инструкцій и уставовъ, утвержденіе коихъ предоставлено соглашенію подлежащихъ министровъ, не даетъ Министрамъ и Главноуправляющимъ основанія, въ случаяхъ разногласія, входить въ Правительствующій Сенатъ за разъясненіемъ и толкованіемъ таковыхъ правилъ, инструкцій и уставовъ“³⁾. Такого рода представленія Сенатъ оставлялъ безъ разсмотрѣнія, подчеркивая, что онъ призванъ давать толкованіе только законовъ, а не административныхъ распоряженій.

Приходится констатировать, что „толкованія“ Сената не имѣли никакого сходства съ процессомъ толкованія предъ французскимъ Гос. Совѣтомъ.

III. Этимъ чисто отрицательнымъ констатированьемъ можно было бы, однако, ограничиться лишь въ томъ случаѣ, если бы традиціонное ученіе французской доктрины о видахъ процессовъ предъ Госуд. Совѣтомъ исчерпывало всѣ вообще функціи судовъ по административнымъ дѣламъ, и если бы сенатскія разъясненія имѣли только указанный выше характеръ. Дѣйствительность же была гораздо сложнее. Въ порядкѣ толкованія законовъ безшумно развился новый особый видъ судебно-административныхъ рѣшеній Сената, о примѣнимости которыхъ въ административномъ судопроизводствѣ было такъ много споровъ и разсужденій въ нѣмецкой литературѣ по администр. праву.

Административныя учрежденія обращались въ Первый Департаментъ Сената за разъясненіемъ не только какого-либо общаго правового вопроса, поставленнаго предъ ними практикой, но посылали рапорты и по отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ, если при разрѣшеніи ихъ возникали неустранимыя недоумѣнія относительно смысла закона, или — въ особенности — если по этому поводу происходили разногласія между вѣдомствами. И Сенатъ давалъ разъясненія также относительно единичныхъ случаевъ примѣнительно къ затронутымъ въ дѣлѣ лицамъ и учрежденіямъ. Въ виду разногласія Министра Внутр. Дѣлъ съ Министромъ Финансовъ и Госуд. Контролеромъ Сенатъ постановлялъ, наприм.: „Разъяснить, что С. пользуется правомъ на пособіе“ ... для обученія дѣтей⁴⁾. Или по рапорту одного изъ Губернскихъ Правленій относительно продажи съ торговъ нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ Сенатъ разъяснялъ: „Имѣніе умершаго 2-ой гильдіи

³⁾ Ук. Сен. 17. 6. 914, № 8470, Общ. Вѣдом. 1914, № 6, 293.

⁴⁾ Ук. Сен. 12. 10. 904, № 10462—64, Сборн Рѣш. Сен. 1904, II, 175.

купца К. должно быть признано надѣльной крестьянской землей, которая... можетъ быть продана только лицу, приписанному... къ сельскому обществу“⁵⁾). Нерѣдко „разномыслія“ между министерствами возникали по вопросу о примѣненіи налоговыхъ постановленій, и Сенатъ по поводу такого рода споровъ постановлялъ: „Разъяснить, что Л-ское Земство не имѣетъ права облагать земскимъ сборомъ земли, отчужденныя при станціи С. Б. подъ устройство полигона и лагеря“⁶⁾: „признать, что общество Х... подлежитъ обложенію госуд. промысловымъ налогомъ“⁷⁾; признать, „что Морское вѣдомство обязано нынѣ же уплатить означенныя недоимки“ земскаго сбора за адмиральтейскіе И-скіе заводы“⁸⁾ и т. п.

Такимъ образомъ, въ практикѣ Перваго Департамента, помимо разъясненій общаго характера, имѣли мѣсто и разъясненія частныя. Они занимали совершенно особое положеніе въ ряду принимавшихся Сенатомъ рѣшеній. Не будучи по самому существу своему ни отмѣной админ. распоряженій, ни приказомъ по адресу администраціи, они и не замѣняли уже состоявшагося администрат. распоряженія новымъ. Они вообще не давали окончательнаго и полнаго разрѣшенія дѣла. Изъ всего дѣла выдѣлялся какой-нибудь одинъ вопросъ, пусть наиболѣе важный и существенный, но съ разрѣшеніемъ его не разрѣшалось все дѣло. Сенатъ „разъяснялъ“, какъ долженъ разрѣшаться по закону данный вопросъ, устанавливалъ относительно его законное правоотношеніе, и дальше дѣло могло быть завершено только администраціей: чиновнику, имѣющему право на пособіе для воспитанія дѣтей, должно было быть назначено компетентной къ тому инстанціей пособіе; торги, при которыхъ надѣльная крестьянская земля была присуждена лицу, не имѣющему права владѣть ею, должны были быть признаны Губ. Правленіемъ не состоявшимися; отдѣльные плательщики налоговъ должны были быть освобождены налоговыми учрежденіями отъ обложенія или съ нихъ должны были быть взысканы недоимки падавшихъ на нихъ сборовъ.

Происходило явленіе, аналогичное рѣшеніямъ гражданскихъ судовъ по „искамъ о признаніи“, когда вопросъ о наличіи опредѣленнаго правоотношенія и характеръ его отдѣляется отъ вопроса о правѣ на исполненіе и разрѣшается особо, причемъ это разрѣшеніе можетъ впослѣдствіи служить основаніемъ для возбужденія „иска о присужденіи“. При этомъ въ отличіе отъ гражданскаго процесса рѣшенія административныхъ судовъ о признаніи имѣютъ подгото-

⁵⁾ Ук. Сен. 17. 11. 1903, № 11854, 55, Сборн. Рѣш. Сен. 1904, II, 40.

⁶⁾ Ук. I Общ. Собр. Сен. 9. 6. 915, № 7450—52, Кузн. XII, 46.

⁷⁾ Ук. Сен. 3. 5. 914, № 6248, Общ. Вѣдом. 1914, № 5, стр. 221.

⁸⁾ Ук. Сен. 24. 9. 915, № 12624, Кузн. XII, 99.

вительное значеніе къ будущему не судебному, а административному разбирательству дѣла⁹⁾. Примѣненіе въ судебно-административномъ процессѣ постановленій о признаніи совпадаетъ съ соотвѣтствующими рѣшеніями гражданскихъ судовъ, конечно, лишь въ общихъ чертахъ. Административное право налагаетъ на нихъ свои отличительныя особенности. Въ Пруссіи по закону о компетенціи судовъ по админ. дѣламъ 1883 г. иски о признаніи допускались лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, специально предусмотрѣнныхъ даннымъ закономъ. Нѣсколько болѣе широкое примѣненіе имѣли они по саксонскому закону 1900 г. объ административномъ судопроизводствѣ, однако, опять лишь при наличіи прямыхъ указаній закона. Общимъ образомъ были допущены иски о признаніи лишь позднѣйшими з конами о судахъ по админ. дѣламъ вольныхъ городовъ Гамбурга (1921) и Бремена (1924). Германскому законодательству того времени вообще была присуща тенденція — приспособлять принципы гражданского процесса къ судопроизводству по административнымъ дѣламъ. Въ какой-либо зависимости отъ германскаго вліянія, Правит. Сенатъ лишь въ порядкѣ примѣненія „разъясненій“, совершенно самостоятельно создалъ особый видъ частныхъ разъясненій, которыя являются по существу рѣшеніями объ установленіи законнаго правоотношенія для отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ и соотвѣтствуютъ постановленіямъ по искамъ о признаніи нѣкоторыхъ германскихъ судовъ по административнымъ дѣламъ.

Главнымъ препятствіемъ для широкаго допущенія исковъ о признаніи въ административномъ судопроизводствѣ является опасеніе, что судебныя учрежденія могутъ быть чрезмерно обременены исками справочнаго характера, не имѣющими прямого актуальнаго значенія, и такимъ образомъ могутъ быть приближены къ учрежденіямъ консультаціоннаго характера. Поэтому, если прусская и саксонская практика и допускали иски о признаніи, то лишь въ видѣ исключенія по особымъ специально предусмотрѣннымъ въ законѣ дѣламъ. Въ практикѣ Сената имѣлись свои особыя ограниченія. Они касались какъ это видно изъ предыдущаго, прежде всего сторонъ въ процессѣ.

Въ административномъ процессѣ по меньшей мѣрѣ одной изъ сторонъ является обычно административный органъ, причемъ и другой стороной могутъ быть также не только частныя лица, но и административныя учрежденія. Просить о „разъясненіяхъ“ предъ Сенатомъ могли только

⁹⁾ W. Schultzenstein, Рецензія на кн. M. Seidel, Die Feststellungsklage in Zivil- und Verwaltungsrecht, 1893, Verwaltungsarchiv, B. II, 573.

административные органы, а не частныя лица, и притомъ не всѣ и административные органы, а только специально уполномоченные на то закономъ. Таковыми были только министерства и губернскія мѣста¹⁰⁾. Сенатъ не допускалъ расширенія этого предусмотрѣннаго закономъ круга админ. органовъ и не признавалъ въ частности за земствами права ходатайствовать о разъясненіи законовъ на томъ именно основаніи, что на это не имѣется прямыхъ указаній въ законѣ¹¹⁾. Сенатъ не входилъ также въ разсмотрѣніе разногласій по толкованію закона между низшими и высшим административными инстанціями. Низшая по іерархической лѣстницѣ инстанція должна была въ этомъ случаѣ сообразоваться съ пониманіемъ закона высшей. Сенатъ не признавалъ, напр., за губернаторами права входить въ Сенатъ съ представленіями по поводу разногласій ихъ съ центральными вѣдомствами, въ томъ числѣ — съ Министерствомъ Внут. Дѣлъ; возбуждать въ подобныхъ случаяхъ вопросъ о толкованіи по разногласіямъ могъ лишь самъ министр¹²⁾.

Помимо персональных имѣлись еще ограниченія матеріальнаго характера. Вопросъ долженъ былъ быть не теоретическаго только характера: сомнѣнія въ пониманіи смысла закона должны были возникнуть „при примѣненіи онаго къ данному дѣлу“, „при разрѣшеніи дѣлъ, касающихся даннаго“, выдвинутаго разсматриваемымъ дѣломъ „вопроса“. Иначе Сенатъ считалъ ходатайство о толкованіи не подлежащимъ разсмотрѣнію

Своеобразный институтъ сенатскихъ частныхъ разъясненій дѣйствовалъ, такимъ образомъ, въ интересѣ администраціи, а не частныхъ лицъ. Примѣнявшееся въ этихъ границахъ установленіе законнаго правоотношенія было на практикѣ весьма полезнымъ институтомъ, облегчавшимъ органамъ управленія надлежащее осуществленіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Можно было говорить о желательности нѣсколько болѣе широкаго примѣненія рѣшеній объ установленіи законнаго правоотношенія, но цѣлесообразность допущенія ихъ въ указанныхъ предѣлахъ не вызывала сомнѣній въ русской административной практикѣ.

6. Сенатъ въ ряду высшихъ административныхъ судовъ другихъ странъ.

Въ современныхъ Первому Департаменту Сената системахъ административной юстиціи можно отмѣтить два глав-

¹⁰⁾ Учр. Мин. ст. 176; Общее Учр. Губ. ст. 177, 280.

¹¹⁾ Ук. Сен. 11. 11. 875, № 39096; Ук. Сен. 22. 3. 910, № 4251; Ук. Сен. 7. 9. 1910, № 10276, Кузн. VII, 8; Ук. Сен. 19. 10. 907, № 11551, Кузн. IV, 9.

¹²⁾ Ук. Сен. 15. 1. 915, № 303, Общая Вѣдом. 1915, № 1, стр. 4.

ныхъ типа высшихъ судовъ: одни примѣняли по отношенію къ административнымъ актамъ какъ отмѣну, такъ и измѣненіе ихъ, другіе же только отмѣну, восполняя ее въ случаѣ нужды отсылкой на новое разсмотрѣніе низшей инстанціи. Къ первой группѣ должны быть отнесены: Госуд. Совѣтъ во Франціи, высшіе администр. суды отдѣльныхъ германскихъ государствъ, въ частности — Пруссіи и Саксоніи, а также Высшій Судъ (High Court) въ Англіи. Вторую группу образовывали Первый Департаментъ Сената и болѣе молодой по сравненію съ Сенатомъ Высшій Административный Судъ Австріи (Verwaltungsgerichtshof), учрежденный въ 1875 году. Это сходство Сената и австрійскаго Высш. Админ. Суда въ основномъ типѣ ихъ рѣшеній, конечно, не случайно: оно объясняется нѣкоторыми сходными чертами положенія ихъ въ общей системѣ администр. строя той и другой страны.

Обладавшій еще въ серединѣ 18-го вѣка широкими полномочіями въ области законодательства, разрѣшавшій въ то время своею властію важнѣйшія правительственныя дѣла, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ руководство центральной и мѣстной администраціей и надзоръ за нею, Сенатъ, постепенно лишаясь своихъ полномочій, вѣдалъ къ серединѣ XIX вѣка въ области управленія лишь небольшимъ количествомъ дѣлъ второстепеннаго характера. Сохранялся еще старый эффектный фасадъ Правительствующаго Сената, но фактически Сенатъ былъ отстраненъ не только отъ законодательства, но и отъ активнаго управленія. Однако, какъ разъ за этимъ моментомъ наибольшаго суженія его полномочій послѣдовала, начиная съ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка, пора возрожденія его въ государственномъ строѣ Россіи, но уже въ измѣненномъ видѣ. Прежнія правительственныя функціи такъ и не были возвращены Правительствующему Сенату, зато оживилась его функція надзора: онъ сталъ активнѣйшимъ органомъ надзора за административными учрежденіями, но надзора уже не начальственнаго, какъ прежде, а судебно-административнаго. Произошло это въ порядкѣ широкаго допущенія жалобъ въ Сенатъ на постановленія вновь тогда созданныхъ или реформированныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Въ этомъ порядкѣ въ вѣдѣніе Перваго Департамента, какъ административнаго суда, вошли многочисленныя категоріи дѣлъ, которыми онъ раньше вѣдалъ, какъ органъ активнаго управленія, и даже рядъ совершенно новыхъ дѣлъ¹⁾.

Но что могъ сдѣлать Сенатъ по поступавшимъ къ нему жалобамъ? Отстраненный силою обстоятельствъ отъ актив-

¹⁾ С. К. Гогель, Правит. Сенатъ въ 19 столѣтіи, отд. оттискъ изъ „Исторіи Сената“, СПб, 1911.

наго управленія, онъ не могъ уже вмѣшиваться въ оцѣнку цѣлесообразности административныхъ распоряженій. Руководство управленіемъ принадлежало министрамъ, дѣйствовавшимъ по непосредственнымъ указаніямъ Государя. Сенатъ вообще могъ выступать противъ администраціи только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ подъ собою твердую почву закона, лишь при явномъ нарушеніи его администраціей²⁾. Исходя изъ своей обязанности „пещись о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій въ подчиненныхъ ему мѣстахъ“ (Учр. Сен. ст. 1, 2), Сенатъ и прекращалъ дальнѣйшее дѣйствіе незаконныхъ админ. распоряженій путемъ отмѣны ихъ, но воздерживался отъ измѣненія ихъ, такъ какъ для него это означало ставить свое рѣшеніе на мѣсто административнаго, дѣйствовать за администрацію въ то время, когда онъ пересталъ уже быть органомъ активнаго управленія.

Въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ Сенатъ, у котораго оставались кое какія случайныя правительственныя функціи, былъ поставленъ внѣ активной администраціи при самомъ своемъ возникновеніи Высш. Админ. Судъ въ Австріи. На ряду съ Reichsgericht, тоже выполнявшимъ нѣкоторыя функціи админ. юстиціи, онъ былъ образованъ какъ единственная — первая и послѣдняя — инстанція администр. суда безъ какой-либо связи съ административными учрежденіями, состоялъ изъ спеціально назначаемыхъ несмѣняемыхъ судей, и его полномочія сводились къ контролю лишь закономѣрности съ правомъ примѣненія только отмѣны. Французская и прусская системы админ. юстиціи построены на извѣстной организаціонной связанности чисто админ. учреждений съ органами административной юстиціи, въ особенности — на низшихъ инстанціяхъ. Опасенія, что админ. судъ въ порядкѣ измѣненія админ. актовъ начнетъ администрировать, здѣсь не могли уже играть той роли, какъ при системѣ раздѣленности активной администраціи и админ. юстиціи и — въ отличіе отъ Австріи и Россіи — измѣненіе админ. актовъ во Франціи и Пруссіи нашло себѣ примѣненіе вслѣдъ за низшими и на высшихъ инстанціяхъ административнаго суда.

Австрійскій Высш. Админ. Судъ былъ по сравненію съ Сенатомъ учрежденіемъ безъ правительственнаго прошлаго. Въ стѣнахъ же Сената и въ его дѣлопроизводствѣ жили давнишнія начальственныя традиціи. Какъ „верховное мѣсто“ въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія, указы котораго должны были выполняться, какъ собственные указы Императорскаго Величества (Учр. Сен. ст. 2, 203),

²⁾ Н. И. Лазаревскій, Лекціи по русск. госуд. праву, т. II. „Администр. право“, СПб, 1910, стр. 141—143.

Правительствующій Сенатъ всегда считалъ себя въ правѣ давать указанія и предписанія подчиненнымъ ему мѣстамъ по подвѣдомственнымъ ему дѣламъ. Въ связи съ быстрымъ возрастаніемъ роли Сената послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ оживилась и эта традиція. Отстраненный отъ активнаго управленія, онъ не считалъ себя теперь въ правѣ давать предписанія инстанціямъ, подчиненнымъ министрамъ, полагая, что предварительно долженъ быть использованъ порядокъ іерархическаго обжалованія и надзора. Но самимъ „начальникамъ вѣдомствъ“, какъ прежде коллегіямъ, онъ продолжалъ дѣлать „предложенія“ и „указанія“, равно какъ и отдѣльнымъ губернскимъ мѣстамъ, на которыя по закону допускалась жалоба прямо въ Сенатъ. Однако со своими предписаніями Первый Департаментъ могъ выступать теперь, естественно, лишь по отношенію къ связаннымъ полномочіямъ администраціи, когда въ законѣ точно предуказывалось, что она должна и чего не должна дѣлать, такъ какъ только въ этихъ случаяхъ, какъ и при отмѣнѣ, онъ имѣлъ подъ собою твердую почву.

И не только отъ австрійскаго, но также отъ французскаго и прусскаго высшихъ админ. судовъ, отличался Первый Департаментъ Сената своимъ широкимъ правомъ изданія предписаній по отношенію къ администраціи. Именно въ этихъ „предписаніяхъ“ съ особенной яркостью обнаруживается коренное отличіе Сената отъ французскаго Госуд. Совѣта, поскольку вся система франц. администр. юстиціи въ ея основѣ построена на недопущеніи какихъ либо предписаній по адресу администраціи.

Сходство въ этомъ отношеніи съ англійской (и съ унаслѣдовавшей ея принципы американской) практикой создано не только въ связи съ тѣмъ, что и Англійскій Высшій Судъ образовался исторически изъ королевскаго совѣта, обладавшаго въ свое время обширными правительственными полномочіями. Такъ какъ въ Англии органы мѣстнаго самоуправленія построены были на началахъ независимости отъ коронной администраціи, то „приказы“ судовъ оказались необходимымъ средствомъ для того, чтобы добиться отъ мѣстныхъ общинъ выполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ въ общегосударственномъ интересѣ. Эта задача не имѣла такого настоятельнаго значенія во французской и прусской административныхъ системахъ. Здѣсь организаціонное объединеніе элементовъ правительственнаго управленія и мѣстнаго самоуправления достаточно обеспечивало выполненіе выборными органами заданій общегосударственнаго характера. Въ Россіи не было этого объединенія, и сама собою сказывалась потребность въ надлежащемъ обеспеченіи выполненія самоуправленіемъ государственныхъ задачъ. Въ

результатъ реформъ шестидесятихъ годовъ мѣстное управление въ Россіи оказалось въ своей основѣ построеннымъ на раздѣльномъ и параллельномъ функціонированьѣ органовъ правительств. управления и органовъ мѣстнаго самоуправления съ обособленными предметами вѣдѣнія. Представители центральной власти на мѣстахъ не имѣли прямыхъ начальственныхъ функцій по отношенію къ земскому и городскому самоуправленію, и инстанціи надзора во главѣ съ Сенатомъ должны были своими рѣшеніями обеспечивать выполнение самоуправленіемъ порученныхъ ему дѣлъ. Существенное отличіе отъ англійской практики было, однако, въ томъ, что на случай невыполненія предписаній не имѣлось тѣхъ строгихъ санкцій (въ видѣ штрафовъ и лишенія свободы), какія въ правѣ налагать англійскіе суды. Въ то же время достаточно растяжимое примѣненіе Сенатомъ „предписаній“ давало ему въ случаѣ нужды возможность достигать результатовъ, близкихъ къ „измѣненію“ административныхъ актовъ.

„Отмѣна“ и „предписаніе“ были основными типами судебно-административныхъ рѣшеній Сената; въ порядкѣ „частныхъ разъясненій“ они восполнялись рѣшеніями объ установленіи законнаго правоотношенія. Практикой Сената была создана своеобразная комбинація этихъ типовъ рѣшеній, исключая возможность строить характеристику его по образцу какого-либо изъ современныхъ ему высшихъ админ. судовъ другихъ странъ. Далекое превосходя нѣкоторые изъ нихъ своимъ историческимъ возрастомъ, Сенатъ занималъ среди нихъ совершенно особое положеніе. Онъ имѣлъ свое оригинальное лицо, на чертахъ котораго отразился сложный ходъ устройства русской администраціи съ начала XVIII по начало XX вѣка.

А. Н. Анцыферовъ.

NEMESIS.

(Демографическій этюдъ)

Содержаніе: Предварительныя замѣчанія. — Періодъ удвоенія населенія — Періодъ убыванія населенія вдвое. — Стационарное состояніе. — Естественный приростъ населенія. — Тенденціи развитія — Населеніе Европы. — Движеніе рождаемости и смертности. — Плодовитость браковъ и плодовитость женщинъ. — Пороки внутренней структуры. — Нормальное строеніе массы населенія по полу и возрасту. — Основаніе возрастной пирамиды. — Причины ущербленія основанія. — Уроdlivosti строения. — Убыль населенія. — Постарѣніе населенія. — Вліяніе на уровень рождаемости и смертности. — Измѣрители убыванія населенія. — Методы ихъ опредѣленія. — Единица измѣренія времени. — Коэффициенты валового и чистаго воспроизводства. — Таблица убыванія величины населенія при разныхъ коэффициентахъ. — Численное значеніе коэффициентовъ для разныхъ Европейскихъ странъ. — Нахожденіе промежуточныхъ величинъ. — Взглядъ въ будущее. — Скользящій коэффициентъ убыванія.

Предварительныя замѣчанія. Населеніе любой данной страны либо возрастаетъ въ численности, либо убываетъ.

Ростъ населенія всегда происходитъ по опредѣленному закону (геометрической прогрессіи), который можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формѣ:

$$P_0 \times c^t \quad (1)$$

гдѣ P_0 есть масса населенія въ нѣкоторомъ исходномъ пунктѣ, c — коэффициентъ возрастанія, t — число единицъ, измѣряющихъ время, т. е. годовъ или періодовъ.

Коэффициентъ c обычно выражается въ видѣ суммы:

$$(1 + r) \quad (2)$$

или

$$(1 + x) \quad (3)$$

Онъ можетъ быть выраженъ также въ видѣ процентнаго отношенія

$$(1 + P/_{100}). \quad (4)$$

Послѣднее (4) выраженіе имѣетъ цѣлый рядъ удобствъ, но пока мало употребительно въ специальной литературѣ; поэтому и мы будемъ въ дальнѣйшемъ держаться обще-принятой формулировки.

Формула:

$$P_n = P_o (1 + r)^{t*} \quad (5)$$

даетъ возможность находить промежуточные величины (интерполировать).

Напримѣръ, населеніе Германіи, по Переписи 1890 г., равнялось 49 милл. душъ; по Переписи 1910 г. — 64 милліонамъ.

Подставляя величины, находимъ:

$$64 = 49 (1 + r)^{20}.$$

Опредѣляя величину населенія для 1900 года, находимъ:

$$49 (1 + r)^0 \quad (1890)$$

$$49 (1 + r)^{10} \quad (1900)$$

$$49 (1 + r)^{20} \quad (1910)$$

Серединный членъ, соотвѣтствующій величинѣ населенія 1900 г., есть, очевидно, средняя геометрическая (Mg) между двумя крайними:

*) Точнѣе:

$$P_n = P_o \cdot e^{\frac{pt}{100}}$$

гдѣ P_o населеніе начальное, P_n — населеніе данного момента
 e — основаніе Неперовыхъ логариѳмовъ

$$e = 2,718$$

t — протекшее время

$P/_{100}$ — уровень наростанія (въ процентахъ).

Для опредѣленія послѣдняго, логариѳмируя, находимъ:

$$\frac{\lg P_n - \lg P_o}{t \lg e} = \frac{\lg P_n - \lg P_o}{0,4343 t} = P/_{100}.$$

Но для практическихъ цѣлей можно пользоваться и вышеприведеннымъ, приближеннымъ выраженіемъ.

$$M_g = \sqrt{49 \times 64}$$

$$\lg M_g = \frac{\lg 49 + \lg 64}{2} = \frac{1,6902 + 1,8062}{2} = 1,7482;$$

число, соответствующее найденному логариѳму, — 56; это и есть величина населенія, дѣйствительно найденная переписью 1900 года *).

Коэффициентъ прироста населенія за этотъ 20-лѣтній періодъ также легко получить путемъ логариѳмированія. Онъ равенъ

$$(1 + r) = 1,0135.$$

Періодъ удвоенія населенія точно также не трудно вычислить изъ той же формулы:

$$\begin{aligned} 2P_0 &= P_0(1+r)^t \\ 2 &= (1+r)^t \\ \frac{\lg 2}{\lg(1+r)} &= t, \end{aligned} \quad (6)$$

т. е. масса населенія удваивается въ періодъ (число лѣтъ), равный частному отъ дѣленія логариѳма 2 на логариѳмъ коэффициента прироста.

Напр., для Германіи

$$t = \frac{0,30103}{0,0058} = 51,8 \text{ лѣтъ.}$$

Убыль населенія. Если коэффициентъ c становится меньше единицы:

$$c = \frac{1}{1+r}, \quad (7)$$

то начинается убываніе массы населенія, которое происходитъ по тому же закону:

$$\begin{aligned} P_n &= P(1+r)^{-t} = \\ &= P_0 \times \frac{1}{(1+r)^t} = \frac{P_0}{(1+r)^t}. \end{aligned} \quad (8)$$

Періодъ убыванія населенія вдвое получается изъ того же выраженія (6), ибо:

*) См. Stat. Jahrbuch. f. d. D. Reich. 1932

$$\frac{P_0}{2} = \frac{P_0}{(1+r)^t};$$

$$2 = (1+r)^t \quad \text{и}$$

$$t = \frac{\lg 2}{\lg(1+r)}.$$

Стационарное состояние массы населения наступает при условии, что

$$r = 0;$$

$$P_n = P_0 (1+r)^t = P_0. \quad (9)$$

Такая стационарность населения может мыслиться лишь как гипотетический случай. Понятие стационарности весьма важно в методологическом отношении. Но в эмпирической действительности, вследствие непрерывного движения населения, такой стационарности нѣтъ: население всегда либо возрастает, либо убывает. *Tertium non datur.*

Естественный прирост населения. Если за данный период число родившихся превышает число умерших, то масса населения увеличивается, происходит прирост населения.

Поэтому обыкновенно говорят, что если уровень (коэффициент) рождаемости превышает уровень смертности, то имѣется налицо процесс роста населения, сила которого измѣряется разностью между коэффициентами рождаемости и смертности:

Если через P обозначить массу населения,
 „ N число родившихся (за годъ)
 „ M число умерших,

то разность

$$\left(\frac{N}{P} - \frac{M}{P} \right) = \frac{N - M}{P} \quad (10)$$

выразить силу (интенсивность) ежегодного прироста.

В статистической практикѣ обычно коэффициентъ вычисляется на 1000, т. е.

$$\left(\frac{N - M}{P} \right) \times 1000.$$

Такъ напр., въ Германіи въ 1930 году на 65 миллионѣвъ населения родилось — 1127 тысячъ младенцевъ и умерло 710 тысячъ человекъ. Коэффициентъ прироста равенъ

$$\left(\frac{1127 - 710}{65000}\right) \times 1000 = \frac{1127 - 710}{65} = 6,4.$$

Тенденціи развитія. Если въ данный моментъ и за рядъ предыдущихъ лѣтъ наблюдается приростъ населенія, то въ правѣ ли мы умозаключать о вѣроятности прироста и въ будущемъ?

Обычно на такой вопросъ дается отвѣтъ положительный и считается самоочевиднымъ и не подлежащимъ спору, что при указанныхъ условіяхъ ростъ населенія будетъ продолжаться и впредь, особенно если вслѣдствіе улучшенія „гигіеническихъ условій“ одновременно наблюдается паденіе коэффициента смертности.

Мы увидимъ дальше, насколько такой оптимизмъ мало обоснованъ и насколько обычные измѣрители уровня прироста неточны. Населеніе въ данный моментъ и въ ближайшіе годы въ будущемъ можетъ приростать, но уже нести внутри себя коренной дефектъ структуры, который приведетъ его, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, къ значительному убыванію или даже къ исчезновенію.

И для того, чтобы уловить тенденціи развитія и измѣрить ихъ силу, надо найти нѣкоторые новые измѣрители.

Эта задача, поставленная себѣ современными статистиками-теоретиками, уже достаточно удовлетворительно разрѣшена *).

Но прежде, чѣмъ говорить о новыхъ методахъ, мы попробуемъ характеризовать процессы, происходящіе въ населеніи Европы, при помощи общепринятыхъ измѣрителей.

Населеніе Европы въ началѣ XIX вѣка исчислялось въ 188 милліоновъ душъ, въ началѣ XX вѣка — въ 401 милліонъ, въ 1930 году — около 498 милліонъ, въ томъ числѣ:

Европейская Россія — 116 милліоновъ
Западная Европа — 382 милліона.

Такимъ образомъ населеніе Европы въ теченіе всего XIX столѣтія росло довольно сильно; и приростъ продолжался съ той же интенсивностью и въ первой трети XX вѣка, несмотря на войну 1914—1918 гг.

*) См. напр.:

K u c z y n s k i: — a) The Balance of Births and Deaths. 1928.

b) Fertility and Reproduction. 1932.

A d o l p h e L a n d r y. La Révolution démographique. Paris. 1934.

F e r n a n d B o v e r a t. L'évolution de la population européenne en 1931—1932. (Rapport prés. au Congrès d'Avril 1933 de la Ligue Intern. pour la Vie et la Famille).

A l f r e d S a u v y. Calculs démographiques sur la population française.

Средній уровень прироста составляет 1,0076, а периодъ удвоенія — около 93 лѣтъ, т. е. $2^{2/3}$ поколѣнія.

Такой ростъ населенія въ исторіи является безпримѣрнымъ. Еще съ большей быстротой заселялся сѣверо-американскій континентъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе прилива иммиграціонной волны, въ которой основную массу составляли тоже Европейцы.

Изслѣдованіе причинъ такого интенсивнаго роста составляетъ особую и довольно сложную задачу, которой мы въ данное время себѣ не ставимъ. Ограничимся только установленіемъ фактовъ.

Для характеристики тенденцій развитія возьмемъ данныя о движеніи рождаемости и смертности двухъ важнѣйшихъ странъ западной части Европейскаго континента: Франціи и Германіи.

Сила рождаемости и смертности въ первой изъ нихъ начала убывать послѣ Наполеоновскихъ войнъ, съ 1815 года, во второй то же самое явленіе наступило около половины XIX столѣтія.

ГОДЫ	Ф Р А Н Ц И Я			Г Е Р М А Н И Я	
	Общая			Общая	
	Рождаемость На 1.000	Смертность *) На 1.000	Разность	Рождаемость На 1.000	Смертность На 1.000
1815	31,8	26,1	5,7	—	—
1825	30,2	25,1	5,1	—	—
1835	28,5	24,1	4,4	—	—
1845	27,1	23,2	3,9	—	—
1855	25,7	22,1	3,6	35,3	26,3
1865	24,3	21,4	2,9	37,2	26,8
1875	23,1	20,6	2,5	38,8 ¹⁾	28,2
1885	21,8	19,8	2,0	37,0	25,7
1895	20,7	19,0	1,7	36,1	22,1
1905	19,6	18,3	1,3	34,1	19,6
1910	19,1	17,9	1,2	29,8	16,2
1920	18,1	17,2	0,9	—	—
1925	17,4	16,9	0,5	20,7	11,9
1933	16,2	15,8	0,4	14,7	11,2
1934	16,1	15,1	1,0	18,0	10,9
1935	15,2	15,7	- 0,5	18,9	11,8

¹⁾ Подъемъ послѣ удачной для Германіи Франко-Прусской войны.

*) На 3-мъ Межд. Конгрессѣ по изученію проблемъ населенія, состоявшемся отъ 29 іюля по 1 августа 1937 г. въ Парижѣ, Женевскій профессоръ Гершъ представилъ весьма интересный докладъ, дающій новый методъ трактованія проблемы смертности.

Т.к. смертность никогда не можетъ упасть до 0, то коэффициентъ смертности можно рассматривать, какъ сумму двухъ слагаемыхъ: первое слагаемое есть величина постоянная, соотвѣтствующая физиологическому минимуму смертности, второе — величина переменная, которая можетъ либо возрастать, либо убывать, т. е. (продолженіе на слѣд. страницѣ)

Паденіе рождаемости не является, какъ часто думаютъ, слѣдствіемъ послѣдней войны. Это — „секулярное“ движеніе, такъ же, какъ и паденіе смертности.

Но сила смертности убываетъ медленнѣе, чѣмъ сила рождаемости: за 120 лѣтъ интенсивность рождаемости во Франціи убывла вдвое, а интенсивность смертности упала немногимъ болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$; неудивительно поэтому, что оба коэффициента имѣютъ тенденцію уравниваться и уже къ 1935 году коэффициентъ смертности дѣлается выше (15,7 и 15,2), откуда слѣдуетъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ населеніе начнетъ убывать*).

Для Германіи слѣдуетъ различать 3 періода: довоенный, военный и послѣвоенный, т. е.

- I) 185 — 1913 гг.
- II) 1913 — 1925
- III) послѣ 1925 г.

$$M = i + h \cdot q^t \quad (\text{при возрастаніи})$$

и

$$M = i + h \cdot q^{-t} \quad (\text{при убываніи}).$$

Величину постоянную (i) Гершъ принимаетъ за 8,3. Исходя изъ этихъ соображеній, и принимая за единицу измѣренія 5-лѣтній періодъ, можно дать слѣдующее общее выраженіе движенію коэффициентовъ смертности во Франціи:

$$M_0 = 8,3 + h = 26,1 \quad (1815)$$

$$M_1 = 8,3 + h \cdot q^{-22} = 16 \cdot 9 \quad (1925)$$

Отсюда:

$$h \cdot q^{-22} = 8,6; \quad h = 17,8$$

$$17,8 \cdot q^{-22} = 8,6.$$

$$\log q = \frac{\lg 17,8 - \lg 8,6}{22} = \frac{1,2504 - 0,9345}{22} = 0,0143; \quad q = 1,0335.$$

При помощи найденныхъ величинъ можно произвести интерполированіе.

Поставимъ себѣ вопросъ: каковъ долженъ быть коэффициентъ смертности черезъ 50 лѣтъ (10 пятилѣтнихъ періодовъ) отъ исходнаго пункта, т. е. въ 1865 году?

$$M^{10} = i + h \cdot q^{-10}$$

$$h \cdot q^{-10} = 17,8 / 1,0335^{10}$$

Логарифмируя, получимъ:

$$\log 17,8 - 10 \log 1,0335 = 1,2504 - 0,1430 = 1,1074.$$

Число, соответствующее логариѳму — 12,8;

$$M_{10} = 8,3 + 12,8 = 21,1.$$

Истинный коэффициентъ равенъ 21,4; разность — всего 0,3.

Точно также для 1910 года, теоретическій коэффициентъ равенъ — 17,8 и отличается отъ наблюдаемаго всего на 0, 1 и т. д.

*) Явленіе убыли уже обнаружилось въ первой половинѣ 1935 г. и за весь годъ составило около 19 $\frac{1}{2}$ тысячъ. См. Annuaire Stat. de la France. LI vol.

Сила убыванія $\left(\frac{1}{1+r}\right)$ коэффициентовъ для этихъ периодовъ составляетъ:

	Рождаемость	Смертность	Разность	
			+	-
I периодъ	0,995	0,99	0,005	—
II периодъ	0,976	0,981	—	0,005
III периодъ	0,958	0,993	—	0,035

Въ первомъ периодѣ сила рождаемости и смертности убываетъ почти параллельно; во второмъ периодѣ убываніе рождаемости начинаетъ обгонять уменьшеніе смертности и тоже самое, съ еще большей силой, продолжается въ периодъ послѣвоенный.

Принятая въ Германіи мѣра денежнаго поощренія рождаемости (съ 1933 г.) даютъ коэффициенту рождаемости въ 1934, 1935 и 1936 гг. внезапный скачекъ вверхъ, который, однако, по всей вѣроятности, имѣетъ характеръ весьма временный и преходящій.

Слѣдуетъ не забывать того, что коэффициентъ смертности, вслѣдствіе неизмѣнныхъ законовъ физиологіи, никогда не можетъ опуститься до нуля. Безсмертія тѣла людямъ не дано. Какъ ни понижается уровень смертности, все же къ 100-лѣтнему возрасту всѣ вымираютъ, за исключеніемъ немногихъ единицъ, что не имѣетъ никакого статистическаго значенія и не вліяетъ на результатъ. Наименьшей смертностью обладаетъ въ настоящее время Новая Зеландія, имѣющая коэффициентъ, равный 8,7 на тысячу. Врядъ ли Европейскія страны когда-нибудь достигнутъ болѣе низкаго уровня; наоборотъ, какъ мы увидимъ, есть обстоятельства, имѣющія тенденцію повышать уровень смертности.

Наоборотъ, нѣтъ никакихъ непреодолимыхъ препятствій для того, чтобы сила рождаемости не опустилась до какого угодно низкаго уровня.

Въ Англіи и цѣломъ рядѣ другихъ Европейскихъ странъ происходятъ тѣ же самыя явленія. И можно уже утверждать, что страны, пока избѣжавшія этого общаго крушенія, составляютъ счастливое исключеніе, какъ напр. Балканскія славянскія государства и Польша.

Замѣчательно, что и въ Европейской Россіи точно также происходитъ убываніе и рождаемости, и смертности; однако, разность между ними значительно болѣе велика, чѣмъ въ Зап. Европѣ, почему и продолжается приростъ

населенія. Но Россію мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Есть и другіе признаки надвигающагося на Западно-Европейскія страны, а можетъ быть, уже надвинувшагося бѣдствія.

Такъ, во Франціи среднее количество дѣтей, приходящихся на 1 бракъ, убываетъ неизмѣнно:

Въ царствованіе Людовика XV, непосредственно передъ революціей	4,5
Въ періодъ 1811—1820 г.г.	4,0
Въ періодъ 1860—1870 г.г.	3,37
Въ періодъ 1900—1910 г.г.	2,64
Въ періодъ 1911—1913 г.г.	2,44
Въ 1932 г.	2,29*)

Уже въ половинѣ XVIIIго столѣтія знаменитый Зюссмильхъ **) считалъ „нормой“, обеспечивающей умѣренный ростъ населенія, 4 дѣтей на 1 бракъ. въ среднемъ. Эта норма во Франціи удерживалась только въ первой четверти XIX в. Нынѣ существующій уровень плодovitости браковъ (2,29) явно недостаточенъ даже для поддержанія населенія въ стаціонарномъ состояніи, ибо 229 дѣтей, происходящихъ отъ 200 родителей, къ тому моменту, какъ они возрастутъ и будутъ способны сами стать родителями, вслѣдствіе смертности, окажутся въ числѣ, меньшемъ 200. При такихъ условіяхъ неудивительно, что ущербъ около 2 милліоновъ душъ, причиненный Франціи войной 1914-18 гг., могъ быть покрытъ только присоединеніемъ новыхъ территорій (Эльзась и проч.) и хлынувшей во Францію иммиграціонной волной бѣженцевъ.

На ту же тенденцію указываетъ паденіе плодovitости женщинъ. Германія XX вѣка даетъ намъ слѣдующую картину (см. Табл. стр. 46).

Уменьшеніе плодovitости вдвое за періодъ всего въ 30 лѣтъ есть результатъ этого процесса, причемъ въ 1930 году уровень нѣмецкой плодovitости почти уравнивается съ французскимъ, а затѣмъ Франція начинаетъ обгонять Германію.

Пороки внутренней структуры. Можно, конечно, съ извѣстной легкостью и оптимизмомъ относиться къ этимъ фактамъ и считать, что нѣкоторое уменьшеніе населенія будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія, устранивъ кризисъ, и позволитъ ввести народно-хозяйственную жизнь въ нормальное, спокойное русло, послѣ чего населеніе, живущее въ лучшихъ условіяхъ, начнетъ вновь возрастать.

*) Landry. Op. cit.

**) Süßmilch. Die Göttliche Ordnung.

Годы	Число живорожденных младенцев на 1000 женщин, находящихся въ возрастѣ между 15 и 45 годами.
	За годъ.
Среднее за 1896—1905	141,0
1910—1911	128,0
1922 г.	90,0
1923	82,3
1924	79,8
1925	80,2
1926	75,4
1927	70,6
1928	71,3
1929	68,7
1930	67,2*)

Подобный оптимизмъ весьма поверхностенъ и неоснователенъ. Происходящія въ массѣ Западно-Европейскаго населенія измѣненія не имѣютъ временнаго и скоропреходящаго характера. Это есть процессъ структурныхъ деформаций, исправить которыя будетъ чрезвычайно трудно, если не невозможно.

Чтобы проникнуть вглубь происходящихъ грозныхъ явленій, необходимо остановиться на выясненіи понятія „нормальнаго“, законѣрнаго строенія массы населенія по полу и возрасту, и измѣрить отступленія отъ этой нормы.

Нормальное строеніе массы населенія по полу. Какъ извѣстно, совокупность новорожденныхъ всегда дѣлится между полами почти поровну, съ легкимъ преобладаніемъ мужскаго пола; въ Европѣ нормальное соотношеніе составляетъ:

около 51 на 100 для младенцевъ мужскаго пола
и 49 „ 100 „ „ „ женскаго „ (**)

Но такъ какъ мужчивы обладаютъ большею смертностью, чѣмъ женщины, то въ старыхъ странахъ, гдѣ населеніе осѣдло живетъ на своей территоріи тысячами, въ массѣ населенія женскій полъ слегка преобладаетъ.

Нормальное строеніе массы населенія по возрасту. Представимъ себѣ, что одновременно родилось сто тысячъ младенцевъ (51.000 мальчиковъ и 49 тысячъ дѣвочекъ) и что мы слѣдимъ только за ихъ дальнейшей жизнью, не обращая вниманія на остальныхъ.

*) Stat. Jahrbuch f. d. D. Reich.

**) Среднеевропейскій уровень колеблется около 48,5% для младенцевъ женскаго пола (48,2 — 49,1%).

Что произойдетъ? Люди начинаютъ умирать съ первой минуты своей жизни. Родившіеся младенцы будутъ вымирать въ теченіе всей жизни своего поколѣнія, вплоть до момента (100 лѣтній возрастъ), къ которому вымрутъ всѣ 100 тысячъ.

Слѣдовательно, каждая группа младшаго возраста будетъ многочисленнѣе по своему составу, чѣмъ слѣдующая за нею, болѣе старая: совокупность дѣтей въ возрастѣ до 1 года будетъ многочисленнѣе чѣмъ совокупность дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 2 лѣтъ, которая также будетъ многочисленнѣе чѣмъ совокупность дѣтей, находящихся въ возрастѣ старше 2 и до 3 лѣтъ и т. д.

Очевидно, что вся возрастная структура будетъ состоять изъ послѣдовательныхъ слоевъ, причемъ каждый изъ нихъ будетъ лежать на болѣе широкомъ слоѣ; другими словами, строеніе массы населенія будетъ подобно пирамидѣ, имѣющей основаніемъ наиболѣе многочисленную совокупность новорожденныхъ младенцевъ.

Это основаніе возрастной пирамиды есть корень, отъ котораго происходятъ всѣ послѣдующіе возрастные слои; численностью корня, очевидно, опредѣляется и численность всѣхъ старшихъ группъ: ни одна изъ нихъ не можетъ быть ни болѣе многочисленной, ни равной въ числѣ своему корню.

То, что младенцы рождаются непрерывно*), ни въ какой мѣрѣ не нарушаетъ этой закономерности строенія. Каждая вновь прилившая волна младенцевъ, каждая тысяча новорожденныхъ слѣдуетъ тому-же, извѣчному закону и составляя „корень“ всѣхъ болѣе старыхъ возрастныхъ группъ, постепенно вымираетъ, вплоть до полного исчезновенія.

Отсюда ясно, что основное значеніе для населенія любой страны и любой эпохи имѣетъ его „корень“, т. е. самый молодой возрастъ, отъ котораго зависитъ все послѣдующее развитіе.

Такъ какъ сила рождаемости различна, какъ и интенсивность смертности въ различныхъ возрастахъ, то основаніе пирамиды можетъ быть относительно шире или уже и относительное значеніе остальныхъ слоевъ можетъ выражаться въ разныхъ пропорціяхъ.

Чѣмъ рождаемость выше, тѣмъ основаніе пирамиды шире и она начинаетъ уподобляться шатру (славянскій типъ); чѣмъ основаніе уже, тѣмъ болѣе пирамида приближается къ типу колокола (большая часть западно европейскихъ, не-славянскихъ странъ).

Но основной законъ строенія остается неизмѣннымъ.

*) Во всемъ мірѣ каждыя 0,7 секунды рождается 1 младенецъ, 85 — въ минуту, 5.100 — въ часъ и 122 тысячи въ сутки.

Чѣмъ шире основаніе, тѣмъ болѣе способно населеніе къ росту своей массы, и тѣмъ оно моложе.

Деформаціи. Наиболѣе важное значеніе имѣютъ, разумѣется, неправильности въ строеніи основанія пирамиды — „корня“.

Основаніе можетъ стать уже послѣдующихъ возрастныхъ слоевъ вслѣдствіе двухъ причинъ: 1° вслѣдствіе внезапно разразившейся сильной эпидеміи, поражающей дѣтскій возрастъ и дающей высокую смертность и 2° вслѣдствіе быстраго пониженія коэффициента рождаемости.

Первая изъ этихъ причинъ большаго значенія не имѣетъ, особенно для Западной Европы, гдѣ дѣтская смертность изъ году въ годъ убываетъ и сильныя дѣтскія эпидеміи начинаютъ отходить въ область историческихъ воспоминаній. Но еслибы такая эпидемія случайно и разразилась (что всегда возможно), она не имѣла бы большаго значенія, такъ какъ всякія эпидеміи въ нашу эпоху относятся къ разряду причинъ, дѣйствіе которыхъ кратковременно, и послѣдствія причиненнаго ею урона очень быстро были бы изглажены повышеніемъ рождаемости, всегда наступающимъ вслѣдъ за усиленіемъ дѣтской смертности.

Но зато вторая причина имѣетъ огромное значеніе и легко можетъ привести къ состоянію, явно катастрофическому, тѣмъ болѣе, что паденіе рождаемости, разъ начавшись, пріобрѣтаетъ тенденцію продолжаться въ теченіе неопредѣленно долгаго времени и усиливаться.

Такимъ образомъ поражается корень и никакое пониженіе смертности, никакое улучшеніе „гигіеническихъ условій“, не говоря уже о другихъ мелочныхъ „мѣрахъ къ увеличенію рождаемости“, не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Вымираніе населенія при такихъ условіяхъ обезпечено.

Представимъ себѣ гипотетическій случай, въ дѣйствительности невозможный, что въ составѣ даннаго населенія женщины находящіяся въ періодѣ дѣторожденія (между 15 и 50 годами), въ теченіе всего 35-лѣтняго періода не произвели на свѣтъ ни одного младенца женскаго пола. Какія послѣдствія отсюда вытекаютъ? Къ тому моменту, какъ послѣднія матери изъ этого слоя перейдутъ предѣльный возрастъ (50 лѣтъ)*), „матерей“ вообще больше не будетъ: всѣ молодые возрасты перестанутъ существовать; останутся однѣ старухи, которыя своевременно вымрутъ и данное населеніе исчезнетъ съ лица земли навсегда.

Но если такой крайній случай въ дѣйствительности невозможенъ, то процессы, болѣе или менѣе приближенные,

*) т. е. черезъ 1 поколѣніе.

не только встрѣчаются въ современную эпоху, но и множатся, и обнаруживаютъ тенденцію укрѣпиться и усилиться.

Что сказать, на примѣръ, о такъ называемой „Ein Kinder-System“, т. е. сознательномъ стремленіи родителей ограничить свое потомство однимъ ребенкомъ? Эта „система“, изобрѣтенная и укрѣпившаяся во Франціи, перекинулась отсюда въ Германію и начала оказывать свое вредоносное вліяніе въ цѣломъ рядѣ другихъ Европейскихъ странъ.

100 дѣтей, происходящихъ отъ 200 родителей, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, подойдутъ къ тому возрастному предѣлу, когда они замѣнятъ своихъ родителей, въ числѣ не болѣе 84*). Это, очевидно, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе массы населенія болѣе, чѣмъ вдвое (при всеобщемъ распространеніи „системы“) и еще черезъ поколѣніе — вчетверо.

Въ дѣйствительности, такое крайнее нео-мальтузіанство повлечетъ за собою еще болѣе грозныя послѣдствія „Сознательное“ ограниченіе дѣторожденія достигается въ гораздо меньшей степени половымъ воздержаніемъ, чѣмъ разнаго рода искусственными „превентивными“ мѣрами, по большей части весьма вредными для здоровья женщины и имѣющими слѣдствіемъ часто лишеніе ея физиологической способности къ дѣторожденію. Особенно вредныя послѣдствія имѣетъ устройство „аборта“ и слѣдующія за симъ женскія болѣзни и гинекологическія операціи. А „женскія болѣзни“, разумѣется, влекутъ за собою разрушеніе семьи и усиленіе разврата, т. е. еще болѣе понижаютъ рождаемость и подтачиваютъ самыя основы здороваго общества.

Даже и въ совѣтской Россіи уже появляется законодательство противъ „абортовъ“, направленное къ сохраненію семьи. Но женщины бунтуютъ противъ подобныхъ мѣръ.

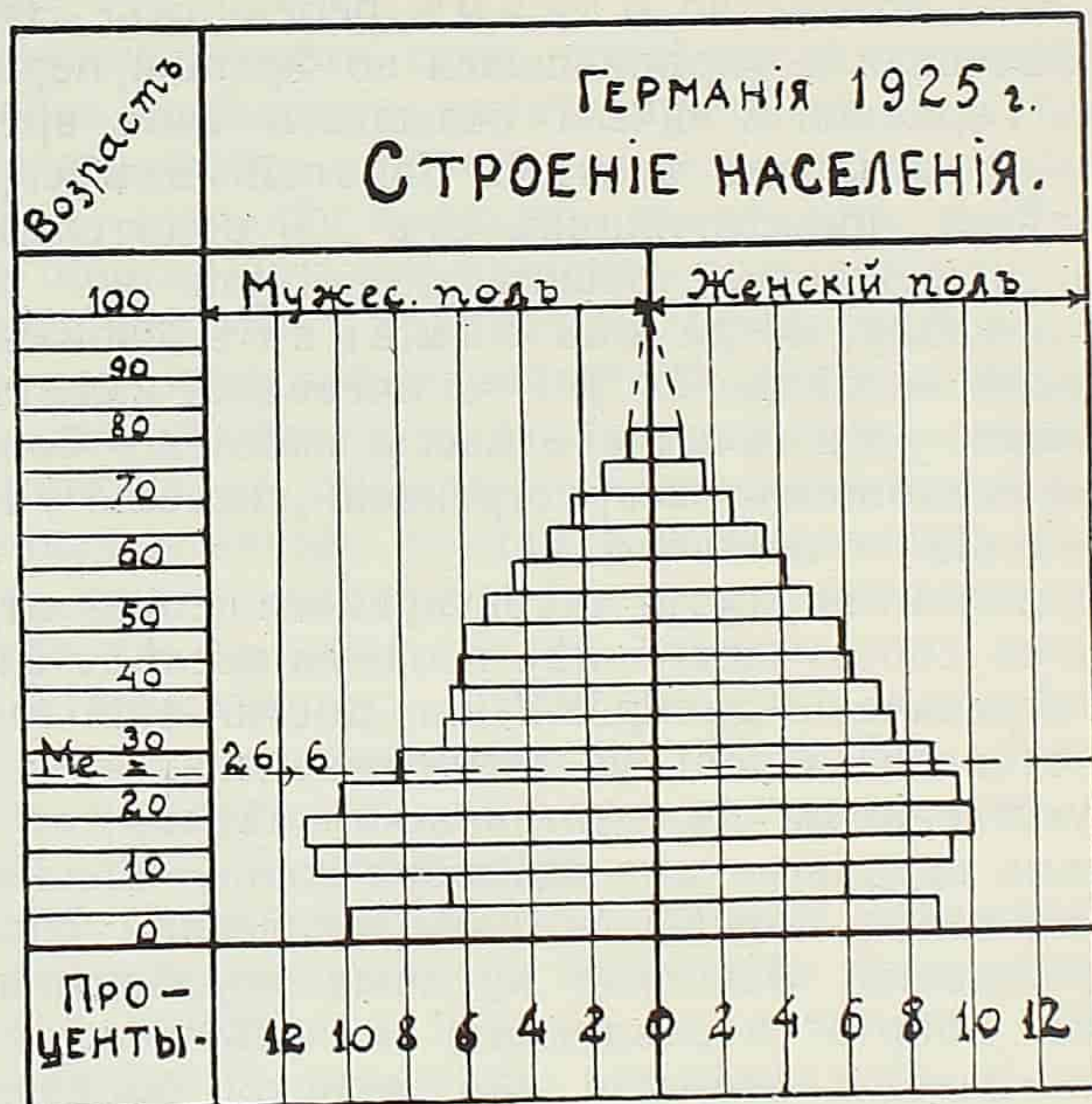
Ниже приводится діаграмма, рисующая уродливость строенія массы населенія въ Германіи въ послѣвоенный періодъ. При нормальномъ строеніи (бывшемъ и въ Германіи до войны) масса населенія подобна правильной пирамидѣ, съ широкимъ основаніемъ, соотвѣтствующимъ младенческимъ возрастамъ

Уродливости строенія выражаются въ слѣдующемъ:

1° сильнѣе всего поражены двѣ младшія группы: между 5 и 10 годами и между 0 и 5 годами. Первая группа происходитъ изъ младенцевъ, родившихся въ періодъ войны или непосредственно за нимъ слѣдующій: 10-лѣтніе родились въ 1914 и 1915 годахъ, 5-лѣтніе въ 1919 и 1920 годахъ. Она

*) Не считая даже браковъ бесплодныхъ, всегда имѣющихся въ дѣйствительности.

отражаетъ на себѣ вліяніе войны и численно убыла почти вдвое сравнительно съ 1910 годомъ ($6\frac{1}{2}$ и 3,99 милл.), а слѣдовательно, противъ „нормы“ упала болѣе, чѣмъ въ два раза.

Женскій полъ вообще потерпѣлъ меньше ущерба отъ войны, но зато этотъ (5—10 л.) слой въ женской половинѣ претерпѣлъ еще больше:

въ 1910 г. (5—10 л.) мальчик.	— 3 269,	дѣвочекъ — 3.250 тыс.
„ 1925 г.	2 025	„ 1.963 „

По наступленіи мирной обстановки, какъ всегда послѣ войны, рождаемость временно усилилась и положеніе нѣ сколько выравнялось, но далеко не дошло до нормы. Младшая группа (0—5 л.), т. е. „корень“, отъ котораго зависитъ все дальнѣйшее развитіе, пострадала весьма жестоко. Она абсолютно убыла и составляетъ всего 0,84 (84 процента) соотвѣтственнаго слоя 1910 года (5,27 и 6,97 милліоновъ).

Изъ чертежа видно, что всѣ три „основанія“ пирамиды (0—5; 5—10 и 10—15 л.) стали уже вышележащаго слоя (15—20 л.). Отсюда неизбежно слѣдуетъ, что въ тотъ моментъ, когда дѣвочки этихъ слоевъ станутъ матерями, онѣ не могутъ ни въ какомъ случаѣ, даже если бы онѣ сохранили ту же плодовитость что и ихъ матери (что весьма мало вѣроятно), дать такое же количество младенцевъ, какъ предыдущее поколѣніе

Въ 1925 году слой, лежащій между 15 и 20 годами, имѣлъ 3.257 тысячъ женщинъ; теперь (1935 г.) онѣ смѣнились слоемъ въ 1.963 тысячи *), который вслѣдствіе смертности убылъ за 10 лѣтъ до 1.920 тысячъ **)

И при той же рождаемости, онѣ, очевидно, не могутъ дать болѣе 59% дѣтей, сравнительно съ предыдущимъ поколѣніемъ

Этотъ слой еще черезъ 10 лѣтъ смѣнится „Корнемъ“ 1925 года, въ которомъ было 2 887 тыс. дѣвочекъ; но число ихъ за 15 лѣтъ опустится до 2½ милліоновъ, которые, очевидно, могутъ дать при неизмѣнности уровня рождаемости, не болѣе 76% потомства, сравнительно съ 1935 годомъ, а этотъ новый, уменьшенный „корень“ дойдетъ до момента дѣторожденія, потерявъ въ своемъ составѣ опять около 15—16% и опять дастъ уменьшенное потомство и т. д.

Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ еще хуже вслѣдствіе того, что уровень рождаемости, какъ мы видѣли, падаетъ и имѣетъ тенденцію падать быстрее, чѣмъ уровень смертности.

Ясно такимъ образомъ, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не случайнымъ и скоропреходящимъ, а весьма длительнымъ, если не постояннымъ, зависящимъ отъ глубокихъ причинъ и влекущимъ за собою постоянную убыль населенія

Явленіе это касается не только Франціи и Германіи, и не только воевавшихъ въ 1914—18 гг. государствъ. „Корень“ возрастной пирамиды выщербленъ: въ Австріи, Англии, Бельгіи, Венгрии, Дании, Норвегии, Швейцарии, Швеции, Эстонии, Финляндии и даже въ Голландіи

Убыль населенія грозитъ Западной Европѣ

Эти грозные признаки начинаютъ озабочивать не только специалистовъ-статистиковъ, но и современныхъ государственныхъ дѣятелей. Во Франціи возникаетъ „Alliance Nationale de Natalité“ и „Conseil supérieur de Natalité“; „familles nombreuses“ получаютъ скидки съ желѣзнодорожнаго тарифа и т. под. Въ Италіи „самъ“ Mussolini бьетъ тревогу и, выступая въ роли статистика, въ своей газетѣ „Il Popolo d'Italia“ (1934 № 209) ставитъ вопросъ: „La razza bianca muore?": Не умираетъ ли бѣлая раса?

Есть еще одно важное послѣдствіе такихъ сдвиговъ въ пластахъ пирамиды: съ уменьшеніемъ основанія пирамиды увеличивается относительное значеніе старшихъ группъ.

Такъ, въ Германіи, въ массѣ женскаго населенія, составляютъ:

*) Находящихся въ 1925 году въ возрастѣ между 5 и 10 годами.
**) Согласно нѣмецкой таблицѣ смертности 1924-26 гг.

	1910 г.	1925 г.
I. Дѣти и подростки (0—20 лѣтъ)	42,9%	34,9%
II. Молодые (20—40 лѣтъ)	30,4 „	33,7 „
III. Пожилые (40—60 лѣтъ)	18,7 „	22,7 „
IV. Старухи	8,0 „	9,1 „
	Me = 22,7 года	26,6 лѣтъ

Измѣрителемъ молодости населенія служитъ т.-назыв. возрастная Медіана (Me), т. е. возрастъ, ниже и выше котораго располагается одинаковое число лицъ (половина населенія). За 15 лѣтъ ея величина сильно возрасла, т. е. населеніе постарѣло:

Въ Германіи	1910	1933
Лица въ возрастѣ 0—5 лѣтъ	6.968 тыс.	5.861
Старики свыше 60 лѣтъ	4.503 „	7.167
Во Франціи	1911	1931
Лица въ возрастѣ 0—5 лѣтъ	3.465	3.590
Старики свыше 60 лѣтъ	4.914	5.856

Старшія группы начинаютъ значительно превышать по численности основаніе пирамиды — „корень“ населенія. Движеніе въ этомъ направленіи, начавшееся во Франціи, перекидывается въ наше время и на другія Европейскія страны. И чѣмъ ниже будетъ падать уровень рождаемости и плодovitости женщинъ, тѣмъ интенсивнѣе будутъ передвигаться слои возрастной пирамиды въ направленіи старческихъ возрастовъ. А такъ какъ старческія группы не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ воспроизводства, то ихъ усиленіе равносильно убыванію населенія въ ближайшемъ будущемъ.

Можно предполагать съ очень большою вѣроятностью, что населеніе Западной Европы пройдетъ черезъ свой зенитъ гдѣ-то около 1945 года, послѣ чего начнетъ убывать.

Вліяніе на уровень рождаемости и смертности. — Передвиженіе слоевъ возрастной пирамиды въ направленіи къ 100-лѣтнему возрасту, очевидно, понижаетъ рождаемость, подъ дѣйствіемъ причинъ физиологическихъ, другими словами, поражаетъ способность населенія къ воспроизведенію. Убываніе дѣтскихъ возрастовъ сперва понижаетъ смертность, съ наибольшей силой поражающую самые нѣжные возрасты. Этотъ законъ имѣетъ всеобщее значеніе.

Но старческіе возрасты (свыше 60 лѣтъ) также обладаютъ большою смертностью, быстро растущей съ приближеніемъ къ 100 лѣтнему возрасту.

Въ Германіи, странѣ съ низкимъ общимъ уровнемъ

смертности, въ 1930—32 гг. коэффициенты смертности для женщинъ составляли:

Возрастъ	Смертность на 1 000
Дѣти до 1 года	73,1
Старухи:	
60—65 лѣтъ	22,2
65—70 лѣтъ	36,5
70—75 лѣтъ	61,0
75 л. и выше	135,6
Все женское населеніе	11,0

Поэтому постепенно, по мѣрѣ усиленія старческихъ группъ, станетъ обнаруживаться тенденція къ повышенію уровня смертности, противъ которой не помогутъ никакія „гигіеническія мѣры“.

Слѣдовательно, постарѣніе массы населенія имѣетъ тенденцію *понижать рождаемость и повышать смертность*.

Измѣрители убыли населенія. Методы ихъ опредѣленія. — До самыхъ послѣднихъ лѣтъ измѣрители убыванія населенія не пользовались въ статистической практикѣ и литературѣ ни вниманіемъ, ни признаніемъ. Они просто не вызывали къ себѣ интереса, вѣроятно потому, что вездѣ наблюдалась не убыль, а ростъ населенія и со времени Мальтуса все вниманіе было обращено на непрерывное возрастаніе массы населенія и на тѣ грозныя послѣдствія, которыя будто бы отсюда вытекаютъ.

Оказалось однако, что въ началѣ второй трети XX-го вѣка мы стоимъ на порогѣ несравненно болѣе грознаго явленія — начинающейся убыли населенія, при обилии и возрастаніи средствъ пропитанія.

Мальтусова проблема поистинѣ выворачивается на изнанку.

Во всякомъ случаѣ, доселѣ не только диллетанты въ статистикѣ (которыхъ чрезмѣрно много), но и специалисты составляли себѣ сужденіе о ростѣ (и убыли) населенія на основаніи сравненія двухъ годовыхъ коэффициентовъ: общей рождаемости и общей смертности. Превышеніе перваго надъ вторымъ было мѣрой роста *).

Однако, недостаточная точность этихъ общихъ измѣрителей замѣчена уже давно.

Прежде всего, коэффициентъ общей рождаемости $\left(\frac{N}{P}\right)$ не отвѣчаетъ тому основному методологическому положе-

*) См. выше стр. 40.

нію, согласно которому знаменателемъ должно быть выбрано число, характеризующее среду, порождающую данное явленіе. Поэтому, наряду съ коэффициентомъ общей рождаемости стали опредѣлять коэффициентъ специфической рождаемости или плодовитости женщинъ, выбирая знаменателемъ число женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, т. е. находящихся въ предѣлахъ опредѣленныхъ возрастовъ — отъ 15 до 49 лѣтъ включительно, или отъ 15 до 45 лѣтъ (въ нѣмецкой официальной статистикѣ)*).

Этотъ коэффициентъ значительно точнѣе. Методологически онъ былъ бы вполне достаточенъ, еслибы распределеніе населенія и его женской половинки по возрастнымъ группамъ не измѣнялось во времени и пространствѣ.

А такъ какъ, съ одной стороны, такія измѣненія въ структурѣ населенія одной и той же страны неизбежно происходятъ во времени, а съ другой, въ разныхъ странахъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени возрастное строеніе населенія нѣсколько отличается, то измѣритель плодовитости женщинъ оказывается не вполне точнымъ для сравненія и слѣдовательно, для сужденія о процессахъ движенія населенія во времени и пространствѣ. По той же причинѣ и рядъ годовыхъ коэффициентовъ плодовитости женщинъ не можетъ выразить точно дѣйствительнаго движенія рождаемости.

Эти соображенія привели къ поискамъ болѣе точныхъ измѣрителей и къ попыткамъ установить такъ называемые „taux rectifiés“, исправленные коэффициенты, при опредѣленіи которыхъ принимается во вниманіе закономерность возрастнаго строенія.

При вычисленіи этихъ новыхъ измѣрителей обычно за единицу измѣренія времени принимается не годъ, а извѣстный періодъ, обычно — 1 поколѣніе, т. е. около 35 лѣтъ. Этимъ способомъ устраняются случайныя ошибки, неизбежно связанныя съ измѣреніемъ слишкомъ малой единицей (годъ).

Я не имѣю ни возможности, ни намѣренія дать здѣсь изложеніе всей этой методологической проблемы. Остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ измѣрителяхъ, болѣе точно характеризующихъ процессъ убыванія (или возрастанія) населенія и даже болѣе того, дающихъ представленіе о внутренней способности данной массы населенія къ самосохраненію и росту.

Для опредѣленія числителя такого показателя принимаются во вниманіе только младенцы женскаго пола; этого достаточно, во первыхъ потому, что рождающіеся маль-

*) Опредѣленіе знаменателя по тому или другому признаку не даетъ существеннаго различія, вслѣдствіе того, что плодовитость женщинъ старше 45 лѣтъ ничтожна.

чки находятся въ опредѣленномъ соотношеніи съ числомъ родившихся дѣвочекъ; во-вторыхъ, воспроизведеніе населенія зависитъ, очевидно отъ того, въ какой мѣрѣ матери (1-е поколѣніе) могутъ быть замѣнены дочерьми (2-е поколѣніе). Число дѣвочекъ, родившихся въ теченіе всего періода (35 лѣтъ), будетъ соотвѣтствовать числителю Число женщинъ въ періодѣ дѣторожденія будетъ знаменателемъ. Въ результатѣ получится такъ называемый „показатель“ (коэффициентъ) валового воспроизводства*).

Но при вычисленіи этого показателя встрѣчаются затрудненія. Дѣло въ томъ, что точное выраженіе этого показателя могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы можно было, опредѣливъ въ данный моментъ число женщинъ въ начальномъ возрастѣ (15 лѣтнихъ), прослѣдить ихъ жизнь въ теченіе всей карьеры дѣторожденія, т. е. вплоть до достиженія ими предѣльнаго (49-лѣтняго возраста), а съ другой стороны, сосчитать число дѣвочекъ, родившихся отъ нихъ въ теченіе того же періода.

Сдѣлать это въ дѣйствительности очень трудно, если не невозможно, и во всякомъ случаѣ подобное наблюденіе потребовало бы очень большаго времени. Поэтому приходится довольствоваться нѣкоторыми методами приближеннаго вычисленія.

Но и при этомъ не избѣжать затрудненій, вытекающихъ изъ того обстоятельства, что число женщинъ въ этой спеціальной группѣ и распредѣленіе ихъ по возрастамъ, въ теченіе жизни поколѣнія, мѣняется.

Съ другой стороны, дѣти, рождающіяся въ теченіе года, происходятъ отъ матерей, одновременно находящихся въ разныхъ возрастныхъ группахъ и происходящихъ каждая — отъ своего „корня“, различной численности.

Изъ методовъ разрѣшенія этой довольно трудной задачи особаго вниманія заслуживаетъ способъ, предложенный французскимъ статистикомъ Sauvy, дающимъ простое и изящное разрѣшеніе проблемы.

Для опредѣленія знаменателя онъ предлагаетъ „свести всѣхъ женщинъ, находящихся въ періодѣ дѣторожденія, къ среднему ихъ возрасту и допустить предположеніе, что всѣ женщины становятся матерями въ этомъ возрастѣ“. Для современной Франціи такимъ возрастомъ оказывается $28\frac{1}{2}$ лѣтъ или группа — въ возрастѣ между 28 и 29 годами. Ихъ число будетъ знаменателемъ дроби

При такихъ условіяхъ, число младенцевъ, родившихся въ теченіе года, можетъ быть принято за числитель, съ достаточнымъ приближеніемъ, безъ большой погрѣшности.

*) Réproduction brut.

Опредѣливъ показатель для Франціи, Sauvy находитъ

$$C = \frac{360}{320} \times 1.00 = 1.125^*).$$

1.125 дѣвочекъ, родившихся въ данный моментъ, къ 28-лѣтнему возрасту, т. е. къ моменту, когда онѣ достигнутъ средняго уровня возраста своихъ матерей, потеряютъ изъ своего состава 20,6% вслѣдствіе смертности**), т. е. изъ этой группы останется $(1.125 \times 0,794) = 893$ женщины на тысячу родившихся.

Слѣдовательно, коэффициентъ „чистаго воспроизведенія“ (Réproduction nette) будетъ:

$$\frac{1}{1+r} = 0.893.$$

Такъ какъ онъ оказывается величиной, меньшей единицы, то и является показателемъ степени убыванія населенія въ теченіе одного поколѣнія.

Счастливая идея свести всю группу матерей къ ихъ „центру тяжести“ и черезъ него выразить силу плодовитости даетъ блестящее рѣшеніе проблемы. Sauvy производитъ повѣрку путемъ вычисленія коэффициента инымъ способомъ, по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ и уровню плодовитости каждой изъ нихъ въ отдѣльности, и приходитъ къ тому же численному результату.

Въ предложенный способъ, для большей точности и объективности, слѣдуетъ лишь внести двѣ небольшія поправки.

Въ составѣ „матерей“ послѣдовательныя возрастныя группы обладаютъ неодинаковой силой воспроизведенія: отъ нижняго предѣла она быстро возрастаетъ до нѣкотораго пункта, послѣ котораго начинаетъ медленно спускаться, пока не достигнетъ нуля въ верхнемъ предѣлѣ (50 лѣтъ).

Sauvy предлагаетъ принять за „центръ тяжести“ средней возрастъ женщины. Но „средняя“ можетъ быть исчислена различно, въ зависимости отъ ея формы и принятаго вѣса

Поэтому мы предлагаемъ положить въ основаніе вычисленія не среднюю а близкую къ ней величину Медианы (M_e), позиція которой опредѣляется совершенно безспорно.

Медиана оказывается въ данномъ случаѣ величиной, близкой къ 28 годамъ (27,8), т. е. величиной, весьма мало отличающейся отъ „средней“, вычисленной Sauvy.

*) Sauvy. Art. cité.

**) По уровню, существующему во Франціи.

Такимъ образомъ, за знаменатель болѣе точно выбрать число женщинъ въ возрастѣ между $27\frac{1}{2}$ и $28\frac{1}{2}$ годами.

Вторая поправка относится къ способу опредѣленія числителя выраженія.

Такъ какъ число младенцевъ женскаго пола изъ года въ годъ мѣняется и въ настоящее время вообще падаетъ, то число ихъ, взятое за какой-нибудь одинъ годъ, можетъ оказаться большимъ или меньшимъ случайнымъ уклоненіемъ отъ своей „нормы“.

Болѣе объективная величина получается въ видѣ геометрической средней числа рожденія за 5 послѣдовательныхъ лѣтъ изъ которыхъ срединный, третій членъ долженъ совпадать по времени съ моментомъ исчисленія знаменателя; къ нему присоединяется 2 предыдущихъ и 2 послѣдующихъ года.

По исчисленію Статистическаго Бюро Лиги Націй, коэффициентъ валоваго воспроизводства для Франціи (1900-32 гг.) опредѣленъ въ 1.103*), откуда слѣдуетъ, что коэффициентъ чистаго воспроизводства равенъ

$$(1.103 \times 0,837)**) = 923 \text{ на } 1.000,$$

или, выражая въ видѣ дроби 0,923.

Для Германіи коэффициентъ валоваго воспроизводства тѣмъ же Бюро исчисленъ въ 0,982. Слѣдовательно, коэффициентъ чистаго воспроизводства равенъ

$$(0,982 \times 0,843)***) = 0,828.$$

Выведенные коэффициенты имѣютъ слѣдующее значеніе: весьма вѣроятно, что во Франціи — 1.000 женщинъ въ возрастѣ дѣторожденія черезъ одно поколѣніе будутъ замѣнены женщинами 2-го поколѣнія въ числѣ всего — 923, а въ Германіи — всего — 828.

Такъ какъ къ этому времени люди 1-го поколѣнія успѣютъ достигнуть старческихъ возрастовъ, то эти показатели практически можно считать измѣрителями убыли населенія въ теченіе одного поколѣнія.

Ниже приводится таблица, въ которой исчислены (съ округленіемъ) періоды убыванія населенія вдвое, втрое и вчетверо, при разныхъ коэффициентахъ:

*) См. Annuaire Stat. de la S. d. N. 1926/37.

***) Согласно Франц. Таблицѣ Смертности 1928 — 1933 гг. См. Bulletin de la Stat. Gen. de la France. Tome XXV, Fasc. IV. Разница съ коэффициентомъ, вычисленнымъ Sauvy, объясняется пониженіемъ смертности, отразившемся на числахъ новой Таблицы смертности.

****) Согласно нѣмецкой Таблицѣ Смертности. Stat. Jahrbuch f. d. D. Reich. 1932.

Убыль населенія P_0 до	При коэффициентахъ $\left(\frac{1}{1+r}\right)$				
	0,9	0,8	0,7	0,6	0,5
	Черезъ сколько поколѣній				
$\frac{1}{2} P_0$	6	3	2	$1\frac{1}{2}$	1
$\frac{1}{3} P_0$	9	5	3	2	—
$\frac{1}{4} P_0$	12	6	4	3	2

Коэффициенты убыли за послѣдніе годы не остаются неизмѣнными, а въ общемъ падаютъ.

Для 1926 года Кучинскимъ соотвѣтственные коэффициенты были опредѣлены:

Для Франціи	въ 0,937
— Германіи	„ 0,890
— Англии	„ 0,860
— Австріи	„ 0,782 (1928 г.).

Еще хуже обстоитъ дѣло въ большихъ городахъ: коэффициентъ Берлина — 0,400, Стокгольма — 0,365, Вѣны — 0,25.

Страны съ коэффициентомъ воспроизведенія населенія, меньшимъ единицы, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

I группа: Большія страны съ населеніемъ больше 10 милл.

	Населеніе въ милліонахъ	Коэффициентъ чистаго воспроизведенія
1. Германія	65,2 (67)	0,828
2. Англія	46,6 (47)	0,860
3. Франція	41,2 (41)	0,923
Итого	153,0 (155) *)	

II Группа: Страны съ населеніемъ болѣе 5 и менѣе 10 милл.

1. Швеція	6,1	0,751
2. Австрія	6,7	0,782
3. Бельгія	8,1	0,909
4. Венгрія	8,7	9,932
Итого	29,0	

III группа: Малыя страны (P менѣе 5 милл.)

1. Швейцарія	4,0	0,770
2. Эстонія	1,1	0,779
3. Норвегія	5,8	0,821
4. Данія	3,5	0,903
Итого	11,4	

Всего населенія 193,4 (195,9)

*) Цифры въ скобкахъ — по исчисленію на 31-ХІІ, 1935 г.

Такимъ образомъ, уже около 1930 года половина всего Западно-Европейскаго населенія находилась въ процессѣ вымиранія и движеніе въ томъ же направленіи продолжаетъ охватывать все новыя и новыя мѣстности

Населеніе большихъ городовъ давно уже не имѣетъ естественнаго прироста, а пополняется притокомъ со стороны. При коэффициентѣ 0,4, около котораго держится въ настоящее время уровень милліонныхъ городовъ, естественная убыль населенія выразится слѣдующими величинами:

1 милліонъ населенія превращается:					
въ 400 тысячъ	черезъ 1	поколѣніе	(35	лѣтъ)	
„ 160	„	2	(70	„)
„ 64	„	3	(105	„)
„ 26	„	4	(140	„)

Нахожденіе промежуточныхъ величинъ. — За единицу измѣренія времени мы до сихъ поръ принимали 1 поколѣніе. Для того, чтобы перейти на болѣе мелкую единицу, напр., 1 годъ, (положимъ, если предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ что произойдетъ черезъ 5, 10 и вообще черезъ X лѣтъ), необходимо произвести интерполированіе между двумя извѣстными пунктами.

Если коэффициентъ извѣстенъ, это не представляетъ затрудненій.

Положимъ, что населеніе въ исходной точкѣ равно 1 и что коэффициентъ

$$\frac{1}{(1+r)} = 0,8 = \frac{1}{1,25};$$

при переходѣ на новую единицу измѣренія (годъ), мы имѣемъ равенство, называя новый коэффициентъ черезъ $(1+r_1)$:

$$\frac{1}{1,25} = \frac{1}{(1+r_1)^{34}},$$

откуда

$$1,25 = (1+r_1)^{34}$$

и

$$\frac{\lg 1,25}{34} = \lg (1+r_1);$$

Рѣшая уравненіе, получаемъ:

$$\lg (1+r_1) = 0,0028; \quad (1+r_1) = 1,0062.$$

Слѣдовательно, величина населенія черезъ 10 лѣтъ отъ исходнаго пункта будетъ равна:

$$P_{10} = 1 \times \frac{1}{1,0062^{10}} = \frac{1}{1,067} = 0,937.$$

Чему будетъ равна величина P черезъ 40 лѣтъ отъ исходнаго момента?

$$P_{40} = \frac{1}{1,0062^{40}} = \frac{1}{1,294} = 0,772,$$

т. е. каждая тысяча населенія убудеть на 228 единицъ, и т. д.

Пониманіе этого процесса вырожденія и упадка снимаетъ покровъ тайны съ великихъ историческихъ событій, казавшихся необъяснимыми. Становится яснымъ, почему погибла древняя Римская Имперія и ея культура, почему вымеръ ея народъ до послѣдняго человѣка*). Вѣдь, никакое нашествіе варваровъ, хотя они и проникли одновременно со всѣхъ границъ Римской Имперіи, и никакія жестокости варваровъ, разумѣется, не могли истребить весь многочисленный народъ. Онъ истребилъ себя самъ, утерявъ способность въ самопроизведенію, т. е. утерявъ элементарный инстинктъ самосохраненія. И погибъ.

Тѣмъ же способомъ погибли и многочисленные другіе народы древности въ Азіи, Африкѣ и на американскомъ континентѣ. А съ другой стороны, сохранился китайскій народъ, въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій пережившій множество войнъ и революцій и въ иные моменты своей исторіи доходившій до численности всего въ 20 милліоновъ душъ. Сохранился и персидскій народъ. Сохранились и евреи, обладающіе въ данный моментъ (въ Палестинѣ) наивысшимъ коэффициентомъ рождаемости**).

Взглядъ въ будущее. Предсказывать будущее, разумѣется, чрезвычайно трудно и я не беру на себя этой задачи. Однако, нѣкоторое экстраполированіе, строго основанное на имѣющихся статистическихъ фактахъ и выведенныхъ коэффициентахъ, возможно и допустимо.

Надо думать, что картина, вырисовывающаяся на основаніи приведенныхъ выше коэффициентовъ убыванія, слишкомъ оптимистична. Для этого есть нѣсколько основаній:

*) Говоря строго математически, рассматриваемая убывающая функція есть асимптотъ, дающій въ предѣлѣ 0 только въ безконечности. Но практически нѣсколько человѣкъ, оставшихся отъ многомилліоннаго народа, всегда могутъ не дать вовсе потомства или погибнуть отъ случайныхъ причинъ.

**) 44,4 въ 1933 году (на 1.000). Это — максимумъ, если не считать нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, гдѣ рождаемость еще выше, напр. въ Оренбургской области 62,8 („Правда“ отъ 1-1-1936).

При оцѣнкѣ силы рождаемости въ Палестинѣ надо, конечно, имѣть въ виду, что большинство населенія — арабы. Все населеніе равно 1 милл. 140 тысячъ душъ.

1. Скользящій коэффициентъ убыванія. Предполагать, что въ какой либо изъ странъ (Европейскихъ) коэффициентъ воспроизводства повысится въ ближайшемъ будущемъ и будетъ двигаться въ направленіи къ единицѣ (стаціонарность), совершенно невозможно. Наоборотъ, то всеобщее движеніе коэффициентовъ внизъ, которое явно обнаруживается за послѣдніе годы, непременно будетъ продолжаться и впредь, въ теченіе періода, который невозможно опредѣлить.

Предположимъ, что убыль происходитъ по сравнительно высокому коэффициенту — 0,9*). Пусть ежегодное убываніе коэффициента будетъ равняться только $\frac{1}{2}$ проценту (0,005)*).

При этихъ предположеніяхъ, населеніе (1) за два поколѣнія будетъ убывать по убывающему (скользящему внизъ) коэффициенту, и на рубежѣ 1-го и 2-го поколѣнія его величина опустится до 0,771, или, что тоже самое, черезъ одно поколѣніе каждая 1.000 населенія превратится въ 771, а еще черезъ поколѣніе — убудетъ вдвое, тогда какъ при неизмѣнномъ коэффициентѣ въ 0,9 этотъ же уровень будетъ достигнутъ только въ шестомъ поколѣніи, т. е. въ три раза медленнѣе.

2. Если „корень“ или основаніе возрастной пирамиды когда-либо, хотя бы вслѣдствіе временныхъ и случайныхъ причинъ претерпѣлъ значительный ущербъ, то отсюда неизбежно вытекаетъ то послѣдствіе, что въ моментъ своей зрѣлости „корень“ замѣнитъ предыдущее поколѣніе въ отношеніи своего числа къ числу „родителей“, уменьшенному на число умершихъ за соотвѣтственный періодъ

Эта дробь и будетъ выражать собою вновь приобретенную силу убыванія. Напр., въ Германіи, по Переписи 1925 года, число дѣвочекъ въ возрастѣ между 5 и 10 годами было — 1963 тысячи и слѣдующая группа — 3079 тысячъ. Лица первой группы въ 1945 годъ станутъ „матерями“ и замѣнятъ лежащую выше нихъ группу женщинъ, которая войдутъ въ возрастъ 30—35 лѣтъ. Но въ теченіе 20 лѣтъ смерть унесетъ изъ первой группы около 63 тысячъ и изъ второй — 124 тысячъ**).

Слѣдовательно, коэффициентъ убыванія (съ приближеніемъ) опредѣлится изъ отношенія:

$$\frac{1900}{2955} = 0,642.$$

То обстоятельство, что ниже лежащій слой болѣе мно-

*) Т. е. сравнительно медленно.

***) Согласно нѣмецкой Таблицѣ смертности.

гочислененъ (группа между 0 и 5 годами — 2881 тыс.) мало поможетъ дѣлу, такъ какъ къ тому времени, какъ этотъ слой превратится въ „родителей“, въ основаніи пирамиды будетъ лежать вновь „корень“, происходящій отъ вышележащаго, меньшаго по численности слоя (1900) и „корень“ будетъ малочисленнѣе своихъ родителей: основаніе пирамиды еще съузится и т. д.

Словомъ, строеніе возрастной пирамиды въ концѣ концовъ зависитъ отъ состава наименьшаго слоя, лежащаго въ основаніи пирамиды.

3. Съ другой стороны, сила смертности имѣетъ всѣ шансы повыситься въ ближайшемъ будущемъ. Ранніе дѣтскіе возрасты обладаютъ высокою смертностью. При слабой рождаемости уменьшается доля младенцевъ въ составѣ населенія, что служитъ причиною уменьшенія общаго коэффициента смертности, независимо отъ другихъ обстоятельствъ. Однако указанная причина дѣйствуетъ только временно, ибо съ убываніемъ числа дѣтей увеличивается доля другого конца — стариковъ, тоже обладающихъ большою силой смертности; это обстоятельство нейтрализуетъ вліяніе первой причины и послѣ временнаго пониженія коэффициента смертности неизбежно повлечетъ за собою его повышение, усиленіе смертности, тѣмъ большее, чѣмъ будетъ расти относительное значеніе старческаго слоя*).

Насколько велико значеніе такого перемѣщенія слоевъ пирамиды, отъ начальнаго до конечнаго края, можно судить по тому, что въ западно-европейскихъ условіяхъ до 40 лѣтняго возраста изъ 100.000 родившихся одновременно, умираетъ около $\frac{1}{4}$, а послѣ 40 лѣтъ — остальные $\frac{3}{4}$.

Чѣмъ выше лежитъ возрастная Медіана, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ выше коэффициентъ смертности. Несмотря на различіе многихъ иныхъ условій, вліяніе этого закона обнаруживается въ трехъ крупнѣйшихъ Европейскихъ странахъ:

	Возрастная Медіана, лѣтъ	Смертность на 1.000
Германія	26,6	11,2
Англія	30,0	12,5
Франція	31,9	15,8

Выше были приведены данныя, показывающія довольно быстрое нарастаніе старческаго конца за счетъ болѣе молодыхъ группъ. Это — явленіе не случайное. Оно есть неиз-

*) Тенденція повышения коэффициента смертности обнаружилась уже въ 1935 году. По официальнымъ даннымъ, смертность повысилась въ Англии, Италіи, Германіи и сильнѣе всего — во Франціи.

бѣжное слѣдствіе упадка рождаемости. Его вліяніе, разумѣется, не можетъ быть уравновѣшено никакими „гигіеническими мѣропріятіями“, способными понизить смертность.

4) Вслѣдствіе изумительной закономѣрности въ соотношеніи рождающихся младенцевъ мужскаго и женскаго пола и строгаго порядка смертности, до сихъ поръ вездѣ поддерживалось и еще поддерживается приблизительное равенство половъ въ составѣ населенія данной страны. Исключеніемъ являются лишь Британскіе Малайскіе и Гавайскіе — „зеленые“ острова, гдѣ на 100 женщинъ приходится по 145 и 153 мужчины*).

Однако, устойчивое равновѣсіе между полами поддерживалось въ продолженіе вѣковъ естественнымъ ходомъ дѣторожденія. Весьма вѣроятно, что примѣненіе мѣръ искусственнаго ограниченія дѣторожденія и въ особенности распространеніе практики вытравленія плода повлечетъ за собою нарушенія въ соотношеніи половъ среди новорожденныхъ, а стало быть, и въ составѣ всего населенія, въ ближайшемъ будущемъ.

До сихъ поръ это явленіе еще не обнаружилось рѣзко.

Однако, уже въ цѣломъ рядѣ Европейскихъ странъ, воевавшихъ и не воевавшихъ, замѣчается усиленіе женской половины населенія за счетъ мужской. Въ видѣ примѣра можно указать слѣдующія страны:

	1910	1911	1922	1930 - 31	1933	1934
	Доля женщинъ въ составѣ населенія въ ‰‰					
Германія	50,7	—	—	—	51,4	—
Австрія	50,6	—	—	—	—	52,0
Эстонія	—	—	53,0	—	—	58,0
Франція	—	50,9	—	51,7	—	—
Англія	—	51,6	—	52,1	—	—

Въ Швейцаріи — 50,8 (1910 г.) и 51,8 (1930 г.).

Уже въ Латвіи (53,4) и особенно въ Эстоніи строеніе массы населенія пріобрѣтаетъ явно уродливый характеръ „Зеленаго острова навыворотъ“.

Разумѣется эти крошечныя государства съ ихъ малочисленнымъ населеніемъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія

Но если нарушеніе равновѣсія и передвиженіе коромысла вѣсовъ въ ту или другую сторону охватитъ населеніе большихъ Европейскихъ странъ, то можетъ наступить такой хаосъ въ порядкѣ воспроизводства, о которомъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія. Вѣроятность перемѣ-

*) Тѣ и другіе вмѣстѣ имѣютъ всего — 4,7 милл. населенія.

щенія коромысла въ женскую сторону не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

5) Наряду съ указанными, постоянными причинами, имѣется и рядъ причинъ „пертурбаціонныхъ“, изъ которыхъ важнѣйшія относятся къ одной изъ слѣдующихъ трехъ категорій: эпидеміи, войны, революціи.

Съ эпидемическими болѣзнями можно справляться при помощи „гигіеническихъ мѣропріятій“ и люди научились это дѣлать. Въ наше время эпидемическія болѣзни практически побѣждены и существеннаго значенія не имѣютъ.

Но съ эпидеміями массовыхъ убійствъ и увѣчій (война) и эпидеміями массовыхъ убійствъ и ограбленій (революція) люди не только еще не справились, но наоборотъ, сила этихъ психическихъ заболѣваній все увеличивается.

Массовыя убійства, происходящія во время войнъ и революцій, сами по себѣ имѣютъ послѣдствіемъ временный ущербъ въ составѣ населенія, пополняемый сравнительно быстро при наступленіи условій нормальной жизни.

Ихъ вліяніе, однако, можетъ сдѣлаться фатальнымъ, если ими:

- а) подрѣзывается „корень“ возрастной пирамиды и
- б) ослабляется сила воспроизводства населенія.

Подъ совокупнымъ дѣйствіемъ указанныхъ причинъ населеніе постепенно убываетъ, съ большей или меньшей быстротой, и вѣрными шагами идетъ къ самоистребленію и къ исчезновенію съ лица земли.

Этотъ ужасный процессъ можетъ быть остановленъ и положеніе выправлено только однимъ единственнымъ способомъ. Именно, для этого необходимо, чтобы въ нѣкоторый моментъ времени „корень“ возрастной пирамиды, дойдя до возраста „родителей“ и замѣнивъ предыдущее поколѣніе, воспроизвелъ потомство, болѣе многочисленное, чѣмъ былъ онъ самъ въ исходномъ моментѣ своего существованія и чтобы тоже самое сдѣлало его потомство и т. д.

Само собою разумѣется, что такой поворотъ при установившихся взглядахъ, привычкахъ и тенденціяхъ къ уменьшенію дѣторожденія, трудно достижимъ. Убыль населенія зависитъ не отъ недостатка средствъ пропитанія и сырыхъ матеріаловъ. Этотъ процессъ есть слѣдствіе массовыхъ психическихъ заболѣваній: утраты вѣры, ослабленія морали, паденія нравовъ.

Слѣдовательно, лишь въ оздоровленіи психической сферы лежитъ спасеніе отъ полнаго уничтоженія.

А. Л. Пог о д и н ъ

„ИСКАЖЕННЫЙ ПУШКИНЪ“.

(Романы о жизни Пушкина).

Столѣтіе со дня смерти Пушкина породило особаго рода обширную литературу, модный въ настоящее время родъ „романизованныхъ біографій“. За послѣднее время пошла прямо манія такой трактовки жизнеописаній разныхъ великихъ людей, не только писателей. По существу, это должны быть историческіе романы. Я, вообще, считаю историческій романъ однимъ изъ ложныхъ видовъ литературнаго творчества, наслѣдникомъ старой „ироической“ поэмы, и нахожу, что ни „Война и Миръ“, ни романы Сенкевича, ни романы Эберса, Дана, Вальтеръ-Скота и др. не являются историческими произведеніями, а только художественно-философскими или художественно-политическими трактатами. Но на этомъ я не стану останавливаться въ этомъ очеркѣ, такъ какъ моя задача не доказать, вообще, что историческіе романы о Пушкинѣ фальшивы по самому существу а представить, какъ исказили личность и жизнь Пушкина имѣющіеся на лицо эти романы о Пушкинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизни Пушкина чрезвычайно много такого, что само просится подъ перо романиста. Во первыхъ, это то, что такъ необходимо для романиста: любовныя исторіи, женщины. Вся жизнь Пушкина пропитана этими исторіями: отъ юныхъ лѣтъ, надъ которыми такъ бьются его біографы, стараясь опредѣлить, кого перваго прославилъ поэтъ въ своихъ стихахъ, и до трагическаго конца его, до его гибели при героической защитѣ чести и имени молодой жены. „Любовный бытъ“ Пушкинской эпохи: такъ и называется изданіе дневниковъ Алексѣя Вульфа. Этотъ любовный бытъ отъ 1812 до 1837 г. связанъ съ именемъ нашего великаго поэта.

Затѣмъ, превратности судьбы: гонимый Пушкинъ, скитающійся по Бессарабіи, проѣзжающій на перекладныхъ всю

Россію: Россію съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, Пушкинъ на Кавказѣ и въ Крыму, Пушкинъ, сосланный въ Михайловское, столкнувшійся съ отцомъ, этимъ прообразомъ „скупого рыцаря“, Пушкинъ въ Тригорскомъ, окруженный вѣнкомъ прелестныхъ дѣвушекъ и дамъ, влюбленный и любимый, Анна Кернъ ... Далѣе, Пушкинъ и русскіе цари: гонитель его Александръ I и Николай I. Кто для Пушкина Николай I? Тиранъ въ мягкихъ перчаткахъ, лицемерный деспотъ? Или другъ, помощникъ? Какова его роль въ послѣдніе годы жизни поэта? Не толкалъ-ли онъ Пушкина на гибель? Не довелъ ли его коварно и сознательно до дуэли, и когда Пушкинъ былъ раненъ, не постарался-ли сдѣлать такъ, чтобы несмертельная рана погубила его? Когда же Пушкинъ умеръ, не оскорбилъ ли онъ даже праха его, отправивъ тѣло умершаго въ ящикъ, на дровняхъ, для погребенія въ далекомъ монастырѣ? А самъ Пушкинъ: не рвался-ли онъ за границу? Почему его не пускали? Или же его мечты о бѣгствѣ изъ Россіи были несерьезны, представляли просто вспышки раздраженія, вызваннаго личными столкновениями, а вовсе не принципиальнымъ расхожденіемъ съ царемъ и „свѣтомъ“? Каково было политическое міросозерцаніе Пушкина: былъ ли онъ „революціонеръ“ или его программа уже съ 1837 г. совершенно совпадаетъ съ правительственной, какъ это утверждалъ Сиповскій въ 1907 г. („Пушкинъ“).

Такихъ вопросовъ не мало, и каждый изъ нихъ создалъ цѣлую литературу.

Что касается источниковъ для біографіи Пушкина, то въ наше время мы знаемъ, вѣроятно, уже все, что намъ дано знать: больше едва ли уже узнаемъ. Этотъ матеріалъ въ настоящее время сталъ доступенъ всякому интересующемуся біографіей Пушкина, благодаря нѣсколькимъ хорошимъ своднымъ изданіямъ и ряду библиографическихъ пособій. Въ трудѣ В. Вересаева („Пушкинъ въ жизни“, 4 выпуска 1927), Н. Ашукина „Живой Пушкинъ. Историческая мозаика“, въ комментаріяхъ къ изданію Писемъ Пушкина (3 тома, до 1834 г.), въ книгѣ Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“ и др. подобранъ систематически весь тотъ матеріалъ, съ которымъ можетъ въ наше время манипулировать популяризаторъ пушкинской біографіи. Если онъ хочетъ изложить эти матеріалы въ формѣ романической, ему надо дополнять ихъ игрой своего воображенія, и вотъ тутъ то и ждуть его подводные камни, о которые онъ почти постоянно и разбивается. Вѣдь тому, кто хочетъ дать живой образъ человѣка, даже живого, даже нашего современника, и сказать, что онъ въ данномъ случаѣ скажетъ то-то и поступитъ такъ-то, надо изучить его детально, но,

какъ извѣстно, „чужая душа потемки“, и чтобы узнать человека, „надо съ нимъ съѣсть пудъ соли“. Если же этого пуда не съѣсть, то не лучше-ли ограничиться тѣмъ достовернымъ и подлиннымъ, что мы знаемъ о человекѣ, не беря на себя задачи возстановить его образъ во всѣхъ подробностяхъ? „Сочиненный“ Грибоѣдовъ, а не подлинный — въ романѣ Юрія Тынянова, выдуманый Достоевскій у Л. Гросмана, „возможный“, а не дѣйствительный Лермонтовъ у Шувалова и др.

Попробуйте взять кого-нибудь изъ своихъ современниковъ, еще живущихъ и здравствующихъ, и сочините такой романъ о любомъ изъ нихъ, въ которомъ онъ долженъ выступать въ положеніяхъ, въ какихъ вы его не видали, заставьте его говорить, объясняться въ любви, скорбѣть, ссориться, да и не вообще ссориться, а именно съ такимъ-то и по такому то случаю. Я думаю, что вы убѣдитесь въ томъ, что эта задача вамъ не по силамъ, а лицо живое и вамъ извѣстное, прочитавъ о томъ, что онъ сказалъ и сдѣлалъ то, что ему приписано романистомъ, станетъ это опровергать. Кольми же паче все это трудно и невообразимо, когда идетъ рѣчь о бытѣ умершемъ, намъ непонятномъ, ни въ чемъ не похожемъ на нашъ теперешній. Поэтому, въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло или съ трафаретомъ, или съ лубкомъ, или со схемой. Что же касается Пушкина, по павшаго подъ ножъ романистовъ-вивисекторовъ, то, къ счастью, это оказался не настоящій Пушкинъ, а искаженный, восковая фигура изъ музея, а не живой человекъ.

Не лишнее для нашей характеристики того, какъ современные люди понимаютъ Пушкина, разсмотримъ нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ превратить отшедшаго отъ насъ, уже далеко отставшаго отъ нашей жизни поэта въ героя романа. А какъ быстро совершается этотъ процессъ отхода человечества отъ своего историческаго прошлаго, я приведу для этого хоть одинъ примѣръ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла книга, Дневники Алексѣя Вульфа, „Любовный бытъ Пушкинской эпохи“. Эта книга была извѣстна уже давно, и когда впервые М. Л. Гофманъ (1915) издалъ ее въ отрывкахъ, критикъ этого изданія Цявловскій говорилъ о томъ ошеломляющемъ впечатлѣніи, которое записки Вульфа произвели на него. Стали поиятны довольно рѣзкія, я сказалъ-бы циническія выраженія, въ которыхъ Пушкинъ говорилъ объ Аннѣ Кернъ, — той самой, которой посвящено стихотвореніе: „Я помню чудное мгновеніе“.

Въ дальнѣйшемъ я разсмотрю рядъ попытокъ сдѣлать изъ біографическаго матеріала о Пушкинѣ беллетристическія произведенія. Что здѣсь выдвигалось на первый планъ? Что хотѣли сказать авторы этихъ произведеній?

Въ совѣтской литературѣ Пушкинъ обязательно понимается, какъ писатель съ революціоннымъ настроеніемъ. Онъ гонимъ правительствомъ, шпіонами его, стремится бѣжать изъ Россіи, но это ему не удается, онъ подавленъ казнью декабристовъ и ясно понимаетъ, что эта участь могла бы постигнуть и его. Непрестанный гнетъ грубаго и некультурнаго правительсва, съ самимъ императоромъ Николаемъ I во главѣ, и близость Пушкина по душѣ и настроенію къ революціонной пролетарской Россіи: такова постоянная тема совѣтскихъ романизированныхъ біографій Пушкина.

Такъ, журналъ „Звѣзда“ выпустилъ юбилейный номеръ 1937 г. съ нѣсколькими произведеніями, посвященными Пушкину. Въ одномъ изъ нихъ рассказывается о томъ какъ Пушкинъ и Вяземскій въ 1828 году совершили прогулку въ Петропавловскую крѣпость. Вяземскій, рассказывая объ этомъ женѣ, говоритъ о „мрачномъ и грозно-поэтическомъ“ впечатлѣніи отъ этой прогулки „по крѣпостнымъ валамъ и по головамъ сидящихъ внизу въ казематахъ“. Какъ память съ этой прогулкѣ, въ вещахъ Вяземскаго сохранилась маленькая черная шкатулка съ запиской на крышкѣ: „Праздникъ Преполовенія за Невою. Прогулка съ Пушкинымъ 1828 г.“ (см. объ этомъ у Н. Ашукина). Въ шкатулкѣ оказалось нѣсколько щепокъ. Отсюда начинаются домыслы. По предположенію Лернера, это были щепки отъ помоста, на которомъ была воздвигнута висѣлица, или даже отъ самой висѣлицы. Мы знаемъ, что казнь декабристовъ произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина, и что въ его рукописи 1828 г. есть рисунокъ, изображающій нѣсколько повѣшенныхъ. Вотъ все, что можно сказать достовернаго. У совѣтскаго романиста все это изображено такъ, чтобы показать, какъ народъ былъ на сторонѣ казненныхъ революціонеровъ. Такъ какъ сюжетъ рассказа въ „Звѣздѣ“, собственно, очень малъ, то авторъ развиваетъ его: во первыхъ, съ помощью длинныхъ и скучныхъ разглагольствованій о душевномъ состояніи Пушкина въ 1828 г. (на преполовеніе), а затѣмъ введеніемъ „народнаго элемента“. Гуляющіе друзья натыкаются во время своей прогулки на стараго солдата, который и даетъ имъ понять, что онъ былъ свидѣтелемъ казни декабристовъ, что доски и бревна, лежащія здѣсь, являются остатками помоста. Онъ даетъ Пушкину топоръ и сочувственно слѣдитъ за тѣмъ, какъ Пушкинъ отрубаетъ щепки, приговаривая: „это за тебя, Рылѣевъ“ и т. дал. Онъ сообщаетъ также тяжелыя подробности казни, всѣмъ извѣстныя. И все таки рассказецъ очень коротенькій и мало говорящій: почему надо было его помещать въ юбилейной книжкѣ журнала?

Въ той же книжкѣ два автора, съ ничего не говорящими, нерусскими фамиліями дали пересказъ путешествія

Пушкина въ Эрзерумъ. Напомню нѣкоторыя относящіяся къ этой поѣздкѣ Пушкина въ Закавказье подробности. Извѣстно, что Пушкинъ домогался въ 1828 г. разрѣшенія императора ѣхать въ дѣйствующую армію на Балканы. Это было какъ разъ въ апрѣлѣ 1828 г., въ то самое время, когда Вяземскій вмѣстѣ съ Пушкинымъ совершили свою прогулку въ крѣпость. По поводу ихъ прошенія завязалась любопытная переписка. Прежде всего крайне враждебно высказался въ письмѣ къ ген. Бенкендорфу вел. кн. Константинъ Павловичъ: „Вы говорите, что писатель Пушкинъ и князь Вяземскій просятъ о дозволеніи слѣдовать за Главной императорской квартирой. Повѣрьте мнѣ, что въ виду прежняго ихъ поведенія, какъ бы ни старались они теперь выказать свою преданность службѣ Его Величества, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно было бы въ чемъ-нибудь положиться“. Это писалось 14 апр. 1828 г. Черезъ двѣ недѣли великій князь высказался еще болѣе отрицательно, увѣряя, что Вяземскій и Пушкинъ, желая ѣхать въ армію, ищутъ только новаго поприща для распространенія „своихъ безнравственныхъ принциповъ“. Сами Пушкинъ и Вяземскій получили такой отвѣтъ: „Я (Бенкендорфъ) докладывалъ Государю Императору о желаніи Вашемъ участвовать въ начинающихся противъ турокъ военныхъ дѣйствіяхъ Е. И. В., принявъ весьма благосклонно готовность Вашу быть полезнымъ въ службѣ его, высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ увѣдомить Васъ, что онъ не можетъ Васъ опредѣлить въ армію, поелику всѣ мѣста въ оной заняты, и ежедневно случаются отказы на просьбы желающихъ опредѣлиться въ оной, но что онъ не забудетъ Васъ и воспользуется первымъ случаемъ, чтобы употребить отличныя ваши дарованія въ пользу отечества“. Пушкинъ впалъ, какъ извѣстно, „въ болѣзненное отчаяніе“, получивъ этотъ отвѣтъ, и сталъ настаивать на томъ, чтобы его отпустили за границу, въ Парижъ. Бенкендорфъ въ такихъ выраженіяхъ рассказывалъ объ этомъ близкому ему челобѣцу Ивановскому (тому, кто спасъ Грибоѣдова во время слѣдствія объ его причастности къ заговору декабристовъ): „Пушкинъ заболѣлъ отъ отказа въ опредѣленіи его въ армію, и вотъ теперь чего захотѣлъ. Пожалуйста, повидайся съ нимъ, постарайся успокоить его и скажи, что онъ самъ, поразмысливъ хорошенько, не одобритъ своего желанія, о которомъ я не хочу доводить до свѣдѣнія государя. Впрочемъ, пусть онъ повидается со мною, когда здоровье его позволитъ“. Ивановскій безъ труда убѣдилъ Пушкина, что въ отказѣ онъ долженъ видѣть не выраженіе недоброжелательства къ нему, а напротивъ, знакъ особаго расположенія, опасеніе государя потерять его, нежеланіе рисковать его жизнью. Пушкинъ повѣрилъ этому и пришелъ

въ такое радостное и веселое расположеніе духа, что Ивановскій былъ удивленъ быстротою переменъ его настроеній. Въ видѣ компенсаціи Пушкину и дано было въ 1829 г. разрѣшеніе ѣхать на Кавказъ, но и здѣсь правительство опасалось Пушкина. Дѣйствительно, онъ бравировалъ своими старыми отношеніями съ декабристами, сосланными на Кавказъ, подчеркивалъ свое восхищеніе Ермоловымъ, который былъ не въ ладахъ съ правительствомъ, и холодность къ главнокомандующему Кавказской арміей, Паскевичу. Наконецъ, онъ принялъ участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ. Все это всполошило Петербургъ, и Паскевичъ постарался въ лестной для поэта формѣ отдѣлаться отъ него, подаривъ ему передъ разлукой саблю, которая сохранилась до нынѣ. Какъ всегда, какъ всякій шагъ Пушкина, и это путешествіе въ Арзрумъ было оплетено вѣнкомъ легендъ и сплетенъ. Такъ, въ описаніи Путешествія онъ упоминаетъ, что бросился на турецкій берегъ рѣки и какъ бы оказался уже за границей. Надо сказать однако, что этотъ берегъ уже былъ въ русскихъ рукахъ.

Отсюда легенда, которая едва-ли не идетъ отъ самого Пушкина, будто бы онъ хотѣлъ передаться на сторону турокъ и эмигрировать изъ Россіи, какъ раньше, въ 1828 г., получивъ отказъ отъ поѣздки въ Парижъ, онъ хотѣлъ будто бы спрятаться на какое-нибудь судно, идущее за границу, и на немъ уплыть изъ Россіи. Послѣднее извѣстіе идетъ отъ самого Пушкина, который повѣдалъ о своемъ планѣ Смирновой. Тогда онъ „едва устоялъ“ отъ этого искушенія, однако „устоялъ“, и позволительно сомнѣваться въ томъ, насколько серьезно было самое „искушеніе“. А въ данномъ случаѣ идея о томъ, чтобы перейти на сторону турокъ, была настолько нелѣпа, что едва-ли можно и говорить о ней серьезно. Даже тѣ поляки, которые послѣ 1830 г. ради того, чтобы помѣшать Россіи укрѣпиться на Кавказѣ, поддерживали черкесовъ, въ это время, въ 1829 г., не могли служить ему примѣромъ, потому что только послѣ 1830 г. прибѣгли къ этой мѣрѣ. Пушкинъ же всегда былъ искреннимъ и горячимъ патриотомъ, и конечно, мысль объ эмиграціи въ Турцію могла у него вырваться въ горячую минуту, но до исполненія ея было еще далеко. Я говорю обо всемъ этомъ потому, что именно на этихъ пушкинскихъ настроеніяхъ построена попытка двухъ названныхъ авторовъ, представить въ видѣ „фильма“ путешествіе Пушкина въ Эрзерумъ. Въ ихъ изложеніи, которое претендуетъ на строгую научность, Пушкинъ представленъ, какъ совершенно опредѣленный революціонеръ-конспираторъ, который сносится съ сосланными, подыскиваетъ соучастниковъ и т. под. При этомъ онъ полонъ ненависти къ русской власти. Со

своей стороны, правительство посылаетъ для наблюденія за нимъ вліятельнаго агента, который освѣдомленъ о всякомъ шагѣ опаснаго революціонера. Картина, несомнѣнно, ложная, тенденціозная, не соотвѣтствующая тому правдивому описанію пребыванія Пушкина на Кавказѣ, которое сохранилось напр. въ воспоминаніяхъ Санковскаго. Декабристъ А. С. Гангебловъ, наблюдавшій Пушкина на Кавказѣ, свидѣтельствуетъ, что „во время пребыванія Пушкина въ отрядѣ (Н. Н. Раевского) Пушкинъ держалъ себя серьезно, избѣгалъ новыхъ встрѣчъ, находился только съ прежними своими знакомыми, при постороннихъ же всегда былъ молчаливъ и казался задумчивымъ“. 30 авг. 1829 г. Дельвигъ сообщалъ князю Вяземскому: „Если вы не имѣете извѣстій о Пушкинѣ, то скажу вамъ, что мы получили отъ него письмо изъ Арзерума, въ которомъ, пишетъ онъ, ему очень весело. Дѣлаетъ онъ тамъ довольно: ѣстъ, пьетъ и ѣздитъ съ нагайкой на козацкой лошади“. Эта характеристика жизни Пушкина на Кавказѣ какъ-то не согласуется съ приписываемыми ему отчаянными намѣреніями создать для себя со-всѣмъ новую жизнь въ Турціи. Мы-то знаемъ по себѣ, что не такъ то легко эмигрировать, что для этого нужны совершенно исключительныя обстоятельства, какія напр. были у Николая Ивановича Тургенева, приговореннаго къ смертной казни. У Пушкина ничего подобнаго не было, а просто онъ любилъ, какъ это хорошо извѣстно, иногда порисоваться. Вернувшись, онъ мечтаетъ опять о путешествіяхъ, просится хоть въ Китай: его томитъ тоска, но вспомнимъ, какія переживанія въ эту пору владѣли душой Пушкина. Было-ли и могло ли быть въ душѣ человека, увлеченнаго женщиной и желавшаго на ней жениться, стремленіе бѣжать отъ нея навѣки, потому что противна стала по политическимъ причинамъ родина? Возможно ли это психологически? Какъ этого не замѣтить? Издавшій въ 1935 г. „Путешествіе въ Арзрумъ“ Сергѣй Лифарь справедливо отмѣтилъ въ своей вступительной статьѣ, что путешествіе дало Пушкину моральныя силы и бодрость, которыя онъ началъ было терять. Съ этой точки зрѣнія и слѣдовало подойти къ этому произведенію, а не заниматься поисками какихъ-то эмигрантскихъ настроеній въ душѣ поэта. Это такъ не вяжется со-всѣмъ содержаніемъ памятника, что не хочется возвращаться къ этой темѣ. Я и коснулся ея только для того, чтобы показать, какъ предвзято и тенденціозно совѣтскіе пушкинисты изображаютъ великаго поэта.

Итакъ, въ одной книжкѣ журнала мы имѣемъ Пушкина декабриста и Пушкина-революціонера, который только по случайнымъ обстоятельствамъ не отправился за границу, чтобы тамъ свободно подготовлять революцію. Но гдѣ-же

Пушкинь-пролетарій, другъ трудящихся? Какъ же обойтись безъ этого? И въ этой роли мы находимъ Пушкина въ той же книжкѣ журнала. Фединъ, небезызвѣстный совѣтскій писатель, рассказываетъ о встрѣчѣ въ Царскомъ Селѣ А. С. Пушкина съ А. С. Пушкинымъ, только первый есть Александръ Семеновичъ, а второй Александръ Сергѣевичъ. Первый — пролетарій, рабочій, назначенный комендантомъ Царскаго Села, ниче о не знавшій о своемъ однофамильцѣ Пушкинѣ, а второй бронзовый Пушкинь-юноша, сидящій на скамьѣ въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь эти двое и встрѣтились, и Александръ Семеновичъ заинтересовался однофамильцемъ, и съ помощью почтеннаго русскаго интеллигента, который сумѣлъ одной ногой наступить на революцію, а другую удержатъ на старой культурной традиціи, познакомиться съ поэтомъ-непролетаріемъ, но понялъ, что и онъ не плохъ, и что его симпатіи были на сторонѣ трудящихся. Получилась очень мудреная штука, и я готовъ донести на товарища Федина, что у него все-таки сохранился интеллигентскій уклонъ. Въ концѣ-то концовъ Пушкинь Александръ Сергѣевичъ остался неизмѣняемымъ, а Александръ Семеновичъ пришелъ къ нему безъ достаточнаго марксистскаго вооруженія. Нѣтъ здѣсь даже должнаго сокрушенія о царизмѣ, погубившемъ поэта.

Но до чего можетъ договориться совѣтскій писатель, который не имѣетъ возможности обойтись безъ политической тенденціи, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, по истинѣ, нѣчто чудовищное, что написалъ Леонидъ Гросманъ подъ названіемъ: „Записки Д'Аршіака“ (Романъ. Синяя Библиотека № 8). Это — прославленіе Дантеса, написанное будто бы отъ имени его родственника и секунданта Даршіака. Что этотъ послѣдній могъ обѣлять Дантеса, и даже его идеализировать, это еще допустимо, но для чего понадобилось русскому писателю становиться на точку зрѣнія этого Даршіака и съ нея повѣствовать о трагедіи Пушкина, — это непонятно и не можетъ быть оправдано. Біографы Пушкина давно уже установили, на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, что Дантесъ былъ ничтожный французскій офицеръ, явившійся въ Россію на ловлю счастья и чиновъ, и та трагическая роль, которая выпала ему на долю, потому именно и стала трагической, что онъ такъ ничтоженъ, что не понималъ, на кого поднимаетъ руку. Но все это прекрасно знаетъ и самъ Л. Гросманъ, и если онъ по какимъ-нибудь неяснымъ побужденіямъ написалъ такую книгу, какую написалъ, то это надо приписать не его заблужденію, а мотивамъ, на которыхъ не хочется и останавливаться: его дѣло. Но на книгѣ надо остановиться.

Романъ написанъ отъ имени виконта Д'Аршіака, дирек-

тора департамента восточной Европы Министерства иностранныхъ дѣлъ, который отдаетъ отчетъ Просперу Мериме, главному инспектору историческихъ памятниковъ, на его вопросъ, кагъ могъ онъ, Даршіакъ, принять участіе въ убійствѣ одного изъ величайшихъ поэтовъ всемірной литературы? Уже изъ такой постановки вопроса слѣдуетъ, что отвѣтъ автора долженъ явиться оправданіемъ себя, а стало быть и Дантеса, и что Даршіакъ свидѣтель небезпристрастный. Исторія начинается съ біографіи Дантеса. Этотъ послѣдній выступаетъ не въ томъ обликѣ ничтожнаго кавалергардскаго офицера, въ какомъ онъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ пушкинстамъ, а въ обликѣ высоко идейнаго человека. Онъ легитимистъ и подвижникъ легитимизма. „По окончаніи лица Жоржъ Дантесъ сдѣлалъ попытку вступить въ пажескій корпусъ Карла X. Это могло сразу приблизить его ко двору и облегчить путь къ военно-политической карьерѣ“. Въ пажи не удалось поступить, но пажескій корпусъ былъ замѣненъ Сенъ сирской военной школой. Здѣсь „мой юный роялистъ впервые проявилъ себя. Опъ выступилъ на политическое поприще въ трудное время. Побѣды въ Африкѣ готовили бурю въ Парижѣ Дантесу не долго пришлось присутствовать въ почетной свитѣ герцогини, сопровождая ее на охоту и прогулки. Черезъ два мѣсяца Тюильри было оцѣплено баррикадами, и сенъ-сирскіе юнкера выступили на защиту бѣлаго знамени. Жоржъ Дантесъ отважно ринулся въ свое первое боевое крещеніе на защиту бурбонскихъ лилій“. Слѣдуетъ описаніе подвиговъ Жоржа. Когда все „было рѣшено“, одинъ Жоржъ Дантесъ стоитъ за правду. „Вскорѣ, совершенно измученный невыносимой жарой, битвами, событіями и преслѣдованіями толпы, къ намъ ворвался Жоржъ Дантесъ, какимъ-то чудомъ избѣжавшій народнаго гнѣва“. Дантесъ говоритъ рѣчь: „Дѣло короля еще не проиграно, взволнованно говорилъ Жоржъ... Старики рукоплескали Жоржу. — Онъ будетъ замѣчательнымъ ораторомъ — говорилъ отецъ Даршіака — мнѣ нравится убѣжденность и воинствующая непрерывность его пафоса“.

Можно подумать, что идетъ рѣчь о молодости и первыхъ шагахъ какого-нибудь Наполеона Между тѣмъ передъ нами человекъ, прославившійся только однимъ: убійствомъ Пушкина и наглымъ приставаніемъ къ его женѣ, и описываетъ эту героическую юность русскій писатель, который могъ бы знать, что въ формулярѣ историческаго Дантеса никакихъ подвиговъ не значится, а извѣстно только то, что онъ былъ на содержаніи стараго развратника и служилъ предметомъ удовлетворенія его страстей. Пусть для Даршіака это не имѣетъ особаго значенія, но для чего становится на точку зрѣнія Даршіака и рассказывать трагедію

русской исторіи съ этой точки зрѣнія? Это почище Ленинской оцѣнки старой русской исторіи.

Послѣ провала легитимизма „Дантесъ уѣхалъ въ Германію, а затѣмъ какимъ то образомъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ быстро и увѣренно продвигался по лѣстницѣ свѣтскихъ, служебныхъ и придворныхъ успѣховъ“. Здѣсь съ нимъ и встрѣтился опять рассказчикъ Даршіакъ. „Меня встрѣтилъ статный воинъ, окрѣпшій въ своихъ скитаніяхъ, неожиданно представшій передо мною во всемъ поразительномъ блескѣ своей мужественной красоты. Я не могъ скрыть своего восхищенія“. Описывается красота кавалергардской формы, а затѣмъ и наружность героя. „Лицо его возмужало и какъ бы отлилось въ свои законченныя формы. Скульптурная голова съ удлинненнымъ и безукоризненнымъ оваломъ, высокимъ золотящимся тупеемъ и пышными зачесами къ вискамъ была поднята высоко съ какимъ-то молодымъ и радостнымъ задоромъ. Голубые совершенно прозрачные глаза, обрисованные съ той же отчетливостью, что всѣ черты этой на рѣдкость законченной наружности, бросали прямо на собесѣдника играющіе лучи безпечной удали и безудержнаго веселья. Его прежняя тоненькая и длинная фигура напрягла теперь свои крѣпкіе мышцы и довела ихъ до атлетической мощи и гладіаторской гибкости“. И далѣе въ томъ же родѣ: надо прибавить, что Даршіакъ не могъ бы дать такого описанія: оно было совершенно не нужно въ концѣ 30-хъ годовъ, когда онъ будто бы писалъ Просперу Мериме. Дантесъ былъ самъ въ Парижѣ, и Мериме могъ лично видѣть всѣ его прелести. Очевидно, Гросманъ описываетъ какіе-нибудь портреты, которые онъ видѣлъ, и умиляется надъ ними. Сохранились свидѣтельства, что наружность Дантеса больше нравилась дамамъ, чѣмъ мужчинамъ, но вотъ Гросманъ представляетъ и въ этомъ отношеніи исключеніе. Извѣстно также, что къ своей службѣ Дантесъ относился халатно, и что его не разъ карали за это. У своего начальства онъ былъ на худомъ счету. Однако, Даршіакъ имѣетъ на это другое мнѣніе. Онъ передаетъ слѣдующую самооцѣнку Дантеса: „Вотъ уже скоро два года, какъ я зачисленъ корнетомъ въ кавалергардскій полкъ, состоящій подъ шэфствомъ самой императрицы. Пажъ герцогини Беррійской признанъ достойнымъ вступить въ тѣлохранители ея величества. Я отличенъ за смотры и маневры высочайшимъ благоволеніемъ, бываю въ лучшихъ домахъ Петербурга, обласканъ товарищами и начальниками. Дѣла мои въ блестящемъ состояніи“. Въ дальнѣйшемъ Дантесъ мечтаетъ сдѣлаться „россійскимъ фельдмаршаломъ“. Чѣмъ не Иванъ Александровичъ Хлестаковъ?

За обѣдомъ въ ресторанѣ, разумѣется, зашла рѣчь о

женщинахъ. Послѣ хвастовства своими успѣхами, которое авторъ Даршіакъ принимаетъ за чистую монету, идетъ, какъ это всегда бываетъ, хвастовство побѣдами надъ женщинами. „Когда Дантесъ говоритъ о женщинахъ, лицо его принимаетъ хищное выраженіе“. Впрочемъ, „Петербургъ полонъ соблазновъ“, а „здѣшнія женщины лѣнны и чувственны, какъ гаремныя затворницы. Онѣ капитулируютъ при первой осадѣ“. Однако, Дантесъ и самъ попался: „Впервые въ жизни я, какъ глупый мальчишка, безсиленъ подчинить себѣ обстоятельства и добиться торжества. — Это, дѣйствительно, невѣроятно (услужливо подаетъ реплику Даршіакъ-Гросманъ). Но кто же она?“ Тутъ авторъ переходитъ къ описанію красоты Наталіи Николаевны Пушкиной. „Представь себѣ олимпійскую богиню въ нарядѣ знатной дамы нашихъ дней. Она высока и изумительно стройна. Талія дѣвически тонка и колеблетъ, какъ стебель, пышный и мощный торсъ великолѣпно расцвѣтшей женщины. На нѣжной и хрупкой шеѣ голова Юноны, но не властной и гордой, а кроткой и застѣнчивой. Этотъ контрастъ восхищаетъ, преисполняетъ тебя состраданіемъ и можетъ свести съ ума“. И такъ далѣе: Дантесъ, какъ мы видимъ, не просто кутила и Донъ-жуанъ, но поэтъ. Затѣмъ Даршіакъ ѣдетъ знакомиться съ „пріемнымъ отцомъ“ Дантеса Баронъ Геккернъ — большой знатокъ красоты, генеалогіи, картинъ и проч. Это интересный и сложный человѣкъ, влюбленный въ своего „пріемнаго сына“ до такой степени, что при первомъ же знакомствѣ съ Даршіакомъ начинаетъ восхищаться красотой Дантеса, „этого Ахилла съ челомъ, окованнымъ каской“. Истинную связь Геккерна съ Дантесомъ Даршіакъ прекрасно понимаетъ, но охотно помогаетъ сохранять благовидныя формы: Геккернъ спѣшитъ раскрыть свою душу Даршіаку. „Не скрою, я привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, и въ моей одинокой жизни онъ неожиданно создалъ теплое ощущеніе семейственности. Я полюбилъ его, какъ мать, боготворящая своего взрослого сына и способная мучительно ревновать его къ каждой любовницѣ. И въ этомъ отношеніи вашъ кузень доставляетъ мнѣ немало горькихъ минутъ. Его женолюбіе и легкомысліе могутъ вызвать тяжелыя непріятности для насъ обоихъ. Скрѣпя сердце, я простилъ бы ему какихъ-нибудь актрисъ и танцовщицъ: эти минутныя и незамѣтныя интрижки — неизбежное зло молодости. Но у него стремленіе къ прочнымъ связямъ съ женщинами высшаго свѣта и даже придворнаго круга, а это чревато крупными и непоправимыми осложненіями. Онъ не думаетъ о тѣхъ скандалахъ, которые и отдаленно не должны касаться нашего имени“. При этомъ Геккернъ намекаетъ опять на Пушкину.

Такимъ образомъ, уже даны три главныя лица трагедіи:

Геккернъ, Дантесъ и Пушкина. Недостаетъ главнаго, Пушкина. По дорогѣ нельзя обойти и Николая Павловича. Гросманъ-Даршіакъ, разумѣется, понимаетъ его такъ, какъ это требуется трафаретомъ. Николай — деспотъ и больше ничего: онъ даже въ своей картинной галлерей „не допускаетъ возраженій: итальянецъ, признанный имъ почему-либо фламандцемъ, отправляется на долгіе годы въ отдѣлъ нидерландскаго искусства. Это еще далеко не худшее, что допускаетъ въ области художественныхъ сокровищъ деспотизмъ царя. Онъ безпощадно истребляетъ все, что можетъ напомнить ему нелюбимыхъ людей или непріятные историческіе эпизоды“. На ряду съ деспотомъ Николаемъ выступаетъ въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи и русскій дворъ, и русская знать: можно сказать въ двухъ словахъ, что это галлерей уродовъ. На балу у Несельроде только и говорятъ о памфлетѣ Пушкина на Уварова. Даршіаку Несельроде считаетъ нужнымъ поскорѣе рассказать о вольнодумствѣ Пушкина, объ его ссылкѣ на югъ и въ Михайловское, объ его нераскаянности. Какая была надобность канцлеру спѣшить передъ ничтожнымъ французскимъ дипломатомъ атташе и посвящать его въ исторію отношеній русскаго правительства къ Пушкину, — совершенно непонятно. Лубокъ этого требовалъ по извѣстнымъ техническимъ соображеніямъ, и картина готова: „Правительству вскорѣ стало извѣстно, что только ссылка помѣшала ему выйти на Сенатскую площадь въ позорный день 14 декабря, когда кучка ничтожнѣйшихъ проходимцевъ рѣшилась колебать судьбы русскаго трона. — На лицахъ вице-канцлерской четы непостижимое смѣшеніе чувствъ: возмущеніе проходимцами и благоговѣніе къ трону. — Только безмѣрное великодушіе нашего императора вмѣстѣ съ мыслью Бенкендорфа о томъ, что народное имя Пушкина слѣдуетъ привлечь на свою сторону, отнюдь не бросая его въ станъ враговъ правительства, кое-какъ прикрѣпили этого неугомоннаго рифмача къ достойному соществованію. Милости царя къ нему безграничны, но онъ чудовищно неблагодаренъ и, конечно, не въ состояніи измѣнить своей бунтарской природы“. . . — жалуется Даршіаку Несельроде. Такъ вотъ гдѣ зарыта собака: Пушкинъ революціонеръ; вотъ социальный „заказъ“, который выполняютъ Записки будто Даршіака. Иначе не видать бы Гросману „Синей библіотеки“.

Все готово. Остается появиться самому Пушкину. Онъ появляется. Красавица графиня Фикельмонтъ устраиваетъ у себя пріемъ. Даршіакъ приходитъ къ ней и застаётъ ее съ незнакомцемъ за разборкой драгоцѣнныхъ камней, которые они разсматриваютъ на ладони, любуясь ихъ сіяніемъ. „Незнакомецъ поднялъ голову. И надъ грудой этихъ пылающихъ звѣздъ я увидѣлъ огромные свѣтлые глаза, блистав-

шіе ярче всѣхъ драгоцѣнностей. Весь обликъ этого безмолвнаго гостя чѣмъ-то сразу поразилъ меня. Онъ смотрѣлъ немного вбокъ и вверхъ, и это придавало его лицу особое выраженіе какого-то возвышеннаго созерцанія. Прекрасные глаза съ громадными расширенными зрачками, словно затканными золотыми искрами, были кристально прозрачны и таинственно глубоки. Ихъ, казалось, ширила и проясняла невѣдомая и торжественная дума, озарявшая изнутри весь его неправильный обликъ". Во время завязавшагося разговора Даршіакъ присматривается къ Пушкину и изучаетъ его наружность. „Его некрасивое лицо было прекрасно. Несмотря на тяжелыя губы, выдвинутую челюсть и неправильный изломъ носа, несмотря даже на обильную курчавую растительность вокругъ всего лица, оно поражало страннымъ сочетаніемъ изящества и энергіи. Тонкій овалъ и нѣжный почти дѣтскій подбородокъ, свѣтлый, прекрасно отчеканенный лобъ, живость и подвижность выраженія" ... Все это придавало его облику благородную и плѣнительную утонченность. Пушкинъ вступаетъ въ общій разговоръ, который, конечно, текстуально передаетъ разныя мысли и выраженія Пушкина, разбросанныя въ его прозаическихъ отрывкахъ. Собранныя вмѣстѣ, они производятъ впечатлѣніе какой-то нарочитости, точно поэтъ спѣшилъ произвести впечатлѣніе на дамъ и на новаго знакомаго. Это едва-ли соответствуетъ истинѣ: мы слышимъ отъ многихъ очевидцевъ, что Пушкинъ не сверкалъ въ разговорахъ своими изреченіями, а бывалъ вялъ и неинтересенъ, пока дѣло не доходило до того, что его задѣвало за живое. Тогда его рѣчь превращалась въ импровизацію. Приписывать разговору Пушкина то, что извлекается изъ его сочиненій, писемъ и дневниковъ, мнѣ представляется неправильнымъ художественнымъ приѣмомъ. Вслѣдствіе его Пушкинъ искажается не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ когда какой-нибудь Наживинъ (о немъ послѣ) изображаетъ влюбленнаго Пушкина.

Тотъ литературный приѣмъ, къ какому прибѣгъ Гросманъ, т. е. рассказъ посторонняго человѣка, который только отъ времени до времени наблюдалъ дѣйствующихъ лицъ романа, позволяетъ вести рассказъ эпизодически. Это, несомнѣнно, удобнѣе, но психологически неправильно потому, что приписываетъ рассказчику, все же, такую осведомленность и проницательность, какая превосходитъ мѣру человеческихъ способностей. Такими особенностями обладаютъ обыкновенно эти посторонніе рассказчики у Достоевскаго („я" въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ" и др.).

Описывается придворный балъ. „Лицо царя неподвижно, какъ окаменѣлый слѣпокъ. Геометрическая прямоугольность чертъ создаетъ ощущеніе холодной застылости. Выраже-

ніе строгости, котрымъ такъ гордится русскій повелитель, какъ природнымъ отличіемъ своего сана, не измѣняетъ ему даже на балу. Выпуклые глаза, нѣсколько водянистаго оттѣнка, съ жуткой пристальностью пронизываютъ окружающихъ. Говорятъ, нѣкоторыя фрейлины трепещутъ отъ приближенія этого неумолимаго, какъ гильотина, челоуѣка и падаютъ въ обморокъ подъ его леденящимъ взглядомъ медузы“. И далѣе: „Во внѣшности императора нѣтъ ничего русскаго. . . Императрица поражаетъ своей болѣзненной худобой и нервнымъ подергиваніемъ своего блѣднаго лица. Ея хворую натуру совершенно заморили балы, приемы, парады и разѣзды, а главное — трудная царская повинность обильнаго дѣторожденія“. Такъ пишетъ русскій писатель: „обильное дѣторожденіе“. Ср. съ этимъ отзывомъ Гросмана о имп. Александрѣ Федоровнѣ и Николаѣ I свидѣтельство Нащокина (1834): „Пушкинъ очень любилъ царя и все его семейство. Императрица удивительно какъ ему нравилась; онъ благоговѣлъ передъ нею, даже имѣлъ къ ней какое-то чувственное влеченіе“. Если бы Даршіакъ, дѣйствительно, сохранилъ какія-нибудь записи о Пушкинѣ, Николаѣ и имп. Александрѣ Федоровнѣ, то онѣ, несомнѣнно, носили бы другой характеръ. Гросманъ искажилъ не только Пушкина, но и царя и царицу, да и многихъ другихъ. Все это, конечно, во славу третьяго интернаціонала.

Описаніе бала въ Зимнемъ Дворцѣ, соотвѣтствующее заданіямъ третьяго интернаціонала, можетъ быть только, какъ фальшивый рубль, подсунуто французскому дипломату Пушкинской эпохи. Остановливаться на немъ и цитировать его нѣтъ надобности. Конечно, на балу Даршіакъ не обращаетъ вниманія ни на кого, кромѣ Пушкина и его жены. Вотъ они вошли въ залу. Описаніе красоты Наталіи Николаевны слишкомъ пространно, чтобы его можно было привести здѣсь цѣликомъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что Даршіакъ неповиненъ въ этомъ описаніи, и въ его душѣ „чувство безпредѣльнаго восхищенія передъ окончательными формами этой гордой статуи, безтрепетно шествующей среди суетной толпы угодливыхъ царедворцевъ, не смѣнялось „волною глубокой жалости къ юной женщинѣ, высоко вознесенной надъ жизнью и людьми счастливымъ и опаснымъ даромъ своей неповторимой красоты“. Всѣ эти придуманныя чувства никакъ не могли „волновать“ Даршіака, уже потому, что въ эту пору онъ еще не зналъ, чѣмъ кончится жизнь Наталіи Николаевны. Она входила подъ руку съ Пушкинымъ. „На первый взглядъ близость этихъ двухъ фигуръ могла показаться контрастной. Но стоило взглянуть въ нихъ, чтобы почувствовать, какъ гармонично они дополняли другъ друга. Лишенный того, что признано считать среди

военныхъ мужской красотой, т. е. высокаго роста, мускулистыхъ ногъ прямыхъ и сухихъ чертъ лица, онъ отличался своеобразной прелестью тонкой и необычной внѣшности. Лобъ и глаза говорили о мыслителѣ и творцѣ. Непередаваемая грація жестовъ, легкость и увѣренность движеній, глубина и прозрачность взгляда — все это замѣтно отличало его въ пестрой дворцовой толпѣ. Я узналъ впоследствии, что поэтъ былъ по матери довольно близкимъ потомкомъ абиссинскихъ принцевъ, а по отцу — представителемъ историческаго рода, который могъ бы оспаривать у Романовыхъ права на престолъ царей. Офицерская выправка императора Николая казалась деревянной и мертвой рядомъ съ живымъ и трепетнымъ огнемъ, словно шевелящимъ зыбкую фигуру этого невысокаго человѣка съ кудрявой головой, полными губами и законченнымъ изящствомъ cadaго движенія. Чувствовалось, что именно онъ имѣлъ право вводить въ этотъ блистательный кругъ посланниковъ и министровъ первую красавицу своей страны. Казалось, облеченному хвалами царю съ его военнымъ величіемъ противостоялъ некоронованный властитель, призванный шествовать съ вѣнчаннымъ челомъ сквозь вереницу грядущихъ столѣтій“.

Въ слѣдующей главѣ продолжается восторженная характеристика Пушкина, которая только утомляетъ своей напыщенностью. Оставляю въ сторонѣ второстепенныя подробности, картины петербургской жизни и знати, написанныя въ извѣстномъ тонѣ, уже отмѣченномъ мною. Среди лицъ петербургскаго высшаго свѣта Даршіакъ не спускаетъ восторженнаго взгляда съ Дантеса. Онъ прекрасно понимаетъ подкладку того увлеченія, которое питаетъ къ нему Геккернъ, но это какъ-то скользитъ по его сознанию, не отражаясь на восхищеніи Дантесомъ. Картина парада. Вел. кн. Михайлъ Павловичъ съ „тупымъ лицомъ съ ярко-рыжими бакенбардами“, звѣроподобный Неронъ російской гвардіи; царь, который „среди марширующихъ полковъ представляется себѣ Цезаремъ или Ганнибаломъ“, но „безпомощный и неумѣлый на войнѣ“ (какъ это могъ знать Даршіакъ?), которому „кажется, что онъ вписываетъ свое имя въ анналы военной исторіи“, и наконецъ онъ. „Вотъ несется шестой эскадронъ на бѣлоснѣжныхъ коняхъ. Впереди своего эскадрона мчится на лоснящемся иноходцѣ поручикъ Д'Антесь“. Длинное описаніе его неимоверной красоты: „уго обтянутый сукномъ и крѣпко окованный металломъ, съ бодрымъ, радостнымъ и хищнымъ лицомъ несется передъ своимъ сверкающимъ взводомъ, играя обоюдоострымъ мечомъ, бѣлый мужъ на бѣломъ конѣ“. Идетъ рѣчь, конечно, о Дантесѣ. „Жоржъ Дантесь можетъ съ достоинств-

вомъ представлять Францію воинскихъ подвиговъ и славныхъ сраженій“.

Между тѣмъ драма разворачивается. Дантесъ женится на Екатеринѣ Гончаровой. Для посланника Геккерна эта женитьба была страшнымъ ударомъ. „Такъ старѣющая и страстно влюбленная женщина воспринимаетъ бракъ своего любовника. Это всегда крушеніе личнаго счастья, самопожертвованіе, начало заката. Дантесъ былъ первой и послѣдней страстью барона Геккерна“. Подробности излишни: у Гросмана-Даршіака онъ приведены въ достаточной полнотѣ. Авторъ переходитъ сразу къ дуели. Вотъ разговоръ Геккерна съ Даршіакомъ. Первый сообщаетъ послѣднему, что Пушкинъ послалъ вызовъ его пріемному сыну, а потомъ черезъ пріятеля указалъ на мотивы дуели. „Въ послѣднее время, по его словамъ, имя Жоржа Де-Геккерна въ высшемъ обществѣ стали сочетать съ именемъ госпожи Пушкиной. Будучи глубоко убѣжденнымъ въ безосновательности подобныхъ слуховъ, мужъ считаетъ все же необходимымъ довести до свѣдѣнія Дантеса, что онъ не допуститъ, чтобы имя его жены было сопряжено съ чѣмъ бы то ни было именемъ. — Такъ что причины вызова — свѣтскіе пересуды, въ которые самъ Пушкинъ не вѣритъ? Что за бреттерство“... Даршіакъ убѣжденъ, что Наталія Николаевна вѣрна мужу. Дантесъ тоже вполне порядочный человѣкъ, и не только, вообще, стоящій уваженія, но и несомнѣнно выдающійся: въ примѣръ можно привести его разговоры на торжествѣ открытія царскосельской дороги.

По этому поводу Даршіакъ докладываетъ намъ политико-экономическія идеи Дантеса, который, оказывается, былъ „великій экономъ“. „По пути онъ подробно излагалъ мнѣ новыя дѣловыя комбинаціи, возникшія во Франціи и другихъ странахъ въ связи съ необходимостью строить чугунныя дороги. Государства вырабатывали особыя системы субсидій, ссудъ, концессій, привилегій и гарантій, обогащая частныя компаніи и отдѣльныхъ предпріимчивыхъ людей. Дантесъ мечталъ пріобщиться къ этому источнику неслыханныхъ обогащеній и исчислялъ мнѣ въ милліонныхъ цифрахъ возможную прибыль“. Какимъ образомъ мало образованный, по общимъ показаніямъ современниковъ, кавалерійскій офицеръ могъ разсуждать, какъ специалистъ, о новомъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, это тайна изобрѣтателя Л. Гросмана, который пишетъ житіе Дантеса. Оказывается, однако, что этотъ послѣдній не только финансистъ: „черезъ мгновеніе онъ уже звонко предводительствовалъ легкими отрядами кадрили или съ заразительнымъ хохотомъ произносилъ во всеуслышаніе веселые и рискованные каламбуры о двухъ необычайныхъ петербургскихъ семьяхъ — Геккернахъ и Пуш-

киных". Естественно, что русский поэт был польщенъ ухаживаніемъ такого замѣчательнаго молодого челсвѣка за его женой. Но только Пушкину хотѣлось „подогрѣть свою меркнувшую славу международнымъ скандаломъ“, при томъ скандаломъ, „которому онъ приносить въ жертву все...“ добавлялъ Дантесъ. Правда, Пушкинъ былъ великолѣпный стрѣлокъ, но Дантесъ принялъ во время дуели особо пригодную позу, и потому отдѣлался легкой царапиной. За то Пушкинъ получилъ то, что ему надлежало.

Въ такомъ тонѣ изложена исторія пушкинской трагедіи. Если бы даже мы имѣли право омрачить память Даршіака такой гнусностью, какую представляютъ его „Записки“, то все-же было бы позволительно спросить, кому и для чего это понадобилось. Та хула на Пушкина, которую содержитъ этотъ „романъ“, совершенно непостижима. Правда, теперь пишутъ и воспоминанія Іуды Искаріота, которому также посвященъ романъ, но все-же не къ юбилею же Пушкина надо было подвести это произведеніе. И не видно въ этомъ послѣднемъ и скрытаго сарказма, и желанія вызвать негодование противъ Дантеса: какъ ни ухищряется Гросманъ, Дантесъ все-же остается такъ мелокъ, что не можетъ собой заинтересовать читателя; онъ, почти такъ же мелокъ, какъ Пушкинъ, и развѣ немногимъ только выше его. Поэтому, въ этомъ кривомъ зеркалѣ, гдѣ все искажено, ничего не осталось отъ историческаго Пушкина.

Въ другую крайность ударяются пламенные поклонники Пушкина, которые съ отвращеніемъ малюютъ всѣхъ его враговъ, не разбирая ни правыхъ, ни виновныхъ. Нѣкій Василій Каменскій напечаталъ въ 1928 г. въ берлинской библіотекѣ „Литературныя Новинки“ романъ: „Пушкинъ и Дантесъ“. Романъ охватываетъ жизнь поэта отъ ссылки въ село Михайловское до конца и написанъ въ тонахъ прежнихъ гостинодворскихъ романовъ изъ великосвѣтскаго быта, изъ жизни графьевъ и князей. Только въ мрачныхъ тонахъ. Пересказывать эту безграмотную чепуху слишкомъ много чести. Но для характеристики того, какъ изображаютъ Пушкина въ подобныхъ произведеніяхъ, одну страницу все же посвящаю ему.

Вотъ Пушкинъ пріѣзжаетъ въ первый разъ въ Тригорское. Его всрѣчаютъ криками ура, а „барышни развели реверансы“. Устраиваютъ „празднично чай съ вишневымъ вареньемъ, съ яблочнымъ пирогомъ“. Пушкинъ вспоминалъ, какъ плохо его встрѣтили недавно родители и „щемящій осадокъ этой горечи запивалъ появившимся ромомъ“. Пошла михайловско тригорская жизнь, любовь къ Аннѣ Кернъ, къ которой я еще вернусь, когда зайдетъ рѣчь о Наживинѣ, и творчество. Вѣрнымъ помощникомъ Пушкину въ литератур-

номъ дѣлѣ была няня Арина Родіоновна. Она „восторгалась не менѣе, такъ какъ сама, одаренная богатой интуиціей и здоровымъ крестьянскимъ смысломъ, понимала, какъ разсказчица, всю красоту сіяющихъ словъ поэта; къ тому же Пушкинъ превосходно увлекающе читалъ вслухъ“, — что кстати неправда: по общему отзыву, онъ читалъ плохо. Услужливый не въ мѣру поклонникъ Пушкина, приписываетъ ему такія заслуги, какихъ поэтъ не имѣлъ; въ дѣйствительности, Пушкинъ обижался, что его крестьяне не знаютъ, и ему не кланяются, а Осипову знаютъ. У Василя Каменскаго „крестьяне дружили съ Пушкинымъ, называя его „молодымъ Сергѣичемъ“, и искренно почитали его, какъ добраго чловѣка-заступника, сосланнаго барской властью“. Старый Данилычъ говорилъ, точа косу: „Мотри, Сергѣичъ, приходи на бесѣду, а то выпустятъ тебя на волю — улетишь, какъ пташка изъ клѣтки, забудешь насъ. Пушкинъ улыбался и увѣрялъ, что этого не будетъ“.

Наконецъ, Пушкина вырываютъ изъ объятій пейзажъ и Анны Кернъ и увозятъ въ Москву. Свиданіе съ царемъ. „Государь принялъ меня самымъ дружескимъ образомъ“, пишетъ Пушкинъ Осиповой 15 сент. 1826 г. По сообщенію кн. Вяземскаго, Николай говорилъ съ Пушкинымъ „умно и ласково“. По разсказу Нащокина, Пушкинъ вышелъ отъ царя со слезами на глазахъ; другіе прибавляютъ: веселый и съ поднятой головой. Наконецъ, извѣстно, что Николай сказалъ поэту: „Ну, теперь ты не прежній Пушкинъ, а мой Пушкинъ“. Такъ все это выходитъ по исторіи, а по Василю Каменскому было иначе. Несмотря на скромную литературную подготовку, — говоритъ онъ — царь и сверхъ-жандармъ рѣшали всю судьбу російской литературы и, въ томъ числѣ, судьбу гениальнаго ея вождя Пушкина. Оба, Бенкендорфъ и Николай, „тупо раздумывали“, какъ быть съ Пушкинымъ. Наконецъ, свиданіе: „какая же мнѣ охота возиться съ литературой — отбояривался великій ростомъ монархъ — какого-то выскочки“. Когда вошелъ Пушкинъ, „царь съ содроганіемъ скрытаго страха взглянулъ на загрязненнаго, малорослаго, но коренастаго чловѣка..“ Это Пушкинъ. Со страха царь только и нашелся, что сказать: „Ну, ладно, довольно ссориться... Мы больше не будемъ ссориться“. Потомъ онъ спросилъ: „Можетъ быть, у тебя найдется въ карманѣ что-нибудь изъ твоихъ произведеній. Я хочу посмотреть“. Это отзвукъ того извѣстія, которое дошло до насъ, что у Пушкина было съ собой революціонное стихотвореніе, которое онъ обронилъ во дворцѣ. Вотъ во что оно превратилось, дойдя до Василя Каменскаго.

Дальше романъ развивается именно въ такихъ же лакейско-изысканныхъ выраженіяхъ. Психологія и факты по-

разительные. Геккернъ „стоитъ передъ Пушкинымъ на колѣняхъ и рыдаетъ, умоляя о прощеніи, упрашивая объ отсрочкѣ дуэли, увѣряя о безумной любви Дантеса къ Екатеринѣ Гончаровой“ и т. д. Пушкинъ, „какъ человѣкъ высокой справедливости, сознавалъ, что не имѣетъ права насильно помѣшать увлеченію своей жены, ибо въ прошломъ самъ много и пылко горѣлъ въ огнѣ сердечныхъ успѣховъ...“ Думаю, что на этихъ извлеченіяхъ спокойно можно сказать Василю Каменскому: „Прости на вѣкъ“. Ужъ не знаю, что лучше: глупая стряпня безграмотнаго писаря или дьявольская сѣть разныхъ „Даршіаковъ“.

Прямо ужасно, какъ глупы и невѣжественны эти романы, какъ бѣдна и наивна фантазія ихъ сочинителей, которые безъ всякаго смущенія придумываютъ рѣчи Пушкина, Николая I, Бенкендорфа (всегда изображаемаго въ видѣ какого-то лакея и подобострастнаго царедворца) и т. д. Это самый грубый лубокъ. Иногда въ основѣ какихъ-нибудь характеристикъ или сценъ лежитъ подлинное событіе, подлинная запись, но она по своему дополняется, искажается и приспособляется къ пониманію и умственному уровню сочинителя.

Нисколько не хуже, чѣмъ творчество Василя Каменскаго, произведеніе И. Ф. Наживина, который творитъ съ быстротой молніи. Романъ: „Во дни Пушкина“ (въ трехъ книгахъ 1930) представляетъ XXI томъ собранія его сочиненій. Ясно, что на работу надъ этимъ „историческимъ романомъ“ авторъ никакъ не могъ употребить столько труда, сколько Толстой на „Войну и миръ“. Все это сшито у него на бѣлую нитку, и шовъ выступаетъ довольно ясно. Претензіи Наживина куда больше, чѣмъ у Василя Каменскаго: тотъ держался болѣе или менѣе личности одного Пушкина и въ попыхахъ перескакивалъ отъ одного эпизода пушкинской біографіи къ другому, тогда какъ Наживинъ даетъ широкую картину эпохи, при чемъ весьма не благоволяетъ и къ Александру I и къ другимъ сильнымъ міра сего. Напр., „Александръ родился въ тѣ наружно блестящія годы, когда лживая, безстыдно развратная и ограниченная Екатерина уже подвела Россію вплотную къ кровавымъ пучинамъ Пугачевщины“. Не лучше и Павелъ: „Превыше всего ставилъ торжество самовластія“. „И если любимицѣ боговъ Екатеринѣ случалось бывать своихъ фрейлинъ по щекамъ, то Павелъ не останавливался и передъ палками“. „Сперанскій очень ограниченный, и потому чрезвычайно увѣренный въ себѣ“. И прочее въ этомъ родѣ. На этомъ фонѣ Пушкинъ, вольнолюбивый болтунъ, который „хохочетъ, какъ помѣшанный, прыгаетъ, по своему обыкновенію бьетъ себя по ляжкамъ“. Вотъ онъ въ Тригорскомъ: разумѣется, поэтически настроенный авторъ никакъ не можетъ обойти Анны Кернъ. Она

вдохновляетъ всѣхъ этихъ Василіевъ Каменскихъ, Наживинныхъ, Павловъ Сѣверныхъ и имъ подобныхъ. Отъ Анны Кернъ остались воспоминанія, напечатанныя Л. Майковымъ (Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки. 1899), о ней рассказываетъ Алексѣй Вульфъ въ своихъ дневникахъ (Дневники. Любовный бытъ Пушкинской эпохи. 1929) и нерѣдко упоминаетъ Пушкинъ. О началѣ своего знакомства съ нимъ въ 1825 г. въ Тригорскомъ А. П. Кернъ рассказываетъ такъ: „Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно весель, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо-любезенъ, то томительно-скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту... Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его“. Потомъ А. П. Кернъ вспоминала, какъ Осипова съ семьей посѣтила Михайловское и попросила Пушкина, чтобы онъ проводилъ молодую женщину по парку. „Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣждалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню“. А вотъ Наживинъ эти подробности знаетъ и такъ ихъ передаетъ: „Взволнованный Пушкинъ въ эти дни былъ то шумно весель, то грустенъ и молчаливъ, то робокъ, то дерзокъ до чрезвычайности („до чрезвычайности“ — прибавлено), то очень любезенъ, то томительно скученъ. И дома, грызя по своей привычкѣ свои, и безъ того уже изгрызенныя перья и совершенно не замѣчая терзаній бѣдной Дуни (ревность Дуни прибавлена для краснаго словца), онъ все писалъ стихи, но, какъ только можно было, уносился съ утра въ Тригорское. — Смотрите, бѣлый — воскликнула Анна Петровна своимъ пѣвучимъ голосомъ (о пѣвучемъ ея голосѣ ничего не извѣстно, говоритъ только Никитенко о трогательной томности ея голоса). — И какой молоденькій... Она была вся въ бѣломъ и только у корсажа былъ приколотъ маленькій букетикъ геліотропа. — Нѣтъ, это подосиновикъ — осторожно освобождая грибокъ изъ чащи травъ, сказалъ Пушкинъ. — Посмотрите, какой красавецъ. — Грибы не занимали его. Онъ рѣшилъ, что сегодня онъ скажетъ ей „все“ (ковычки Наживинскія). Но вокругъ шумѣла молодежь. Алеша (Вульфъ, сокращенное имя котораго Алеша, хотя никакихъ правъ такъ называть его у Наживина нѣтъ, такъ

какъ тогда, повидимому, и въ обычаѣ не было называть друзей сокращенными именами) страстно любилъ ходить по грибы (ровно ничего неизвѣстно объ этой страсти Алексѣя Вульфа), но онъ считалъ это занятіе недостойнымъ серьезнаго человѣка, который собирается поступить въ гвардію, и потому онъ небрежничалъ и снисходительно улыбался на одушевленіе дѣвицъ, которыя нѣсколько кокетничали своими лѣсными восторгами“ . . .

Другая сцена, которую я здѣсь приведу, — это все та же знаменитая сцена, которую такъ любятъ изображать наши романисты-пушкинисты, свиданіе Пушкина съ Николаемъ I. „Отъ пылающаго камина на него смотрѣлъ царь — огромная, тяжелая фигура съ красивымъ, бѣлымъ лицомъ. Отъ нея точно сіяніе исходило — вѣроятно, то коронаціонныя торжества сказывались. Красивые голубые глаза снисходительно осмотрѣли мелкую, живую фигурку Пушкина. . . И раздался твердый, увѣренный, отечески благосклонный голосъ: Здравствуй, Пушкинъ (по сообщенію самого Николая I, онъ обратился къ Пушкину на *вы*). Пушкинъ склонился — нѣсколько ниже, чѣмъ ему хотѣлось бы. — Я получилъ твое прошеніе . . . продолжалъ Николай. — Но прежде чѣмъ принять то или другое рѣшеніе, я захотѣлъ лично повидаться съ тобой: мнѣ надо убѣдиться, что ты, дѣйствительно, въ твоихъ мысляхъ исправился. Подойди ближе. . . Нѣтъ, въ этомъ шибздикѣ духу еще очень много“. Въ такомъ духѣ ведется и весь рассказъ. Нужно ли критиковать: такъ это пошло, такимъ глупымъ и невоспитаннымъ представленьемъ Николай, такимъ не умнымъ Пушкинъ. Могъ-ли бы послѣ Наживина Николай сказать, что онъ говорилъ съ самымъ умнымъ человѣкомъ въ Россіи? Такихъ томовъ Наживинъ написалъ три: всѣ они въ одномъ тонѣ, и достаточно просмотрѣть первый, чтобы понять всѣ.

Перейдемъ къ дальнѣйшему. Въ 1934 г. Павелъ Сѣверный издалъ въ Шанхаѣ романъ „Косая Мадонна“. Косая Мадонна, какъ извѣстно, Наталія Николаевна Пушкина.

Трудно себѣ представить большій вздоръ, чѣмъ эта книга: если раньше доставалось Пушкину, то теперь не пощадили и его жены. Впрочемъ, и Пушкинъ не избавленъ отъ проницательности Павла Сѣвернаго, которому, вѣроятно, совѣсть не позволила выступить безъ псевдонима. Начинается, какъ обычно въ этихъ романахъ, съ села Михайловскаго, при чѣмъ няня Арина Родіоновна выступаетъ въ роли строгой карательницы Пушкина. Какъ-то онъ опоздалъ домой, няня встрѣтила его и, „Арина Родіоновна выпрямилась, подбоченилась и отвѣсила по щекамъ Пушкина двѣ звонкихъ пощечины. „Сколько разъ тебѣ говорила беречь свое здоровье. Думаешь, теперь ты смѣешь не слушаться

моего приказа“. Насколько правдоподобна эта сцена, предоставляю благоразумному читателю самому судить. Кроме няни, много хлопот доставляла беллетристамъ пресловутая Дуня, о которой намъ извѣстно, вообще, крайне мало. О ней говоритъ Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о посѣщеніи села Михайловскаго въ январѣ 1825 г. „Вошли въ нянину комнату, гдѣ собрались уже швеи. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ: оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ, и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ, онъ тотчасъ прозрѣлъ мою шаловливую мысль, улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнулъ ему, и все было понято безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала съ чулкомъ въ рукахъ. Мы любовались работами, побалагурили и возвратились во свояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующихъ друзей и за *нее*. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка; поподчивали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйскою наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе, праздновали наше свиданіе“.

Вотъ какъ было, значитъ, въ дѣйствительности: всякій зналъ свое мѣсто, и Дуня, какъ это было въ тогдашнихъ помѣщичьихъ нравахъ (даже у стараго Кирсанова), не претендовала на положеніе близкаго къ Пушкину челоуѣка и друга. Онъ для нея оставался бариномъ, какъ и для няни. Поэтому, дико и безграмотно выставлятъ въ „романахъ“ о Пушкинѣ связь его со швеей, какъ событіе, очень значительное для его біографіи (особенно, романической). Извѣстно, что Пушкинъ былъ позже въ нѣкоторомъ затрудненіи, какъ ему поступить, когда Дуня забеременѣла, и одинъ изъ его друзей давалъ ему совѣты, какъ поступить съ нею и ея отцомъ. Въмѣсто того въ романѣ Павла Сѣвернаго няня угрожаетъ Пушкину: „Вотъ сниму съ тебя штаны, да по старой привычкѣ отдеру голикомъ“. Потомъ „Пушкинъ и Дуня остались одни. Онъ ласково смотрѣлъ на нее, она смущенно опустила глаза. Взялъ ее руку и притянулъ къ себѣ. Усадилъ на колѣни“... Потомъ Пушкинъ ѣдетъ въ село Тригорское и тамъ находитъ Анну Кернъ. „Пушкинъ застылъ отъ удивленія на порогѣ. Даже вздрогнулъ сначала и шляпу выронилъ, увидѣвъ за столомъ въ голубомъ платьѣ женщину“. И такъ далѣе. Очень подробно повѣствуется о томъ, какъ Пушкинъ влюбился въ Анну Кернъ, какъ она ему го-

ворила: „Саша, милый... пусти... Люблю... нѣтъ, милый... Сашенька... твоя“ (точки всѣ въ оригиналѣ). Потомъ косая Мадонна. Авторъ романа не только ничѣмъ не стѣсняется въ изображеніи Пушкинской любви къ ней, но, видимо, и не знаетъ, что Пушкинъ писалъ о томъ, что женится безъ иллюзій, безъ влюбленности и т. п. Раньше однако дружба съ царемъ. Въ отличіе отъ Наживина Павелъ Сѣверный идеализируетъ эти отношенія: не даромъ онъ пишетъ въ одномъ изъ центровъ „бѣлаго движенія“. Пушкинъ приходитъ къ Николаю, который встрѣчаетъ его по дружески и сообщаетъ: „Я рѣшилъ выдать тебѣ за нее (исторію пугачевского бунта) двадцать тысячъ и напечатать на свои деньги. — Ваше Величество, какъ мнѣ благодарить васъ. — Благодарить меня не надо. Отнынѣ она будетъ называться не „Исторія Пугачева“, а „Исторія Пугачевского бунта“. И т. д. Въ дѣйствительности, Пушкинъ получилъ на печатаніе „Исторіи Пугачевского бунта“ деньги не въ подарокъ, а заимообразно, о чемъ обычно умалчиваютъ романическіе біографы Пушкина. „Знаешь, Пушкинъ — продолжаетъ Николай — если бы не твой характеръ, если бы ты умѣлъ жить съ людьми въ дружбѣ, если бы не виталъ въ имперяхъ, былъ бы ты у меня первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Я бы тебя съ твоимъ именемъ за границу послалъ куда-нибудь своимъ посломъ“.

Все это такой безграмотный вздоръ, что не хочется углубляться въ него, и потому анализъ „Косой Мадонны“ я на этомъ и оканчиваю, такъ и не добравшись до самой Мадонны. Какъ это странно: такъ трудно въ наши дни напечатать дѣльную книгу, а на самомнительную нелѣпицу деньги находятся. Неужели же „по Сенькѣ шапка?“.

Извѣстный писатель С. Сергѣевъ-Ценскій выпустилъ въ 1934 г. романъ въ двухъ частяхъ: „Невѣста Пушкина“. Первая часть романа называется „Милый омутъ“, вторая — „Приданое“. Уже изъ названія этихъ частей видно, что романъ изображаетъ исторію увлеченія и сватовства Пушкина къ Гончаровой.

Въ первой главѣ романа рассказывается о намѣреніи Пушкина уѣхать на Кавказъ. Ихъ трое: Вяземскій, Толстой-Американецъ и Пушкинъ. Разговоръ идетъ о карточной игрѣ, которой, дѣйствительно, увлекался поэтъ. Толстой — специалистъ по этой части, и очень удивленъ, когда Пушкинъ сообщаетъ, что нуждается въ его помощи, но не по денежной части, а по иной. Дѣйствительно, Толстой былъ посредникомъ между Пушкинымъ и Н. И. Гончаровой (Письма II. № 292), и за дальнѣйшимъ ходомъ событій, изложенныхъ авторомъ, мы можемъ слѣдить по этому тому писемъ Пушкина. Происходилъ-ли между ними такой именно разговоръ,

какой приводится Сергѣевымъ-Ценскимъ, мы не знаемъ: вѣрнѣе, чѣмъ не происходилъ, потому что Пушкинъ выступаетъ здѣсь ужь очень какимъ-то несерьезнымъ. Но надо и правду сказать: въ тотъ же день, когда поэтъ написалъ своей будущей тещѣ письмо съ выраженіемъ благодарности за то, что ему не отказали, о томъ поѣхалъ въ свое путешествіе на Кавказъ, а передъ этимъ въ Москвѣ ухаживалъ за Ушаковой. Все это не свидѣтельствуетъ какъ будто объ очень глубокомъ увлеченіи. У Пушкина „захватило духъ“, когда онъ увидѣлъ молодую красавицу. Исторія его любви и женитьбы извѣстна хорошо, и очень трудно романистамъ что-нибудь прибавить къ тому, что просто и сжато рассказали намъ біографы Пушкина (напр. Сиповскій въ своей книгѣ „Пушкинъ“). Поэтому изложеніе Сергѣева-Ценскаго производитъ непріятное впечатлѣніе своей придуманностью и пониженіемъ уровня, такъ какъ быть на уровнѣ Пушкина, излагая его разговоры и переживанія, для людей нашего времени, нашего культурнаго типа и обычнаго умственнаго уровня, прямо таки невозможно. „Радостно и бурно бросается обнимать его Пушкинъ“ (Толстого, когда тотъ соглашается передать Гончаровой желаніе Пушкина). Послѣ этого рисуется домашняя атмосфера Гончаровыхъ, ханжество, сумасшествіе, безхозяйственность. Насколько все это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, мы не знаемъ, но знаемъ, что дѣйствительно въ этой семьѣ господствовала безалаберность. Опасенія, которыя въ романѣ высказываетъ Гончарова Толстому, услышавъ о сватовствѣ Пушкина, передаютъ то, что самъ поэтъ сообщалъ Бенкендорфу въ апр. 1830 г., а отвѣты Толстого Гончаровой то, что отвѣтилъ Бенкендорфъ Пушкину. „Его Величество императоръ съ истинно отеческимъ благоволеніемъ къ вамъ, соизволилъ поручить мнѣ, генералу Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, которому онъ изволитъ оказывать довѣріе, наблюдать за вами и руководить васъ совѣтами. Совѣты, которые я время отъ времени давалъ вамъ, какъ другъ, могли быть вамъ только полезны, и я надѣюсь, что вы убѣдитесь въ этомъ современемъ еще больше. Какія же тѣневья стороны можно найти въ вашемъ положеніи въ этомъ отношеніи? Уполномочиваю васъ показать это письмо всѣмъ, кому вы сочтете нужнымъ показать его“. Такимъ образомъ въ переговорахъ Толстого Американца съ Н. И. Гончаровой можно найти извѣстную долю историчности, и этимъ романъ Сергѣева-Ценскаго все таки отличается отъ измышлений всякихъ Наживинныхъ, Каменскихъ, Сѣверныхъ и т. п. И въ дальнѣйшемъ то же. Изъ Москвы рассказчикъ переноситъ насъ на Кавказъ и повѣствуетъ о путешествіи въ Эрзерумъ. Не все, однако, въ этомъ романѣ можетъ быть принято за досто-

вѣрное: такъ, собираясь уѣзжать съ Кавказа, Пушкинъ говоритъ Паскевичу: „Къ тому же соскучился по своей невѣстѣ, а она заждалась меня“. Этого Пушкинъ говорить не могъ, такъ какъ Наталія Николаевна не была еще въ это время е о невѣстой. Паскевичъ же, узнавъ, что Пушкинъ женится на Гончаровой, которой всего 16 лѣтъ, произноситъ слѣдующую филиппику: „А-а. Шестнадцати лѣтъ и красавица. Это кое-что объясняетъ мнѣ въ его странностяхъ. Но Пушкинъ и шестнадцатилѣтняя красавица его жена, это... это ужъ, воля ваша, во обра-жаю, что это такое будетъ“. Въ дѣйствительности, нѣчто подобное записалъ въ своемъ дневникѣ А. Н. Вульфъ, который хорошо зналъ эротизмъ Пушкина: „Если круговая порука есть, въ порядкѣ вещей, то сколько ему, бѣдному, носить роговъ — это тѣмъ вѣроятнѣе, что первымъ его дѣломъ будетъ развратить жену“. Это могъ говорить Вульфъ, но какое дѣло до женитьбы Пушкина было генералу Паскевичу. Въ такомъ же родѣ и весь романъ. Онъ лучше, менѣе неправдоподобенъ, чѣмъ вышерассмотрѣнная галиматья, но все же это не настоящей Пушкинъ, и образъ его въ романѣ какъ-то смѣшенъ и суевливъ „Бдемъ къ дѣвкамъ. И Пушкинъ обнимаетъ Дельвига, пытаюсь стащить его съ мѣста..“ Слѣдуетъ грубая и ненужная сцена посѣщенія двухъ проститутокъ Желая отмѣтить, что Наталія Николаевна не понимаетъ Пушкина и не интересуется имъ, а ея сестра Александра Николаевна, напротивъ, интересуется (объ этомъ очень любятъ говорить эти псевдо-біографы Пушкина — между прочимъ и „Даршіакъ“), Сергѣевъ-Ценскій приводитъ такую сцену: Александра Николаевна цитируетъ стихи, а Наталія Николаевна съ удивленіемъ спрашиваетъ: откуда это? „Какъ откуда? Изъ „Бахчисарайскаго фонтата“, который тебѣ поднесъ твой женихъ... Новенькое, треть еизданіе. А а, равнодушно тянетъ Натали“. Прочитавъ эту сцену читатель долженъ мотать ее себѣ на усъ и ужъ ничего хорошаго не ждать отъ брака Пушкина. Приемъ топорный и скучный. И каждое изъ дѣйствующихъ лицъ романа выступаетъ все время съ опредѣленной физиономіей, какъ въ ложноклассическихъ трагедіяхъ. Это очень скучно. Но такова сущность псевдоисторическаго романа: развѣ и у Толстого Сперанскій говоритъ, какъ Сперанскій. Александръ и Наполеонъ говорятъ и дѣйствуютъ, какъ имъ полагается по роману, а не такъ, какъ они, навѣрное говорили въ дѣйствительности. Человѣческая душа сложна и многообразна, и тѣ ея упрощенія въ литературѣ, которыя мы находимъ постоянно въ историческихъ романахъ и драмахъ, представляютъ, несомнѣнно, ложный видъ литературы.

Что же остается? Прежде всего, я не могу не поразиться тому, какъ мы такъ запанибрата обращаемся съ нашими генія-

ми, какъ мы не умѣемъ ихъ цѣнить. Мыслимо-ли, чтобы былъ написанъ такой романъ, какой написали о Пушкинѣ Павелъ Сѣверный или Василій Каменскій какимъ-нибудь польскимъ писателемъ о Мицкевичѣ? А намъ это ни по чемъ. Заставимъ Пушкина и пьянымъ пѣсни пѣть, и подобострастничать передъ Бенкендорфомъ, и какія угодно мерзости творить.

На фонѣ всей той нелѣпости, какая посвящена искаженному Пушкину, я могу отмѣтить только два романа, которые не оскорбляютъ чувства нашего уваженія къ памяти Пушкина: это (къ счастью, не романъ) „Женатый Пушкинъ“ Александра Шика (Парабола. 1936) и „Пушкинъ“ Ю. Н. Тынянова. Первое изъ названныхъ произведеній представляетъ сжатый и популярный рассказъ въ хронологическихъ рамкахъ о женитьбѣ и смерти Пушкина. Рассказъ хорошъ. Я думаю, что это лучшее, что появилось въ эти послѣдніе годы изъ біографіи Пушкина. Что же касается Тынянова, то, какъ всегда у него, много „снобизма“, словечекъ, непростого. Но онъ, конечно, хорошо знакомъ съ матеріаломъ, и у него много интереснаго, что тѣмъ важнѣе, что Тыняновъ начинаетъ свой рассказъ съ родителей Пушкина, характеризуетъ фамильныя черты рода Аннибаловъ и т. дал. Только очень уже медленно подвигается это произведение. Оно началось въ январьской книжкѣ „Литературнаго Современника“ за 1935 г., а до сихъ поръ (въ половинѣ 1837 г.) едвали-ли вышло изъ ранней молодости Пушкина. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ того искаженія личности нашего поэта, которое производитъ такое отрицательное впечатлѣніе на читателя, не склоннаго восхищаться забористой бульварной литературой.

† Е. В. Аничковъ.

ЕДИНСТВО ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЗАДАЧИ ФОЛЬКЛОРА.

Что все познается сравненіемъ, этотъ трузмъ со времени Курно, сталъ основнымъ принципомъ соціологіи¹⁾. Она широко пользуется сравнительнымъ методомъ, сравненіе же ведетъ либо къ сходству, либо къ различію, — еще одинъ трузмъ, использованный соціологами.

Соціальная статика и обнаружила нѣкое единообразіе, въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ, экономическихъ, нравственныхъ, правовыхъ и художественныхъ явленій, что выступаетъ ярче при ихъ ожидаемомъ несходствѣ въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ. Единообразіе потребовало объясненія. Да, люди суть люди. Но это относится лишь къ т. наз. простѣйшимъ проявленіямъ человѣческой самодѣятельности. Они должны быть принимаемы въ соображеніе, но лишь какъ біологическая основа болѣе сложныхъ явленій, сложныя же явленія, представляющія собою единообразіе, особенно поразившее ученое воображеніе соціологовъ, — это обряды, сказочные сюжеты и мотивы, героическія и иныя пѣсни, наконецъ сознательныя и подсознательныя вѣрованія, т. е. область фольклора.

Чтобы не витать въ сферѣ отвлеченныхъ соображеній, возьмемъ пять родовъ схожихъ явленій. Они широко извѣстны. Это —

1. Обряды опахиваній или обходовъ,
2. Праздничныя привѣтственные пѣсни, которыя поются отъ дома къ дому: наши каляды или волочобныя,
3. Обряды заклинанія дождя,
4. Два сказочныхъ сюжета: „Золушка“ и „Два брата“.
5. Героическіе образы Змѣборцевъ.

Примѣры, разумѣется, отнюдь не доказательства. Они лишь иллюстраціи. Эти пять примѣровъ такъ широко распростра-

¹⁾ Cournot. Essai sur les fondements de nos connaissances. Paris, 1851, pp. 49—52.

ненныхъ схожихъ явленій послужатъ мнѣ лишь точкой отправленія для разбора общихъ вопросовъ социологіи и фольклора, что поведетъ къ нѣкоторымъ выводамъ, вытекающимъ изъ тридцатипятилѣтнихъ занятій въ этой области, занятій, заставившихъ измѣнить или развить далѣе когда-то высказанные взгляды.

Что они соприкасаются съ наиболѣе распространенными теоріями, — это само собою понятно.

* * *

Едва ли надо возвращаться къ восходящей къ построеніямъ Макса Миллера, Гримма, Куна, Шварца, Аѳанасьева, Буслаева и др., т. е. къ т. наз. миѳологической теоріи съ ея какъ будто бы все объясняющей солярной системой первобытныхъ религій индо-европейскихъ народовъ Ее, правда, нельзя считать совершенно позабытой; она сказывается и до нашихъ дней при попыткѣ возстановить изъ забытья столѣтій, какова была религія древнихъ германцевъ¹⁾. Въ настоящее, однако, время уже слишкомъ ясно, что ученые времени романтики, т. е. начала XIX столѣтія, лишь повторили попытку Юліана Отступника собственнымъ воображеніемъ создать религію, главнымъ богомъ которой было бы провозглашено солнце, и это лишь съ той только разницей, что если Юліану Отступнику мерещилась возможность спасти этимъ императорскій культъ Непобѣдимаго Солнца-Императора (Sol invictus)²⁾, Сульцеръ и его послѣдователи относили созданную ими путемъ эрудиціонныхъ фантазій и передержекъ религію къ какимъ-то давно минувшимъ временамъ. Что же касается пресловутаго поэтического возрѣнія на природу, якобы замѣнишаго у нашихъ далекихъ предковъ религію, чѣмъ такъ увлекся нашъ Аѳанасьевъ, то вѣдь тутъ нельзя не видѣть отраженія тѣхъ учебныхъ коментаріевъ, какими сопровождалось въ школахъ реторики въ первые вѣка нашей эры чтеніе поэтовъ. Какъ извѣстно, большинство риторовъ были въ то время уже христіане, и такъ продолжалось, послѣ краткаго перерыва при Юліанѣ Отступникѣ до самаго закрытія школъ реторики при Юстиніанѣ. Воспѣваемые поэтами боги ничто иное, какъ олицетворенія силъ природы — рѣшили философы послѣ сократовской поры, и этотъ взглядъ укрѣпился. Такой взглядъ находимъ мы и у ап. Павла, (Рим. I, ²¹⁻²²). Онъ даже вошелъ въ христіанское богословіе. Язычество стало считаться отпа-

¹⁾ Напр. Hermann, Nordische Mythologie, Lpz. 1903; ср. Fr. v. d. Leyen, Die Götter und Heldensagen, München, 1920.

²⁾ См. его трактатъ: Εἰς τὸν βασιλέα "Ἥλιον, oratio IV Ed. Hertlein (Bibl. Teubneriana).

деніемъ отъ вѣры въ истиннаго Бога, ибо какъ говорится въ одной изъ древне-русскихъ проповѣдей, нечестивые „невѣгласи“ „служили твари бездушной яко Богу“¹⁾.

Совсѣмъ иное дѣло объясненія сходствъ быта, обрядовъ и сюжетовъ у возглавляемыхъ Лѣббокомъ, Тайлоромъ, Андрью Лангомъ²⁾ англійскихъ соціологовъ и у ихъ послѣдователей. Эту теорію Нидерле въ своемъ обзорѣ славянскихъ древностей называетъ геніальной³⁾. Она можетъ считаться общепризнанной и до нашихъ дней и оговорить ее мнѣ тѣмъ болѣе необходимо, что въ ея духъ и мною самимъ истолкованъ рядъ явленій въ моей „Весенней Обрядовой пѣснѣ на Западѣ и у славянъ“. Между тѣмъ въ настоящемъ очеркѣ я имѣю ввиду категорически отъ нея отмежеваться, что однако стало для меня возможнымъ лишь послѣ не одного десятка лѣтъ работы и размышленій въ этой области. Сущность теоріи англійскихъ соціологовъ наглядно очертилъ Андрью Лангъ въ предисловіи къ книгѣ Мэрианъ Коксъ о Золушкѣ. „Я часто говорилъ, — пишетъ здѣсь Андрью Лангъ, — что при наличіи схожаго состоянія вкуса и воображенія, схожихъ вѣрованій, схожихъ обстоятельствъ, вполне допустимо, чтобы схожая сказка возникла вполне независимо въ далекихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Мы знаемъ, что схожіе образцы, схожее искусство (ср. керамику Ацтековъ и керамику Микенскаго періода Британскаго Музея) возникли независимо одни отъ другихъ; такъ же точно космическіе миѳы, схожія фабулы, схожія загадки, схожія пословицы, схожіе обычаи и учрежденія“⁴⁾. Сущность теоріи именно въ предположеніи независимаго возникновенія однихъ и тѣхъ же или по крайней мѣрѣ схожихъ творческихъ проявленій человѣческихъ способностей въ одинаковыхъ условіяхъ культурнаго развитія, но вполне самостоятельно.

При такомъ истолкованіи рядовъ сходства сравнительный методъ по необходимости охватываетъ весь земной шаръ. Ему нѣтъ ограниченія. Мы не должны удивляться, если найдемъ сходныя черты въ проявленіяхъ человѣческой самодѣятельности въ самую отдаленную, чуть не до-историческую эпоху и у самыхъ далеко другъ отъ друга населяющихъ нашу планету народовъ. Сходныя черты — слѣдствіе

¹⁾ Объ этомъ см. въ моемъ „Язычество и Древняя Русь“, СПб., 1914, стр. 111—115.

²⁾ Ихъ разборъ см. въ моей книгѣ „Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ“, т. I (1903) и II (1905), Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ, т. LXXIV и LXXVIII, т. I стр. 32—39.

³⁾ L. Niederle. Slovanské starožitnosti, Praha, 1912—1921, Oddíl kulturní. См. предисловіе.

⁴⁾ Marian Roalfe Cox. Cindarella. London, 1893, Introduction, p. XIV—XV.

сходства условій жизни и культурнаго состоянія каждаго народа.

Вотъ эту широту научнаго захвата, которая характерна для построений англійскихъ соціологовъ и ихъ послѣдователей, предложилъ однако нѣсколько ограничить Ванъ-Геннепъ. Въ самомъ дѣлѣ. Сходство сходствомъ, но слишкомъ зияющи тѣ различія, на какія натыкаются изслѣдователи, когда привлекаютъ къ сравненію либо хронологически, либо географически слишкомъ отдаленные ряды сравниваемыхъ чертъ въ обычаяхъ, обрядахъ или творческихъ созданіяхъ воображенія. И тутъ умѣстно будетъ вспомнить раздѣленіе на ряды простѣйшихъ или элементарныхъ проявленій человѣческой самодѣятельности съ одной стороны и болѣе сложныя — съ другой¹⁾. Насколько умѣстно искать не только единообразіе, но, м. б., и тождество простѣйшихъ рядовъ самодѣятельности, настолько опасно распространять ту же самую точку зрѣнія на болѣе сложныя явленія. Возьмемъ для примѣра ряды схожихъ явленій, съ которыми мнѣ самому пришлось вѣдаться въ моей книгѣ „Весенняя пѣсня на Западѣ и у славянъ“. Меня естественно повлекло дознаться, каковы обрядовыя дѣйствія, какія справляются при наступленіи весны у китайцевъ и въ Индіи, въ случаѣ если таковыя тамъ существуютъ. Отвѣтъ получился на послѣдній вопросъ утвердительный, при чемъ т. к. и въ Китаѣ, и въ Индіи основныя условія хозяйственной жизни приблизительно одинаковы съ европейскими, т. е. населеніе, справляющее весенніе праздники, живетъ отъ сельскаго хозяйства, что удивительнаго, если мнѣ пришлось натолкнуться на схожую съ европейской встрѣчу весны? Но въ томъ-то и дѣло, что уже не просто *mutatis mutandis*, но совсѣмъ не схожи оказались своеобразной сложностью своихъ формъ справляемыя тутъ обрядовыя дѣйства. Пришлось вынести ихъ краткое описаніе въ вводную главу²⁾. Вотъ почему, независимо отъ соображеній, высказанныхъ Ванъ-Геннепомъ, я ограничилъ себя въ своемъ изслѣдованіи однимъ определеннымъ райономъ всечеловѣческой цивилизаціи, лишь, походя, упоминая о другихъ районахъ и то чаще всего опять-таки, когда дѣло шло о простыхъ рядахъ сходныхъ явленій.

Немного забѣгая впередъ, я и скажу, что порайонное изслѣдованіе мнѣ представляется научно необходимымъ для прочности выводовъ.

Оно же и подведетъ насъ къ другому, чѣмъ согласно англійской соціологической теоріи объясненію рядовъ схожихъ явленій, при чемъ и самый пресловутый сравни-

¹⁾ A. V. G e n n e p . Religions, Moeurs et Legende. I et II. 1908—09. Ср. также его-же Le folklore du Dauphiné. I et II v. Paris, 1932.

²⁾ Op. cit., т. I, стр. 81—85.

тельный методъ приметъ отсюда, если и не совсѣмъ иной смыслъ, поскольку онъ точка отправленія, то во всякомъ случаѣ иное примѣненіе и развитіе. Это — теорія миграцій.

Въ упомянутомъ предисловіи къ книгѣ Мэрианъ Коксъ о „Золушкѣ“ Андрию Лангъ отвѣчаетъ на нападки на него издателя сказокъ, собранныхъ въ Лотарингіи, Коскэна¹⁾, выдающагося представителя т. н. теоріи миграціи сказочныхъ сюжетовъ. Андрию Лангъ не отрицаетъ фактовъ миграціи. Сказка можетъ путемъ передачи переходить отъ одного народа къ другому, но миграція не болѣе, какъ нѣкое осложненіе или поправка къ его теоріи самостоятельнаго возникновенія.

Впервые теорія миграціи была формулирована въ концѣ 80-хъ годовъ, а нападки на автора книги: „Миѳъ, обычай и религія“ были высказаны на конгрессѣ фольклористовъ въ 1891 г.²⁾ Прошло съ тѣхъ поръ сорокъ пять лѣтъ, а теорія миграціи все еще составляетъ развѣ что именно принимаемую и приверженцами теорій англійскихъ соціологовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполне допустимую поправку. Ее только оговариваютъ. И можно еще сказать, что ей какъ бы не повезло ни среди соціологовъ, ни среди фольклористовъ. Такъ, недавно однимъ изъ двухъ издателей двухтомнаго комментарія къ сказкамъ Гриммовъ былъ объявленъ въ настоящее время самый выдающійся изъ сторонниковъ теоріи миграціи пражскій ученый Поливка³⁾. Его внезапная кончина помѣшала ему однако высказаться, и этотъ важнѣйшій трудъ по изслѣдованію занимающей насъ проблемы законченъ однимъ только его нѣмецкимъ редакторомъ Больте. Теорія миграція осталась тогда оговоренной лишь разборомъ когда-то знаменитаго, теперь давно утратившаго свое значеніе „Предисловія“ Бенфея⁴⁾ къ его нѣмецкому переводу „Панчатантры“. Когда Бенфей показалъ, что сказочные сюжеты, по преимуществу сюжеты о животныхъ, проникли въ Европу изъ Индіи, тотчасъ же возникъ вопросъ, надо ли считать Индію какой-то основной и неизсѣкающей кошницей сюжетовъ, что граничитъ съ нелѣпостью? Т. обр. общая проблема о сюжетахъ въ сущности вовсе не была продвинута ближе къ ея рѣшенію.

То, что западные ученые называютъ теоріей миграціи, получило научную разработку главнымъ образомъ, въ рус-

¹⁾ Издатель обратившаго на себя особое вниманіе Сборника сказокъ Лотарингіи.

²⁾ См. въ предисловіи къ книгѣ М. Коксъ. *Op. cit.* p. XI etc.

³⁾ Bolte u. Polivka. *Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm*, 4 Bde, 1913—18.

⁴⁾ Эта знаменитая книга вышла въ свѣтъ еще въ 1854 г.

ской наукѣ. Ея создатель Александръ Н. Веселовскій назвалъ ее теоріей заимствованія. И вполнѣ естественно, что именно среди русскихъ ученыхъ эта теорія и должна была возникнуть. Русская цивилизація никогда не разсматривалась, какъ плодъ самостоятельной эволюціи. Гораздо откровеннѣе, т. е. не прибѣгая къ культурно-историческимъ натяжкамъ и преувеличиваніемъ для удовлетворенія своего національнаго самолюбія, русская наука никогда не замалчивала зависимости нашей цивилизаціи сначала отъ Византіи, а черезъ много вѣковъ отъ Запада¹⁾. Послѣдніе пришлецы въ Европу дикіе германцы и славяне жадно восприняли дары, какъ нѣкогда греко римской, такъ позднѣе Западной французской и итальянской образованности. Сама христіанизация этихъ варваровъ ничто иное, какъ первый этапъ подпаденія подъ такую зависимость. Она съ слишкомъ неоспоримой очевидностью бросается въ глаза. Сопряженная съ христіанизацией романизация цѣлыхъ шести германскихъ народовъ: Готовъ, Лонгобардовъ, Гепидовъ, Вандаловъ и Бургундовъ и Франковъ представляетъ собою наиболѣе законченное подпаденіе подъ вліяніе сосѣдей болѣе сильной культуры. На востокъ отъ Рейна и въ Скандинавіи германцы, а дальше на востокъ славяне, и тѣ и другіе сохранили свой родной языкъ, но ихъ литература не образовалась иначе, какъ путемъ переводовъ и подражаній. Такимъ образомъ признаніе заимствованія оказалось фактомъ, опредѣляющимъ самое существованіе цивилизаціи этихъ европейскихъ варваровъ.

Главная особенность теоріи заимствованія въ отличіе отъ англійской соціологической теоріи и состоитъ въ томъ, что, если эта послѣдняя вылилась изъ данныхъ антропологии, первая изъ исторіи литературы. Въ самомъ дѣлѣ. Построенія А. Н. Веселовскаго, у котораго именно исторія литературы и была научной спеціальностью, могутъ быть наглядно представлены на судьбѣ знаменитаго, переведеннаго въ средніе вѣка на всѣ европейскіе языки, греческаго романа о Александрѣ Македонскомъ²⁾. Онъ возникъ въ Александріи всего вѣроятнѣе въ III в. нашей эры и долго дополнялся новыми эпизодами, уже не принадлежавшими къ первоначальному

¹⁾ О теоріи, „заимствованія“ см. Энциклоп. Словарь подъ этимъ словомъ и мою же статью о А. Н. Веселовскомъ въ „Славіи“, 1-ый годъ изданія, стр. 300—315 и 524—551.

²⁾ Литература о знаменитомъ романѣ объ Александрѣ Македонскомъ, существующемъ, кромѣ греческаго, на множествѣ языковъ, включая сюда малайскій и эіопскій на столько обширна, что я не могу привести ее, даже назвавъ главнѣйшія изслѣдованія. Одни статьи на эту тему,—прибавимъ еще и работы Истрина, Александра Веселовскаго заняли бы слишкомъ много мѣста.

тексту. Въ XI или XII в. онъ былъ переведенъ по славянски и проникъ въ древнюю русскую письменность; путь распространения сюжета оказался т. обр. идущимъ съ юга на сѣверъ; но въ ту же пору романъ эготъ перекладываютъ сначала въ десяти-стопные, а позднѣе двѣнадцати стопные (александрійскіе) стихи французскіе труверы; романъ получаетъ еще и особую отдѣлку въ духѣ западнаго рыцарства. И Франція какъ бы нѣкій поворотный пунктъ въ распространении сюжета. Теперь его переводятъ или пересказываютъ по нѣмецки, въ Скандинавіи, въ Чехіи, на Адриатическомъ побережьи по сербо-хорватски. Значитъ путь распространения измѣнился; оно движется съ запада на востокъ. И тогда въ древней русской письменности появляется еще одинъ нѣсколько иной, чѣмъ прежній, романъ объ Александрѣ Македонскомъ. Онъ дошелъ до насъ именно съ береговъ Адриатическаго моря уже ввидѣ рыцарскаго романа, это — т. н. „Сербо-хорватская Александрія“.

„Александрія“ — книжное произведение и судьба ея чисто книжная. Она подлежитъ историко-литературному разсмотрѣнію. И вотъ возникаетъ вопросъ: если таковъ путь распространения книжнаго сюжета, не окажется ли *mutatis mutandis* при болѣе старательномъ разсмотрѣніи, что такъ же точно ширятся и созданія устной, т. е. народной словесности?

Не ясно ли, чѣмъ русская теорія „заимствованій“ отличается отъ западной теоріи „миграцій“, внесшей поправку въ теорію англійскихъ соціологовъ?

Теорія „миграцій“ допустила случайную передачу фактовъ, изучаемыхъ фольклоромъ. Они — забава, праздничное препровождение времени. Особенно, что касается сюжетовъ, выдвигалось значеніе каравансараевъ, путевыхъ стоянокъ, лагерныхъ разговоровъ. Будто, — туда-сюда бродитъ сюжетъ, обогащаясь мотивами, и не усмотрѣть за нимъ, куда его занесетъ. Совсѣмъ иначе представляется дѣло, если допустить закономерность передачи. Заимствованія вовсе не случайны. По мѣрѣ той разработки, какой подвергалась теорія заимствованій, до очевидности обнаружилось, что заимствование — слѣдствіе вліянія болѣе культурной среды на менѣе культурную. Это положеніе развилъ Кондаковъ въ своихъ многочисленныхъ трудахъ, гдѣ всегда неизмѣнно идетъ рѣчь о распространении византійскаго стиля на западѣ и у славянъ, и путь этого распространения оказался именно тѣмъ же самымъ, что и греческой „Александріи“, т. е. сначала на сѣверъ и западъ, пока тамъ на западѣ не повернетъ онъ на востокъ ужъ въ XII или XIII ст.: изъ насиженныхъ культурныхъ центровъ — въ менѣе культурные и дальше и дальше, вплоть до вовсе некультурныхъ и только тянувшихся къ чужой, заманившей ихъ своей высокой цивилиза-

цією далекихъ и сосѣднихъ пространствъ. И въ заимствованіи Кондаковъ видѣлъ источникъ прогресса, т. к. заимствование вяжется и съ совершенствованіемъ или во всякомъ случаѣ съ новымъ и по новому использованіемъ художественнаго матеріала¹⁾.

На этомъ покамѣсть и остановимся, раньше чѣмъ разсмотримъ тѣ пять примѣровъ, которые помогутъ мнѣ выяснить мои взгляды.

* * *

Приблизительно черезъ десять лѣтъ послѣ упомянутаго выше конгресса фольклористовъ проблемы эволюціи обычаевъ, обрядовъ и вѣрованій осложнились притокомъ новой соціологической задачи. Это магія²⁾. Сама по себѣ она, разумѣется, не представляла собою ничего новаго. Вѣдь черезъ всѣ вѣка тянутся отъ Апулея и до астрологовъ и кудесниковъ XVI в. о ней извѣстія. А антропологи натолкнулись на магію еще у современныхъ некультурныхъ народовъ. Таковы эти странныя часто смѣшныя дѣйства, какія производятъ шаманы тюркскихъ племенъ, баксы киргизовъ, иньянча или нганга африканскихъ чернокожихъ, бодо Цейлонскихъ Веддовъ, эскимосскихъ анжелоковъ и т. п., да еще приходится прибавить, и европейскихъ знахарей. Оба, и Тайлоръ, и Леббокъ объясняли магію анимизмомъ. Къ чему бы не примѣнялась магія: къ излѣчиванью недуговъ, къ хозяйству, къ охотѣ, къ татуировкѣ или орнаменту — всюду одинаково магическія дѣйствія распадаются на очищеніе и заклинанія³⁾, значитъ, либо изгнаніе, либо, напротивъ, нѣкій призывъ, нѣкое привлеченіе блага. Тайлоръ и Леббокъ и предположили отсюда, что дѣло идетъ объ изгнаніи или призывѣ духовъ, т. е. магія — ничто иное, какъ примѣненіе вѣры въ существованіе духовъ, иначе говоря коренится въ анимизмѣ. Такъ какъ анимизмъ — есть одна изъ тѣхъ степеней или этаповъ, черезъ которые, какъ думали Тайлоръ и Леббокъ, а за ними всѣ ихъ послѣдователи, проходитъ все человѣчество, то въ любой племенной особи, какъ только изжитъ фетишизмъ, возникаетъ въ народномъ сознаніи анимизмъ, а отсюда магія.

Леббокъ и Тайлоръ приняли во вниманіе факты лишь этой первобытной магіи. Между тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживалась еще и магія въ обрядахъ болѣе

¹⁾ См. мою статью о Кондаковѣ въ „Славія“ Ročník VII (1928 г.), sešit 2 и 3, стр. 44—62 и 298—310.

²⁾ Магія, распадающаяся на два параллельныхъ дѣйствія: „заклинанія“ и „очищенія“, легла въ основу большинства данныхъ мною объясненій весенней обрядности.

³⁾ См. мою книгу „Весенняя обряд. пѣсня“ т. I, стр. 362.

осложненныхъ религіозныхъ системъ, или у такихъ писателей, какъ Плиній и Катонъ. Рядомъ съ первобытной магіей приходилось продумать и нѣкую иную цивилизованную магію¹⁾, отличную отъ магіи современныхъ нецивилизованныхъ народовъ: какова же между ними связь? А мы еще увидимъ, что, можетъ быть, именно цивилизованная магія позволитъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи объяснить всю проблему цѣликомъ, во всей той широтѣ, въ какой она поставлена въ настоящей статьѣ.

Проблема о магіи вызвала къ себѣ за послѣднюю четверть вѣка живѣйшій интересъ. Выдвинулъ ея первостепенное значеніе Фрезеръ

Его знаменитая книга „Золотая вѣтка“²⁾ была имъ задумана, когда онъ былъ увлеченъ созданной научной фантазіей Мангардта религіей нѣкого Духа Растительности. И Фрезеръ, какъ выразился о немъ Андрию Лангъ, сталъ „пророкомъ Мангардта“. Однако со второго изданія книги въ 1901-омъ году Фрезеръ, оставивъ ее безъ всякихъ измѣненій, сталъ вводить дополнительные факты, а они всѣ набирались изъ области магіи. Особенно въ послѣдующихъ изданіяхъ книги вся первоначальная мангардтовская серія фактовъ и ихъ истолкованій какъ бы потонула въ морѣ магіи. Магія стала главной темой Фрезера. Ему же принадлежитъ порвавшее съ теоріей анимизма истолкованіе магіи. Фрезеръ противопоставляетъ систему магіи какому бы то ни было религіозному сознанию, сближая ее съ зачаточной наукой. Магія основана „на особой грубой философіи“, содержащей въ себѣ „зародышъ современныхъ понятій объ естественномъ“ законѣ. Она — результатъ чисто интеллектуальнаго процесса. Отсюда, какъ замѣчаетъ Фрезеръ, „магія относится къ духамъ совершенно такъ же, какъ къ неодушевленнымъ факторамъ — она понуждаетъ или насилуетъ ихъ вмѣсто того, чтобы ихъ примирить или умилоствивить, какъ это сдѣлала бы религія“³⁾.

Итакъ, „основанная на особой грубой философіи“ система магіи есть система столь же грубо научная, а примѣненіе ея, т. е. тѣ магическіе приемы или сложные магическіе обряды, къ какимъ прибѣгаетъ первобытный знахарь или кудесникъ для излечиванья, вызыванья влаги въ засуху, т. е. различныя дѣйства, чтобы способствовать изобилію плодовъ, удачной охотѣ и рыбной ловлѣ, все это относится

1) Ей занимались сочиненія, посвященныя колдовству и знахарству.

2) „Golden Bough“ (По вдохновившей Браунинга легендѣ о храмѣ на озерѣ Неми). Постепенно нарастая дополненіями, это сочиненіе составляетъ въ настоящее время больше десяти томовъ. Первое изданіе вышло въ 1890-омъ году.

3) Ср. мою попытку опредѣленія магіи въ „Вес. пѣсни“, I стр. 370—377.

къ системѣ магіи совершенно такъ же, какъ современная техника къ современной наукѣ.

И такой взглядъ укоренился. Онъ превосходно согласуется съ основнымъ положеніемъ англійской соціологической школы. Мы можемъ сказать — и это считается общепринятымъ и даже научно установленнымъ, — что схожія магическія дѣйства или вообще пріемы магіи „возникли вполнѣ независимо въ далекихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ“: иными словами вѣра въ магію, это такое состояніе сознанія, черезъ которое прошло все человѣчество. Оно самымъ существеннымъ образомъ отличается, по мнѣнію Леви Брюля¹⁾, отъ нашего воспріятія міра внѣ насъ. „Глубокое различіе, — пишетъ онъ, — какое обнаруживается между умственнымъ содержаніемъ первобытныхъ народовъ и нами, сказывается какъ въ общихъ воспріятіяхъ, такъ и въ самыхъ банальныхъ оцѣнкахъ самыхъ что-ни-на-есть простѣйшихъ предметовъ... Значить, не надо говорить, какъ это часто дѣлается, что первобытные люди приписываютъ всѣмъ вещамъ, запечатлѣвшимся въ воображеніи или чувствахъ, таинственныя силы или магическія особенности, какое-то особое жизненное начало, которому они навязываютъ признаки анимизма. Тутъ нѣтъ никакихъ ассоціацій. Мистическія особенности предметовъ и живыхъ существъ составляютъ неотъемлемую особенность самаго того представленія, какое воспринимаетъ отъ нихъ первобытный человѣкъ и что въ настоящую минуту составляетъ одно цѣлое“²⁾. Иную мысль съ еще большими научными претензіями высказываетъ Вернеръ, стараясь показать, какъ доходятъ первобытные люди „до формъ жизненныхъ представленій, встрѣчающихся въ своеобразномъ видѣ повсемѣстно на всемъ земномъ шарѣ и которыя мы въ широкомъ смыслѣ характеризуемъ, какъ „магическія“. „Надо признать, — пишетъ Вернеръ, — какое прочное мѣсто принадлежитъ магическому конкретизму въ успѣхахъ человѣческаго мышленія. Въ самыхъ общихъ чертахъ этотъ конкретизмъ долженъ быть опредѣленъ своеобразной антиноміей, занимающей промежуточное мѣсто изначальнымъ конкретизмомъ и еще неумозрительнымъ мышленіемъ болѣе передового духовнаго склада“³⁾. Магія значитъ представлена здѣсь, какъ нѣкій шагъ впередъ въ сторону болѣе совершеннаго пониманія явленій, и Вернеръ подтверждаетъ свою мысль аналогіями съ проявленіями дѣтскаго и ненормальнаго мышленія недоразвитыхъ людей.

¹⁾ L. Levy-Bruhl. Les Fonctions Mentales dans les sociétés inférieures. Paris 1918.

²⁾ Op. cit. p. 38—39.

³⁾ K. Werner. Einführung in die Entwicklungs—Psychologie. Lpz. 1926, s. 276—277.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, заканчивая первую часть своей книги „Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ“, я предложилъ истолкованіе первобытной магіи, въ которомъ прежде всего не такъ опредѣленно и категорически различалъ то, что мы, современные люди считаемъ ирраціональнымъ отъ входящихъ въ составъ магіи актовъ внушенія или суггестіи. Къ этимъ страницамъ моей книги я и отсылаю. Сейчасъ мнѣ важно то, что въ тѣ годы я тоже стоялъ на точкѣ зрѣнія близкой Фрезеровской: я рассматривалъ вѣру въ магію, какъ нѣкое особое состояніе сознанія первобытнаго человѣчества, котораго проявленія могли независимо возникать въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ. Допустимо ли однако подобное сужденіе, если мы удѣлимъ интересъ фактамъ уже не только первобытной магіи, а магіи нашихъ собственныхъ предковъ, стоявшихъ на высокой степени образованности?

Существенно важное, можетъ быть, даже рѣшающее значеніе имѣетъ двухъ-томная „Исторія магіи“ американскаго ученаго Thorndike'a¹⁾. Не касаясь вовсе всего того огромнаго матеріала по магіи, какой даетъ намъ „Золотая Вѣтка“ Фразера, т. е. его обширныя изслѣдованія миѳологии и фольклора, равно какъ и первобытной магіи вообще, Thorndike прослѣдилъ ея чисто книжное развитіе отъ античныхъ временъ до самаго XIII вѣка. Магія, что всего замѣчательнѣе, перешла отъ язычниковъ къ христіанамъ почти безъ измѣненія. Такъ, магія, о какой мы узнаемъ изъ Апулея и Плинія, вовсе не отвергнута въ христіанскую пору. Она живетъ въ сознаніи христіанскихъ писателей. Особенно ярко сказывается она у Хильдегарды Бингенской, у Александра Некама, у Роберта Гроссотеста, до самаго Альберта Великаго и Рожера Бекона. При этомъ, какъ въ древности, магія преслѣдовалась законами, поскольку она — способъ наносить людямъ вредъ: *magia malefica*, что видно изъ Апулеева процесса, точно такъ же и въ христіанскія времена. Между тѣмъ и книжная магія, литературную исторію которой прослѣдилъ Thorndike, вполне подходитъ подъ опредѣленіе, данное ей Фрезеромъ. Но тогда не ясно ли, что вѣдь никакъ нельзя объяснить магію этими словами „*mentalité prélogique et synthétique par essence*“, свойственной первобытному человѣчеству. Дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто. Мы ничего не знаемъ о далекомъ прошломъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ народовъ, у которыхъ засвидѣтельствованы факты магіи. Они разсѣяны по лицу всего земнаго шара. Я

¹⁾ A. History of Magic and experimental Science during the first thirteen centuries of our Era. New York, 1919, I и II.

едва ли что либо преувеличу, если скажу, что нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного народа или племени, какому бы не были свойственны приемы магіи. Что всего важнѣе: магія одинакова распространена и среди самыхъ низкихъ по своему культурному развитію племень и народовъ и среди такихъ, какъ античные народы: арійцы и семиты, какъ народы заселяющіе Дальній Востокъ, какъ уничтоженные первыми испанскими колонистами Южной Америки Ацтеки и Инки, какъ Ирокезы Сѣверной Америки, какъ наши сибирскіе инородцы, какъ народы Индіи, загадочные Перуанцы, побѣжденные Инками и т. д. Нѣтъ, выраженіе „первобытное мышленіе“, эта „*mentalité prélogique et synthétique par essence*“, тутъ какъ будто вовсе не приложимо. То, что наши свѣдѣнія о магіи носятъ статическій характеръ лишь вводитъ тутъ въ заблужденіе. Откуда слѣдуетъ, что всѣ эти народы Азіи, Африки, Австраліи, Южной и Сѣверной Америки, Тихаго океана и Сибири не прошли черезъ нѣкую эволюцію? Не правильнѣе, или вѣрнѣе, не осторожнѣе ли смотрѣть на магію, какъ на нѣкую своеобразную струю древнѣйшей цивилизаціи всего человѣчества?

Во всякомъ случаѣ, не западазривается ли тогда нѣкое единство (а не сходство) книжной и первобытной магіи? И сейчасъ же неминуемо не должны ли мы предполагать нѣкое вліяніе или, что тоже, нѣкую миграцію вѣрованій, изслѣдовать которую намъ не дано методами социологіи. Лишь недоступныя до сихъ поръ нашимъ знаніямъ историческія изслѣдованія могутъ помочь разобратъся въ проблемѣ о магіи, занявшей такое важное мѣсто въ социологіи и фольклорѣ. Пока мѣсть мы однако принуждены остановиться на такомъ достаточно обоснованномъ положеніи, и оно всетаки позволяетъ намъ сдѣлать шагъ впередъ въ разработкѣ интересующей насъ темы. Не приходится ли признать, что нѣкая вѣра или, скажемъ, нѣкая непоколебимая увѣренность въ правильности особыхъ нарочитыхъ связей причинъ со слѣдствіями, не признаваемыхъ современными людьми, присуща вовсе не какому нибудь опредѣленному району, что возвратило бы насъ не къ ванъ Генепу, а къ старымъ англійскимъ социологамъ, но при этомъ не съ новой ли силой выдвигается теорія миграціи и ея методологія?

* * *

Обратимся теперь къ моимъ пяти примѣрамъ, которые должны намъ помочь не расплываться въ общихъ соображеніяхъ, а держаться, на сколько это возможно, фактическихъ данныхъ. При этомъ возьмемъ, ввидѣ отправной точки районъ наиболѣе точно изученнаго европейскаго фольклора.

Это районъ общечеловѣческой цивилизаціи, который принято, и не безъ вѣсскихъ основаній, называть райономъ Средиземнаго Моря. Такой взглядъ установился на томъ основаніи, что изслѣдованныя въ достаточной степени точно струи европейской цивилизаціи восходятъ къ побережьямъ Средиземнаго Моря. Такова сначала античная цивилизація, включая сюда и микенскую, а затѣмъ смѣнившая ее христіанская цивилизація, распространившаяся съ юга на сѣверъ, а если мы подойдемъ къ нашей современной цивилизаціи, той, въ которой мы живемъ и до нашихъ дней, мы опять принуждены будемъ принять за общее положеніе ея распространеніе въ эпоху Возрожденія опять таки сначала изъ Италіи на сѣверъ, чтобы дальше повернуть съ запада на востокъ.

Мы къ этому еще вернемся. Покаместъ намъ вотъ что важно: такъ обстоитъ дѣло съ книжной цивилизаціей. Въ какой же съ нею связи находится фольклоръ? Надо ли продолжать смотрѣть на т. наз. народныя традиціи, какъ на явленія независимыя отъ книжной цивилизаціи, т. е. прежде всего отъ путей исторіи литературы? Это и возвращаетъ насъ къ указаннымъ выше сомнѣніямъ относительно теоріи миграціи.

Еще одно предварительное замѣчаніе первостепенной важности для всего хода моихъ размышленій. Съ него я и начну разборъ моихъ пяти примѣровъ. Всѣ они преслѣдуютъ опредѣленныя цѣли. Они цѣлесообразны. Напрасно социологи, какъ только выступаетъ наружу эта цѣлесообразность, немедленно, задаются вопросомъ о той ошибкѣ, какая допускаетъ присутствіе этой ошибочной на нашъ взглядъ цѣлесообразности въ сознаніи людей. Напротивъ. Ошибка ничего не объясняетъ. Лишь, не останавливаясь вовсе на этой ошибочности и ея возможномъ объясненіи, можно дойти до пониманія того мѣста, какой занимаютъ факты фольклора въ исторіи цивилизаціи, а, значитъ, и какое они имѣютъ социологическое значеніе. Другое дѣло способы достиженія цѣли. На нихъ надо сосредоточиться съ полнымъ вниманіемъ. Увы, эстетическая теорія игры, основанная на авторитетахъ Спенсера и Шиллера, въ этомъ отношеніи особенно были вредны. Нѣтъ. Даже въ теперешнемъ своемъ упадочномъ состояніи, дѣйствительно представляя изъ себя лишь переживанія (*survivals*), народъ, въ сознаніи котораго сохранились интересующіе насъ факты фольклора, крѣпко на крѣпко исповѣдуетъ ихъ полезность, значитъ, и даже не только цѣлесообразность, а полную возможность достигнуть желаемой цѣли, въ чемъ не сомнѣвается.

Цѣлесообразность фактовъ фольклора я уже упорно

проводилъ и когда еще писалъ о легендахъ о св. Николаѣ¹⁾ и тѣмъ болѣе въ „Весенней обрядовой пѣснѣ“.

Обходы и опахиванія. Можно обойти въ торжественной процессіи деревню, городъ, поля, домъ, стадо, выгоняемое на подножный кормъ. Можно еще опахать дороги въ деревню или поле. Можно еще очертить магическимъ кругомъ и себя самага и свою и каждую скотину отдѣльно.

Приведу сначала одну только древне-римскую молитву, которая такъ ясно выражаетъ очистительный и въ тоже время заклинаящій плодородіе смыслъ обряда. „Mars pater, — взываетъ молитва — te precor quaesoque uti sies volens propitius mihi domo familiaeque nostrae, cuius rei ergo agrum terram fundumque meum suavitautilia circumagi jussi, uti tu morbos visos invisosque, viduertatem vastitudinemque, calamitates intemperiasque prohibissis, defendas, averruncesque; utique tu fruges, frumenta, vineta virgultaque grandire beneque evenire sis, pastores pecuaque salva servissis duisque bonam salutem valetudinemque mihi domo familiaeque nostrae: harumce rerum ergo, fundi terrae agrique mei lustrandi lustrique faciendi ergo, sicuti dixi macte hisce suovetaurilibus lactandibus immolatis esto: Mars pater, ejusdem rei ergo macte hisce suetaurilibus lactantibus esto (M. P. Catonis de agricultura, CXL). Эти обряды я подробно описалъ въ моей книгѣ о весеннихъ пѣсняхъ²⁾. Кромѣ только что приведенной цитаты изъ Катона, они засвидѣтельствованы въ древности, начиная отъ сельскихъ Діонизій, изображенныхъ Аристофаномъ въ „Ахарнянкахъ“. Ихъ упоминаетъ и Овидій въ „Fasti“ (IV 790—96) и замѣтка: „de sulcis circa villas“ въ „Indiculus superstitionum et paganiorum“. Послѣ долгаго перерыва мы находимъ ихъ въ современномъ фольклорѣ уже по всему лицу Европы, главнымъ образомъ въ Германіи, гдѣ они носятъ названіе Flugmritt, во всѣхъ славянскихъ земляхъ и наконецъ въ Россіи. Не буду перечислять всѣ мѣстности, гдѣ онъ засвидѣтельствованъ, т. к. нѣтъ основаній думать, что онъ гдѣ либо отсутствуетъ или отсутствовалъ, м. б. даже въ недавнее время, если только никому не довелось сдѣлать объ этомъ помѣтку въ какомъ либо печатномъ изданіи.

И почти повсемѣстно крестьянство знаетъ или знало смыслъ обряда. Онъ толкуется именно такъ, какъ толковался онъ въ древности. Его цѣль, — и ей при соблюденіи обряда придается первостепенное значеніе, — предохранить магическимъ кругомъ обойденное или опаханное пространство или строеніе отъ всякой угрожающей ему опасно-

¹⁾ Микола Угодникъ и св. Николай. Записки Неофилологическаго Общества при СП-бургскомъ Университетѣ, II № 2 СПб. 1892.

²⁾ Op. cit. I стр. 266—269, 322—387 и 350—359.

сти. Только кое-гдѣ, напримѣръ у латышей, при обходѣ стада пастухи видятъ въ этомъ обрядѣ способъ держать стадо на пастьбѣ, не давая ему разбѣгаться.

Поздравительныя пѣсни: коляды и коледы у славянъ и въ Россіи, румынскія *colindele*, *calendas majos* въ Провансѣ и испанскія *calendas janeiras*, *aguinaldo* и *aguila-peuf* у французовъ, ихнія же *trimajos* и *trimousettes*, щедривки у малоросовъ, и бѣлорусскія волочобныя пѣсни, сербскія и болгарскія лазарицы и кралицы подробно разобраны въ той же моей книгѣ о весеннихъ пѣсняхъ¹⁾. Я прослѣдилъ свидѣтельства о нихъ, начиная съ 12 в. до нашихъ дней. Самое древнее упоминаніе о нихъ надо видѣть въ четверостишіи, приведенномъ въ знаменитой статьѣ: *Περὶ τῆς εὐρέσεως τῶν Βουκολικῶν* изъ схолій къ идилліямъ Теокрита

Δέξαι τὰν ἀγαθὰν τύχην
δέξαι τὰν ὑγίειαν
ἅν φέρομεν πάρα τᾶς θεοῦ
ἐκαλέπατο τήνα.

Къ тому же времени относятся и пять сохранившихся пѣсенъ о ласточкѣ, изображеніе которой носили дѣти, переходя изъ дома въ домъ и выпрашивая подаваніе. Эта пѣсня извѣстна въ варіантахъ и въ XVI в. и современныхъ, уже новогреческихъ. Въ византійскую пору Астерій, епископъ амассійскій (V в.), бичуя въ проповѣди на Рождество народные обычаи, которые онъ называетъ *ἐορτὴ πάδηρον*, возмущается, что дѣтямъ разрѣшается ходить отъ дома къ дому, выпрашивая подарки. Тоже обрядовое хожденіе отъ дома къ дому описалъ въ стихахъ писатель XII в. Тцетцесъ²⁾.

Этотъ обрядъ т. обр. опять таки восходитъ къ античнымъ временамъ и послѣ перерыва въ нѣсколько столѣтій оказывается широко распространеннымъ среди всѣхъ современныхъ народовъ Европы. И при этомъ онъ также преслѣдуетъ совершенно опредѣленную цѣль, которая, правда, позабыта при его упадочномъ соблюденіи въ XIX в., когда онъ принялъ комическій характеръ. Такъ на всемъ Западѣ: во Франціи, Германіи и Англии, гдѣ однако всетаки вскользь пѣсни упоминаютъ о сельско-хозяйственномъ благополучіи, какое должна напѣвать пѣсня. Еще въ началѣ XVIII в. одна французская пѣсня заключала въ себѣ эти строки:

En revenant de voir vos blés,
Nous les avons trouvés sarclés,
Le doux Jésus en soit béni,
De vos vignes et de vos blés.

¹⁾ *Op. cit.* I стр. 168—243.

²⁾ См. мою работу по сербски: „Зимски празници и обичаи, обзором на улогу данашње Јужне Србије“ Гласник Скопског научног друштва XV—XVI. Скопље 1935—6. Стр. 222—5.

Что въ европейскомъ фольклорѣ хозяйственное благополучіе и составляетъ главное назначеніе обряда, всего нагляднѣе выступаетъ въ бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсняхъ. Ихъ текстъ можно подѣлить на три эпизода. 1-й это олоэтизированиѣ самага прихода ко двору волочобниковъ. 2-й — вызовъ хозяина и воспѣваніе въ сказочномъ преувеличеніи великолѣпіе двора. 3-й эпизодъ — самый любопытный. Въ немъ появляется сама Божья Матерь и тѣ святыя, что считаются главными помощниками крестьянина въ сельскомъ трудѣ: св. Николай, св. Георгій и Илья пророкъ. Всѣ они заботятся о благополучіи домохозяина и его семьи:

Святы Юрѣры по лугу ходиць
 По лугу ходиць, кони пасець,
 Кабы были добры да побрыкивали.
 Святы Микола по межамъ ходиць,
 По межамъ ходиць, жито родиць
 и т. д.

пока не дойдетъ дѣло до Ильи пророка, на праздникъ котораго приходятся зажинки, и вотъ онъ

зажинаецъ
 Золотымъ серпомъ, правой ручкой.

Но разнообразится поздравительная пѣсня. Она не только напѣваетъ счастливые браки, напѣваетъ даже удачу ремесленникамъ, но и просто здоровье, какъ древне греческая пѣсня этихъ *βούκολοι*, что приводится въ схоліи къ Идилліямъ Теокрита.

Заклинаніе дождя выводитъ насъ за предѣлы Средиземной цивилизаціи, распространившейся на сѣверъ и сѣверо-востокъ по всему континенту Европы.

Заклинаніе дождя либо въ засуху, либо заранѣе при началѣ полевыхъ работъ производится двумя способами: или какая либо фигура, а то и какой-либо участникъ обряда обливается водой, или такая вотъ фигура, либо нѣкій человекъ бросается въ воду. Въ европейскомъ фольклорѣ это связано съ весенними обрядами¹⁾. Фигуры, какія служатъ при совершеніи этихъ магическихъ вызываній влаги, называются въ Германіи *Pfingste* и *Wasservogel*, въ Сербіи Додолица, въ Болгаріи Пеперуга, у румынъ *Paraluga*, у хорватовъ *Рргогоѣа*. Это дѣвушки, цѣликомъ окутанныя свѣжими вѣтками и листьями. Только нѣмецкій *Wasservogel* изображаетъ птицу. Эти фигуры водятъ по деревнѣ и обливаютъ водой. Но такъ же точно обливаютъ водой и сербскую Лазарицу, а еще и пастуховъ при обрядовомъ выгонѣ стада на подножный кормъ. Магическій характеръ обряда

¹⁾ Весенн. обряд. пѣсни. I стр. 210—217, 244—247, 322, 339 и 347.

выступаетъ особенно ярко, когда въ старину считалось, что необходимо во время засухи бросить въ воду вѣдьму или облить водой ея могилу. Сухая вѣдьма засушиваетъ всю округу, и это она дѣлаетъ со зла. Это съ ея стороны *magia malefica*. Но не надо упускать изъ виду и того, что самъ, совершающій обрядъ заклинанія дождя отнюдь не долженъ оставаться сухимъ. Засвидѣтельствованы случаи, когда уже въ концѣ XIX в. при совершеніи чисто христіанскаго молебствія о дождѣ, крестьяне бросали въ воду священника, что привело къ судебнымъ процессамъ. Такое происшествіе имѣло мѣсто въ Ямполь, Подольской губ., въ 1890 году.

Дагестанскіе горцы, какъ правило, во время моленія о дождѣ бросаютъ въ воду муллу. Въ Абхазіи изготовляется для этого изъ соломы кукла въ видѣ женщины. Ее усаживаютъ на ишака и везутъ къ рѣкѣ. Въ воду однако ее не бросаютъ, а дѣло обходится сложнѣе. Фигуру помещаютъ на заготовленный для этой цѣли маленькій плотъ и зажигаютъ. Фигура плыветъ по рѣкѣ и горитъ, пока не погаснетъ. Зато ишака заставляютъ войти въ воду и тоже плыть.

Болѣе первоначальную, чтобы не сказать болѣе первобытную, форму обряда весенняго заклинанія влаги въ связи съ внесеніемъ въ общину зеленыхъ вѣтокъ представляетъ изъ себя такое праздничное дѣйствіе у Ораоновъ въ Бенгалѣ. Тутъ не искоренены, какъ въ европейскомъ христіанскомъ быту, священные роши Сарма, и именно отсюда приносятъ жрецъ вѣтки и цвѣты. Онъ совершаетъ передъ каждымъ домомъ свою священную пляску, прикрѣпляетъ священную вѣтку надъ порогомъ cadaго дома, и тогда на него выливается кувшинъ воды. Тутъ все послѣдовательно, и всѣ дѣйствія связаны между собою. Священны вѣтки, вносимыя въ деревню, и благодѣтельно ихъ дѣйствіе именно въ силу ихъ святости. Но можно ли допустить, чтобы сухимъ оставался жрецъ? Сухой жрецъ связывается въ сознаниі съ засухой, и надо во что бы то ни стало избавиться отъ такой напасти. Заклинаніе дождя входитъ въ непремѣннѣйшую обязанность жреца-кудесника, шамана тюркскихъ племенъ, баксы киргизовъ, анжекока эскимосовъ, бодо цейлонскихъ Веддовъ, иніанга или нгангга африканскихъ чернокожихъ. Но разнятся по различнымъ районамъ приемы заклинанія, и слишкомъ много заняло бы мѣста, если бы я постарался дать ихъ описанія. Напомню только еще Спенсеромъ отмѣченную особую разновидность приемовъ заклинанія. У американскихъ Чибчей жрецы выѣзжаютъ на высокія горы, разводятъ костры и разсѣиваютъ пепель по воздуху. Они вѣрятъ, что сгустятся такимъ способомъ тучи и пойдетъ дождь¹⁾.

¹⁾ Descriptive Sociology, II p. 24.

Два сюжета: „Золушка“ и „Два брата“. Мы перейдемъ теперь къ явленію гораздо болѣе сложному, чѣмъ обряды. Пусть одинаковыя потребности, при схожихъ условіяхъ, могутъ приводить къ схожимъ магическимъ дѣйствамъ людей, находящихся въ схожихъ же состояніяхъ сознанія. Совсѣмъ другое — сюжеты и мотивы. Эти послѣдніе, которыми пересыпаны сюжеты сказокъ и эпическихъ пѣсенъ, еще можемъ выявлять одинаковость понятій и представленій у людей, находящихся на такой же степени культурнаго уровня. Но вѣдь, разнообразя сказки отъ эпизода до эпизода, память народная сохраняетъ одну и ту же схему разсказа, и удивляетъ ея устойчивость.

Я избралъ для примѣра сюжетъ „Золушки“, такъ какъ онъ послужилъ темой для знаменитой книги г-жи Маріанъ Коксъ, съ предисловіемъ Андрию Ланга¹⁾. Маріанъ Коксъ собрала 341 вариантъ, къ которымъ прибавлено въ процессѣ работы еще 374. Они взяты изъ сказочныхъ сборниковъ рѣшительно всѣхъ народовъ Европы съ прибавкой еще нѣсколькихъ сказокъ изъ Индіи, Японіи, Анама, Арменіи, Сиріи и Малой Азіи, сказокъ арабскихъ, кабилскихъ, кафирскихъ, бразильскихъ, вест-индскихъ и чилійскихъ. При этомъ, сюжетъ распределенъ по четыремъ типамъ, носящимъ названіе сообразно тому, какое каждый изъ нихъ получилъ при литературной обработкѣ. Типъ А представляетъ Золушку преслѣдуемую злой мачехой и, когда послѣ ряда перипетій Золушка является на праздникъ въ сказочно великолѣпномъ нарядѣ, убѣгая раньше другихъ, она теряетъ башмачекъ, оказавшійся въ рукахъ увлеченнаго ея красотой принца или царевича; по нему, т. к. нѣтъ дѣвушки, на ногу которой его можно было бы надѣть, въ концѣ концовъ находитъ ее ея возлюбленный, и дѣло кончается счастливымъ бракомъ. Типъ В различается тѣмъ, что преслѣдованіе дѣвушки исходитъ отъ ея вдоваго отца, восхотѣвшаго на ней жениться. Отъ этого нечестія она бѣжитъ; отсюда всѣ перипетіи, черезъ которыя она проходитъ; а скрывается она, напяливши на себя ослиную шкуру. Этотъ типъ, согласно его названію въ сказкахъ Перо, — „Ослиная кожа“. Тутъ узнаетъ принцъ красавицу по подаренному имъ кольцу, которое она позднѣе всунула въ приготовленное ею блюдо. Третій типъ С — схожъ съ завязкой шекспировскаго „Короля Лира“. Четвертый типъ, сюжета — D рассказываетъ перипетіи не дѣвушки, а молодца. Меріанъ Коксъ старѣйшимъ вариантомъ „Золушки“ считаетъ новеллу Бонавентура Де Перье въ срединѣ XVI в. Сказка въ подавляющемъ большинствѣ вариантѣ записана въ XIX ст. Вотъ почему я прибавилъ для примѣра еще сказку

¹⁾ См. выше стр. 93, прим.

„Два брата“. Она, напротивъ, восходитъ къ глубочайшей древности. Въ 1852 году ея вариантъ найденъ на папирусѣ, принадлежавшемъ царю Сети II, т. е. онъ восходитъ къ XIII вѣку до Р. Хр. Сказка т. обр. бытуетъ въ теченіи 32 столѣтій. Такова можетъ быть устойчивость сюжета. 32 столѣтія непереставая рассказываетя о томъ, какъ жили два брата, одинъ женатый, въ египетской сказкѣ Анута, а другой холостой, въ египетской сказкѣ Бата. Жена Ануты возгорѣлась похотью къ Батѣ, и когда онъ устоялъ противъ соблазна, оговорила его своему мужу. Отсюда — вражда и кровная ссора, за которой слѣдуетъ рядъ перипетій, и лишь заканчивается сказка примиреніемъ двухъ братьевъ.

По разному сказывается сказка. Смѣняются мотивы, низываясь на остова сказки, и именно они придаютъ ей ту занимательность, которая и составляетъ ея особый характеръ. Сказка — художественное произведеніе, особый видъ словесности, опредѣляемый своеобразными чертами. Онѣ свойственны всѣмъ сказкамъ. Въ нихъ какъ бы борются между собою два начала. Одинъ, который средневѣковая поэтика опредѣляла приписаннымъ Цицерону выраженіемъ: *quod non fuit, sed fieri potest*, что мы называемъ реализмомъ. Сообразно этому варианты какъ бы примѣняются къ привычнымъ представленіямъ слушателей: герои могутъ быть крестьяне или рыцари, мѣстность, а отсюда и природа можетъ быть южной или сѣверной. Но необходимо и другое начало, оно опредѣляется выраженіемъ *quod nisi fuit nisi fieri potest*. Это — фантастика. Въ сказкахъ: говорящія животныя, невѣроятное появленіе самой роскошной одежды, превращеніе людей въ животныхъ, зачарованность, чудесныя спасенія и т. д. Однако, помимо всего этого, какъ бы независимо отъ мотивовъ — основной сюжетъ. Въ обѣихъ сказкахъ сюжетъ требуетъ, чтобы ея герой либо сначала былъ царевичемъ, либо сталъ имъ въ концѣ сказки; во второмъ случаѣ ему предстоятъ сложныя перипетіи; такъ же точно и героиня либо съ самаго начала — прекрасная царевна, либо станетъ таковой, выйдя замужъ за царевича, при чемъ во второмъ случаѣ она тоже проходитъ черезъ множество испытаній. Враги героя и героини — существа злыя и имъ грозитъ кара, а друзья напротивъ добрыя и заслуживаютъ всякаго одобренія.

Что же главное? Какъ было установлено относительно обрядовъ, спрашивается теперь: какова цѣль? Когда дѣло шло объ обрядахъ, такой вопросъ возникалъ совершенно естественно, и отвѣтъ получался легко. Если бы передъ нами были притчи, то также легко *mutatis mutandis* было бы поставить вопросъ о цѣли. Притча преслѣдуетъ цѣль: наставленіе. Иное дѣло сказка. Сказка не притча. Если, забѣгая

впередъ, я и скажу, что обычно различіе между сказкой и притчей проводится слишкомъ категорично, и мнѣ придется сблизить между собою эти два вида повѣствованія, я все-таки, разъ дѣло идетъ о сказкахъ, предпочитаю сначала замѣнить понятіе цѣли инымъ болѣе подходящимъ къ художественнымъ произведеніямъ понятіемъ: смыслъ или замысль.

Мифологи, представители такъ наз. „солярной системы“, узнававшіе, какъ имъ казалось, въ сказкахъ переживание древнихъ мифовъ индо-европейскихъ народовъ, видѣли въ Золушкѣ существо блестящее по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ; но временно она проходитъ черезъ мрачный періодъ униженія и будто совсѣмъ затемнены эти качества; только въ концѣ они все-таки пересиливаютъ, и ея свадьба съ принцемъ ничто иное, какъ конечное появленіе Золушки во всемъ ея великолѣпіи. Отбросивши мифологическое толкованіе, не надо ли остановиться на этомъ очень общемъ смыслѣ сказки? Борьба злого и добраго начала, свѣта и тьмы, испытаній и конечнаго успѣха красной нитью проходятъ черезъ весь тотъ сказочный міръ, что неугомонно, на столько разныхъ ладовъ, темъ и сюжетовъ тѣшитъ воображеніе, даетъ сладостную радость своей занимательностью, своимъ трагизмомъ и заканчивающимъ, словно по закону, успокоеніемъ растревоженныхъ чувствъ. А этимъ общимъ смысломъ сказка о Золушкѣ роднится и съ другой приведенной сказкой о двухъ братьяхъ. Опять разладъ и будто торжествующее сначала зло, изгнаніе или бѣгство, и перипетіи и фантастическія похожденія, пока не наступитъ счастливый конецъ для обоихъ братьевъ.

„Золушка“ принадлежитъ къ району Средиземнаго Моря, включая сюда весь сѣверъ и весь востокъ Европы. Однако, г-жѣ Маріанъ Коксъ удалось пополнить огромное количество собранныхъ ею вариантовъ и нѣсколькими сказками, которыя все-таки выводятъ насъ за предѣлы Европы. Это сказки записанныя въ Арменіи, Индіи, въ Анамѣ и Японіи. Къ нимъ надо прибавить арапскія сказки, гдѣ дѣвушку замѣняетъ молодой человѣкъ¹⁾. Бразильскія, чилійскія и вестиндскія сказки я не упоминаю, т. к. онѣ носятъ бросающіеся въ глаза признаки европейскихъ сказокъ. Онѣ занесены переселенцами изъ Европы. Зато ближне и дальне-восточныя рѣзко отличаются отъ европейскихъ, хотя онѣ все-таки несомнѣнно сказки о той же Золушкѣ; ихъ героиню суженный узнаетъ по тому же самому признаку: башмаку, не налѣзающему на ногу никакой другой дѣвушкѣ. Но вотъ сказка о двухъ

¹⁾ Къ №№ этихъ сказокъ, указанныхъ на стр. XXXI Введенія, надо прибавить варианты на стр. 183, 235, 260, 298, 299.

братьяхъ. Ея древне-египетскій вариантъ восходитъ къ XIII в. до Р. Хр. Ясно, что онъ, значитъ, ужъ совсѣмъ выводитъ насъ изъ района средиземной цивилизаціи, съ ея распространіемъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Въ XIII в. до Р. Хр. Египетъ никакъ не можетъ считаться связаннымъ съ тѣмъ, что станетъ средиземной цивилизаціей. О ея существованіи не можетъ быть еще и рѣчи. Напротивъ, съ ближнимъ востокомъ Египетъ составляетъ какой-то мало обслѣдованный и еле доступный историческому разсмотрѣнію особый районъ. И мы можемъ намѣтить его своеобразныя черты. Эти сказки общи съ ближне- и дальне-восточными мотивами сказки о Золушкѣ. Это рѣдкое въ европейскихъ сказкахъ и широко распространенное въ сказкахъ дикарей превращеніе людей въ животныхъ. Особенно характеренъ конецъ египетской сказки „Два брата“. Бата уберегъ сердце убитой Анутомъ невѣрной жены, и отъ него родилась красавица, ставшая женой Баты. Но она ушла отъ него къ фараону и погубила своего мужа. Тогда Бата превратился въ быка, а когда родился отъ фараоновой жены мальчикъ, онъ оказался Батой, который унаслѣдовалъ царство и позвалъ брата раздѣлить съ нимъ свое благополучіе. Ничего подобнаго не знаетъ европейскій фольклоръ.

Герой-змѣборецъ. Это тоже—сюжетъ, но сюжетъ героическій. Онъ всегда связанъ съ именемъ нѣкоего героя и служитъ его прославленію. Я взялъ этотъ примѣръ широко распространеннаго сказанія, т. к. онъ такъ же, какъ и Золушка, послужилъ темой обширнаго изслѣдованія Hartland'a¹⁾. Hartland собралъ огромное количество такихъ сказаній, включивъ въ свой толковый перечень и японскихъ и другихъ азіатскихъ змѣборцевъ. Одинъ за другимъ, переходя отъ района въ районъ, проходятъ передъ нами герои, убившіе драконовъ, и славится ихъ подвигъ; они тянутся отъ Японіи, черезъ образы античныхъ героевъ, до самаго сѣвера Европы, это — Персей, св. Георгій Побѣдоносецъ, Сигфридъ, Беовульфъ, Добрыня Никитичъ. Я назвалъ лишь самыя извѣстныя имена.

И змѣборство имѣетъ свойственное ему символическое значеніе. Замысль сказаній о змѣборцахъ не занимательный рассказъ. Драконъ одинаково разрисованный и распространенный въ живописи, вырѣзанный и изваянный въ скульптурѣ и въ орнаментѣ, на дальнемъ востокъ, въ Японіи и Китаѣ, изображаемый и для обрядовыхъ цѣлей, угрожающій, страшный, фантастическій образъ котораго носятъ въ праздничныхъ процессіяхъ, таитъ нѣкое плохо еще раскрытое значеніе, крѣпко на крѣпко укоренившееся въ сознаніи всѣхъ народовъ, знающихъ, или вѣрнѣе знавшихъ сказанія о змѣ-

¹⁾ Perseus the Dragon-killer. 2 v.v.

борцахъ. Зловѣщъ образъ дракона. Первобытное китайское войско нѣкогда носило передъ строемъ фигуру дракона для устрашенія непріятели. Въ античной и послѣ въ христіанской символикѣ драконъ означаетъ зло и нѣкую опасность, которую онъ олицетворяетъ. Мы не знаемъ, что старше и что является первоначальнымъ, самая легенда о поразившемъ дракона Георгіи Побѣдоносцѣ или его изображеніе всадникомъ закалывающимъ дракона, поверженнаго подъ ноги его коня. Въ старо-англійскомъ сказаніи о Беовульфѣ убитое имъ чудовище: Грендель, представлено врагомъ благочестія рыцарей, пировавшихъ въ славной залѣ Хеортъ; онъ сталъ являться по ночамъ и уносить рыцарей, потому что они согрѣшили и предались нечестію.

Нечего уже говорить о томъ, что въ христіанской символикѣ семиголовый драконъ—ничто иное, какъ самъ Злой Духъ, выходящій изъ Преисподней, чтобы злокозненно среди людей распространять грѣховность, отпаденія отъ чистоты вѣры, вражду и злобу.

Жившее долгія столѣтія въ сознаніи столькихъ народовъ отъ береговъ Тихаго Океана до сѣвера Европы, захватившее всѣ тѣ, что населяютъ промежуточные пространства, представленіе о драконахъ и сразившихъ ихъ витязей, явно не только не отдѣлимо отъ своего символическаго смысла, но преслѣдуетъ цѣль. Какую? Можемъ ли мы съ полной увѣренностью рационализировать событія и понятія даже нашихъ современниковъ, въ такой значительной степени воспитанныхъ въ рационализмѣ? Тѣмъ болѣе это невозможно когда дѣло касается т. наз. первобытныхъ народовъ. Достаточно установлено, какимъ закрытымъ для приверженцевъ чужихъ вѣроисповѣданій является всякое религіозное сознаніе. Вотъ почему, когда я говорю цѣль: я далеко отъ мысли бытъ въ состояніи дать ей вполнѣ продуманное и законченное опредѣленіе. Да, образы Змѣеборцевъ въ произведеніяхъ словесности разныхъ народовъ не разрывны съ нѣкой цѣлью, какую преслѣдуютъ, сознательно или безсознательно, создатели, приверженцы и поклонники, т. е. всѣ, кому дороги эти образы и кто ихъ цѣнитъ. Эта цѣль — сосредоточеніе вниманія на ихъ символизмѣ. И станетъ Георгій Побѣдоносецъ покровителемъ воиновъ.

* * *

Вернемся теперь къ вопросу о единообразіи.

Относительно обрядовъ опахиванія и обходовъ, такъ же точно, какъ калядь и схожихъ пѣсень, дѣло обстоитъ такъ. Данныя фольклора свидѣтельствуютъ о распространенности почти тождественныхъ обрядовъ среди современныхъ евро-

пейскихъ народовъ. А рядомъ съ этимъ они засвидѣтельствованы и въ античной древности. Приверженцы англійской соціологической теоріи и объясняютъ ихъ единообразіе тѣмъ, что какъ въ античной цивилизаціи, такъ и въ современномъ фольклорѣ, они являются пережиткомъ свойственныхъ первобытному человѣчеству состояній сознанія. Эти обряды одинаково коренятся въ первобытной магіи, но та же самая первобытная магія проявилась независимо у cadaго изъ тѣхъ народовъ, гдѣ эти обряды засвидѣльствованы; первобытная магія каждымъ изъ нихъ унаслѣдована отъ далекихъ предковъ. Значитъ, о распространеніи этихъ обрядовъ путемъ международной передачи не можетъ быть и рѣчи. При этомъ главное: ни въ коемъ случаѣ нельзя и не надо предпологать тутъ нѣкую преемственность между античной цивилизаціей и современнымъ фольклоромъ. Это считалось и многими изслѣдователями и до сихъ поръ считается аксіомой.

Однако, что касается магическаго обхода — вотъ свидѣтельство, которое зналъ и Яковъ Гриммъ. Въ IX вѣкѣ аббатисса Марксвида, основательница Шильдейскаго монастыря (около Бильфельда) постановила, чтобы „*annuatim secunda feria pentecostes, spiritu sancto cooperante, eundem patronum (мощи св. Іоанна) parochiis vestris longo ambitu circumferentes et domos vestras lustrantes pro gentilico ambarvali, in lacrimis et varia devotione vos ipsos mactetis*“¹⁾. Нѣсколько иначе, но схоже обстоитъ дѣло и съ колядами, *colindele, calendas majas* и *calendas januarias*, что, поскольку идетъ дѣло о названіи, ужъ несомнѣнно восходятъ къ античнымъ *κάλανται* и *calendae*. Этотъ обрядъ соотвѣтствуетъ и упомянутой пѣснѣ древнихъ *βούκολοι* или *ἄγύρται*²⁾, носителей магической мудрости. Мы видѣли, что онъ ввидѣ *κάλανται* сохранился въ христіанскую пору. Это засвидѣтельствовано упоминаніемъ о немъ въ проповѣди Астерія, епископа Амазенскаго (въ VI в.) и въ описаніи Тцетца (въ XII в.). Астерій причисляетъ его безчинствамъ нѣкой *ἑορτῆ πάνδηρον*, которая онъ строго бичуетъ. Обрядъ уже тогда вошелъ въ обиходъ фольклора. Однако старинную пѣсню о ласточкѣ, т. е. именно одну изъ разновидностей древнихъ *κάλανται*, только не зимнихъ, а весеннихъ, мы находимъ въ репертуарѣ пѣвчихъ при папскомъ престолѣ въ Римѣ (*Schola cantorum Lateranensis*). На праздникъ *Carpania* пѣлась пѣсенка по началу одинаковая съ пѣсней о ласточкѣ, и она содержитъ въ себѣ прямое указаніе на начало сельскихъ работъ. А мы видѣли, что заклинаніе дождя при помощи обливанія, т. е. Додолицы, Перпе-

1) Весенняя обрядовая пѣснь. I стр. 358.

2) О *βούκολοι* см. Reitzenstein *Epigram und Skolion*, 1893, стр. 2, мою Весеннюю пѣсню I стр. 217 и мои статьи въ „*Slavia*“ 1924 *Ročník* II.

рузи и сходное, совершается одновременно съ пѣніемъ колядокъ, составляя часть обряда. Мы видѣли еще, что при самомъ что ни-на есть христіанскомъ моленіи о ниспосланіи дождя въ народномъ сознаніи возрождается магическое заклинаніе дождя бросаніемъ даже самаго священника въ воду. Прибавлю еще къ этому: щедрівки въ Малороссіи пѣлись съ благословенія священника, и пѣли ихъ члены церковныхъ братствъ¹⁾; объ участіи священника въ обходѣ полей въ Германіи съ негодованіемъ пишетъ протестантскій писатель Себастьянъ Франкъ, и тоже самое имѣло мѣсто въ южной Германіи еще и въ XIX в.²⁾; наконецъ т. наз. „царинныя“ пѣсни Лемковъ Карпатскихъ горъ и схожія русскія, сербскія и болгарскія пѣсни, которыя соотвѣтствуютъ этимъ обрядамъ, упоминая святыхъ помощниковъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ, носятъ религіозный характеръ³⁾.

Подведемъ итоги.

Приведенные примѣры — только примѣры, а значить — иллюстраціи, а не доказательства. Но на основаніи какъ этихъ, такъ и подобныхъ же явленій⁴⁾ я давно уже пришелъ къ мысли что нельзя видѣть въ обрядахъ сельско хозяйственной магіи ряды независимыхъ другъ отъ друга эволюцій въ сознаніи разныхъ народовъ и въ разныя эпохи, которыя всѣ привели къ одинаковымъ формамъ обрядовыхъ дѣйствъ. Напротивъ. Тутъ одна и та же эволюція, или переживание одного и того же явленія, т. е. античной сельско-хозяйственной магіи, распространившейся по всей Европѣ. Какимъ образомъ? Каковъ процессъ этого распространенія? Что касается колядокъ, Веселовскій уже предположилъ тутъ вліяніе церкви⁵⁾, хотя онъ все еще оставался тогда подъ сильнымъ вліяніемъ англійской соціологической теоріи. Исслѣдованіе Thorndike'а заставляетъ насъ обратить теперь особое вниманіе на не христіанскія черты въ нашихъ обрядахъ. Античная магія, какъ мы видѣли, вовсе не была отвергнута самыми высшими представителями христіанскаго ученія. Что же надо тогда думать о скромныхъ часто невѣжественныхъ служителяхъ церкви? Античная магія вошла въ христіанскій обиходъ и съ нимъ вмѣстѣ и распространилась среди всѣхъ принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ. И напрасно

1) Труды Кіевской Духовной Академіи за 1871, сентябрь, стр. 506—7; статья Петрова.

2) Весенн. обр. п., I, 352. Weltbuch 1534, f. 131.

3) Весенняя пѣсня I, 353—356.

4) См. мою статью въ „Славіи“ R. II, 1924: „Послѣднія работы по слав. религ. древностямъ“ и „Зимски празници и обичаи“ Гласник Скопског Научног друштва, XV—XVI (1934), стр. 210—240

5) Разысканія въ области духовнаго стиха, VII Сборникъ Ак. Наукъ, XXXII (1884), стр. 112—127.

до сихъ поръ изслѣдователи видятъ въ гоненіяхъ церкви на подобные обряды возраженіе противъ высказываемыхъ мною сейчасъ мыслей. Да, церковь восприняла отъ античной цивилизаціи ея вѣру въ магію и поспособствовала ея распространенію; да, это она передала современнымъ европейскимъ народамъ вѣру въ силу магіи. Но такъ было въ началѣ христіанской эры, такъ было и въ первые вѣка средневѣковья.

Настало однако время, когда церковь отшатнулась отъ магіи. Тогда она стала преслѣдовать ея самой, впрочемъ преимущественно ея низшей іерархіей, распространенныя обрядовыя дѣйствія. Церковь тутъ стала проводить въ жизнь наставленія соборовъ, стремившихся очистить церковь отъ всего, что не прямое Слово Божіе, что же касается православной церкви, то вспомнимъ строгія статьи нашей Кормчей. Магія была названа суевѣріемъ. Позднѣе реформаторская струя, съ такой силой сказавшаяся на всемъ протяженіи христіанства, включая сюда и католическія и православныя земли (ср. нашъ Стоглавъ), вызвала въ этомъ отношеніи нарочитую ревность. Особенно въ протестанскихъ земляхъ, гдѣ новая вскипѣла ненависть противъ всего, что казалось остатками язычества, церковная проповѣдь проявила самую упорную дѣятельность. Вѣра въ магію однако всетаки сохранилась въ сознаніи простого народа. Отсюда его горячая приверженность къ обрядамъ сельско-хозяйственной магіи. Они продолжали составлять часть праздничнаго ритуала, установленныхъ христіанскихъ праздниковъ. Только теперь они уже пріобрѣли свѣтскій, не церковный характеръ; они стали игрой, праздничной забавой; а не надо забывать, что именно въ такомъ упадочномъ видѣ они вошли въ литературу современнаго фольклора.

Я могу теперь установить три этапа, черезъ какіе прошли обрядовыя дѣйства, прибавивъ къ примѣрамъ, послужившимъ мнѣ иллюстраціей, и другіе факты фольклора, обслѣдованные въ какомъ либо другомъ мѣстѣ¹⁾.

1-ый этапъ. Въ началѣ нашей эры существовалъ нѣкій античный фольклоръ. Соблюдавшійся его ритуаль въ Византіи называли *ἑορταὶ πᾶνδηροι*. Кромѣ пѣсенъ сродныхъ колядамъ (*κάλανται*), заклинаніе дождя, опахиваній и обходовъ, это еще — Сатурналіи, когда *tota servis licentia permittitur* (Макробій), это маскарадныя, военныя игры и оргіи, принадлежатъ къ Діонисову культу, все еще распространенному среди митраической и манихейской солдатчины (Кюмонъ), это также сродныя колядамъ, сулящія доброе здравіе, посѣщенія по домамъ разныхъ *βουκόλοι*, *ἀγύρται* и восточныхъ кудесниковъ (Рейтценштейнъ).

¹⁾ Ср. „Зимски празници и обичаи“, стр. 239—40 (Résumé).

2-ой этапъ. Церковь, особенно же низшее приходское священство и невѣжественные монахи, слонявшіеся на площадяхъ и рынкахъ и по своему наставлявшіе народъ (см. у Никиты Акомината) распространили на всемъ протяженіи Европы, куда только проникало Слово Божіе, весь ритуаль античнаго фольклора, приспособляя его къ новымъ бытовымъ условіямъ. Характернѣйшій примѣръ этого приспособленія составляютъ объявленія Рождественскаго цикла веселыми праздниками, Julfeste отъ ст. скандинавскаго *jol*, ст. англійскаго *geohhol*=*joculus*=фр. *joli* (Мейеръ-Любке), отсюда же превращенія Сатурналій въ праздникъ низшаго клира, къ чему я прибавляю и *Rosagia*, ροσσβαλα св. Николая (см. мою работу „Св. Николай и Микола Угодникъ“) ¹⁾. Высшій клиръ при этомъ самъ вѣрилъ въ силу магіи. Однако съ этой вѣрой началась борьба на Соборахъ. Такъ тянется вѣка.

3-ій этапъ. Его можно назвать внѣ-церковнымъ періодомъ обрядового уклада. Характерно — изгнаніе изъ церкви Сатурналій, ставшихъ уже не праздникомъ низшаго клира, а забавнымъ школьно-народнымъ *festum fatuorum*, *fêtes des foux*, *Narrenfeste* (Chambers). Этимъ и схожими актами церковной реформаціи начинается исторія данныхъ современнаго фольклора. Весь тотъ громадный матеріалъ записей современнаго фольклора знакомитъ насъ только съ упадочными формами проявленій исконнаго обрядового народнаго сознанія. Отсюда положеніе, которое съ методологической точки зрѣнія мнѣ представляется достаточно обоснованнымъ: бытовое и религіозно-обрядовое единообразіе человѣческихъ формъ жизни объясняется культурно-историческимъ процессомъ. Этнографія помагаеть собирать факты, но она безсильна дать имъ объясненіе.

* * *

Сюжеты и мотивы считались и продолжаютъ считаться тоже переживаніями первобытныхъ состояній сознанія. Ихъ единообразіе объяснялось и объясняется до сихъ поръ совершенно такъ же, какъ и основанные на магіи обряды. И если, какъ мы это видимъ, когда берутся факты сходства между античнымъ сюжетомъ о Психеѣ и Адонисѣ и сродными сюжетами народныхъ сказокъ, записанныхъ изъ устъ народа, возникаетъ вопросъ. существуетъ ли нѣкая между ними преемственность, — отвѣтъ оказывается отрицательнымъ. И сюжетъ о Психеѣ и Адонисѣ, и сюжеты сродныхъ

¹⁾ Записки Неофилологическаго Общества, СПб., 1892.

сказокъ, входящихъ въ составъ современнаго фольклора, и тотъ и другіе будто воспроизводятъ первобытный табу, а табу считается проявленіемъ первобытнаго состоянія сознанія, какое установлено и для нынѣшнихъ дикихъ, оставшихся первобытными, народовъ. Табу въ сюжетѣ о Психеѣ и Адонисѣ сказанъ — такъ все еще продолжаютъ думать и фольклористы, и социологи — предметомъ вѣры, проявившейся въ античную пору независимо отъ того же самаго табу въ сродныхъ сказкахъ, но унаслѣдованнаго варварскими народами Европы отъ ихъ далекихъ предковъ.

Такъ ли это? Вѣроятно ли, чтобы въ Анамѣ независимо отъ европейскаго фольклора самостоятельно возникъ мотивъ о сватовствѣ при помощи пришедшагося на ножку красавицы башмака? Можно ли продолжать видѣть въ миѣ о змѣборцахъ отраженіе никакъ не связанныхъ между собою и самостоятельно проникшихъ въ современный фольклоръ отзвуковъ древне-греческой, скандинавской и старо-англійской, т. е. вообще германской, или славянской мифологіи и вдобавокъ древне-христіанскихъ представлений? Во всякомъ случаѣ, какъ Мэрианъ Коксъ, такъ и Хартланду не удалось придти ни къ какимъ выводамъ, несмотря на трудолюбиво собранное множество вариантовъ. И что удивительнаго? Пора наконецъ признать, что современный фольклоръ наполнилъ свои изданія необозримымъ количествомъ данныхъ, представляющихъ собою лишь упадочное состояніе тѣхъ явленій, которыхъ они являются свидѣтельствами. Это обстоятельство вѣрнѣе всего и вызвало охлажденіе въ интересѣ къ фольклору, какой теперь сказывается. Фольклоръ зато въ наше время вошелъ въ программы кафедръ этнографіи. Я боюсь, что это ошибка. Только историко-культурное изученіе возникающихъ тутъ проблемъ можетъ вывести фольклоръ на путь дѣйствительно научнаго изученія. Между тѣмъ этнографія естественно ограничиваетъ себя узкими кругами населенія, опредѣляемыми либо географическими, либо лингвистическими предѣлами, тогда какъ явленія фольклора, въ какой бы мѣстности они ни были записаны, принадлежатъ прежде всего къ фактамъ международной цивилизаціи и только она раскрываетъ возможность проникнуть въ глубь вѣковъ, гдѣ обнаружится смыслъ и найдется объясненіе.

Книга Мэрианъ Коксъ еще воочию показала — и это даетъ намъ возможность идти дальше — насколько трудно выдѣлать даже самый основной сюжетъ сказки, не говоря уже о разнообразящихъ его мотивахъ и схожихъ чертахъ изъ группы сродныхъ сюжетовъ и мотивовъ. Въ самомъ дѣлѣ. Одну и ту же группу г-жѣ Мэрианъ Коксъ пришлось признать не только за „Золушкой“, „Ослиной кожей“ (Pau d'âne у Перо), сюжетомъ „Короля Лира“ и сродными, гдѣ вмѣсто

дѣвушки появляется молодчикъ, но еще за темами о безропотной Гризельдѣ, о дѣвушкѣ съ отрубленными руками, о многострадальной дочери Дакійскаго короля. Согласно же основному замыслу сюда же надо отнести и сказку о двухъ братьяхъ. Всѣ они нанизываются, какъ на нѣкій стержень на ту же тему, на это временное торжество мрака и зла, труда и униженія, чтобы закончиться торжествомъ правды и красоты, свѣта и благополучія. А Мэрианъ Коксъ, правда, только въ предисловіи, оговорила еще и схожій сюжетъ въ *Volsunga — saga* и сагѣ Рагнара Лодброка о дочерѣ Сигурда и Брунхильдѣ, Аслаугъ, въ похожденияхъ Ротера и Озантрикса, какъ ихъ повѣтствуютъ поздніе нѣмецкіе средневѣковые романы. Это относитъ насъ къ средневѣковью, и это для насъ первостепенной важности.

Тутъ обнаруживается сплетеніе сказочныхъ сюжетовъ съ христіанскими легендами.

Веселовскій едва ли не первый въ своей еще юношеской работѣ показалъ полный параллелизмъ между перипетіями несчастной дочери Дакійскаго короля и житіемъ св. Оливы¹⁾. За ней слѣдовала: „Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и саги о Рагнарѣ Лодброкѣ“²⁾. Какъ перелицуются легенды о святыхъ въ народныя сказки, составляя ихъ особый отдѣлъ, мнѣ самому пришлось убѣдиться въ моемъ раннемъ очеркѣ „Микола Угодникъ и св. Николай“³⁾, т. е. съ первыхъ же шаговъ на пути занятій фольклоромъ. Сама Мэрианъ Коксъ привела цѣлый рядъ такихъ христіанскихъ легендъ, которыя параллельны съ сказочными сюжетами, послужившими темой для ея ислѣдованія. Таковы—легенда о чудѣ св. Маргариты, схожее чудо Богородицы, легенда о построеніи монастыря св. Албана Оффой II, о матери св. Мартина, житіе святой Динны. Это послѣднее — на тему о дѣвушкѣ, скрывавшей свою красоту подъ ослиной кожей. Сообщившій это житіе въ своихъ „*Anecdotes du XIX s.*“ монсиньеръ Collin de Plancy, еще не затронутый ни миѳологическими увлеченіями романтической поры, ни теоріями англійскихъ соціологовъ, счелъ весьма правдоподобнымъ видѣть въ немъ прототипъ соотвѣтственной сказки. А за послѣдніе годы къ разработкѣ интересующей насъ проблемы о сказочныхъ сюжетахъ привлеченъ еще матеріаль первостепенной важности. Это ссылки на сказочные сюжеты средневѣковыхъ проповѣдей⁴⁾.

Тутъ сказки — ничто иное, какъ притчи. Значитъ, тутъ

1) *Novella de la figlia del re di Dacia*. Piza 1866 г.

2) Въ журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1871 г. апрѣль.

3) *Op. cit.*

4) *Welter. Exempla*. Paris, 1934.

мы можемъ теперь поставить знакъ равенства между смысломъ или замысломъ и цѣлью, т. е. наставленіемъ.

Вѣками движется на западъ изъ Азіи, этой житницы цивилизаціи столькихъ народовъ, полноводный потокъ религиозныхъ вѣрованій, представленій и цѣлыхъ законченныхъ системъ знаній и культурныхъ богатствъ. Этотъ процессъ можно считать еще древнѣе Микенскаго періода. Египетъ и затѣмъ Эллада его первые затоны, пока онъ не обойдетъ берега Средиземнаго моря, и не возникнетъ цивилизація современной Европы, которую оттого и принято называть „средиземной цивилизаціей“. Эленизмъ, юдаизмъ и наконецъ христіанство его постепенно набѣгавшія волны. Съ незапамятныхъ временъ потокъ этотъ струится и на сѣверъ. Кроме западнаго побережья Чернаго моря, что составляетъ для насъ, русскихъ, слишкомъ хорошо извѣстный путь культурнаго воздѣйствія на насъ Византіи, обнаруженъ и другой путь по восточному побережью Чернаго моря¹⁾, и онъ древнѣе. Имъ вѣрнѣе всего насыщался именно съ незапамятныхъ временъ самый сѣверъ Европы. Дальній востокъ, какъ особая кошица культурныхъ вліяній, еще лишь ждетъ обслѣдованій, но уже ясно, что онъ не застылъ, сосредоточившись на самомъ себѣ.

Намъ особенно важно одно устремившееся съ востока теченіе. Оно срослось чуть не воедино съ христіанствомъ. Это манихейство. И его нельзя никакъ не принимать во вниманіе, а значить не стараться искать возможности возвести къ нему проявленія той великой проблемы о злѣ (*causa mali*) и мучающей воображеніе борьбы добра и грѣховности, свѣтлаго и мрачнаго началъ, униженія и торжества, какія мы обнаружили, какъ общій смыслъ сказаній, послужившихъ намъ исходной точкой. Я отнюдь не хочу этимъ сказать, что возведеніе къ манихейству всего повѣствовательнаго матеріала, какой даетъ намъ фольклоръ, должно имѣть исчерпывающее значеніе. Но именно манихейство наиболѣе показательно для тѣхъ широкихъ международныхъ общеній, которыя составляютъ центральную проблему, когда дѣло идетъ о единообразіи духовныхъ проявленій челоуѣчества. Что касается средиземной культуры, мы находимъ манихейство въ сѣверной Африкѣ во времена бл. Августина, который въ молодости самъ былъ манихей, а впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ сочиненій ревностно боролся съ этимъ ученіемъ²⁾. Въ VI вѣкѣ оно засвидѣтельствовано въ извѣстномъ требникѣ Тимоѳея³⁾ и до самага XIV ст. распространяется по всему

¹⁾ См. статью о Кондаковѣ, стр. 61 и 305.

²⁾ Alfarié. *Les écritures manichéennes*. Paris 1918.

³⁾ См. мою работу „Манихеи и Богомили“ Гласник Скопског научн. друштва, V, стр. 137 и слѣд.

балканскому полуострову подъ названіемъ богомильства¹⁾. Его послѣдователи Катары, Патарены и Альбигойцы, распространившіеся по всему сѣверному побережью Средиземнаго моря и глубоко вглубь страны²⁾. Веселовскій показалъ, что именно манихействомъ проникнута и знаменитая „Волюспа“, которая напрасно, хотя и упорно истолковывалась и до сихъ поръ истолковывается, какъ памятникъ древне-германской миѳологіи³⁾. Если бы были ему извѣстны Схολіи Θεодора баръ-Кхони, справедливость его заключеній была бы имъ доказана⁴⁾.

Во всякомъ случаѣ на лонѣ тѣхъ же самыхъ теченій, затоновъ и волнъ, что и манихейство, взлелеяны наши сюжеты и мотивы—отдѣльныхъ сказокъ, легендъ или сюжетовъ. Оттого важный и м. б. рѣшающій шагъ въ разрѣшеніи нашей проблемы представляетъ изученіе въ связи съ проповѣдью и общими идейными исканіями тѣхъ далекихъ временъ, когда несуществовало еще прессы въ нашемъ смыслѣ, хотя и было только что изобрѣтено книгопечатаніе⁵⁾.

Отсюда, т. е. изъ средней Азіи, надо думать, повернули эти азіатскія, международныя струи на сѣверъ, по восточному побережью Чернаго моря⁶⁾, а м. б. и черезъ степи южной Сибири⁷⁾, и тогда какъ бы кольцомъ замыкается м. б. уже не единообразіе, а единство міровой цивилизаціи.

Во всякомъ случаѣ, еще ярче чѣмъ литературная судьба „Александріи“, иллюстрируютъ единство міровой цивилизаціи сказанія о змѣборцахъ, которые и принято звать „бродячими“. Именно манихейство выноситъ насъ еще и за предѣлы того, что я называю Средиземной цивилизаціей. Арабскій писатель Аль Бируни, писавшій въ X в., говоритъ, что „большинство восточныхъ Турокъ и народы Китая и Тибета, такъ же какъ многіе изъ Индіи исповѣдовали законы и доктрину Мани“, а въ книгѣ *Fihriet* читаемъ о распространеніи манихейства въ Самаркандѣ⁸⁾. И дѣйствительно, вѣдь подлинныя манихейскія письма оказались найденными въ Китайскомъ Туркестанѣ (около Турфана)⁹⁾ на какомъ-то трудно

1) Особенно Рачки въ Радѣ Југослав. Академије VII и X.

2) Мой очеркъ, *op. cit.* стр. 150—155.

3) Вѣщанія Вельвы и новѣйшая Экзегеза. Сб. Ак. Н. LIII.

4) Franz Cumont. *Recherches sur le Manichéisme*, v. I (1908).

5) Ссылаюсь особенно на книгу Welter'a *Exempla*, о которой уже было упомянуто.

6) См. мой очеркъ о покойномъ Кондаковѣ, *Slavia Ročnik VII* (1928), стр. 57.

7) Сошлюсь особенно на книгу Потанина о восточно-сибирскомъ эпосѣ. См. мою рецензію *Romania XXIX* (1900) р. 150. Ср. статьи Веселовскаго въ Византійскомъ Временникѣ IV, Отд. 2-ой, стр. 533 и слѣд.

8) T. C. Burkitt. *The religion of the Manichees*. Cambridge 1925, p. 6.

9) *Ibid.* p. 48.

понимаемомъ старо-турецкомъ языкѣ. Значить, отъ Китая до Скандинавіи бродятъ не сами по себѣ сюжеты и мотивы, но мысли и представленія и всплываетъ воображеніе и стремленія вѣры и нравственныя понятія, и переплетаются они съ манихейскими, потому что будили ихъ остротой своей запретности. Если еще едва выясняются связи Китая и Японіи съ передне-азиатской и европейскою цивилизаціей, все-таки уже теперь не могутъ считаться какими-то обособленными совсѣмъ одинокими японо-китайскіе Драконы и сражавшіе ихъ герои. Не одинокъ надо думать, и античный Лерсей, хотя теряется его слѣдъ въ почти недоступной до античной древности. Но именно манихейство самое то лоно, на которомъ расцвѣло змѣборчество. Когда — говорится въ Космологіи Мани — укрѣплена была наша земля на плечахъ Атланта, новая началась борьба за плѣненные Архонами во время прежнихъ схватокъ частицы добра и свѣта. Тогда — и это, повидимому, Мани позаимствовалъ у Гностиковъ — посланъ былъ Legatus Tertius (Изгадда) и чарованіемъ своей красоты заставилъ Архоновъ освободить части свѣта, отчего возникли видимыя солнце и луна. Но испустили Архоны и скверну своей грѣховности. Тѣ части ея, что упали на твердь, породили растительность, а упавшія въ морѣ приняли страшный образъ самаго Князя Тьмы, и родилось чудовище: Драконъ. По счастью сверстникъ Атланта, копьеносецъ Адамантъ, которому было поручено охранять землю, поразилъ Дракона въ самое сердце.

Вотъ родоначальникъ всѣхъ европейскихъ змѣборцевъ.

Однако единство цивилизаціи, обоснованное для всѣхъ районовъ Азіи и Европы, можетъ ли быть признано мировымъ единствомъ? Европейская цивилизація осуществила это единство своимъ распространеніемъ по всему земному шару. Но узнаемъ ли мы когда нибудь, черезъ какія историческія событія прошли когда-то задолго до появленія въ этихъ странахъ европейцевъ мѣстные племена и народы? Вѣрнѣе всего, это не станетъ возможнымъ, раньше чѣмъ появятся среди нихъ ученые. Во всякомъ случаѣ, значеніе собранныхъ свѣдѣній о т. наз. современныхъ первобытныхъ народахъ едва-ли находится на вѣрномъ пути. На всемъ протяженіи второй половины XIX в. эти свѣдѣнія пріобрѣли какое-то странное, рѣшающее значеніе. Эти термины: тотемъ, табу, анимизмъ, фетишизмъ стали считаться нѣкимъ конечнымъ объясненіемъ. Разъ бывало рѣшено, что передъ нами будь-то въ обрядѣ, будь-то въ сказкѣ, какое либо явленіе, подходящее подъ одинъ изъ этихъ терминовъ — конецъ изслѣдованію. Казалось этимъ все объяснено. А отсюда такая методологическая странность: яснымъ и не требующимъ никакихъ болѣе усилій представилась аналогія съ данными

лишь весьма вскользь извѣстныхъ народовъ, народовъ, о которыхъ достаточно нѣсколько наблюденій миссіонеровъ или путешественниковъ, не знающихъ вовсе языка описываемаго племени, и наши свѣдѣнія о нихъ будутъ признаны не только точными, но исчерпывающими. Казалось бы, наоборотъ: нашими свѣдѣніями о близкихъ намъ и болѣе знакомыхъ народахъ мы именно должны освѣтить то, что мы знаемъ о менѣе извѣстныхъ.

Районы Европейско-Азійско-Африканской цивилизаціи несомнѣнно входятъ въ одну единую цивилизацію или культуру. Но она лишь — островъ, и хронологически, и географически утопающій какъ въ ледниковыхъ и послѣ — ледниковыхъ древностяхъ рода человѣческаго, такъ и въ тѣхъ районахъ племенъ и народовъ — сверстниковъ, которыхъ узнали европейцы лишь начиная съ XVI столѣтія, до того не подозрѣвая о ихъ существованіи. Но уже тянутся нити къ древностямъ Инковъ, Ацтековъ и Ирокезовъ отъ наконецъ уже объединенной, даже при нашихъ теперешнихъ знаніяхъ, Европейско-Африканской цивилизаціи. А вѣдь какъ выразился Буль „фатально схожи археологическія данныя, какія открываются намъ повсемѣстно отъ каменнаго періода, съ данными нашихъ (т. е. европейско-азійско-африканскихъ) странъ“¹⁾.

* * *

Современная социологія стала признавать основнымъ факторомъ культурно-историческаго развитія экономическія потребности, или, какъ ихъ принято опредѣлять, потребности производства. Но вотъ прошло полстолѣтія и съ ними никакъ не удается сочетать всю полноту человѣческой самодѣятельности. И не видно выхода.

Мнѣ представляется, что тутъ долженъ помочь параллелизмъ двухъ рядовъ явленій, обуславливающихъ волю человѣка. Одни ряды я назову рядами труда, другіе рядами творчества. Они сплетены другъ съ другомъ тѣмъ, что и тѣ, и другіе служатъ потребностямъ, т. е., что то-же, борьбѣ за существованіе. Они возводятъ насъ къ нашему далекому предку, какъ человѣку — животному, такъ и первобытному *homo sapiens*, а стало быть еще къ инстинкту.

Животное въ своей борьбѣ за существованіе не ошибается, потому что инстинктъ непогрѣшимъ. Зато инстинктъ статиченъ. Веленія инстинкта статичны, потому что они не только категоричны, но и неизмѣнны. А динамична, т. е.

¹⁾ M. Boule et J. Piveteau. Les Fossiles. Eléments de Paléontologie. Paris, 1935, p. 848.

вовсе не неизмѣнна, вся черезъ столѣтія и тысячелѣтія прошедшая жизнь человѣческая, отдѣлившая насъ отъ нашего далекаго предка, человѣка—животнаго. Ошибается этотъ homo sapiens. Все больше и больше утрачивается непогрѣшимость инстинкта. Но въ этой-то утратѣ и заключается принципъ, которымъ отличается homo sapiens отъ человѣка животнаго. Этотъ ошибающійся homo sapiens становится творящимъ и созидающимъ, изобрѣтающимъ и выдумывающимъ, въ концѣ концовъ и размышляющимъ: ars homo additus naturae, при чемъ ars, разумѣется, должно быть понимаемо въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. какъ искусство=ремеслу и какъ искусство=техникѣ и какъ искусство=художеству. Ars homo additus naturae — назовемъ ars=искусство еще и производствомъ и социальнымъ строительствомъ, — вотъ суть и смыслъ всей много-тысячелѣтной эволюціи человѣчества.

Трудъ коренится въ инстинктѣ. Но все больше отходить отъ него, а все болѣе связывается съ его утратой творчество.

Когда почти сорокъ лѣтъ тому назадъ передо мною возникла проблема происхожденія искусства, мнѣ представилось существенно важнымъ продумать ту функцію психической самодѣятельности, которую мы называемъ вниманіемъ. Провѣривъ свои мысли рефератомъ въ Философскомъ Обществѣ при Петербургскомъ Университетѣ подъ предсѣдательствомъ А. И. Введенскаго, при чемъ мнѣ помогли и указанія В. М. Бехтерева, я ввелъ ихъ, какъ основу моего истолкованія эстетическаго сознанія¹⁾.

Вниманіе бываетъ двояко: сознательное и безсознательное. Различіе между тѣмъ и другимъ довольно точно опредѣляется, каждый разъ какъ мы противопоставляемъ слова: „слышать“, „слушать“. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда мы „слышимъ“, а не „слушаемъ“, наше вниманіе находится либо въ состояніи разсѣянія, либо занято чѣмъ либо совсѣмъ другимъ. Чтобы начать „слушать“, т. е. сознательно сосредоточить вниманіе на слуховомъ актѣ, нужно нѣкое волевое усиліе. Сознательное сосредоточіе вниманія управляется напряженіемъ воли. И вотъ эта способность сосредоточенія сознательнаго вниманія, т. е. „слушать“, а не только „слышать“, „смотре́ть“, а не только „видѣть“ и дальше: управлять своими мускульными движеніями, составляетъ способность, какую человѣкъ, хотя и унаслѣдовавъ ее отъ животнаго, сумѣлъ развить въ себѣ, именно этой способностью выдѣлившись изъ про-

¹⁾ См. Статью „Эстетика“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Ефрона-Брокгауза и мой „Очеркъ развитія эстетическихъ ученій“, Харьковъ 1915, стр. 234—237 (Сборникъ Лезина).

чихъ животныхъ. Ницше прекрасно показалъ, какое значеніе имѣлъ для человѣка ритмъ. Ему представилось — и совершенно правильно — что, именно, обладая ритмомъ, этимъ важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ, въ развитіи своихъ способностей, сталъ человѣкъ способенъ и къ совершенствованію. Но въ томъ-то и дѣло, что ритмъ главнѣйшее средство сосредоточенія вниманія. Способность сознательно сосредоточить вниманіе въ процессъ какой-либо дѣятельности — первое и существеннѣйшее приобрѣтеніе, какого достигло первобытное человѣчество.

Сознательное сосредоточеніе вниманія вызывается потребностью. Нѣтъ потребности, и только проскользнетъ вниманіе. Можетъ быть, когда мы говоримъ: потребность, лучше было бы однако употреблять схоластическій терминъ: *appetitus*, ибо въ немъ сливаются во едино потребность и желаніе, т. е. воля, первоначально нераздѣльная. Оттого сознательное сосредоточеніе вниманія всегда цѣлесообразно, оно не безцѣльно. Тоже самое опредѣляется также терминомъ заинтересованное вниманіе. Оно корыстно. Возьмемъ лишь человѣческую стадію этого коренящагося еще въ инстинктъ состоянія сознанія, и тогда придется внести еще одно подраздѣленіе: заинтересованное или цѣлесообразное сосредоточеніе вниманія можетъ быть либо непосредственнымъ, либо болѣе осложненнымъ, т. е. опосредственнымъ. Если первобытный охотникъ слѣдитъ за движеніемъ животнаго, которое онъ подкарауливаетъ, или рыболовъ за своей удочкой, или еще яснѣе, при нахожденіи пищи, идетъ дѣло о какомъ либо питательномъ плодѣ, все это примѣры непосредственнаго сосредоточенія вниманія. Вѣдь предвкушаетъ свою пищу-добычу первобытный охотникъ, рыболовъ, а тѣмъ болѣе такая непосредственная цѣлесообразность сказывается при нахожденіи пищи. Иначе будетъ обстоять дѣло на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія и прежде всего при хлѣбопашествѣ. Передъ нами — трудъ. Потребность, или скажемъ теперь, болѣе осложненная борьба за существованіе, одновременно сосредоточиваетъ вниманіе на самомъ напряженіи работы и на тѣхъ предметахъ, какіе долженъ использовать трудъ. Потребность какъ бы ушла въ глубь сознанія. Ее знаютъ, а не только чувствуютъ. Ссредоточеніе вниманія тогда не непосредственно. Тутъ съ инстинктомъ ужъ покончено. При изученіи всѣхъ тѣхъ рядовъ труда, какіе составляютъ сущность эволюціи человѣчества, все время передъ изслѣдователемъ столько безчисленныхъ разъ повторяющихся и необходимыхъ человѣку сосредоточеній вниманія, цѣлесообразность которыхъ опредѣляется не только не ощущеніемъ, но и не чувствомъ,

а знаніемъ о потребностяхъ, знаніе же предполагаетъ и расчетъ и ошибку, и традицію, и убѣжденіе.

Сейчасъ намъ важнѣе всего установить, что ряды труда развиваются внутри общины. Они вѣдь и составляютъ ея суть. Трудъ, направляющій усилія на удовлетвореніе потребностей своей такъ или иначе достигнутой и установленной ими техникой, это вѣдь и есть то, что объединяетъ людей въ общины. И развиваетъ община способности принужденія къ труду. Это такъ ясно видно на рабочихъ пѣсняхъ; самыя празднества, съ виду какъ будто проникнутыя праздностью и взлелѣвшія эту праздность своей обрядовой радостью, если приглядѣться къ нимъ ближе, всѣмъ своимъ укладомъ и смысломъ, какъ мнѣ это пришлось показать, преслѣдуютъ ту же цѣль направленія рядовъ труда на благо всей общины или входящихъ въ ея составъ семей-общинъ или наконецъ отдѣльныхъ членовъ общины. Только, когда я говорю: трудъ, я могу замѣнить это слово и другими близкими и схожими выраженіями, какъ — занятіе, должность, служба и т. п. Можно идти дальше; вѣдь такое назначеніе могутъ имѣть и воздержаніе отъ труда: праздность удовлетвореннаго въ своихъ потребностяхъ и не нуждающагося въ рабочей страдѣ. Сложна жизнь, и она все болѣе осложняется. Такъ феодальный владѣлецъ, хранившій въ своемъ донжонѣ (*dominium*) свезенные сюда оброчными его подданными продукты, когда выѣзжалъ закованный въ желѣзо, вооруженный рыцарскими доспѣхами косвенно и по своему, тоже какъ будто трудился ради удовлетворенія своихъ потребностей. И легко прослѣдить ряды труда вплоть до современнаго финансиста, сосредоточившагося надъ биржевыми отчетами или даже современнаго рабочаго, проникнутаго теоріями классовой борьбы, временно бросающаго работу, т. к. стачкой надѣется достигнуть высшей выгоды.

Но самые ряды труда опредѣляются рядами творчества. Они слѣдствіе ихъ. Они ими созданы. Творчество есть то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. *Ars, homo additus naturae* — результатъ творчества.

Творчество коренится въ томъ же самомъ сознательномъ сосредоточеніи заинтересованнаго вниманія. Только въ данномъ случаѣ еще болѣе рѣзкій разрывъ съ непосредственной заинтересованностью. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ болѣе отдаленной цѣлесообразностью. Она даже является скорѣе результатомъ стремленія къ достиженію предчувствуемой цѣли, чѣмъ знаніемъ о ней. Я однако хотѣлъ бы избѣжать понятія: интуиція, ибо вотъ эта послѣдняя высшая духовная способность души не позволяетъ опредѣлять себя, если мы бы

стали вовсе отрицать божественное начало нашей духовной сущности. Оставаясь въ узкихъ предѣлахъ нашего т. наз. научнаго, т. е., по выраженію Ницше, „слишкомъ человѣческаго“ мышленія, скажемъ, что творчество все-таки коренится въ той же самой способности сознательнаго и заинтересованнаго сосредоточиванія вниманія, что и трудъ. Только существеннѣйшую особенность творчества составляетъ его отправная точка: разрывъ съ трудомъ. Творчество требуетъ нѣкаго перерыва въ трудѣ, нѣкаго освобожденія отъ него. Творчеству отдается homo otiosus. Тутъ нуженъ досугъ. Даже если творческій актъ сопряженъ съ работой, какъ на высшихъ стадіяхъ творчества уже современнаго человѣка, пользуясь и опытомъ и расчетомъ, самые характерные моменты творческаго напряженія прерываютъ трудъ. При этомъ творческое сосредоточеніе вниманія оказывается еще и внутреннимъ сосредоточеніемъ вниманія. Оно возвращаетъ предавшагося ему досужаго человѣка въ себя самаго, отвращая его отъ внѣшнихъ окружающихъ предметовъ.

Да, творчество коренится въ томъ же, что и трудъ, сосредоточеніи вниманія. Но, вдумываясь въ тѣ возможности, какія содержатся въ актѣ сосредоточенія вниманія, мы неизбежно должны придти еще и къ такому сосредоточенію вниманія, къ какому лучше всего примѣнимъ Кантовскій терминъ: безцѣльная цѣлесообразность (*Zweckmässigkeit ohne Zweck*). Сознательное сосредоточеніе вниманія представится тогда безцѣльнымъ сознательнымъ вниманіемъ. Такой душевный актъ или, вѣрнѣе, возможность такого душевнаго акта мнѣ и послужила отправной точкой для опредѣленія основъ эстетики, въ ея позднихъ, высшихъ выявленіяхъ. *Mutatis mutandis* въ такомъ же, уже казалось бы совершенно порвавшемъ съ трудомъ состояніи сознанія коренятся высшія проявленія творчества. Ряды творчества обогащаются тутъ двумя способностями, благодаря которымъ и осуществляется творчество, это — воображеніе и вдохновеніе.

Связь такого какъ бы оторвавшагося отъ непосредственной цѣлесообразности вниманія, какъ это много разъ и по разному показано психологами, основной источникъ вдохновенія, а значить и тѣхъ творческихъ способностей воображенія, ближайшая цѣль или достиженіе которыхъ есть изобрѣтеніе, т. е. именно *ars hominis additus naturae*, т. обр. ряды творчества составляютъ всѣ достиженія человѣческой цивилизаціи.

Не надо забывать, что лишь на самыхъ высшихъ или позднихъ ступеняхъ цивилизаціи присоединяется тутъ расчетъ. Черезъ всѣ долгія тысячелѣтія эволюціи человѣче-

ства ряды творчества возникают и развиваются созерцаніемъ. Единственное внутреннее орудіе отъ первобытныхъ временъ, которымъ развивается и живетъ совершенствующееся человѣчество — только созерцаніе съ его необходимымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вдохновеніемъ. Вдохновеніемъ создается новое. И вотъ это соціологическое значеніе всего новаго, т. е. всякаго изобрѣтенія и всякаго усовершенствованія, надо намъ теперь продумать въ его отношеніи къ устоямъ жизни общины, иначе говоря рядовъ творчества къ рядамъ труда. Между тѣми и другими естественно представить себѣ нѣкій перерывъ. Нѣтъ и не можетъ быть перехода отъ одного къ другому. Косность — основной принципъ рядовъ труда, хотя бы каждый изъ нихъ былъ обоснованъ какимъ-то когда-то осуществленнымъ актомъ творчества. Косность и новшество! Возможно ли чтобы не было между тѣми и другимъ столкновенія. И пересилить ли творческое къ новому призывающее начало. Ряды труда и ряды творчества — соратники-противники. И такъ подошли мы къ главному, къ чему привелъ этотъ очеркъ, и чѣмъ онъ долженъ закончиться.

Можно ли и надо ли предположить, что ряды творчества, т. е. прежде всего тѣ величайшія изобрѣтенія, какими начинается цивилизація, иначе динамика этого homo sapiens, который и до нашихъ дней не перестаетъ подчинять природу своей воли, зачинались отдѣльно и независимо въ каждой отдѣльной общинѣ? Стоитъ подумать объ изобрѣтеніи колеса, лодки, одежды, прирученія животныхъ, т. е. прежде всего собаки, или даже изобрѣтенія заостренныхъ орудій изъ кремня, кости, дерева, металла. Все это использовано рядами труда и все это стало привычно, обыкновенно, необходимо, но все это созданія рядовъ творчества.

Преувеличено изреченіе: никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ. Но какъ бы ни было, ряды творчества вовсе не могутъ мыслиться сосредоточенными въ одной общинѣ. Нѣтъ, ихъ развитіе и ихъ жизненное значеніе внѣ предѣловъ общины или родственныхъ общинъ. Оно внѣ границъ и племенныхъ и народныхъ. Если трудъ, а значитъ, и занятія и служба сосредоточены въ общинѣ или рядѣ общинъ и дальше, при дальнѣйшихъ уже соціальныхъ стадіяхъ эволюціи, въ сословіи, профессіи, классѣ, совсѣмъ иное творчество. Ему нѣтъ и не можетъ быть ограничивающихъ предѣловъ. Вѣдь самая досужестъ, порывающаяся съ трудомъ или занятіемъ или службой, есть уже ничто иное, какъ освобожденіе отъ обязательствъ, налагаемыхъ принадлежностью къ общинѣ, профессіи, классу. Творчество

начало бродячее. Ряды творчества въ своей эволюціи подчинены законамъ независимымъ отъ непосредственной подчиненности заботамъ общины

Тысячелѣтіями коснѣютъ въ статикѣ рядовъ труда общины и племена и народы, застывши все на той же самой стадіи достигнутой когда то цивилизаціи, когда они замыкаются въ себѣ и не сказалось на нихъ никакихъ постороннихъ вліаній. Таковы малорослые Бушмены и таковы Эскимосы; таковы были до прихода португальцевъ и послѣ испанцевъ Гуанчи Канарскихъ острововъ. Но въ томъ-то и дѣло, что врываются ряды творчества. Этимъ внѣдряется динамическое начало. Отъ общины къ общинѣ, отъ племени къ племени и дальше отъ сословія къ сословію и отъ класса къ классу переходятъ неугомонные ряды творчества по путямъ культурно-историческихъ воздѣйствій. И переплетается ихъ географическое распредѣленіе, нарушающее племенные и международныя границы съ хронологической послѣдовательностью. Не стоя на мѣстѣ или двигаясь лишь при помощи переселеній и, точно остановилось время, застываютъ ряды труда, пока не расшевелитъ ихъ въ пространствѣ и во времени развивающіеся ряды творчества¹⁾.

¹⁾ Настоящая статья представляетъ посмертный трудъ проф. Е. В. Аничкова, который онъ самъ назвалъ своей „лебединой пѣснью“. Корректуру ея держалъ уже не онъ, а членъ Научнаго Института А. Л. Погодинъ.

Б. С. Ижболдинъ.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА С.С.С.Р. СЪ 1930 ГОДА ПО 1936 ГОДЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

I. Организація аппарата внѣшной торговли.

Совѣтская монополія внѣшной торговли испытала за послѣдніе 7 лѣтъ большія измѣненія, которыя коснулись не только структуры внѣшнеторговаго оборота, характера сношеній съ иностранцами, способа финансированія торговыхъ операцій, договорнаго права и торговаго мореплаванія, но и затронули организацію внѣшнеторговаго аппарата. Ростъ внутренняго торговаго оборота, поднявшагося съ 10 миллиардовъ рублей въ 1923/24 году до 30 миллиардовъ въ 1929/30 г., заставилъ совѣтское правительство въ концѣ ноября 1930 года расчленивъ союзный комиссаріатъ торговли, существовавшій съ 19 5 года, на два самостоятельныхъ союзныхъ комиссаріата: „Наркомснабъ“ и „Внѣшторгъ“. Въ то время какъ новый комиссаріатъ снабженія взялъ на себя заготовку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, управленіе пищевой промышленностью и снабженіе населенія потребительскими товарами, возстановленный Внѣшторгъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ регулированіе внѣшной торговли и почти всю оперативную дѣятельность совѣтскаго государства на внѣшнихъ рынкахъ. Дальнѣйшее совѣтское законодательство, касавшееся организаціи торговаго аппарата, ставило своей цѣлью (вплоть до начала 1937 года): ограниченіе юридической отвѣтственности совѣтскаго государства — комерсанта за-границей, поощреніе госоргановъ, обладающихъ одновременно регулятивной и оперативной функціей, сосредоточеніе почти всей оперативной дѣятельности въ рукахъ хозоргановъ, непосредственно подчиненныхъ Внѣшторгу, ограниченіе дѣятельности торгпредствъ, ликвидацію иностранныхъ концессій, сокращеніе совѣтскихъ торговыхъ обществъ за-границей, обладающихъ иностраннымъ уставомъ, замѣну торговаго кредита банковскимъ, перенесеніе заключенія тор-

говыхъ сдѣлокъ съ иностранцами и арбитража на территорію С.С.С.Р., организацію кадровъ внѣшторговаго аппарата и введеніе „стахановскаго“ метода работы.

Важнѣйшими функціями Внѣшторга, сохранившаго характеръ чистѣйшаго публично-правового учрежденія, являются по настоящее время слѣдующія: общее регулированіе внѣшней торговли, контроль надъ всѣми оперативными органами, выдача разрѣшенія иностраннымъ фирмамъ на веденіе торговыхъ операцій въ С.С.С.Р., контроль надъ морскими гаванями, законодательная инициатива въ области экономической политики, участіе въ международныхъ экономическихъ конференціяхъ и разрѣшеніе вопросовъ, касающихся фрахтованія судовъ и страховки морскихъ грузовъ. Иными словами, характеръ дѣятельности Внѣшторга не испыталъ какого-либо существеннаго измѣненія въ періодъ недавнихъ реформъ, ставившихъ себѣ цѣлью вытѣсненіе различныхъ субъектовъ сов. внѣшней торговли въ пользу оперативныхъ органовъ комиссаріата при надѣленіи этихъ послѣднихъ значительной автономіей въ ихъ оперативной и нормативной дѣятельности. Зато сильно измѣнился составъ хозоргановъ, составляющихъ торговый аппаратъ Внѣшторга. Еще въ концѣ 1930 года были ликвидированы федеральные Госторги, являвшіеся оперативнымъ органомъ Внѣшторга въ предѣлахъ С.С.С.Р.

Съ тѣхъ поръ вся оперативная дѣятельность Н.К.В.Т. внутри совѣтскаго Союза сосредоточилась въ рукахъ спеціальныхъ торговыхъ „объединеній“, монополизирующихъ экспортъ или импортъ какихъ либо продуктовъ. Всѣ эти организаціи обладаютъ юридическимъ лицомъ и регулятивной функціей. Главными стимулами къ замѣнѣ Госторговъ монопольными объединеніями были: желаніе ограничить отвѣтственность совѣтскаго государства передъ иностранцами (при одоновременномъ усиленіи связи автономныхъ торговыхъ организацій съ Внѣшторгомъ) и стремленіе сосредоточить торговля операціи въ рукахъ спеціальныхъ обществъ, могущихъ повысить качественность и стандартизацію вывозимыхъ и импортируемыхъ продуктовъ.

Превращеніе монопольныхъ объединеній въ единый оперативный органъ Н.К.В.Т. на территоріи Союза облегчило коммерціализацію, централизацію и рационализацію аппарата внѣшней торговли. По даннымъ совѣтской статистики въ С.С.С.Р. имѣлись къ началу 1936 года 22 организаціи монопольнаго характера, составлявшія вмѣстѣ оперативный аппаратъ Внѣшторга въ предѣлахъ сов. Россіи. Къ числу 11 монопольныхъ объединеній, занимавшихся экспортными операціями, принадлежали слѣдующія учрежденія: Экспортхлѣб, Экспортлен, Экспортлѣс, Лектехсырье, Между-

народная Книга, Разноэкспорт, Союзнефтьэкспорт, Союзпромэкспорт, Союзпушнина, Союзугольэкспорт и Техноэкспорт. Импортныя операціи Внѣшторга монополизировали слѣдующія организаціи (числомъ 5): Машиноимпорт, Союзметимпорт, Станкоимпорт, Технопромимпорт и Текстильимпорт. Восточную секцію Н.К.В.Т., именуемую „Востгосторгом“, составляли слѣдующія монопольныя объединенія (числомъ 5): Автомоторэкспорт, Совафганторг, Совмонголтувторг, Совсиньторг и Востокскотоимпорт. Нѣсколько особнякомъ въ системѣ Н.К.В.Т. стоялъ ликвидированный въ началѣ 1936 года „Торгсин“, имѣвшій своимъ заданіемъ торговлю съ иностранцами на территоріи Союза и извлечение валютныхъ ресурсовъ. Особое положеніе занимаютъ, также, „Экспортстрой“ и „Туркстрой“, созданные для индустриализаціи сосѣднихъ странъ Востока. Съ тѣхъ поръ какъ въ началѣ 1935 года было основано при Внѣшторгѣ главное транспортное управленіе для регулированія морского грузооборота, къ системѣ Н.К.В.Т. слѣдуетъ отнести группу автономныхъ транспортныхъ объединеній, состоящую изъ слѣдующихъ 5 управленій: Дальвнѣштранс, Инотранс, Южно-внѣштранс, Ленвнѣштранс (для Петрограда) и Совфрахт. Слѣдуетъ, также, отмѣтить, что большинство оперативныхъ органовъ Внѣшторга обладаетъ крупными торгово-производственными учрежденіями для снабженія своихъ рабочихъ („орсами“), а Совмонголтувторг и Совсиньторг ведутъ одновременно транспортное хозяйство на трактахъ, соединяющихъ Сибирь съ Монголіей, Тувой и Китайскимъ Туркестаномъ. Зато фабрики для обработки сырья, принадлежащія торговымъ объединеніямъ, начали свертываться въ 1936 году. Конечно, было-бы ошибкой полагать, что характеръ и функціи оперативныхъ органовъ Внѣшторга всегда строго выдержаны. Такъ, нѣкоторыя монопольныя объединенія, какъ напр. Союзпушнина, Экспортлен и Экспортлѣб представляютъ собой синдикаты или акціонерныя компаніи, а другія объединенія (въ частности Союзметимпорт и Международная Книга) ведутъ одновременно экспортныя и импортныя операціи. Автономія и вмѣстѣ съ тѣмъ общее значеніе монопольныхъ объединеній усилились со времени распоряженія совнаркома С С. С. Р. отъ 27 іюля 1935 года, предоставившаго нѣкоторымъ изъ нихъ право непосредственно заключать сдѣлки съ иностранными фирмами какъ въ сов. Союзѣ такъ и за границей, обязываться векселями передъ иностранными фирмами и получать отъ нихъ векселя, не испрашивая на заключеніе каждой сдѣлки спеціального разрѣшенія Внѣшторга. Всякое обязательство, выданное монопольнымъ объединеніемъ и подписанное однимъ изъ членовъ правленія вмѣстѣ съ управляющимъ заинтересованнаго отдѣленія, вызываетъ полную

юридическую ответственность объединения, но не затрагивает имущественных интересов советского государства. Однако, не слѣдует преувеличивать значеніе этой новой реформы сов. аппарата внѣшней торговли, ибо совокупность сдѣлокъ каждаго монопольнаго объединенія подлежитъ какъ и прежде контролю торгпредствъ, да и торговья сдѣлки могутъ совершаться лишь въ общихъ рамкахъ экспортно-импортнаго плана и валютной политики центрального управленія. Намъ кажется, что расширеніе автономіи внутреннихъ оперативныхъ органовъ Внѣшторга вызвано желаніемъ ограничить ответственность государства за торговья операціи, облегчить концентрацію торговыхъ сдѣлокъ съ иностранными фирмами на территоріи Союза и расширить спеціализацію торговаго аппарата. Отчасти тѣми-же соображеніями можно объяснить и развитіе нормативной дѣятельности монопольныхъ объединеній. Въ настоящее время автономныя оперативныя организаціи Внѣшторга, находящіяся въ предѣлахъ С.С.С.Р., вырабатываютъ контрольныя цифры и экспортно-импортные планы для товаровъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, рационализируютъ техническія операціи, относящіяся къ торговому обороту, заботятся о стандартизаціи импортируемыхъ и экспортируемыхъ товаровъ, опредѣляютъ рентабельность намѣчаемыхъ торговыхъ сдѣлокъ, изучаютъ конъюнктуру и проч. Основной капиталъ монопольныхъ объединеній мѣняется лишь по распоряженію Внѣшторга и Наркомфина. Хотя декретъ союзнаго совнаркома отъ 27 іюля 1935 года предусматриваетъ расширеніе автономіи всѣхъ монопольныхъ объединеній, ибо властью было признано, что предоставленіе объединеніямъ права вести переговоры о сдѣлкахъ, производить расчеты и вести переписку съ иностранными контрагентами по заключеннымъ торгпредствами сдѣлками безъ права самимъ заключать торговья сдѣлки съ иностранцами, вноситъ значительную путаницу въ торговья операціи С.С.С.Р., декретъ этотъ фактически коснулся къ началу 1936 года лишь всѣхъ импортныхъ объединеній и среди экспортныхъ организацій только Минералселикатэкспорта, вскорѣ ликвидированнаго, Разноэкспорта, Союзпромэкспорта и Экспортлѣса. Оновременно замѣчается тенденція уменьшить число советскихъ обществъ за-границей, основанныхъ преимущественно монопольными экспортными объединеніями по законамъ страны, въ которой эти, по существу, подсобныя организаціи имѣютъ свое правленіе. Постепенное сокращеніе такихъ обществъ объясняется рѣшеніемъ С.С.С.Р. сконцентрировать внѣшторговья операціи на территоріи Союза. Къ числу подобныхъ обществъ, основанныхъ въ Германіи и во Франціи и пользовавшихся еще въ 1934 году большимъ вліяніемъ принадлежатъ напр. „Де-

рунафт“ (представитель Союзнефтьэкспорта), Манганэкспорт (агентъ Союзметимпорта), французское общество продажи совѣтскихъ нефтепродуктовъ, „франсовфрайт“, Бѣломорскій лѣсной трестъ Франціи (агентъ Экспортлѣса) и мн. др. Нѣсколько совѣтамъ удалось перенести заключеніе внѣшнеторговыхъ сдѣлокъ на территорію сов. Россіи видно изъ того факта, что число экспортныхъ сдѣлокъ заключенныхъ въ С.С.С.Р., поднялось съ 7 въ 1934 году до 541 въ 1935 году, а число такихъ импортныхъ сдѣлокъ составило въ 1935 году 76,3% всѣхъ сдѣлокъ по импорту (противъ 8,1% въ 1934 г.). Нѣсколько особнякомъ стоятъ автономныя торговыя агентуры С.С.С.Р., являющіяся иностранными обществами, но непосредственно подчиненныя Внѣшторгу, какъ „Аркос“ въ Англіи или „Амторг“ въ С.А.С.Ш.

Хотя расширеніе автономіи монопольныхъ объединеній и частичное заключеніе сдѣлокъ на территоріи сов. Россіи не могли не ограничить дѣятельности совѣтскихъ торговыхъ представительствъ за-границей, торгпредства все-же оставались до половины 1936 года важнѣйшимъ регулятивнымъ и оперативнымъ органомъ Внѣшторга за предѣлами С.С.С.Р. Значеніе торгпредствъ усугублялось тѣмъ обстоятельствомъ, что монопольныя объединенія почти всегда проводили свои торговыя операціи черезъ спеціальныя секціи „иноторгов“ (оперативныхъ органовъ торгпредствъ), организованныя въ качествѣ экспортныхъ и импортныхъ учреждений, отвѣчающихъ по своей структурѣ заинтересованнымъ въ нихъ монопольнымъ объединеніямъ. Характеръ и структура торгпредствъ почти не мѣнялись до второй половины 1936 года. Лишь когда выяснилось, что совѣтамъ удастся сконцентрировать торговыя операціи на территоріи С.С.С.Р., торгпредства стали терять свое оперативное и, отчасти даже, нормативное значеніе, превращаясь въ нѣкій контрольный и інформаціонный органъ Внѣшторга за предѣлами С.С.С.Р. Реформы, проведенныя осенью 1936 года, сохранили за торгпредствомъ характеръ публично-правового учрежденія, олицетворяющаго торгующее государство, но лишили его всякаго оперативнаго значенія. Торгпредъ, назначаемый союзнымъ Совнаркомомъ по соглашенію съ Наркоминдѣломъ и по предложенію Наркома внѣшней торговли, замѣстители торгпреда и помѣщеніе торгпредства обладаютъ, какъ и прежде, полной экстерриториальностью. Всякое обязательство, выданное торгпредствомъ и подписанное торгпредомъ (или его замѣстителемъ) и однимъ изъ лицъ, указанныхъ въ спеціальному списку, постоянно мѣняемомъ торгпредствомъ, всецѣло связываетъ совѣтское торгующее государство. Оперативныя и регулятивныя функціи торгпредства оставались до второй половины 1936 года чрезвычайно широкими. Торгпредство

контролировало всѣ торговыя сдѣлки С.С.С.Р. на территоріи иностраннаго государства (или государствъ), гдѣ оно было включено въ дипломатическое представительство, выдавало иностранцамъ ввозныя лицензіи и разрѣшеніе на транзитъ, удостоверяло происхождение товара, предоставляло гарантію отъ имени совѣтскаго государства, несло консульскую службу и прч. Торгпредство опиралось въ своей оперативной дѣятельности на сѣть спеціальныхъ агенствъ; такъ напр., совѣтское торговое представительство въ Берлинѣ имѣло отдѣленія въ Гамбургѣ, Мюнхенѣ, Лейпцигѣ и Кенигсбергѣ, а Парижское торгпредство открыло небольшое отдѣленіе въ Марсельѣ. Къ тому-же нельзя забывать, что торгпредство проникало въ хозяйственную жизнь иностраннаго государства, используя для этой цѣли спеціальныя отдѣленія своего иноторга, совѣтскія торговыя общества съ мѣстнымъ уставомъ и представительства совѣтскихъ хозоргановъ. Такъ, напр., въ Германіи торгпредство обладало въ 1931 г. двадцатью четырьмя оптовыми предприятиями, функционировавшими въ качествѣ секцій иноторга, вело торговлю иностраннымъ хлопкомъ въ Бременѣ, контролировало совѣтское общество „Дероп“, обладавшее двумя тысячами станцій для продажи бензина, вело розничную торговлю мѣхами, контролировало 12 представительствъ различныхъ хозоргановъ и обладало смѣшаннымъ транспортнымъ обществомъ „Дерутра“. Обыкновенно торгпредство, занимавшееся не только торговыми операціями въ интересахъ оперативныхъ органовъ Внѣшторга, но и выполненіемъ комиссіонныхъ порученій совѣтскихъ хозоргановъ, имѣвшихъ право входить въ торговыя сношенія съ иностранцами, вводило въ свой составъ представителей различныхъ центральныхъ и мѣстныхъ госоргановъ. Съ другой стороны большинство торгпредствъ имѣло своихъ представителей въ центральномъ аппаратѣ Внѣшторга, а Берлинское торгпредство получило въ 1933 году разрѣшеніе основать въ Москвѣ собственное торговое бюро, руководимое уполномоченнымъ Н.К.В.Т. въ Р.С.Ф.С.Р.

Нѣкоторое измѣненіе замѣчается сейчасъ и въ самомъ центральномъ управленіи совѣтской внѣшней торговли. Приблизительно въ 1931 году была введена въ составъ Н.К.В.Т. центральная комиссія по борьбѣ съ пропагандой, а декретомъ союзаго Совнаркома отъ 8 мая 1936 года былъ основанъ особый совѣтъ изъ 107 членовъ, долженствующій установить прямой контактъ между комиссаромъ внѣшней торговли и важнѣйшими работниками системы Н.К.В.Т. Со времени раздѣленія союзаго наркомата торговли на два самостоятельныхъ комиссаріата значительно возросло вліяніе уполномоченныхъ Внѣшторга, входящихъ въ „Цики“ членовъ-государствъ. Такъ, въ настоящее время управленіе упол-

номоченных Н.К.В.Т. въ членахъ государствахъ, автономныхъ республикахъ и крупныхъ областяхъ берутъ на себя обслуживаніе мѣстныхъ нуждъ монопольныхъ объединеній, отказавшихся въ цѣляхъ экономіи отъ созданія собственныхъ отдѣленій и представительствъ на мѣстахъ. Большое значеніе приобрѣли, также, съѣзды отвѣтственныхъ секретарей республиканскихъ, краевыхъ, областныхъ и районныхъ экспортныхъ совѣщаній, руководимые мѣстнымъ уполномоченнымъ Внѣшторга. Но все же фактическое управленіе совѣтской внѣшней торговлей сосредоточено сейчасъ въ рукахъ высшаго персонала Н.К.В.Т., состоящаго изъ комиссара, секретаріата, начальниковъ управленій, секторовъ и отдѣленій комиссаріата, уполномоченныхъ на мѣстахъ, председателей монопольныхъ объединеній и торгпредовъ. Для укрѣпленія связи между отдѣльными органами огромнаго административнаго аппарата Внѣшторга, устанавливаемой постояннымъ совѣтомъ при Наркомѣ внѣшней торговли, созываются изрѣдка совѣщанія высшаго персонала въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ комиссара внѣшней торговли, къ которымъ привлекаются иногда и представители торговыхъ организацій, не входящихъ въ составъ Н.К.В.Т., какъ предсѣдатель Всесоюзной торговой палаты, директоръ сов. филателической организаціи и представитель импортнаго аппарата коопераціи. Желаніе улучшить кадры торговаго аппарата Внѣшторга, ростъ экономической независимости С.С.С.Р. и увлеченіе „стахановщиной“ побуждаютъ совѣтское правительство включить въ систему Н.К.В.Т. еще цѣлый рядъ учебныхъ и изслѣдовательскихъ учрежденій. Такъ, въ настоящее время функционируютъ при Внѣшторгѣ: союзная академія внѣшней торговли для подготовки руководящаго персонала, институтъ внѣшней торговли, подготавливающей спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ экспортной торговли, и изслѣдовательскій институтъ машиностроенія. Кромѣ того каждое монопольное объединеніе обязано было въ началѣ 1936 года открыть спеціальныя курсы для изученія иностранныхъ языковъ, техники и экономики той отрасли внѣшней торговли, которая признана спеціальностью даннаго объединенія. Интересно отмѣтить, что учащіеся Вузовъ, находящихся въ вѣдѣніи Внѣшторга, являются на 75—80% сыновьями рабочихъ и крестьянъ, имѣющими нерѣдко лишь начальное образованіе. Отчасти той же причиной объясняется и недостаточная посѣщаемость обязательныхъ курсовъ монопольныхъ объединеній, собиравшихъ въ началѣ 1936 года лишь 60—65% своего персонала. Ростъ и спеціализація торговаго и научнаго аппарата Н.К.В.Т. вызываются, какъ мы видѣли, вытѣсненіемъ совѣтскихъ и иностранныхъ субъектовъ внѣшней торговли внутренними органами комиссаріата,

имѣющими монопольный характеръ и обладающими одновременно оперативной и нормативной функціей.

Нѣкоторое значеніе сохраняется еще за совѣтской потребительской коопераціей, представленной въ сферѣ внѣшней торговли импортными бюро Центросоюза и Сельско-союза, но зато тресты и синдикаты, занимавшіе нѣкогда весьма видное мѣсто во внѣшнеторговомъ оборотѣ С.С.С.Р., почти совершенно утратили свое значеніе или вынуждены пользоваться услугами монопольныхъ объединеній Н.К.В.Т. Къ тому же эти промышленныя организаціи подлежатъ въ ближайшемъ будущемъ ликвидаціи въ интересахъ мѣстами уже созданныхъ всевозможныхъ отраслевыхъ объединеній сов. промышленности. Да и Центросоюзъ, получившій въ 1930 году монополию на ввозъ предметовъ первой необходимости, вынужденъ былъ еще въ 1933 году подчинить свое автономное импортное бюро директивамъ Н.К.В.Т. и приступить къ ликвидаціи всѣхъ своихъ заграничныхъ отдѣленій за исключеніемъ Лондонскаго агентства, пользовавшагося большимъ кредитомъ со стороны кооперативнаго объединенія англійскихъ универсальныхъ магазиновъ. По тѣмъ же соображеніямъ финансоваго характера сохранялись долгое время уполномоченные Центроюза въ Берлинѣ и Парижѣ, находившіеся, однако, подъ открытой опекой торгпредствъ. Автономность внѣшнеторговыхъ операцій Центросоюза стала совсѣмъ иллюзорной съ тѣхъ поръ, какъ его импортное бюро вошло составной частью въ монопольное общество „Разноимпорт“, основанное въ апрѣлѣ 1936 года. Еще большему разгрому подверглись за послѣдніе 5 лѣтъ смѣшанныя общества, иностранныя фирмы и частныя совѣтскія предпріятія, совмѣстная доля которыхъ въ общемъ внѣшнеторговомъ оборотѣ С.С.С.Р. составила въ 1931 году 3,8%. Смѣшанныя общества, дѣйствовавшія въ послѣднее время черезъ аппаратъ монопольныхъ объединеній Н.К.В.Т. и имѣвшія обычно совѣтскіе капиталы въ размѣрѣ 50—60% своего основного капитала, почти совершенно исчезли изъ совѣтской внѣшней торговли. Въ декабрѣ 1933 года было ликвидировано совѣтско-германское общество „Друзаг“, оперировавшее на сѣверномъ Кавказѣ, а въ февралѣ 1934 года было закрыто и послѣднее чисто торговое смѣшанное общество „Ратао“, имѣвшее правленіе въ Вѣнѣ. Хотя совѣты попрежнему разрѣшаютъ иностраннымъ фирмамъ открывать отдѣленія на территоріи С.С.С.Р., если онѣ заручатся согласіемъ Внѣшторга и регистрируются въ управленіи государственныхъ доходовъ, иностранцы все же предпочитаютъ ограничиваться свободной посылкой своихъ уполномоченныхъ въ Москву на мѣсячный срокъ, чтобы тамъ вести переговоры и заключать сдѣлки съ монопольными объеди-

неніями Н.К.В.Т. Изъ за дороговизны жизни въ Москвѣ и изъ за неурядностей, связанныхъ съ хлопотами о продленіи визъ, число постоянныхъ представителей иностранныхъ фирмъ, достигавшее въ началѣ 1935 года 200 упало въ январѣ 1936 года до 12. Исчезаютъ въ послѣднее время, также, и иностранныя концессіи въ сов. Россіи за исключеніемъ японскихъ нефтяныхъ, угольныхъ и рыболовныхъ концессій на Дальнемъ Востоку. Изъ многочисленныхъ германскихъ концессионныхъ предприятий сохранились только двѣ небольшія фабрики зубной пасты и красокъ, съ трудомъ добывающія необходимое сырье изъ Германіи и почти не имѣющія возможности переводить чистую прибыль за границу. Еще болѣе горькая участь постигла русской частный капиталъ, участие котораго даже во внутренней торговлѣ измѣрялось въ 1935 году долями процента.

За послѣдніе годы совѣтскіе источники совершенно молчатъ о наличіи внѣшней контрабандной торговли. Но все-же изъ нѣкоторыхъ намековъ можно заключить, что контрабандный вывозъ золота и платины изъ Восточной Сибири и нелегальный ввозъ предметовъ первой необходимости на южный Кавказъ и въ Туркестанъ еще составляютъ для совѣтовъ кое-какую проблему.

Расширеніе и укрѣпленіе торговаго аппарата Н.К.В.Т. связано до известной степени съ банковскими реформами, произведенными въ 1930 и 1931 годахъ. Смысль этихъ реформъ заключался въ замѣнѣ товарнаго кредита банковскимъ — что поставило весь торговый оборотъ подъ контроль Госбанка и облегчило финансированіе оперативныхъ органовъ Внѣшторга, пользующагося наибольшимъ довѣріемъ со стороны центрального кредитнаго учрежденія С.С.С.Р.

II. Методы регулированія внѣшней торговли.

Въ основѣ регулированія совѣтской внѣшней торговли лежитъ годовой планъ, отдѣльно вырабатываемый для экспорта и импорта. Зато пятилѣтній планъ внѣшней торговли фактически даже и не составляется въ настоящее время, такъ какъ развитіе внѣшнеторговаго оборота въ теченіе первой пятилѣтки доказало несостоятельность подобной попытки, хотя, теоретически судя, казалось-бы легче избѣжать неправильнаго вывода при учетѣ болѣе длиннаго періода въ виду взаимнаго компенсированія ошибокъ. Если, однако, вывозъ сов. Союза за первое пятилѣтіе (грубо говоря съ перваго января 1929 года по первое января 1934 года) достигъ лишь 3.829 милліоновъ руб. вмѣсто предполагавшихся 7 милліардовъ, то это невыполненіе плана объясняется,

главнымъ образомъ, кризисомъ мірового хозяйства, предвидѣніе котораго въ 1927 и 1928 г.г., когда складывался первый пятилѣтній планъ С.С.С.Р., врядъ-ли вообще было возможно. Въ виду принципиальной зависимости импорта отъ экспорта, которое было нарушено совѣтами лишь въ самый разгаръ индустриализаціи въ 1931 году, и ввозъ С.С.С.Р. съ 1929 года по 1934 не достигъ 6,2 миллиардовъ рублей, какъ это было намѣчено пятилѣтнимъ планомъ, а далъ гораздо болѣе скромную цифру въ 4.091 мил. руб.

Конечно, и планъ внѣшней торговли, составляемый на одинъ годъ, часто расходится съ дѣйствительностью, но ему все-же нельзя отказать въ кое-какомъ нормативномъ значеніи. Какъ только надежды на расширение внѣшней торговли, изложенныя въ пятилѣтнемъ планѣ, рухнули, годовые прогнозы стали дѣлаться болѣе осторожно, хотя — все-же не слѣдуетъ забывать, что любой хозяйственный планъ сов. Россіи подчиненъ цѣлостному плану совѣтскаго тоталитарнаго государства и въ процессѣ своего осуществленія можетъ мѣняться по чисто политическимъ соображеніямъ. Ростъ экономической самодостаточности С.С.С.Р., развитіе добыванія золота и постепенная активизація платежнаго баланса, выявившіеся за послѣдніе 4 года, даютъ возможность предположить, что политизація совѣтской внѣшней торговли приметъ въ ближайшее время еще болѣе радикальный характеръ, — что не сможетъ не умалить значенія годовыхъ плановъ, составляемыхъ для экспорта и импорта съ чисто хозяйственной точки зрѣнія. Все-же нарушение годового прогноза возможно лишь по директивамъ власти, и даже Н.К.В.Т. обязанъ до послѣдняго момента настаивать на твердомъ выполненіи всѣхъ контингентовъ, выработанныхъ по экспорту.

Техника составленія годового плана внѣшней торговли С.С.С.Р. нѣсколько усовершенствовалась за послѣдніе годы. Разработка плана происходитъ теперь на мѣстахъ въ плановыхъ секціяхъ монопольныхъ экспортныхъ и импортныхъ объединеній подъ контролемъ мѣстнаго уполномоченнаго Внѣшторга, наблюдающаго одновременно и за выполненіемъ производственныхъ плановъ работающей на экспортъ промышленности. Выработанныя на мѣстахъ предположенія поступаютъ въ отраслевые управленія Внѣшторга, какъ экспортное управленіе, секторъ Востока, транспортный отдѣлъ, и лишь послѣ этого контроля разсматриваются и утверждаются плановымъ комитетомъ при Н.К.В.Т., на обязанности котораго лежитъ синтезъ мѣстныхъ пожеланій и выработка общей методологіи планированія. Плановый комитетъ Внѣшторга дѣйствуетъ въ тѣснѣйшемъ контактѣ

съ Наркомфиномъ и Госбанкомъ. Изъ Н.К.В.Т. годовой планъ внѣшней торговли поступаетъ въ Госпланъ для согласованія съ другими годовыми планами совѣтскаго хозяйства и въ конечномъ итогѣ разсматривается и утверждается Совѣтомъ труда и обороны, являющимся высшимъ планирующимъ органомъ совѣтской администраціи. Не смотря на всѣ мѣропріятія, улучшающія технику планированія внѣшторговаго оборота, планъ экспорта на 1935 годъ былъ перевыполненъ на 1,5%, а планъ импорта на 51% — что тоже было-бы недопустимо при правильно функционирующемъ плановомъ хозяйствѣ.

Наряду съ непосредственнымъ планомъ внѣшторговаго оборота въ настоящее время составляются тѣмъ-же способомъ еще ежегодные планы сдачи на экспортъ и капитальнаго строительства монопольныхъ объединеній. Совѣтская пресса не скрываетъ, что оба плана по экспорту часто не согласуются другъ съ другомъ, и остатки, лежащіе въ основѣ экспортнаго плана, плохо учитываются. Такъ напр. въ первомъ полугодіи 1935 года предположено было вывезти 20 тоннъ гвоздей, поступили въ реализацію согласно плана сдачи на экспортъ лишь 15 тоннъ, а остатковъ, накопленныхъ для вывоза, оказалось впослѣдствіи до 120 тоннъ. Насколько экспортный планъ ошибается въ своихъ возможностяхъ видно хотя-бы изъ факта, что въ основу вывоза швейныхъ машинъ въ Монголію въ 1935 году положенъ былъ запасъ въ 100 штукъ, хотя потомъ оказалось, что Совмонголтувторгъ могъ-бы экспортировать 1.218 машинъ. Поэтому неудивительно, что планъ сдачи на экспортъ и планъ экспорта, касавшіеся торговыхъ сношеній со Внѣшной Монголіей, перерабатывались въ 1935 году 4 раза въ теченіе только перваго полугодія. Плохо выполняется, также, и планъ капитальнаго строительства (стройки и ремонта зданій) многихъ монопольныхъ объединеній Н.К.В.Т. Такъ въ первомъ полугодіи 1935 года Совафганторгъ выполнилъ планъ на 19,5%, Торгсинъ на 64%, а Промэкспортъ перевыполнилъ планъ на 76,6% — что тоже нарушило плановые директивы центра. Выполненіе экспортнаго плана отдѣльными монопольными объединеніями нерѣдко наталкивается на сопротивленіе со стороны совѣтской промышленности. Бываютъ напр. такіе случаи, что Совафганторгъ заказываетъ въ соответствии съ экспортнымъ планомъ шерстяные платки у Союзшерстьсбыта, а тотъ не принимаетъ его нарядъ-заказъ. Въ результатѣ афганская кліентура Внѣшторга получаетъ хлопчатобумажные платки вмѣсто шерстяныхъ — что не было предусмотрено плановыми органами. Для борьбы съ такимъ явнымъ несоблюденіемъ экспортнаго плана сейчасъ учрежденъ контроль надъ работающими на экспортъ фабриками со стороны федераль-

ныхъ уполномоченныхъ Н.К.В.Т. и въ случаѣ нужды используется аппаратъ совѣтскаго междувѣдомственнаго арбитража. Несмотря на всѣ упомянутыя недостатки годового плана внѣшней торговли, онъ все-же имѣетъ нормативное значеніе, и субъекты совѣтской торговли рискуютъ многимъ въ случаѣ его нарушенія.

Практическая реализація экспортно-импортнаго плана осуществляется по прежнему въ формѣ контингентовъ и лицензій, распредѣляющихъ торговый оборотъ С.С.С.Р. по объектамъ и субъектамъ совѣтской внѣшней торговли. Учрежденіе, получившее вывозной контингентъ, обязуется его выполнить, въ то время какъ ввозные контингенты устанавливаются лишь максимальный предѣлъ разрѣшаемой торговой операціи. Структурныя измѣненія въ міровомъ хозяйствѣ, вызвавшія въ послѣднее время почти повсемѣстный переходъ къ контингентированію импорта, заставили С.С.С.Р. пойти на расширеніе договорныхъ контингентовъ, обязывающихъ совѣтское торгующее государство пріобрѣсти извѣстное количество товара въ данной странѣ, обѣщавшей дать совѣтамъ какую-либо встрѣчную компенсацію, принимающую нерѣдко форму аналогичной импортной квоты. Распространеніе договорныхъ контингентовъ въ торговой практикѣ мірового хозяйства чрезвычайно неблагоприятно совѣтской Россіи, такъ какъ Внѣшторгъ не только обязуется выдать обѣщанныя ввозныя лицензіи субъектамъ совѣтскаго импорта, но и долженъ озаботиться ихъ реализаціей. Отсюда нерѣдко стремленіе совѣтовъ получить въ обмѣнъ на договорный контингентъ не только аналогичную импортную квоту со стороны договаривающагося иностраннаго государства, не ведущаго самостоятельной внѣшней торговли, но еще и какую-нибудь другую болѣе существенную компенсацію въ видѣ правительственной гарантіи коммерческихъ кредитовъ или предоставленія торгпредству какихъ-либо фискальныхъ привилегій. Съ другой стороны иностранные контрагенты С.С.С.Р. упорно добиваются договорныхъ контингентовъ, такъ какъ видятъ въ нихъ нѣкоторый оплотъ противъ неустойчивости совѣтскихъ заказовъ, обычно отражающихъ зигзаги совѣтской внѣшней политики. Нерѣдко случалось, что не иностранное государство, а какая-либо крупная иностранная фирма добивалась отъ совѣтовъ договорнаго контингента въ обмѣнъ на кредитъ и техническую помощь, какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи Форда или Германскаго объединенія производителей аппаратовъ. Въ порядкѣ выдачи лицензій субъектамъ совѣтской внѣшней торговли не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій со времени реформы въ 1926 году. Желаніе облегчить и ускорить мелкія торговыя операціи побуждаетъ совѣтскую власть поощрять выдачу мелкихъ ли-

цензій со стороны Внѣшторга независимо отъ диспозицій центрального лицензійнаго комитета, но только въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ ежегоднымъ распоряженіемъ Совѣта труда и обороны. Такое-же право предоставляется и торгпредствамъ въ отношеніи мелкихъ импортныхъ лицензій, зависѣвшихъ прежде отъ разрѣшенія мѣстнаго лицензійнаго отдѣла. Самостоятельное заключеніе сдѣлокъ съ иностранцами со стороны нѣкоторыхъ монопольныхъ объединеній Н.К.В.Т., начавшееся въ концѣ 1935 года, заставило совѣты расширить употребленіе „сертификатовъ“, касающихся, въ отличіе отъ лицензій, не какой-либо опредѣленной сдѣлки, а цѣлой совокупности сдѣлокъ, не выходящей за предѣлы экспортно-импортнаго плана.

Нѣсколько болѣе значительное измѣненіе претерпѣла за послѣдніе годы таможенная политика С.С.С.Р. Совѣтскіе экономисты попрежнему придають значеніе таможеннымъ пошлинамъ въ системѣ монополіи внѣшней торговли, въ то время какъ многіе иностранные и зарубежные специалисты продолжаютъ умалывать или даже отрицать экономическое и фискальное значеніе совѣтскихъ ввозныхъ пошлинъ. Мы не станемъ повторять здѣсь многочисленныхъ доводовъ въ пользу перваго утвержденія, приведенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ, и ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, отвѣчающими современной характеристикѣ совѣтскихъ таможенныхъ пошлинъ. Такъ, прежде всего не слѣдуетъ отрицать за ними нѣкотораго фискальнаго значенія. Въдѣ ввозныя пошлины С.С.С.Р. перекладываются въ конечномъ итогѣ на потребителей и, по существу, равноцѣнны общему налогу съ оборота, составляющему въ настоящее время почти 80% ординарныхъ доходовъ государства. Да и сами таможенные пошлины были исчислены для 1937 года въ размѣрѣ 860 млн. руб. Конечно, можно было-бы возразить, что этотъ добавочный доходъ, составляющій 0,9% общей суммы доходовъ, могъ-бы быть скомпенсированъ легкимъ повышеніемъ налога съ оборота, но это практически нельзя было-бы выполнить по соображеніямъ психологическаго характера, ибо открытые налоги на потребленіе достигли чудовищнаго размѣра и совѣтамъ пришлось уже ввести чрезвычайно высокій и непопулярный налогъ на хлѣбъ. Неясный характеръ совѣтскихъ ввозныхъ пошлинъ, путающій даже специалистовъ, дѣлаетъ этотъ источникъ дохода весьма желательнымъ для совѣтскаго фикса, хотя этотъ полѣдній и не имѣетъ возможности произвольно увеличивать фискальное обложеніе импортируемыхъ товаровъ. Къ тому-же таможенные пошлины сов. Россіи оправдываются многими чисто хозяйственными соображеніями. Достаточно сказать, что повышение цѣнъ на иностранные товары, вызванное фискаль-

нымъ обложеніемъ импорта, вліяетъ на закупки за-границей со стороны относительно автономныхъ субъектовъ совѣтской внѣшней торговли, пѣсколько перераспредѣляетъ національный доходъ внутри государственнаго сектора и не можетъ не повліять на пріобрѣтеніе даннаго заграничнаго товара на томъ или иномъ иностранномъ рынкѣ (въ зависимости отъ мѣстнаго цѣнообразованія) постольку, поскольку предѣлы закупокъ еще не фиксированы договорнымъ контингентомъ въ отношеніи даннаго товара или не предопредѣлены какимъ либо политическимъ маневромъ совѣтской дипломатіи. Хотя совѣтская промышленность защищена отъ иностранной конкуренціи строгимъ контингентированіемъ импорта, ограничивающимъ количество ввозимой иностранной продукціи, отказъ отъ высокихъ ввозныхъ пошлинъ означалъ-бы въ условіяхъ совѣтской дороговизны привилегію для иностраннаго товара и обогащеніе тѣхъ хозоргановъ, которые умѣли-бы отдѣлываться за счетъ другихъ учрежденій отъ пріобрѣтенія болѣе дорогихъ отечественныхъ продуктовъ. Поэтому совѣтскій таможенный протекціонизмъ не только оберегаетъ внутреннее производство, дѣлая форсированіе импорта менѣе интереснымъ для вліятельныхъ хозоргановъ, но и спасаетъ совѣтскую промышленность отъ хаоса, который явился бы неизбежнымъ слѣдствіемъ упорной борьбы за участие въ ввозныхъ контингентахъ. Правда иной разъ слышится мнѣніе, что убыточность совѣтской промышленности, достигшая въ 1935 году 14,1 миллиардовъ рублей, дѣлаетъ желательнымъ разрушеніе тѣхъ отраслей совѣтской промышленности, которыя существуютъ за счетъ населенія, разоряемаго высокими поборами. Однако было бы крайне трудно установить въ условіяхъ совѣтской дѣйствительности, какія отрасли производства и какія предпріятія являются подлинно убыточными. Совершенно ясно, что, если предпріятіе получаетъ по искусственно низкимъ цѣнамъ, не соответствующимъ дѣйствительной себѣстоимости, промышленное сырье, топливо и полуфабрикаты (а плановая цѣна ихъ обычно ниже себѣстоимости), то достигнутая при такихъ условіяхъ рентабельность будетъ фикціей. Если по этимъ соображеніямъ нельзя сознательно ликвидировать дѣйствительно убыточные отрасли производства, то общій отказъ отъ протекціонизма, включая протекціонизмъ таможенный, былъ-бы непопозволеннымъ актомъ съ тѣхъ поръ какъ осуществленіе перваго пятилѣтняго плана превратило сов. Россію въ страну, обладающую значительнымъ промышленнымъ аппаратомъ. Вѣдь не слѣдуетъ терять изъ виду, что даже промышленный экспортъ (конечно, не въ смыслѣ вывоза издѣлій обрабатывающей промышленности) составилъ въ 1936 году 73,7% общаго вывоза (вмѣсто 30% въ 1913 году), не говоря уже

о томъ, что ростъ производства чугуна и стали выдвинулъ С.С.С.Р за послѣдніе годы на второе и третье мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ среди производителей этихъ продуктовъ. Если къ тому же учесть, что и производство машинъ въ сов. Россіи достигло въ 1934 году 21,4% мірового производства машинъ (вмѣсто 4% въ 1932 г.), то станетъ яснымъ, отчего совѣтская власть не хочетъ и не можетъ отказаться отъ дальнѣйшей защиты искусственно насажденной промышленности любымъ способомъ, включая и классическій методъ таможеннаго протекціонизма. Нельзя, также, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ экономистовъ, которые утверждаютъ, что иностранцы совершенно не затронуты совѣтскими ввозными пошлинами съ тѣхъ поръ, какъ большинство иностранныхъ товаровъ пріобрѣтается совѣтами непосредственно у производителей, т. е. задолго до момента импорта, а товары, привозимые иностранцами на совѣтскіе выставки и аукціоны, вообще освобождаются отъ уплаты ввозныхъ пошлинъ. Подобное утвержденіе легко поддается критикѣ, если принять во вниманіе, что всякое пониженіе совѣтскихъ импортныхъ пошлинъ въ отношеніи товаровъ какой-либо страны безъ измѣненія тѣхъ-же таможенныхъ ставокъ въ отношеніи другихъ странъ дѣлаетъ пріобрѣтеніе товаровъ въ данной странѣ болѣе интереснымъ для хозоргановъ — что и должно при нормальныхъ условіяхъ сказаться на повышеніи торговаго оборота данной страны съ сов. Россіей.

Послѣдній таможенный тарифъ С.С.С.Р., начавшій фактически примѣняться въ 1931 году, состоитъ изъ слѣдующихъ 5 отдѣловъ: 1) Общій тарифъ для импорта и экспорта, 2) Азіатскій тарифъ преимущественно для монгольскихъ, тувинскихъ, западно-китайскихъ и второстепенныхъ афганскихъ товаровъ, 3) Договорные тарифы съ Турціей и Ираномъ, 4) Договорные преференціальныя тарифы, заключенныя съ Италіей, Латвіей и Норвегіей, 5) Преференціальный тарифъ для товаровъ, идущихъ черезъ Мурманскъ. Своеобразная структура совѣтскаго таможеннаго тарифа имѣетъ своимъ послѣдствіемъ столь-же своеобразный характеръ статьи наибольшаго благопріятствованія въ совѣтскихъ торговыхъ договорахъ. Такъ, всѣ таможенныя привилегіи, предоставленныя совѣтами крайнимъ балтійскимъ государствамъ, не распространяются на государства Запада и Востока, заключившія съ С.С.С.Р. торговые договоры на основѣ наибольшаго благопріятствованія. Скидки съ общаго тарифа, сдѣланныя въ пользу латвійскихъ товаровъ (напр. 20% на рыбныя консервы и игольный товаръ, 25% на с.-х. машины и т. д.), не касаются даже и другихъ крайнихъ государствъ. Таможенныя льготы, предоставленныя восточнымъ сосѣдямъ (за исключеніемъ Китая), не распространяются на другія го-

сударства, включая и лимитрофы. Все-же Германія пользуется (хотя-бы и теоретически) частью льготъ, данныхъ совѣтами Турціи и Афганистану, на основаніи секретнаго добавленія къ торговому договору съ сов. Россіей. Скидки съ общаго тарифа, предоставленныя Италіи (напр. 100% при сѣрѣ. 75% при лимонахъ и нѣкоторыхъ сортахъ вина, 56% при резинѣ, 60% при фетровыхъ шляпахъ и т. д.), распространяются также на Латвію, Эстонію, Литву, Германію, Грецію, Иранъ и, отчасти, на Турцію. Таможенныя льготы, данныя совѣтами Норвегіи, предоставляются на равныхъ основаніяхъ Германіи, Литвѣ, Латвіи, Эстоніи, Швеціи, Даніи, Исландіи, Греціи, Ирану и, отчасти, Италіи и Турціи. Въ общемъ изъ европейскихъ контрагентовъ С.С.С.Р. наибольшими таможенными привилегіями пользуются въ настоящее время: Германія, Латвія, Эстонія, Литва, Италія и Греція.

Общій тарифъ для экспорта и импорта содержитъ 238 статей, касающихся привозной торговли, и только 15 статей, относящихся къ вывозу. Наибольшей высоты достигаютъ тѣ ввозныя пошлины, которыя имѣютъ по существу финансовое значеніе, — что лишній разъ подчеркиваетъ фискальныя устремленія совѣтской таможенной политики. Такъ, пошлиной въ 800% а. в. облагается ввозъ пряностей, какъ ваниль, перецъ, имбирь и т. д.; кофе и какао обложены пошлиной въ 500% а. в.; на иностранный чай введена пошлина въ 150% а. в.; южные фрукты облагаются пошлиной въ 200% а. в. и т. д. Къ группѣ высокихъ пошлинъ покровительственнаго характера принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія пошлины, исчисляемыя „ад валорем“: 200% на овощи, 150% на сахаръ, 100% на табакъ и рыбу, 300% на часы, 200% на выдѣланную пушину, листовое стекло, шелковыя ткани и парафинъ, 100% на графитъ, хлопчато-бумажныя издѣлія, шерстяныя ткани, 50—60% на цвѣтные и черные металлы, 40% на пеньку и проч. Значительно болѣе низкому обложенію ввозными пошлинами подлежатъ слѣдующіе продукты: машины и аппараты (32% а. в.), хлопокъ, рисъ, мука и крупа (20% а. в.), автомобили (12% а. в.), свинецъ (10%) и т. д. Полнымъ освобожденіемъ отъ ввозныхъ пошлинъ пользуются слѣд. продукты: хлѣбъ, бобы, горохъ, сѣмячки, свѣжія овощи, кормовыя травы, живой скотъ и суда. Къ группѣ товаровъ, запрещенныхъ къ импорту относятся въ настоящее время: оружіе, опій, акціи и облигаціи, голуби и всѣ тѣ предметы, которые признаются опасными или нежелательными для совѣтскаго режима (книги, картины, фильмы и проч.). Въ общемъ основной тарифъ С.С.С.Р., касающійся привозной торговли, затрудняетъ ввозъ сырья и фабрикатовъ, усиленно производимыхъ дома (пушнина, текстильные фабрикаты, стекло), преслѣдуетъ фискальныя цѣли,

затрудняетъ ввозъ продуктовъ, начинающихъ пріобрѣтать значеніе для совѣтскаго экспорта (сахаръ, парафинъ, графитъ), облегчаетъ импортъ издѣлій, служащихъ развитію совѣтскаго хозяйства (машины, автомобили, суда, хлопокъ), и покровительствуетъ ввозу необходимѣйшаго продовольствія для пограничныхъ нуждъ (хлѣбъ, крупа, скотъ, бобы). Впрочемъ нельзя терять изъ виду, что многія мѣры, касающіяся совѣтскаго импорта, не находятъ своего отраженія въ таможенной политикѣ, содержатся въ распоряженіяхъ Внѣшторга о выдачѣ ввозныхъ лицензій и имѣютъ нерѣдко временный или условный характеръ. Такъ, напр., въ настоящее время запрещеніе ввоза распространяется фактически и на импортъ с.-х. машинъ (вкл. тракторы, которые должны были бы по таможенному тарифу ввозиться беспошлинно изъ Германіи и Италіи), химическаго удобренія, нѣкоторыхъ предметовъ оборудованія (какъ краны, насосы, турбины), газетной бумаги и многихъ другихъ издѣлій, домашнее производство которыхъ считается теперь достаточнымъ для удовлетворенія внутренняго спроса. Увеличеніе числа товаровъ, облагаемыхъ пошлинами при вывозѣ изъ предѣломъ С.С.С.Р., не производилось со времени вступленія въ дѣйствіе послѣдняго таможеннаго тарифа. Къ числу вывозныхъ пошлинъ, имѣющихъ фискальное значеніе, относятся въ настоящее время пошлины на нѣкоторые рѣдкіе сорта пушнины (6—12% а.в.) и сантонинъ, производящійся только въ Россіи (165 руб. за 1 кл.). Другую группу вывозныхъ пошлинъ, введенную по соображеніямъ охранительнаго порядка, составляютъ пошлины на овецъ (100 руб. за голову), на верблюдовъ (60 руб. за голову) и на нѣкоторые лѣсные матеріалы. Угроза столкновенія съ Германіей и Японіей, намѣтившаяся въ 1935 году и заставившая совѣтскую власть сдѣлать рядъ тактическихъ уступокъ населенію въ области экономической политики, побудила С.С.С.Р. расширить списокъ товаровъ, запрещенныхъ къ вывозу. Если послѣдній общій тарифъ предусматривалъ принудительное удержаніе въ странѣ вооруженія, голубей, хлопка, отмѣненныхъ цѣнныхъ бумагъ и предметовъ искусства, то декреты правительства, изданные въ концѣ 1935 года и въ началѣ 1936 года, включили въ списокъ запрещенныхъ къ экспорту товаровъ многіе продукты питанія (подсолнечное масло, рисъ, яйца, рыбопродукты, консервы и т. д.), желѣзную и хромовую руду, кожевенный товаръ, стеаринъ, туалетныя принадлежности и духи. Надо думать, что совѣты не предполагаютъ распространить (даже формально) запрещеніе вывоза важнѣйшихъ потребительскихъ товаровъ и продуктовъ питанія (о чемъ сейчасъ много говорятъ въ С.С.С.Р.) на торговый оборотъ съ крайними азіатскими странами, въ противномъ случаѣ могли-бы пострадать и по-

литическіе интересы большевиковъ на Востокъ. Да и вообще, повидимому, многія запрещенія будутъ имѣть декоративный, а не дѣйствительный характеръ, ибо вывозъ растительныхъ маселъ, консервовъ, рыбы, желѣза и проч. продолжался и послѣ опубликованія декретовъ, хотя, правда, и въ небольшомъ размѣрѣ. Нѣкоторое политическое значеніе имѣетъ, также, и декретъ отъ 20 января 1936 года, разрѣшившій вывозъ товаровъ въ Португалію, Югославію и (до половины 1936 года) въ Румынію только при условіи, если эти страны платятъ за совѣтскій товаръ англійскими фунтами, американскими долларами, французскими и швейцарскими франками или голландскими гульденами. Отъ Венгріи требуется уплата за товары тѣми же валютами, хотя венгры должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заключать съ совѣтами еще особое компенсаціонное соглашеніе. Даже экспортъ совѣтскихъ товаровъ въ Германію допускался съ конца января по конецъ апрѣля 1936 года только въ томъ случаѣ, когда нѣмцы платили за нихъ указанной иностранной валютой, или разрѣшали торгпредству свободно использовать вырученныя марки внутри Германіи.

Такимъ образомъ, декретъ отъ 20 января 1936 года не только создалъ новый дискриминаціонный режимъ въ отношеніи странъ, задерживающихъ по соображеніямъ девизнаго контроля выплату суммъ, причитающихся импортерамъ, но и затруднилъ на нѣкоторое время использование таможенныхъ льготъ, данныхъ сов. Союзомъ Германіи. Совершенно ясно, что этотъ декретъ, вызванный преимущественно соображеніями финансоваго характера, увеличитъ число случаевъ, когда совѣтскія ввозныя пошлины дѣйствительно не оказываютъ вліянія на ввозъ въ С.С.С.Р., такъ какъ совѣтскіе заказы не могутъ размѣщаться въ странахъ, не увеличивающихъ девизные ресурсы Внѣшторга, даже если совѣтскій таможенный тарифъ и благопріятствуетъ торговому обороту съ ними.

Что касается общаго азіатскаго тарифа, регулирующаго взиманіе пошлинъ при ввозѣ товаровъ главнымъ образомъ изъ Монголіи, Тувы и китайскаго Туркестана (Синьцзяна), то онъ освобождаетъ очень много продуктовъ отъ таможеннаго обложенія. Къ этой группѣ товаровъ принадлежатъ въ первую очередь: рисъ, рыба, мясо, яйца, масло, сыръ, козья и овечья шерсть, лѣсной товаръ и хлопокъ. Среди продуктовъ, пользующихся преференціальными пошлинами, выдѣляются въ настоящее время: фрукты, чай, кожи, ковры и шелкъ. Поощреніемъ пользуется, также, и ввозъ китайскаго чая изъ Манчжуріи и Японіи, что однако регулируется не азіатскимъ, а общимъ тарифомъ. Особому таможенному режиму подлежитъ ввозъ многихъ экспортныхъ товаровъ

Ирана, Турціи и Афганистана, исключенныхъ изъ общаго азіатскаго тарифа. Эти исключенія дѣлаются большею частью въ интересахъ даннаго восточнаго контрагента С.С.С.Р. Такъ напр., Иранъ платитъ за 1 клг. шелковыхъ тканей отъ 0,92 до 3 руб. вмѣсто 15 руб. по азіатскому тарифу. Въ то время какъ азіатскія страны уплачиваютъ 3 руб. за 100 клг. свѣжихъ фруктовъ и ягодъ, импортированныхъ совѣтами, Афганистанъ платитъ лишь 1,5 руб. Ввозъ шерсти и пеньки изъ Турціи совсѣмъ освобождается отъ пошлины. Бываетъ однако и обратное явленіе. Такъ напр., ввозъ афганскихъ ковровъ облагается болѣе высокой пошлиной, чѣмъ это полагалось-бы въ случаѣ примѣненія азіатскаго тарифа. Совсѣмъ особое мѣсто въ системѣ таможенныхъ тарифовъ совѣтской привозной торговли занимаетъ спеціальнѣйшій тарифъ преференціального характера, удешевляющій ввозъ черезъ Мурманскъ цвѣтныхъ металловъ, кожи, каучука, многихъ машинъ, кофе и какао. Иной разъ Мурманскія преференціальныя пошлины мѣняются въ зависимости отъ сезона: такъ, пошлина на каучукъ въ періодъ зимней навигаціи на 2% ниже чѣмъ въ лѣтніе мѣсяцы. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что образованіе Манчжу-Ти Го фактически ликвидировало таможенныя льготы, предоставлявшіяся совѣтскимъ союзомъ Китаю, хотя льготы эти должны были-бы исчезнуть еще въ 1930 году, когда былъ отмѣненъ спеціальнѣйшій тарифъ, покровительствовавшій ввозу на сибирскій Дальній Востокъ (въ дѣйствительности-же еще въ 1931 году чай и бобы ввозились Китаемъ безъ всякой пошлины). Сейчасъ сохраняются только преференціальныя пошлины на ввозъ изъ Китая шерсти и чая, да значительно понижаются совѣтскія экспортныя пошлины при вывозѣ лѣсныхъ матеріаловъ изъ Восточной Сибири.

Управленіе таможенными учрежденіями сосредоточено въ спеціальной секціи Внѣшторга, имѣющей тѣсную связь съ таможеннымъ тарифнымъ комитетомъ, опредѣляющимъ таможенную политику С.С.С.Р. Центральное таможенное управленіе руководило въ 1934 году четырмя автономными управленіями мѣстнаго значенія, 53 таможнями перваго разряда, 14 таможнями второго и 56 таможнями третьяго разряда, а также 20 таможенными постами.

Довольно значительныя измѣненія испытала за послѣдніе годы и транзитная политика С.С.С.Р., регулирующая главнымъ образомъ транзитныя операціи Ирана, Китая, Германіи и Японіи. Наибольшими правами въ отношеніи транзита черезъ совѣтскую территорію обладаютъ по прежнему тѣ государства, которыя заключили торговый договоръ съ С.С.С.Р. и направляютъ свои товары въ страны, имѣющія торговое соглашеніе съ большевиками (напр. транзитъ гер-

манскихъ товаровъ въ Иранъ). Въ этомъ случаѣ транзитъ происходитъ безъ лицензій на основаніи сертификатовъ, удостоверяющихъ происхожденіе товаровъ. Сертификаты выдаются торгпредствомъ, функционирующимъ съ странъ, гдѣ былъ произведенъ товаръ. Впрочемъ имѣется рядъ издѣлій, не пропускаемыхъ черезъ территорію С.С.С.Р. безъ лицензій въ интересахъ совѣтской промышленности, работающей на экспортъ. Къ этой товарной группѣ принадлежатъ въ настоящее время: спички, мыло, резиновыя издѣлія, х.-б. ткани, гвозди, инструменты и проч. (свободный пропускъ этихъ товаровъ допускается лишь при ихъ провозѣ черезъ сѣверныя и западныя границы сов. Россіи на Дальній Востокъ). Одновременно полному запрету подлежитъ транзитъ товаровъ, не допускаемыхъ къ ввозу въ С.С.С.Р., какъ напр. оружіе, опій, голуби. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещеніе транзита обусловлено направлениемъ. Къ этому разряду принадлежитъ напр. запрещеніе провозить черезъ территорію сов. Россіи с.-х. машины, х.-б. ткани и нефть, направляющіяся съ сѣверныхъ и западныхъ границъ С.С.С.Р. на территорію Манчжуріи. Всѣ эти ограниченія транзита касаются любой страны, имѣющей право производить транзитныя операціи на территоріи сов. Россіи. На ряду съ наиболее привилегированной группой иностранныхъ державъ, отношеніе къ которой со стороны совѣтской транзитной политики нами было указано, имѣется еще группа менѣе привилегированныхъ странъ, не заключившихъ торговаго договора съ сов. Союзомъ и лишь имѣющихъ съ нимъ нормальныя дипломатическія сношенія. Если товары этихъ странъ идутъ транзитомъ черезъ совѣтскую территорію даже въ страну, имѣющую торговый договоръ съ С.С.С.Р., то транзитъ ихъ совершается по путямъ, точно указаннымъ Внѣшторгомъ, хотя и тутъ лицензіи замѣняются простымъ удостовереніемъ о происхожденіи товара, выдаваемымъ торгпредствомъ независимо отъ общаго контингентированія ввоза. Подъ этотъ транзитный режимъ подпадаютъ напр. транзитныя операціи Китая въ направленіи на Германію. Впрочемъ и въ отношеніи этой группы державъ транзитная политика С.С.С.Р. не даетъ одинаго рѣшенія. Такъ напр., товары Бельгіи, направляемые въ Иранъ не съ сѣвера или юго-запада сов. Россіи, а черезъ Петроградъ и Негорѣлое (на польской границѣ), нуждаются въ особыхъ транзитныхъ лицензіяхъ, въ то время какъ китайскіе товары, идущіе черезъ Владивостокъ въ Манчжу-Ти-Го, не подлежатъ даже контролю со стороны торгпредства. Такой же полной свободой при транзитѣ черезъ С.С.С.Р. пользуются продукты и издѣлія Ирана, идущіе въ любомъ восточномъ и западномъ направленіи, а также машины, электрооборудованіе, велосипе-

ды, медикаменты, бумага и чай, ввозимые персами изъ странъ, заключившихъ торговый договоръ съ совѣтами. Съ другой стороны товары странъ, не признавшихъ С.С.С.Р. „де юре“ (напр. Голландіи, Швейцаріи, Португаліи), до сихъ поръ не допускаются къ провозу черезъ совѣтскую территорію. Политизація транзитной политики С.С.С.Р., образование Манчжу-Ти-Го и міровой кризисъ привели къ значительному паденію оборотовъ совѣтской транзитной торговли, принявшему угрожающій размѣръ еще въ 1933 году. Такъ, если совѣтская Россія въ 1931 году пропустила черезъ свою территорію иностранныхъ транзитныхъ товаровъ на сумму въ 207.388.000 руб., то оборотъ транзитной торговли упалъ въ 1933 году до 30.170.000 руб. Въ общемъ индексъ совѣтской транзитной торговли, показывавшій въ 1931 г. (въ отношеніи 1929 г.) 174,5, понизился до 25,4 въ 1933 и до 24,1 въ 1934 году. Сильное измѣненіе произошло, также, и въ доли отдѣльныхъ странъ въ общемъ оборотѣ транзитной торговли С.С.С.Р., хотя Китай (вкл. Манчжурію) и Иранъ по прежнему сохраняютъ за собой первое мѣсто. Впрочемъ, и ихъ общая доля упала съ 85,7% въ 1932 г. до 72,9% въ 1934 г. Приэтомъ Китай (вкл. Манчжурію) и Иранъ какъ-бы помѣнялись ролями. Такъ доля Китая (вкл. Манчжурію), составлявшая въ 1932 г. 70,6%, понизилась въ 1934 г. до 33,9%, въ то время какъ доля Ирана поднялась за это время съ 16,1 до 39,0%. Третье мѣсто въ транзитныхъ оборотахъ С.С.С.Р. занимала въ 1934 году Германія, доля которой повысилась до 14,5 вмѣсто 2,9% въ 1932 году. На четвертое мѣсто выдвинулась Японія, сдѣлавшая въ 1934 г. 4,5% транзитныхъ оборотовъ С.С.С.Р. Въ общемъ на долю Китая (вкл. Манчжурію), Ирана, Германіи и Ниппона пришлось въ 1934 г. 91,9% всей транзитной торговли сов. Россіи вмѣсто 79% въ 1933 г., когда значительная часть транзитныхъ операцій на территоріи С.С.С.Р. произвели Индія и Монголія. Впрочемъ, совѣтская статистика, касающаяся транзита черезъ С.С.С.Р., молчитъ о турецкихъ транзитныхъ операціяхъ, использующихъ Батумскій районъ въ интересахъ турецкой внутренней торговли. Не слѣдуетъ, также, забывать, что транзитная торговля Манчжу-Ти Го рассматривается совѣтами какъ часть китайскаго транзита и подлежитъ режиму поощрительнаго характера, который, надо полагать, будетъ отмѣненъ какъ только манчжурская Имперія получитъ окончательное признаніе. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что таможенная политика — какъ мы видѣли — уже учла политическія измѣненія, произошедшія въ Восточной Азіи. Въ 1934 г. на долю Манчжуріи пришлось не менѣе 90% транзитныхъ операцій, рассматриваемыхъ совѣтами въ качествѣ китайскихъ. Важнѣйшими манчжурскимъ товарами, иду-

щими черезъ территорію С.С.С.Р., являлись въ послѣднее время: соевые бобы, экспортируемые въ Японію, Германію, Египеть, и растительныя масла, приобрѣтаемыя Ниппономъ. На долю настоящаго Китая приходится фактически только транзитъ чая, идущаго преимущественно въ Монголію. Иранъ провозитъ черезъ С.С.С.Р. ковры, экспортируемые въ Турцію и Англию, сушеные фрукты и хлопокъ, приобрѣтаемые Германіей, и шелковичные коконы, идущіе въ Италію. Германія используетъ совѣтскую территорію для экспорта (главнымъ образомъ въ Иранъ) машинъ, металловъ и бумаги. Транзитныя операціи Японіи на совѣтской территоріи состоятъ изъ послышки продовольствія въ Манчжурію, въ то время какъ Монголія провозитъ черезъ сов. Россію кишки и мѣха, идущіе въ Германію, Англию и С.А.С.Ш. Въ 1934 году важнѣйшими иностранными товарами, прошедшими транзитомъ черезъ С.С.С.Р., были: соевые бобы (30% всѣхъ транзитныхъ оборотовъ), ковры (15%), машины (11%), хлопокъ (8,4%) и шелковые коконы (7,7%).

Если внимательно всмотрѣться въ характеръ и направленіе транзитныхъ оборотовъ С.С.С.Р., то придется сдѣлать заключеніе, что ихъ дальнѣйшее развитіе стоитъ подъ несомнѣнной угрозой, такъ-какъ по меньшей мѣрѣ 50% транзита въ 1934 году покоились на временной неналаженности путей сообщенія соединяющихъ Манчжурію съ Японіей, и на провозѣ иностранныхъ машинъ и ковровъ, идущемъ въ разрѣзъ съ попытками сов. Россіи взять на себя индустриализацію Ирана и форсировать экспортъ ковровъ, производящихся въ Туркестанѣ и на Кавказѣ.

А. Н. Макаровъ.

ПРОЕКТЪ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ 1804 ГОДА.

(Проектъ Розенкампа)

Печатаемый ниже проектъ „Коренныхъ Законовъ Россійской Имперіи“, составленный въ 1804 г. референдаріемъ Комиссіи Составленія Законовъ Густавомъ Андреевичемъ Розенкампомъ, найденъ былъ мною въ хранившихся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ дѣлахъ названной Комиссіи въ январѣ 1917 г. Я работалъ тогда надъ изслѣдованіемъ, закончить которое мнѣ помѣшали событія того-же 1917 г. и послѣдующихъ годовъ: предметомъ этого изслѣдованія должны были быть основные Законы Россійской Имперіи, ихъ исторія и догма. Фрагменты незавершеннаго цѣлаго я использовалъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, появившихся въ разное время и въ разныхъ странахъ.

Въ частности опубликовано было и изслѣдование о проектѣ Розенкампа 1804 г. — въ нѣмецкомъ переводѣ, въ издававшемся Бреславльскимъ Osteuropa-Institut журналѣ „Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven“¹⁾. Къ изслѣдованію этому былъ приложенъ нѣмецкій текстъ проекта Розенкампа: въ Архивѣ Государственнаго Совѣта сохранился какъ русскій, такъ и нѣмецкій его текстъ. Русскій издается нынѣ впервые, издается съ нѣкоторыми пропусками, не затрагивающими однако наиболее существенныхъ частей проекта. Въ сохранившейся у меня копіи проекта недостаютъ только главы, воспроизводящія актъ о престолонаслѣдіи 1797 г. и Учрежденіе Императорской Фамиліи, а также постановленія, перечисляющія отдѣльные органы вѣдомства Императорскаго Двора. Такимъ образомъ, пропуски

¹⁾ А. Н. Макаров, Entwurf der Verfassungsgesetze des Russischen Reiches von 1804. Ein Beitrag zur Geschichte der Kodifikation des russischen Rechts. Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, N. F. Bd. II, Heft II (1926), 201—366 (въ дальнѣйшемъ цитируется: Макаров).

эти не затрагивают вовсе наиболее интересных главъ проекта, опредѣляющихъ основы русскаго государственнаго строя, правовое положеніе Монарха и подданныхъ.

Русскій текстъ проекта Розенкампа сохранился въ Архивѣ Государственнаго Совѣта въ дѣлахъ Комиссіи Составленія Законовъ въ трехъ экземплярахъ: два экземпляра — въ связкѣ 320 (одинъ изъ нихъ въ переплетѣ) и одинъ экземпляръ (копія) въ связкѣ 343, въ обложкѣ „Различные въ бумагахъ Ильинскаго найденные проекты и бумаги“. Въ связкѣ 320 сохранился и нѣмецкій текстъ проекта, снабженный слѣдующей скрѣпой Розенкампа: „Mit dem in russischer Sprache redigirten und von Sr. Excellenz dem Herrn Kammerherrn von Novosilzof Sr. Kaiserlichen Majestät vorgetragenen Original gleichlautend. Den 15 Juli 1804. G. v. Rosenkampf. Referendar und Sekretair des Directorii“. Русскіе экземпляры проекта не въ полной мѣрѣ совпадаютъ съ нѣмецкимъ: нѣкоторые отклоненія наблюдаются какъ въ нумераціи параграфовъ, такъ и въ содержаніи подкрѣпляющихъ тексты этихъ параграфовъ цитатъ¹⁾. Но самое содержаніе первыхъ двухъ главъ проекта совпадаетъ и въ русскомъ, и въ нѣмецкомъ текстѣ²⁾. Неизвѣстно былъ-ли представленъ Александру I именно сохранившійся въ дѣлахъ Комиссіи Составленія Законовъ переплетенный, чистовой экземпляръ проекта. Надлежитъ, однако, отмѣтить, что Александру I былъ представленъ именно русскій текстъ проекта.

О составленномъ Розенкампомъ въ 1804 г. проектѣ „Конституціи“ впервые упомянулъ Н. К. Шильдеръ³⁾. Послѣ же того какъ П. М. Майковъ издалъ русскій переводъ автобіографическихъ записокъ Розенкампа⁴⁾, въ которыхъ рассказывается, что ему, Розенкампу, въ іюнь 1804 г. поручено было составить проектъ конституціи и что проектъ этотъ, его самаго вовсе не удовлетворившій, благосклонно былъ встрѣченъ Александромъ I, — въ русской исторической наукѣ неоднократно упоминался въ перечнѣ конституціонныхъ проектовъ начала Александровскаго царствованія и неизвѣ-

¹⁾ Третья и четвертая глава (Наслѣдіе Престола и Учрежденіе Императорской Фамиліи) въ нѣмецкомъ текстѣ остались незаполненными.

²⁾ Макагов, 248.

³⁾ Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, 2-е изд. т. II, СПб. 1904, стр. 249—250.

⁴⁾ Въ „Русской Старинѣ“, т. 120 (1904 г.), — Записки Розенкампа (подлинникъ — на нѣмецкомъ языкѣ) хранятся въ Рукописномъ Отдѣленіи Петербургской Публичной Библиотеки.

стный проект Розенкампа¹⁾. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ упоминаемыхъ запискахъ Розенкампа, писанныхъ кстати сказать въ концѣ жизни и чрезвычайно неточныхъ, проектомъ „конституціи“ является именно сохранившійся въ дѣлахъ Комиссіи Составленія Законовъ и ниже печатаемый проектъ „Коренныхъ“ законовъ. Проектъ этотъ отнюдь не являлся проектомъ „конституціоннымъ“, такъ какъ никакихъ постановленій о представительномъ строѣ правленія онъ не заключалъ, а являлъ собой проектъ основныхъ законовъ самодержавной монархіи. Онъ долженъ быть поэтому поставленъ въ рядъ не съ проектами конституціонныхъ реформъ начала Александровскаго царствованія, а съ 1-й частью I-го тома Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Преобразованная въ февралѣ 1804 г. Комиссія Составленія Законовъ, приступила къ кодификаціоннымъ трудамъ 23 марта 1804 г.²⁾ Уже въ первомъ засѣданіи Комиссіи Розенкампу было дано порученіе приступить къ составленію плана „Коренныхъ Законовъ“³⁾. 26-го марта Комиссія (въ составѣ П. В. Лопухина и Н. И. Новосильцова) разсматривала уже „содержаніе статей“ перваго отдѣленія 1-й части „Всеобщаго уложенія“. Въ томъ-же засѣданіи Комиссіи установлены были нѣкоторыя общія правила кодификаціонной работы. Изъ нихъ явствовало, что при составленіи отдѣльныхъ статей проектовъ чиновники Комиссіи должны были обозначать изъ какого указа они соотвѣтственное постановленіе извлекли: „редакторы“ Комиссіи должны были составить проектъ „status quo“, другими словами, поставленная Комиссіи задача отвѣчала той задачѣ, которая позже, въ началѣ царствованія Николая I, осуществлялась Сперанскимъ и его ближайшими сотрудниками при составленіи Свода Законовъ. 28 мая 1804 г. составленный Розенкампомъ проектъ „Коренныхъ Законовъ“ былъ окончательно одобренъ Комиссіей, а 4 іюня того-же года былъ при особомъ докладѣ представленъ Александру I. Дальнѣйшаго движенія онъ не получилъ.

Между даннымъ Розенкампу порученіемъ составить проектъ Основныхъ Законовъ и утвержденіемъ этого проекта Комиссіей прошло не многимъ больше двухъ мѣсяцевъ. Уже самый темпъ работы Розенкампа (этапы этой работы могутъ быть установлены, благодаря журналамъ засѣданій Комиссіи, въ которыхъ разсматривались отдѣльныя главы

¹⁾ См. ссылки у Макагов, стр. 246 примѣч. 23, къ которымъ принадлежитъ теперь прибавить изслѣдованіе Georges Vernadsky, La Charte constitutionnelle de l'Empire Russe de l'an 1820, Paris 1933, p. 10—11.

²⁾ Макагов, 238.

³⁾ тамъ-же, 239 сл.

проекта¹⁾) заставляетъ предположить, что подкрѣпить свой проектъ ссылками на законодательный матеріалъ въ той степени, въ какой впоследствии сдѣлали это составители Свода Законовъ, онъ не могъ. Дѣйствительно, число законодательныхъ памятниковъ, на которые Розенкампфъ ссылается въ своемъ проектѣ, совсѣмъ не велико: въ его ссылкахъ мы находимъ Актъ о вступленіи на престолъ Дома Романовыхъ и „рѣчь говоренную при этомъ случаѣ Епископомъ“, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, нѣсколько наиболее извѣстныхъ Петровскихъ указовъ, Духовный Регламентъ, по 2—3 манифеста послѣдующихъ царствованій, Екатерининскій Наказъ, Начертаніе Генераль-Прокурору, Жалованную грамоту дворянству, Городовое Положеніе, Уставъ Благочинія, Акты Императора Павла о Престолонаслѣдіи и о Императорской Фамиліи, важнѣйшіе указы первыхъ годовъ Александровскаго царствованія.

Откуда черпалъ Розенкампфъ матеріалъ для своихъ ссылокъ? Имъ не продѣлана была предварительная работа по собиранію законодательныхъ актовъ и въ его распоряженіи не было Полнаго Собранія Законовъ. Архивъ Комиссіи Составленія Законовъ былъ въ первые годы XIX вѣка въ довольно печальномъ состояніи²⁾. Остается предположить, что Розенкампфъ могъ пользоваться какими-нибудь печатными источниками. Дѣйствительно, внимательный анализъ работы Розенкамфа позволяетъ установить, что онъ пользовался прежде всего „Древней Россійской Вивліюѳикой“ Н. И. Новикова³⁾. Безъ труда могутъ быть опредѣлены и тѣ напечатанные въ „Вивліюѳикѣ“ памятники, которые вошли въ цитаты составленнаго Розенкамфомъ проекта. „Актъ вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ“ — это, конечно, „Грамота о избраніи Государя Царя Михаила Федоровича на Всероссійскій престолъ, 1613 года. Маія мѣсяца“, напечатанная въ пятой части „Древней Россійской Вивліюѳики“ за 1774 годъ⁴⁾ и перепечатанная въ седьмой части второго ея изданія⁵⁾. „Клятвенное обѣщаніе Царей“ и „Рѣчь говоренная Епископомъ“ заимствованы, очевидно, изъ отрывка, озаглавленнаго Новиковымъ „Чинъ и постановленіе на великое княженіе Россійскаго государства, сирѣчь на царство помазаніе, сиче

1) Макагов, 240—241.

2) Макагов, 258.

3) Въ подстатейной ссылкѣ къ § 9 проекта имѣется при упоминаніи „Клятвеннаго обѣщанія при коронованіи“ и „рѣчи говоренной Архіепископомъ“ ссылка — „см. Новикова“.

4) Древняя Россійская Вивліюѳика, часть V, мѣсяць Сентемврій. Въ Санктпетербургѣ 1774 года. Стр. 255—394.

5) Древняя Россійская Вивліюѳика, изд. 2-е, часть VII, Москва 1788. стр. 128—233.

бываетъ Царемъ“: отрывокъ этотъ напечатанъ былъ въ первой части „Вивліюѳики“ перваго изданія¹⁾ и перепечатанъ затѣмъ въ седьмой части „Вивліюѳики“ второго изданія²⁾.

Ссылки въ проектѣ Розенкампа на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, на отдѣльные указы XVIII вѣка, на Екатерининскій Наказъ могли быть безъ труда заимствованы изъ печатныхъ изданій: Уложеніе неоднократно переиздавалось на всемъ протяженіи XVIII вѣка³⁾, неоднократно печатались въ XVIII вѣкѣ и Сборники указовъ⁴⁾, появлялись и печатныя изданія Наказа и другихъ важнѣйшихъ памятниковъ Екатерининскаго царствованія⁵⁾.

Если, однако, даже при составленіи Свода Законовъ Сперанскій и его ближайшіе сотрудники не могли обойтись безъ привнесенія въ кодификаціонную работу матеріала, не находившаго себѣ подкрѣпленія въ текстѣ включенныхъ въ Полное Собраніе Законовъ источниковъ, еще чаще къ такому не оправдываемымъ текстомъ находившагося въ его распоряженіи русскаго законодательнаго матеріала позаимствованіямъ долженъ былъ прибѣгать Розенкампъ, къ русской кодификаціонной работѣ въ началѣ своей служебной карьеры совсѣмъ не подготовленный.

И дѣйствительно, привнесеніе въ проектъ основныхъ законовъ 1804 г. посторонняго тексту русскихъ законодательныхъ источниковъ матеріала бросается въ глаза. Вся центральная часть проекта (вторая часть 1-й главы — „О Государѣ Императорѣ, Его правахъ и о Россійскомъ Государствѣ“, — и вся вторая глава — „О подданныхъ Императорскаго Величества, о ихъ правахъ и обязанностяхъ“) въ полной мѣрѣ отвѣчаетъ основнымъ положеніямъ германскаго государствовѣдѣнія школы естественнаго права⁶⁾. Государство, воплощаемое Монархомъ, съ одной стороны, подданные съ другой, т. е. — стороны, участвующіе въ формирующемъ государство договорномъ соглашеніи — и затѣмъ взаимныя, связывающія эти стороны права и обязанности — это коренныя положенія, лежащія въ основѣ всѣхъ построеній „чистой“ монархіи въ германской наукѣ публичнаго права XVIII вѣка. Съ другой стороны на проектѣ Розенкампа от-

1) Часть I. Мѣсяць Февраль. Въ Санктпетербургѣ 1773 года, стр. 77—108.

2) Часть VII, Москва 1788. стр. 4—35.

3) Макагов, 260.

4) Тамъ-же. Слѣдуетъ отмѣтить, что если мы просмотримъ даты указовъ, упоминаемыхъ въ цитатахъ проекта 1804 года, то окажется, что всѣ эти указы, за ничтожнымъ исключеніемъ, могли быть найдены въ пользовавшемся большимъ распространеніемъ сборникѣ Петровскихъ указовъ 1714—1725 г.г.

5) Макагов, 261.

6) Макагов, 265 слл., 301.

разилось и учение Монтеスキе о „законной“ монархіи (§ 7: Россійское Государство управляется по законамъ Императоромъ Самодержцемъ), причемъ отразилось безъ сомнѣнія черезъ посредство Екатерининскаго Наказа.

Огромное большинство статей проекта не можетъ быть признано отвѣчающимъ тексту тѣхъ русскихъ источниковъ, на которыхъ эти статьи значатся основанными. Зато не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ параграфы, перечисляющіе отдѣльныя права Монарха, въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ каталогу „Majestätsrechte“, который мы найдемъ въ любомъ нѣмецкомъ трактатѣ публичнаго права XVIII в.¹⁾ Отдѣльныя же статьи проекта Розенкампа оказываются не только навѣянными германской юриспруденціей, но и прямо заимствованными изъ законодательнаго памятника, въ свою очередь испытавшаго вліяніе на себѣ современныхъ ему научныхъ конструкций: я имѣю въ виду Прусское Земское Уложеніе 1794 г. Въ этомъ отношеніи надлежитъ отмѣтить § 13 проекта Розенкампа, отвѣчающій тексту § 1 13-го титула II-й части Прусскаго Landrecht'a²⁾, затѣмъ §§ 46 и 47 проекта, тѣсно примыкающіе къ §§ 83 и 84 введенія къ Прусскому Уложенію, наконецъ § 49 проекта, являющійся точнымъ воспроизведеніемъ § 76 введенія къ Прусскому Кодексу³⁾. Такимъ образомъ проектъ Основныхъ Законовъ 1804 г. является и лишнимъ проявленіемъ того вліянія на русскія законодательныя работы первой половины XIX вѣка Прусскаго Земскаго Уложенія, которое неоднократно отмѣчалось уже въ русской юридической литературѣ⁴⁾.

Нѣсколько словъ о технической сторонѣ воспроизведенія проекта 1804 г. Въ сохранившемся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта чистовомъ экземплярѣ проекта всѣ „цитаты“ выписаны на поляхъ. Въ интересахъ экономіи мѣста въ настоящемъ изданіи „цитаты“ печатаются въ видѣ подстатейныхъ примѣчаній — такъ, какъ всѣ подстатейныя ссылки печатались всегда во всѣхъ изданіяхъ Свода Законовъ.

1) Макагов, 317 ff.

2) Макагов, 317.

3) Макагов, 331.

4) Бар. Б. Э. Нольде. Законы основные въ русскомъ правѣ. Право 1913, 529; Бар. Б. Э. Нольде, Сводъ Законовъ о состояніи людей въ государствѣ. Сборникъ статей въ честь П. Б. Струве, Прага 1925, 319—320.

Боже сохрани, что бы послѣ окончанія сего Законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на земли!

Наказа § 520.

Всеобщее уложеніе для Россійской Имперіи.

Часть первая.

Коренные Законы Россійской Имперіи.

1. Актъ вступленія на престоль фамиліи Романовыхъ 1613 г. Рѣчь говоренная Епископомъ. — 2. Клятвенное обѣщаніе Царей. — 3. Уложеніе. — 4. Указъ Петра I 1714 г. — 5. Указъ 1718 года. — 6. Указъ 5 февраля 1722 года. — 7. Манифестъ Екатерины I Апреля 21 дня 1726 г., коимъ подтвержденъ Уставъ Петра I-го о наслѣдствѣ престола Имперіи Россійской, изданный въ 5 день февраля 1722 года. — 8. Манифестъ Императрицы Анны 1730 года. — 9. Манифестъ Императрицы Елисаветы 1741 г. — 10. Указъ 15-го Декабря 1763 г. — 11. Указы о Пугачевѣ и Мировичѣ. — 12. Наказъ Императрицы Екатерины II-ой относящійся къ тѣмъ Указамъ. — 13. Манифестъ отъ 1-го Сентября 1763 г. — 14. Манифестъ отъ 8 Сентября 1802 г. — 15. Указъ отъ тогожь числа. — Прочіе Указы нынѣ царствующаго Государя Императора, Министерскій докладъ о Комиссіи составленія законовъ и указъ 18-го февраля 1804 года.

Отдѣленіе 1-ое.

Глава первая.

А. О Православной Грекороссійской вѣрѣ.

§ 1. Православная Грекороссійская вѣра есть господствующая во всей Имперіи. Она основана на Священномъ Писаніи и на ученіи Святыхъ Отецъ.

Улож.: гл. 1-я.

§ 2. Каждый Россійскій поданный обязанъ еѣ признавать таковою.

Улож.: гл. 1-я.

§ 3. Каждый исповѣдующій сію вѣру, подлежитъ ея правиламъ на основаніи Духовнаго Регламента *).

Указъ 1737 фев. 4.

§ 4. При исповѣданіи господствующей вѣры терпимы въ Россійскомъ Государствѣ и всѣ другія вѣры:

Покровительствуются иновѣрцы, предоставляется имъ свобода совѣсти, и не возбраняется, на основаніи существ-

*) О семъ пространнѣе въ... отдѣленіи сей части.

вующихъ о семь узаконеній, отправлять явно свое Бого-
служеніе *).

Устава Благочинія ст. 62. — Город. полож. ст. 124.

В. О Государѣ Императорѣ, Его правахъ и о Рос- сійскомъ Государствѣ.

§ 5. Россійское Государство есть Монархія, на законахъ
основанная.

Актъ вступленія на престоль Романовыхъ.

§ 6. Соединеніе всѣхъ поданныхъ Россіи подъ верхов-
ною властію Монарха, называется Россійскимъ Государствомъ.

Генераль-Прокурорскій Наказъ при Комиссіи о составленіи
проекта новаго Уложенія, пунктъ 7.

§ 7. Россійское Государство управляется, по законамъ,
Императоромъ Самодержцемъ.

Наказа § 20 и 21.

§ 8. Императорскій титулъ есть слѣдующій..... На-
именованіе Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій объем-
летъ всѣ прочія принадлежности титула

§ 9. Императоръ по вступленіи на всероссійскій пре-
столь, по назначенію предшественника, или по порядку пре-
емничества (какъ показано въ главѣ 3-й) помазуется Свя-
тымъ Мвромъ, слѣдуя достохвальному примѣру въ Бозѣ
почивающихъ Царей.

Актъ вступленія на престоль Романовыхъ 1613 года. — Указъ
Петра I отъ 22 фев. 1723. — Указъ 1718. — Указъ I катерины I
отъ 22 апр. 1726. — Духовная Ея 1727 года. — Клятвенное
обѣщаніе при коронованіи и рѣчь говоренная Архіепископомъ
(см. Новикова).

§ 10. Императоръ есть верховный правитель всего Го-
сударства, и глава Церкви.

Манифестъ Петра I отъ 25-го Генв. 1721-го. — Клятвенное
обѣщаніе духовныхъ лицъ — Императора Павла I Актъ о
наслѣдіи престола.

§ 11. Соединяетъ въ Особѣ своей верховную власть,
какъ законодательную, такъ и исполнительную.

Начер. часть 1-я.

§ 12. Располагаетъ сею властію по законамъ, Имъ утвер-
жденнымъ и постановленнымъ.

Есть ли бы для пользы и безопасности Государства по-
стеченію особенныхъ обстоятельствъ, потребовалось отмѣ-
нить какое либо основаніе права; въ такомъ случаѣ Импе-
раторъ по Высочайшему благоусмотрѣнію останавливаетъ, или
ограничиваетъ дѣйствіе онаго особеннымъ указомъ.

Наказа гл. 3, § 19. — Указъ и Манифестъ отъ 8-го Сен. 1802-го.
Начертаніе часть I.

*) Духовные Регламенты разныхъ исповѣданій помѣщены 5-й части
въ главѣ . . . и въ частныхъ узаконеніяхъ.

§ 13. Государство съ Особою Императора нераздѣльно такъ, что всѣ права и обязанности Государства въ Немъ сосредоточены и въ Его Особѣ представляются, а потому:

§ 14. а) Всякое оскорбленіе противъ Особы Императора есть оскорбленіе Россійскаго Государства *).

Слѣдуетъ изъ понятія о Монархическомъ Государствѣ.

§ 15. б) Особа Императора есть священна и неприкосновенна.

Начертаніе часть I. — Актъ вступленія на престоль Романовыхъ. — Всѣ прочіе §§ до 30-го § слѣдуютъ изъ того-же понятія о Самодержавномъ Государствѣ.

§ 16. в) Императоръ не подлежитъ никакой отвѣтственности.

Уст. Морс. кн. 5 гл. 1 отд. 2.

§ 17. д) Имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и трактаты.

Начертанія часть I.

§ 18. е) Верховно распоряжается сухопутными и морскими силами.

§ 19. ф) Опредѣляетъ наборъ и образуетъ воинство; предпринимаетъ всякія мѣры къ защитѣ и оборонѣ Государства.

§ 20. г) Устанавливаетъ торговлю и всякія сношенія съ прочими Государствами.

§ 21. h) Постановляетъ всѣ правительственныя власти, и опредѣляетъ государственныхъ чиновниковъ непосредственно, или посредствомъ учрежденныхъ властей.

Начертанія часть I. — Наказа § 18, 19, 99, 100, 149, 443 и 447.

§ 22. і) Постановляетъ и священною властію своею утверждаетъ какъ общіе, такъ и частные Законы, равно и формы, или образъ приведенія оныхъ въ исполненіе **).

Начертанія часть I

§ 23. к) Неудобныя отмѣняетъ, а подверженнымъ, по неясности, сомнѣнію опредѣляетъ прямой разумъ ***).

Наказа § 151.

§ 24. л) Для государственныхъ нуждъ, для содержанія своей Особы и всего Императорскаго Дома, налагаетъ сборы и подати, и назначаетъ ихъ употребленія.

Наказа § 19 и 630.

§ 25. м) Устанавливаетъ монету, опредѣляетъ вѣсъ и мѣру.

Начерт. часть I.

*) См. право уголовное въ 2-й части сего уложенія.

***) См. общіе законы въ 3 части.

****) См. Основаніе права §§.

§ 26. п) За отличныя заслуги жалуесть достоинства, преимуществва, чины и прочія награжденія.

Наказа § 579.

§ 27. о) Жалуесть привиллегіи.

§ 28. р) По благоусмотрѣнію своему прощаесть виновныхъ и облегчаесть наказанія.

Наказа § 518.

§ 29. Имѣесть право, для блага Государства, назначить по Себѣ преемника изъ Высочайшей фамиліи, торжественнымъ Манифестомъ.

Указъ Петра Великаго 1722-го февр. 5. — Актъ вступленія на престоль Романовыхъ. — Актъ Павла I 1797 г. Апр. 5.

§ 30. Поелику никакія права существовать не могутъ безъ соотвѣтственныхъ имъ обязанностей, то изъ вышепоставленныхъ правъ въ Особѣ и со властію Всероссійскаго Императора соединенныхъ, проистекають слѣдующія обязанности, которыя Его Императорское Величество для благосостоянія Государства соизволяетъ принять на Себя и преемниковъ своихъ.

Наказа § 520, § 139. — Рѣчь говоренная Архіепископомъ при коронаціи. — Маниф. 1-го Сент. 1763.

§ 31. а) Императоръ исповѣдуесть господствующую грекороссійскую вѣру, и ученіе оной содержитъ во всей чистотѣ

Духовный регл., часть I. — Актъ утвержденный Апр. 5-го 1797 года.

§ 32. б) Постановляетъ мѣры для споспѣшествованія благосостоянію Государства.

Наказа § 13, 14, 41, 42.

§ 33. Благосостояніе Государства устрояется:

- I. Сохраненіемъ внѣшней и внутренней безопасности.
- II. Возвышеніемъ нравственнаго образованія всѣхъ состояній подданныхъ.

§ 34. Внѣшняя безопасность ограждается мѣрами, какія приемиетъ Глава Государства для сохраненія достоинства и политической цѣлости Россійской Имперіи.

§ 35. Внутренняя безопасность состоитъ въ безопасности лицъ, въ обезпеченіи собственности и въ законной свободѣ дѣяній.

Наказа § 33, 36, 37 и 38.

§ 36. Нравственное образованіе возвышается отъ постепеннаго развитія душевныхъ силъ и способностей подданныхъ, и поощренія ихъ къ похвальнымъ дѣяніямъ, каковыя можетъ внушить любовь къ отечеству и добродѣтели.

§ 37. Средства, коими Глава Государства сохраняетъ внутреннюю безопасность и споспѣшествуетъ нравственному образованію суть нижеслѣдующія:

1. Благоустройство внутренняго управленія. Оно заключаетъ въ себѣ:

а) Надлежащее распредѣленіе податей.

Наказа § 275.

б) Ободреніе промышленности во всѣхъ ея частяхъ.

Наказа § 345 и 346, Глава 12 о умноженіи народа въ государствѣ § 299, 300, 301.

в) Призрѣніе бѣдныхъ и не могущихъ снискивать пропитаніе.

Манифестъ отъ 1-го Сентября 1763 года.

г) Справедливое вознагражденіе за службу Государству.

Наказа § 361.

II. Храненіе правосудія.

Наказа § 102 и 104. Начертанія составъ 2.

III. Устроеніе для воспитанія и образованія юношества подобныхъ заведеній, въ коихъ бы подданнымъ предлагались способы и случаи къ развитію ихъ способностей, споспѣшествующіе чрезъ то самое къ ихъ благосостоянію; къ сему присовокупляется и попеченіе о прекращеніи всѣхъ препятствій, при достиженіи такой цѣли встрѣтятся могущихъ.

Наказа § 347, 348.

§ 38. Всѣ сіи виды государственнаго благоустройства служатъ побудительными причинами ко всему что Императоръ, яко Глава Государства и Отецъ Отечества, законно учреждаетъ. и каждый государственный чиновникъ и подданный имѣетъ первымъ долгомъ по силамъ своимъ споспѣствовать достиженію тѣхъ предметовъ.

Наказа § 13 и 43 — Клятвенное обѣщаніе Царей. — Манифестъ 1 Сентября 1763 г. — Манифестъ 8 Сентября 1802 г. — Указъ отъ тогожь числа.

Глава вторая.

О подданныхъ Императорскаго Величества, о ихъ правахъ и обязанностяхъ.

§ 39. Всѣ обитатели Россійскаго Государства суть подданные Императорскаго Величества.

Начертанія часть I.

§ 40. Подданство есть или вѣчное или временное*).

Указъ 13 февр. 1798 § 1.

§ 41. Изъятія относительно посланниковъ чужестранныхъ дворовъ и иностранцевъ содержатся въ §§...**).

*) Различныя состоянія подданныхъ, равно какъ и особыя ихъ права и обязанности изъяснены въ главѣ о правѣ личномъ.

***) Въ гл. о правѣ личномъ.

§ 42. Обязанность подданныхъ относятся 1, къ Императорскому Величеству и Государству, или 2, къ постановленнымъ властямъ, и наконецъ 3, къ прочимъ подданнымъ.
Начертаніе.

§ 43. Права Императорскаго Величества и Государства налагаютъ на подданныхъ соотвѣтственныя онымъ обязанности.

§ 44. Первѣйшая обязанность всѣхъ подданныхъ состоитъ въ нерушимой вѣрности и повинности Особѣ Императорскаго Величества, яко главы Государства *).

Начертаніе часть 1. — Городов. полож. ст. 3.

§ 45. Подданные равномерно обязаны свято наблюдать утвержденные Императорскимъ Величествомъ законы предписанія и повиноваться постановленнымъ отъ него властямъ.

Улож. гл. 10 пун. 1 — Указъ 1720, февр. 9. — Указъ 724
Генв. 22 — Наказъ § 458.

Права подданныхъ.

§ 46. 1) Всеобщія права, отъ природы человѣку присвоенныя, и основывающіяся на законной свободѣ снискивать собственное свое благо и оное сохранять, не нарушая правъ другаго.

Наказъ § 14, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39 и 344. — Двор. Грам.
ст. 22 — Город. Полож. ст. 88.

§ 47. 2) Особенныя права, симъ уложеніемъ опредѣленныя.

§ 48. Каждый подданный Императорскаго Величества имѣетъ неоспоримое право требовать, чтобы дѣянія его судимы были по основаніямъ права и законнымъ формамъ въ семъ уложеніи содержащимся **).

Улож. гл. 10 пун. 1 — Указъ 722-й Апрѣля 17 — Манифестъ
1801.

§ 49. Всякій обитатель Государства имѣетъ право требовать себѣ покровительства и защиты отъ онаго.

Город. Полож. ст. 4.

*) Наказанія за нарушеніе вѣрности и повиновенія къ Императору означены въ гл. 1 и 2 права уголовного. Въ расположеніи всѣхъ преступленій и наказаній (гл. 1 до 32) опредѣлены наказанія за каждый родъ преступленія.

***) Всякое другое изъясненіе, съ вышеписаннымъ несогласное, было бы самопроизвольно и не совмѣстно, поелику таковой подданный могъ и долженствовалъ вѣдать законъ.

Глава третья.

О наслѣдїи Престола Всероссійской Имперіи.

Порядокъ наслѣдія Всероссійскаго Престола основывается на Актѣ Государя Императора Павла I-го, Торжественно обнародованнымъ въ день Священной Коронаціи Его Императорскаго Величества, который отъ слова до слова гласитъ такъ:....

Глава IV.

О Императорской Фамиліи.

.....

Глава V.

О содержаніи Высочайшаго Двора и о частной собственности Государя Императора.

О довольствѣ и великолѣпіи Престола.

§ 112. Величіе и слава Имперіи требуютъ, чтобы Императорскій Престоль, яко источникъ ободренія, наградъ и благоденствія всего народа, окруженъ былъ довольствіемъ и пристойнымъ великолѣпіемъ.

Наказа ст. 579.

О необходимости издержекъ на сіе.

§ 113. Сіе предполагаетъ нарочитыя издержки, для коихъ предназначаются особливые и непремѣнные доходы.

Наказа. Въ той же статьѣ.

О опредѣленіи извѣстной суммы на содержаніе Двора.

§ 114. На содержаніе Императорскаго Двора и Высочайшей фамиліи опредѣляется извѣстная сумма изъ Государственныхъ доходовъ, коей точное назначеніе и употребленіе зависитъ единственно отъ освященной воли Государя Императора.

О внутреннемъ управленіи Двора.

§ 115. Для наблюденія за порядкомъ во всѣхъ частяхъ внутренняго благоустройства и распоряженія всѣхъ необходимыхъ принадлежностей Высочайшаго Двора, учреждаются особыя штатныя мѣста, подчиненныя вѣдомству и управленію особливыхъ Государственныхъ чиновъ, которые состо-

ять подь собственнымъ вѣденіемъ Императорскаго Величества.

Табель о рангахъ и придворный штатъ.

.....

О частныхъ доходахъ Государя Императора.

§ 119. Сверхъ опредѣленной суммы изъ Государственныхъ доходовъ, на содержаніе Двора для частныхъ издержекъ по Высочайшему и Всемилостивѣйшему соизволенію Императорскаго Величества употребляемыхъ, предназначаются еще особенные доходы, составляющіе частную собственность Государя Императора.

Откуда оныя проистекаютъ?

§ 120. Частные Государя Императора доходы проистекаютъ отъ собственныхъ Его Величества владѣній и пріобрѣтеній разныхъ заведеній и хозяйственнаго попечительства на пользу общую, въ особенности же отъ лову и продажи сибирскихъ звѣрей, отъ нѣкоторыхъ рудокопныхъ заводовъ, мануфактуръ и фабрикъ, и другихъ подобныхъ сему источниковъ.

О управленіи частной собственности Государя Императора.

§ 121. Государь Императоръ частною собственностію своею распоряжается и управляетъ какъ частный владѣлецъ.

Наказа ст. 628 и 629

Подъ чьимъ особливимъ вѣдомствомъ она находится?

§ 122. Всѣ особенные доходы и всякая частная собственность Государя Императора ввѣрены Главному попеченію Кабинета, который имѣетъ свое особенное учрежденіе и штатъ равно съ прочими Государственными мѣстами.

Н. Лосскій.

ФОРМАЛЬНАЯ РАЗУМНОСТЬ МІРА.

Основныя свойства существъ, составляющихъ міръ, и строеніе міра въ цѣломъ содержатъ въ себѣ условія возможности реализаціи абсолютныхъ цѣнностей и достиженія абсолютнаго совершенства. Подъ абсолютнымъ совершенствомъ я разумѣю абсолютную полноту бытія какъ всеобъемлющую абсолютную цѣнность, въ которой красота, истина, добро суть частичныя цѣнности, т. е. необходимые цѣнные аспекты полноты жизни¹⁾.

Если міръ имѣетъ строеніе, пригодное для достиженія этой цѣли, то можно говорить о разумности и осмысленности его. Я попытаюсь доказать, что міръ дѣйствительно обладаетъ такими свойствами, посредствомъ слѣдующаго метода: исходнымъ пунктомъ я возьму простѣйшій случай взаимодействія, напр. отталкиваніе электроновъ, и, отыскивая условія возможности этого процесса, постараюсь показать, что они даютъ право говорить о разумномъ строеніи міра.

Отталкиваніе возможно только, какъ толканіе и противотолканіе, производимое двумя дѣятелями, напр. двумя электронами А и В такъ, что эти два дѣйствія возникаютъ абсолютно одновременно, имѣютъ одинаковую силу и осуществляются по одной и той же линіи въ противоположныхъ направленіяхъ. Такое реальное одновременное взаимоопредѣленіе двухъ предметовъ поставлено въ системѣ категорій Канта вслѣдъ за причинностью (Causalität), какъ особая категорія, выражимая терминомъ взаимодействіе (Wechselwirkung).

Понять такое чудесное соотвѣтствіе двухъ противоположныхъ другъ другу дѣйствій въ пространствѣ и времени можно не иначе, какъ анализируя составъ взаимодействія и

¹⁾ Мою аксіологию см. въ моей книгѣ „Цѣнность и бытіе. Богъ и Царство Божіе какъ основа цѣнностей“. УМСА, Paris 1931.

открывая въ немъ путемъ умозрѣнія (путемъ интеллектуальной интуиціи) важнѣйшіе онтологическіе аспекты строенія міра. Путемъ такого умозрѣнія Лейбницъ установилъ слѣдующее положеніе: гдѣ есть дѣйствіе, тамъ есть дѣятель. Дѣйствіе и дѣятель, въ данномъ случаѣ отталкиваніе и электронъ, принадлежатъ къ двумъ онтологически различнымъ этапамъ бытія. Дѣйствіе есть реальное бытіе, т. е. событіе, имѣющее временную форму (психическіе процессы). Наоборотъ дѣятель стоитъ выше временной и пространственной раздробленности, т. е. принадлежитъ къ области идеальнаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, электронъ осуществляетъ дѣйствованія отталкиванія и притяженія по всѣмъ радіусамъ изъ опредѣленной точки пространства; такое единство дѣйствій, мѣняющихся къ тому же свое положеніе въ пространствѣ и длящихся во времени, но остающихся тѣмъ не мѣнѣе едиными, предполагаетъ источникъ, единый и притомъ не „сидящій“ въ исходной точкѣ дѣйствій и не раздробленный во времени (тогда онъ былъ бы отдѣленъ разстояніемъ отъ своихъ дѣйствій), а господствующій надъ пространственной и временной раздѣльностью, т. е. сверхпространственный и сверхвременный, потому непосредственно участвующій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, въ какомъ бы мѣстѣ пространства и отрѣзкѣ времени они не находились, и спаивающій ихъ въ нераздѣльное единство. Коротко говоря, временныя и пространственныя отношенія дѣйствованія требуютъ сверхвременнаго и сверхпространственнаго соотносителя, который творитъ дѣйствіе, какъ свое проявленіе, придавая ему форму времени и пространства.

Имѣя въ виду, что дѣятель есть не только причина дѣйствій, но и носитель ихъ, какъ своихъ проявленій, умѣстно назвать его старымъ философскимъ терминомъ субстанція, а временныя проявленія его акциденціями. Чтобы достигнуть большей наглядности и подчеркнуть, что найденное нами начало есть источникъ творческой активности, я предпочитаю обозначить его терминомъ субстанціальныи дѣятель.

Чтобы усмотрѣть во внѣшнемъ мірѣ наличіе субстанціальныхъ дѣятелей, необходимо умозрѣніе, восходящее отъ событій къ условіямъ ихъ возможности. Еще непосредственнѣе можно усмотрѣть сверхвременность и сверхпространственность дѣятеля, наблюдая свое собственное я, какъ источникъ чувствъ, желаній, мыслей и поступковъ. Производя, напр., дѣйствіе сравненія фотографическихъ карточекъ двухъ лицъ, чтобы найти сходство и различіе ихъ, обратимъ вниманіе на свое сравнивающее я и мы съ очевидностью усмотримъ, что лишь различныя стадіи сравненія и производи-

мыя при этомъ движенія временны и пространственны, а само я стоитъ выше временной и пространственной множественности. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть въ виду эти два примѣра субстанціального дѣателя низшей и высокой ступени развитія — электронъ и человеческое я.

Творя событія, дѣатель придаетъ имъ характеръ упорядоченности, выражающейся въ безчисленныхъ отношеніяхъ, напр. въ отношеніяхъ принадлежности, сходства, различія, противоположности и т. п. Отношенія суть невременный и непространственный аспектъ событій, слѣдовательно принадлежатъ къ области идеальнаго бытія: они не дѣйствія дѣателей, а формы, способы дѣйствія. Дѣйствія протекаютъ во времени и невозвратно отпадаютъ въ область прошлаго, а формы дѣйствія, напр. число пять не текутъ во времени: буквально одна и та же форма пятеричности служитъ способомъ осуществленія и пяти движеній, и пяти звуковъ, и пяти желаній; различныя мѣста во времени и пространствѣ занимаетъ осуществленіе различныхъ группъ событій сообразно той-же формѣ, а не сама форма. Такъ какъ отношенія суть условія порядка или системности міра, то можно сказать, что они суть формальная сторона его.

Существуетъ глубокое различіе между такимъ идеальнымъ бытіемъ, какъ субстанціальный дѣатель и такимъ, какъ пространственныя отношенія, временныя отношенія, математическія идеи и т. п.

Субстанціальныя дѣатели суть самостоятельныя существа, а формы ихъ дѣйствія несамостоятельны, они принадлежатъ дѣателю, который творитъ событія согласно принадлежащимъ ему математическимъ идеямъ, принципамъ строенія пространства, времени и т. п. Дѣатели активны, а формы дѣйствованія, напр., число пять, сами по себѣ пассивны, они могутъ оформлять бытіе не сами по себѣ, а лишь постольку, поскольку дѣатель творитъ событія согласно имъ.

Субстанціальный дѣатель есть существо, творящее событія, т. е. качественно опредѣленное бытіе, которое подчинено онтологически-логическимъ законамъ опредѣленности, именно закону тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго¹⁾; глубинная сущность дѣателя стоитъ выше творимыхъ имъ качественныхъ опредѣленностей, т. е. представляетъ собою металогическое начало, невыразимое и неисчерпаемое никакимъ множествомъ понятій о качественно опредѣленномъ бытіи; наоборотъ, подчиненныя дѣателю отношенія, математическія идеи и т. п. имѣютъ ограниченное,

¹⁾ Объ онтологическомъ и вмѣстѣ логическомъ характерѣ этихъ законовъ см. мою „Логикѣ“, §§ 27—36.

опредѣленное законами тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго содержаніе. Имѣя въ виду всѣ эти различія между дѣятелями и подчиненными имъ идеальными началами, можно назвать дѣятелей конкретно-идеальнымъ бытіемъ, а подчиненныя имъ идеи—отвлеченно-идеальнымъ бытіемъ.

Согласно изложенному, реальное бытіе, т. е. событія могутъ существовать не иначе, какъ на основѣ идеальнаго бытія: событія творятся сверхвременными и сверхпространственными дѣятелями, которые пронизываютъ ихъ невременными и непространственными формами. Такимъ образомъ, изложенное метафизическое направленіе можно обозначить терминомъ идеаль-реализмъ; точнѣе, это—конкретный идеаль-реализмъ, утверждающій приматъ конкретно-идеальныхъ началъ надъ отвлеченно-идеальными.

Каждый дѣтель есть носитель отвлеченно-идеальныхъ формъ дѣйствованія, сообразно которымъ онъ творитъ свои проявленія, придавая имъ систематическую пространственно-временную форму такъ, что конкретныя событія принадлежатъ къ различнымъ отрѣзкамъ времени и объемамъ пространства, а идеальныя формы, напр. пятеричность буквально тождественны въ нихъ; это возможно потому, что они суть невременный и непространственный аспектъ временнаго и пространственнаго, т. е. реального бытія. Но этого мало,—эти формы буквально тождественны даже и въ проявленіяхъ различныхъ дѣтелей: положимъ, какой-либо электронъ совершилъ пять колебаній, пѣвецъ пропѣлъ пять арій, государство вело пять войнъ; эти событія совершены различными дѣтелями въ разныя времена, но форма пятеричности въ нихъ буквально численно тождественна. Тотъ-же характеръ свойственъ и всѣмъ остальнымъ идеально-формальнымъ аспектамъ бытія: каждое изъ нихъ тождественно во всѣхъ событіяхъ міра. Не значитъ-ли это, что въ мірѣ существуетъ только одна субстанція. и всѣ событія всего міра суть проявленія ея одной? — Нѣтъ, никоимъ образомъ. Субстанціальныхъ дѣтелей безчисленное множество; они отличны другъ отъ друга и самостоятельны, какъ носители творческихъ силъ, способные вступать другъ къ другу, не только въ отношенія сотрудничества, но и въ отношенія враждебнаго противоборства. Однако они не сполна онтологически обособлены другъ отъ друга: поскольку формы ихъ дѣйствованія одни и тѣ-же, они сращены другъ съ другомъ, имѣютъ тождественный аспектъ въ своемъ бытіи. Эту сращенность субстанціальныхъ дѣтелей слѣдуетъ обозначить терминомъ едѣносущіе.

Едѣносущіе субстанціальныхъ дѣтелей — не полное: оно представляетъ собою несамостоятельный тождественный

аспектъ ихъ бытія, забезпечиваюцій лишь формальное единство и связь всѣхъ проявленій дѣятелей, особенно единство времени и пространства, сохраняющееся даже и при принципѣ относительности Эйнштейна. Такое единосущіе я называю отвлеченнымъ и ставлю вопросъ, какъ возможно, чтобы дѣятели, самостоятельно творящіе событія, были нѣкоторою стороною своего существа сращены другъ съ другомъ такъ, чтобы она была тождественнымъ аспектомъ ихъ. Всякая связь и отношеніе двухъ предметовъ предполагаетъ начало, стоящее выше ихъ и обуславливающее ихъ связь, какъ это установлено Лотце въ его „Метафизикѣ“. Когда мы искали соотносителя для пространственныхъ, временныхъ и т. п. отношеній между событіями, мы нашли, что эту роль играютъ субстанціальныя дѣятели, творящіе событія и порядокъ ихъ. Теперь мы ищемъ причину связи и соотношенія самихъ субстанціальныхъ дѣятелей. Ясно, что найти ее можно не въ нихъ самихъ, т. е. не внутри міра, а за предѣлами міра въ Сверхміровомъ существѣ, которое есть творецъ міра и первичной системности его. Это начало должно быть сверхсистемнымъ и несоизмѣримымъ съ міромъ: иначе поднялся бы вопросъ о еще болѣе высокомъ началѣ, обуславливающимъ его системность. Такимъ образомъ, оно должно быть металогическимъ, т. е. стоящимъ выше законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Будучи невыразимымъ адекватно ни въ какихъ понятіяхъ изъ области мірового бытія, оно есть Божественное Ничто, предметъ апофатическаго богословія; о немъ мы говоримъ или въ отрицательныхъ терминахъ, напр. не личность, или въ положительныхъ, но съ указаніемъ на его превосходство, напр. „сверхличное начало“. Въ религіозномъ опытѣ оно дано, какъ Богъ, именно какъ абсолютная полнота бытія, какъ абсолютное совершенство и какъ начало сверхлично-личное или, согласно христіанскому откровенію, какъ начало сверхлично-трехличное.

Терминъ единосущіе выработанъ богословіемъ именно въ примѣненіи къ Тремъ Божественнымъ Лицамъ. Въ отличіе отъ отвлеченнаго единосущія оно должно быть названо конкретнымъ, такъ какъ выражается въ единствѣ не только формы, но и содержанія дѣятельности Трехъ Лиць Св. Троицы, связанныхъ другъ съ другомъ совершенною любовью.

Отвлеченное единосущіе есть важнѣйшее условіе взаимодѣйствія: единосущныя дѣятели сращены и координированы другъ съ другомъ такъ, что состоянія каждаго изъ нихъ существуетъ не только въ немъ и для него, но также и для всѣхъ остальныхъ дѣятелей. Міръ построенъ такъ, что въ немъ все имманентно всему: все суще-

ствуєть не только для себя, но и для всѣхъ дѣятелей. Можно различать три вида существованія бытія для дѣятеля: 1) бытіе, опознанное дѣятелемъ; 2) бытіе, только осознанное имъ; 3) бытіе, подсознательно испытываемое имъ. Благодаря единосушію связь дѣятелей такъ интимна, что и въ сознаніи дѣятель имѣетъ въ виду не только свое, но и чужое бытіе въ подлинникѣ, а не въ видѣ субъективныхъ представленій, копій, символовъ и т. п.¹⁾ Физиологическія раздраженія органовъ чувствъ при воспріятіи я считаю, слѣдуя Бергсону, лишь стимулами, побуждающими человѣческое я обратить вниманіе на самъ предметъ внѣшняго міра въ подлинникѣ.

Даже и при описанной интимной связи дѣятелей другъ съ другомъ остается еще неяснымъ, какъ возможно, чтобы два дѣятеля начинали свои дѣйствія взаимнаго отталкиванія абсолютно одновременно. Чтобы понять это явленіе, необходимо различать стремленіе осуществить отталкиваніе съ опредѣленною силою въ опредѣленномъ направленіи и дѣйствительную реализацію этого стремленія въ пространствѣ. Стремленіе есть процессъ, совершающійся, напр., въ дѣятелѣ А и имѣющій временную форму, но не имѣющій пространственной формы, такъ какъ оно не осуществлено во внѣ: это внутреннее состояніе дѣятеля А, не матеріальный процессъ, напр., когда я стремлюсь столкнуть ногою съ дороги камень, загромаждающій путь. И въ неорганической природѣ существуютъ стремленія; напр., держа въ рукахъ тяжелый камень, я наблюдаю стремленіе его къ землѣ. Конечно, нельзя допустить, чтобы это стремленіе было связано въ камнѣ съ представленіями о землѣ, съ сознательными чувствами къ ней и т. п. Тѣмъ не менѣе, моментъ напряженія для осуществленія опредѣленнаго дѣйствія, подобный моему стремленію въ началѣ волевого акта, несомнѣнно наблюдается и въ неорганизованной природѣ. Поэтому, несмотря на всю свою упрощенность, стремленія этого рода аналогичны нашимъ сознательнымъ психическимъ состояніямъ; ихъ можно назвать психоидными состояніями. Такимъ образомъ, каждый матеріальный процессъ есть психо-матеріальный или психоидно-матеріальный: источникомъ его является внутреннее состояніе дѣятеля А, которое затѣмъ реализуется во внѣ, въ пространствѣ. Субстанціанальный дѣятель А есть творецъ и носитель какъ своего внутренняго, т. е. психического или психоиднаго стремленія, такъ и соотвѣтственнаго матеріальнаго

¹⁾ Моя теорія знанія, называемая мною интуитивизмомъ, изложена въ слѣдующихъ моихъ книгахъ: „Обоснованіе интуитивизма“, 3 изд., Берлинъ 1924; „Основные вопросы гносеологии“, Птгр. 1919; „Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиція“ (печатається).

проявленія. Онъ создаетъ свои матеріальныя проявленія въ пространствѣ подъ руководствомъ своихъ психическихъ или психоидныхъ состояній: всѣ его внѣшнія обнаруженія цѣлестремительны, они имѣютъ опредѣленный смыслъ, они одушевлены этимъ смысломъ. Будучи творцомъ и носителемъ какъ психическихъ (или психоидныхъ), такъ и матеріальныхъ процессовъ, субстанціальный дѣятель самъ не есть ни матерія, ни душа: онъ есть начало метапсихофизическое (терминъ В. Штерна), стоящее выше дѣленія на душевность и тѣлесность и творящее единую душевно-тѣлесную жизнь, въ которой каждое тѣлесное дѣйствіе есть реализація психически или психоидно предвосхищаемой цѣли. Въ случаѣ взаимоотталкиванія двухъ дѣятелей инициатива можетъ принадлежать дѣятелю А въ видѣ стремленія оттолкнуть дѣятеля В; если на это стремленіе дѣятель В отвѣчаетъ соотвѣтствующимъ противостремленіемъ, они могутъ реализовать въ пространствѣ матеріальный процессъ взаимоотталкиванія съ одинаковою силою по одной и той же линіи въ противоположныхъ направленіяхъ.

Субстанціальныя дѣятели, обладающіе перечисленными свойствами, могутъ вступать на путь развитія все болѣе сложной жизни, образуя союзы такіе, какъ атомъ, молекула, растительный или животный организмъ, тѣло человека, народъ и т. д. Такимъ образомъ, каждый дѣятель можетъ подняться на ступень сознательнаго существа, заслуживающаго названія личности, т. е. осознающаго абсолютныя цѣнности и долженствованіе осуществлять ихъ въ своемъ поведеніи. Каждый дѣятель есть дѣйствительная или, по крайней мѣрѣ, потенциальная личность. Система метафизики, признающая такое строеніе міра, есть персонализмъ.

Дѣятели, спаянные отвлеченнымъ единосущіемъ, создавая единыя пространственно-временныя рамки мірового процесса, могутъ наполнять ихъ дѣятельностями гармонически дополняющими и поддерживающими другъ друга, вслѣдствіе чего получается возрастаніе полноты бытія и совершенства его; условіемъ для этого служитъ симпатическое влеченіе (безсознательная любовь) къ однимъ и тѣмъ же цѣностямъ или другъ къ другу, а на болѣе высокой ступени сознательная любовь. Дѣятели, творчество которыхъ вдохновляется совершенною любовью къ Богу, ко всѣмъ тварнымъ существамъ и вообще ко всѣмъ абсолютнымъ цѣностямъ, пріобрѣтаютъ абсолютную полноту бытія и, удостоившись обоженія, достигаютъ абсолютнаго совершенства.

Но любовь можетъ быть только свободаымъ проявленіемъ дѣятеля¹⁾, а гдѣ есть свобода, тамъ возможно и пред-

¹⁾ Доказательство того, что субстанціальныя дѣятели свободны, см. въ моей книгѣ „Свобода воли“, УМСА, Paris 1926.

почтеніе противоположнаго поведенія, въ данномъ случаѣ — вступленіе на путь эгоистической исключительности, откуда возникаетъ вражда между дѣятелями. Въ такомъ случаѣ то-же самое пространство и время становится ареною дѣятельностей, противоборствующихъ другъ другу и взаимно стѣсняющихъ, вслѣдствіе чего получается обѣдненіе жизни, всевозможныя несовершенства, страданія, болѣзни, тѣлесная смерть и т. п.

Тѣмъ не менѣе, міръ дѣйствительно есть нѣчто осмысленное: онъ состоитъ изъ дѣятелей, способныхъ создать царство абсолютнаго совершенства. Строеніе міра, содержащее въ себѣ формальныя условія возможности достиженія абсолютнаго совершенства, есть формальная объективная разумность міра. Она состоитъ изъ отвлеченнаго единосушія, содержащаго въ себѣ отвлеченно идеальныя принципы, именно логическія формы, идеи пространства, времени, математическія идеи и т. п. Совокупность этихъ формъ міра, обеспечивающихъ систематичность и упорядоченность міра, можетъ быть названа Отвлеченнымъ Логосомъ, т. е. отвлеченнымъ объективнымъ разумомъ міра. Каждый субстанціальный дѣтель есть носитель всей цѣлости этого объективнаго разума: руководясь имъ, онъ придаетъ систематическую форму всѣмъ своимъ проявленіемъ. Когда дѣтель поднимается на такую ступень развитія, на которой для него становятся возможными сознаніе и знаніе, онъ дѣлается способнымъ совершать интенціональныя акты, необходимыя для опознанія идеальныхъ аспектовъ міра, въ частности для опознанія тѣхъ онтологическихъ формъ, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ и логическія формы (тожество, противорѣчіе, причинныя и функціональныя зависимости и т. п.). Опознаніе этихъ аспектовъ бытія есть условіе возможности сужденія и умозаключенія, т. е. системы знанія о мірѣ. Способность къ этимъ интенціональнымъ актамъ есть субъективный разумъ дѣтеля.

Здѣсь разсмотрѣнь только формальный разумъ. Цѣлое разума есть сочетаніе формальнаго и матеріальнаго разума, Мудрость, которая должна быть предметомъ другого обширнаго изслѣдованія.

П. Б. Струве.

ДУХЪ И БЫТЪ.

Опытъ историко - соціологическаго истолкованія западно - европейскаго средневѣковья *).

Посвящается старѣйшему русскому медіэвисту
Николаю Михайловичу Бубнову
по случаю его 80-лѣтія.

Умозрѣніе ранняго средневѣковья стоитъ подѣ знакомъ — Христа и Платона. Это — объединеніе отправляющагося отъ ветхозавѣтной традиціи новозавѣтнаго богословія съ греческими философскими построеніями, представляющими переработку, въ духѣ новоплатонизма, платоновско-аристотелевски-филоновскихъ идей.

Христіанство ставитъ задачей и цѣлью человѣка спасеніе индивидуальной бессмертной души. Въ этомъ смыслѣ христіанство есть абсолютный индивидуализмъ. Условіемъ спасенія индивидуальной души — по христіанскому ученію — является не только полная вѣра, но и безграничная любовь. Любовь, которая — принципиально, сознательно и рѣшительно — напрягается до абсолютнаго альтруизма.

Такимъ образомъ христіанство есть, въ одно и то же время, и абсолютный индивидуализмъ, и абсолютный социализмъ, а потому въ сущности ни то, ни другое. Въ христіанствѣ религіозный сингуляризмъ своеобразно и прочно сочетается съ религіознымъ же универсализмомъ, съ нѣкой „соборностью“. Тутъ нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія, ибо это сочетаніе означаетъ объединеніе индивида съ другими индивидами въ Богѣ, который есть Любовь. Таково исходное идейное построеніе христіанства, одинаково рѣшительно отвергающее и индивидуалистическій эгоизмъ, т. е.

*) Докладъ, прочитанный около трехъ лѣтъ тому назадъ въ соединенномъ засѣданіи Отдѣленій Философскаго и Наукъ Общественныхъ и Историческихъ Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Въ этомъ засѣданіи еще участвовалъ покойный Э. В. Тарановскій, и мнѣ пріятно вспомнить, что онъ присоединился къ выставленному мною понятію „быть“, какъ понятію „соціологическому“, всецѣло раздѣливъ то значеніе, которое

самопревознесеніе лица, и самоуничженіе и даже самоуничтоженіе лица передъ чужой и чуждой коллективной волей, т. е. принудительно-властный коллективизмъ. Въ христіанствѣ задача и идеаль спасенія (σωτηρία) души безусловно преобладаютъ и надъ сохраненіемъ личной животной жизни, и надъ общественнымъ благомъ и, въ частности, надъ общественнымъ благомъ, осуществляемымъ въ силу государственнаго велѣнія.

Крайній моральный сингуляризмъ христіанства рано ставитъ передъ христіанскимъ сознаниемъ проблему свободы, свободы вѣры (совѣсти) и свободы дѣланія. Христіанинъ подчиняется Богу, но свободно, по вѣрѣ и по любви. А рядомъ съ индивидуальной душой, спасаемой жизнью въ „духѣ“ (= „во Христѣ“), стоитъ христіанское общеніе, Церковь.

Существовало ли въ христіанствѣ когда-либо понятіе церкви, чисто духовное, „пневматическое“, понятіе церкви, какъ общенія, не облеченнаго ни въ какія видимыя и институціонныя формы — вопросъ, исторически почти неразрѣшимый. Но, конечно, у Павла и вообще во времена апостольскія Церковь не есть еще „учрежденіе“ (Anstalt) въ нашемъ современномъ смыслѣ¹⁾. Мнѣ думается, что Гарнакъ

я придаю этому понятію въ истолкованіи историческихъ фактовъ и процессовъ. Основныя философскія понятія и термины предлагаемаго этюда восходятъ къ разсужденіямъ и опредѣленіямъ, содержащимся въ озаглавленномъ „О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія“ „Введеніи“ къ моему главному труду по теоріи и исторіи хозяйственной жизни „Хозяйство и Цѣна“ (ч. I, СПб—Москва 1913, ч. II, вып. I, Москва 1916), введеніи, которое составилось изъ переработки 1) статьи, напечатанной въ 1908 г. въ „Извѣстіяхъ СПб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго“ и 2) статьи, напечатанной сперва на нѣмецкомъ, а потомъ на русскомъ языкѣ въ международномъ философскомъ журналѣ „Logos“ за 1910—1911 г (выходилъ въ двухъ изданіяхъ, нѣмецкомъ и русскомъ). И терминологически, и какъ историческое изслѣдованіе, настоящій этюдъ непосредственно примыкаетъ къ другому моему опыту „Соціологія и метафизика. Универсализмъ и сингуляризмъ въ античной философіи“ (Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ, выпускъ 11, Бѣлградъ 1935). Такъ же, какъ и этотъ послѣдній, предлагаемый очеркъ основанъ на самостоятельномъ по возможности изученіи и использованіи первоисточниковъ и литературы. Но ссылки на источники и пособия я и здѣсь старался свести до минимума, оставляя большую ихъ часть до предположеннаго отдѣльнаго, въ формѣ книги, изданія цѣльнаго историческаго обзора идеологическихъ и бытовыхъ судебъ „сингуляризма“ и „универсализма“. Проблема, объемлемая этими философскими терминами, на пространствѣ цѣлыхъ десятилѣтій занимаетъ меня какъ экономиста, соціолога, историка, политика, ибо отъ полной критической и конструктивной ясности въ постановкѣ и разрѣшеніи этой проблемы зависитъ, по моему глубокому убѣжденію, нахожденіе какъ теоретической истины въ соціологіи, такъ и практической правды въ политикѣ. Настоящій очеркъ печатается почти безъ всякихъ измѣненій и дополненій съ рукописи, по которой былъ прочитанъ докладъ.

П. С.

¹⁾ We i n e l правильно пишетъ во второмъ изданіи извѣстной энциклопедіи „Religion in Geschichte und Gegenwart“ (1929) sub v. Kirche, II, 5:

идеть слишком далеко, когда называет первоначальную церковь „пневматической демократіей“¹⁾. Право, конечно, не всегда и не обязательно опирается на принудительную власть. Однако, предполагая, хотя бы и добровольно признанную, но всетаки общую обязательность, оно является по общему правилу, такъ сказать, эмпирическимъ коррелятомъ власти, въ государствѣ становясь и логическимъ ея коррелятомъ.

По мѣрѣ того какъ стало ослабѣвать эсхатологическое чувство, ощущение близости конца міра, — происходитъ правовое оформленіе Церкви, превращеніе ея изъ факта добровольнаго, духовнаго, исключительно основаннаго на любви, изъ общенія въ властное учрежденіе, основанное на принудительномъ правѣ²⁾. Отсюда получается и возникаетъ проблема соотношенія Церкви какъ 1) пневматическаго и какъ 2) институціоннаго общенія. Этому раздвоенію соответствуетъ, хотя съ нимъ не совпадаетъ, раздѣленіе Церкви невидимой и видимой. Ибо пневматическому понятію Церкви, какъ общенія въ духѣ, сопутствуетъ ея мистически-символическое понятіе, какъ Тѣла Христова (Кор. 1, 10, 12—28) и какъ Невѣсты Христовой (Римл. 12, 4—5)³⁾.

Die Kirche des Paulus ist keine unsichtbare, sondern eine sichtbare, sichtbar in allen Menschen, die Gott beruft und die „in Christus“ sind; aber sie ist keine Anstalt und hat keine rechtlichen Merkmale. Sie steht also noch jenseits des Protestantismus wie des Katholizismus. Sie ist nicht gekennzeichnet durch irgendeine Verfassung, Gott hat ihr wohl „Charismata“, Begabungen für ihren Dienst gegeben (I Kor. 12, 28) und Menschen, die freiwillig arbeiteten und freiwillig Gehorsam fanden (I Kor. 16, 15), aber nicht Beamte und Priester. Дальнѣйшее развитіе характеризуется такъ: Doch beginnt langsam das Anstaltliche zu wachsen (Sp. 789 l. c.).

¹⁾ Ср. его „Verfassung, kirchliche u. kirchliches Recht im 1 u. 2 Jahrhundert“ въ третьемъ изданіи Herzog-Hauck. Real-Enzyklopädie Bd XX (1908), S. 520. Ibidem S. 519: „Die Gemeinden stehen unter dem Worte Gottes (bezw. des Herrn) und unter der väterlichen Zucht des Apostels, der sie begründet hat, aber sofern der Geist sie regiert, ist dieser Geist der Gemeinde als Ganzes und als einer Einheit geschenkt, und auch die Amts- und Ehrenpersonen stehen als Glieder in dieser Einheit und nicht über ihr. Ср. Seeberg, Lehrbuch d. Dogmengeschichte I³ (Lpzg. 1920) S. 99: nicht um eine kirchenrechtliche Feststellung, sondern um eine pneumatische Ausrüstung handelt es sich.

²⁾ Впрочемъ, изслѣдованія К. Голла дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что первой христіанской общинѣ, Іерусалимской, были присущи и приуроченность къ мѣсту (Іерусалиму) и рѣзко выраженный „институціонный“ характеръ и что содержаніе и смыслъ дѣятельности апостола Павла заключались въ борьбѣ за „одухотвореніе“ Церкви, т. е. за утвержденіе за нею пневматическаго (= харизматическаго) характера. Но борьба эта — по мнѣнію Голла — была безуспѣшна — до Лютера! Ср. Karl Holl: Der Kirchenbegriff des Paulus in seinem Verhältnis zu den Urgemeinden (1927) въ его Gesammelte Aufsätze z. Kirchengeschichte. II. 1. (Tübingen, 1921) S. S. 44—67.

³⁾ Пневматическій моментъ, какъ особо присущій Христу, въ качествѣ Господина Народа Божія, или Церкви, разъясненъ очень хорошо у Seeberg. Lehrbuch der Dogmengeschichte I³ (Lpzg 1920) S. S. 84—92.

Всѣ эти моменты — пневматическій, институціонный, мистически-символическій — соединяются и создаютъ понятіе Церкви не только какъ общенія, но и какъ общества, какъ „тѣла“, „корпораціи“, т. е. оформленной организаціи съ правомъ и властью. Это превращеніе церкви изъ только духовнаго общенія въ общеніе-учрежденіе означаетъ видимое и внѣшнее усиленіе въ христіанствѣ универсалистическаго и въ то же время опредѣленно правового момента на счетъ момента сингуляристическаго и въ то же время опредѣленно добровольнаго, обходящагося безъ принудительнаго права. Этому соотвѣтствуетъ превращеніе христіанской церкви изъ чисто пневматическаго общенія, изъ „народа Божія“ въ смѣшаннаго характера государствовподобное учрежденіе, въ которомъ представлены начала монархическое (епископаты!), аристократическое (священство!), демократическое, или соборное (церковный народъ, коему принадлежитъ или можетъ, по крайней мѣрѣ, принадлежать участіе во власти).

Такимъ образомъ ни въ чисто духовномъ (религіозномъ и метафизическомъ), ни въ общественно-политическомъ развитіи въ средневѣковую эпоху изначала нѣтъ единства, или единообразія. Эллинистически-римская эпоха передала средневѣковью по наслѣдству идею и фактъ міровой имперіи. Рядомъ съ этимъ политическимъ универсализмомъ постепенно въ церкви и церковью вырабатывается свой собственный универсализмъ. Но въ дѣйствительной жизни это вовсе не единственныя, хотя, быть можетъ, самыя могущественныя и растуція силы. Рядомъ съ ними феодально-городской строй рождаетъ другія силы: власть сеньера, или грундгерра и власть городскихъ союзовъ, общихъ („общинъ“) и специальныхъ (цеховъ, корпорацій). Эти „партикулярныя“ силы реально ограничиваютъ и подтачиваютъ „универсальныя“ силы средневѣковья, подготавливая иное соотношеніе социальныхъ и политическихъ факторовъ въ новое время.

Западное средневѣковье характеризуется сочетаніемъ абсолютно-универсалистической идеологіи съ построеннымъ на относительно-сингуляристической основѣ бытомъ. Міровая свѣтская Имперія то въ согласіи, то въ борьбѣ съ Вселенской Церковью! И тутъ же — феодальный строй, отдѣляющій и отдаляющій и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя группы отъ универсальной власти, какъ свѣтской, такъ и духовной, цѣлымъ рядомъ прослоекъ-зависимостей! Юридическую форму этого раздробленія власти представляло характеризующее феодальный строй „овеществленіе господства“ (*Verdinglichung der Herrschaft*), которое можно толковать съ одинаковымъ правомъ и какъ раствореніе публичнаго права въ частномъ, и, наоборотъ, какъ поглощеніе права частнаго правомъ публичнымъ.

Это — тотъ распадъ подданства или подданической связи, о которомъ говорилъ Ротъ (Auflösung des Untertanenverbandes), — формула, которую фонъ Беловъ замѣняетъ своей смягченной: прорывъ или умаленіе подданства (Durchbrechung des Untertanenverbandes).

Идеологическая линія Средневѣковья можетъ быть представлена сперва какъ постепенное и параллельное торжество и оформленіе универсализма во образѣ вселенской, или католической церкви и универсальной монархіи. По существу эта линія одинакова и въ области римскаго (западнаго), и въ области греческаго (восточнаго) католичества. Ея основами являются религіозныя идеи теократическаго примата божественной воли надъ человѣческой, и отсюда — праведной универсальной воли надъ грѣховной, сингулярной. Только со времени приобщенія христіанства, первоначально чуждаго государству, къ послѣднему и къ политической жизни возникаетъ идея теократіи, противопоставляемой въ самомъ корнѣ всякимъ другимъ видамъ властвованія. Для этой теократической идеи примата божественной (церковной) власти несущественна ея институціонное обличіе: чья власть, Императора или Епископа, Епископа-Монарха или Собора Епископовъ? Эти различія могутъ приобрѣтать и приобрѣтаютъ большое институціонное значеніе именно и только въ процессѣ секуляризаціи самой государственной идеи. Если эта секуляризація овладѣваетъ самой идеей универсальной государственной власти — каковы бы ни были предѣлы ея универсальности, міровые или территоріальные — получается свѣтская автократія и ея самое совершенное выраженіе: просвѣщенный абсолютизмъ. Когда та секуляризація, или обмірщеніе идейно освящаетъ основанныя на бытовомъ сингуляризмѣ феодально-коммунально-сословныя отношенія, изъ этой ихъ естественной, но весьма сложной, идейной и реальной, эволюціи получается сперва либерально - „цензовое“ устройство и затѣмъ либеральная демократія. Поскольку же не происходитъ секуляризаціи самой государственной идеи, мы видимъ теократію. Таковой въ своей идейной основѣ было и царство московскихъ царей, и религіозная диктатура какъ Кальвина, такъ и Кромвеля. Таковъ былъ и протестантскій абсолютизмъ Густава Адольфа, и католическій абсолютизмъ Филиппа II и Людовика XIV. Византійская теократія отличается отъ германо-романской только тѣмъ, что, тогда какъ въ первой сосуществованіе въ высшей власти трехъ элементовъ (царства, патриаршества и народа), такъ сказать, одновременно („симультанно“), во второй оно разновремененно („сукцессивно“) и заканчивается утвержденіемъ чисто патриаршей, или папской теократіи, что на Западѣ приводитъ къ величайшему духовному кризису христіанскаго міра, — къ реформаціи.

Итакъ, отмѣтимъ и подчеркнемъ основную черту всей исторической жизни европейскаго Средневѣковья—сочетаніе универсалистической теоріи, или идеологіи съ сингуляристической практикой, или бытомъ.

Необходимо точно формулировать понятіе „быта“, какъ понятіе историко-философское, или историко-соціологическое. Самое понятіе, или выраженіе „быть“ есть специфическая категорія славянофильской соціологіи — ее вычеканили и проводили Иванъ Кирѣевскій, А. С. Хомяковъ и въ особенности К. С. Аксаковъ³⁾. Но полной ясности славянофильская соціологія въ этомъ вопросѣ не достигла. Я опредѣляю быть какъ совокупность „фактическихъ“ и „конкретныхъ“ содержаній общественной жизни въ ихъ противоположеніи идейнымъ (идеальнымъ) и отвлеченнымъ построеніямъ объ этой жизни.

Иначе эту мысль можно формулировать такъ: быть есть конкретный, живой образъ бытія, или существованія. Быть складывается изъ живыхъ, не прошедшихъ черезъ изсушающее пекло отвлеченія и обобщенія, человѣческихъ влеченій, оцѣнокъ, дѣйствій, изъ того, чему слѣдуетъ не столько нашъ умъ съ его остужающей логикой, сколько наши чувства и чувствованія, нашъ позывъ, или инстинктъ, свободный отъ умысловъ и замысловъ. И въ тоже время въ основѣ быта лежитъ не своевольный, не одинокій или одиночный позывъ — быть корнями своими уходитъ въ какую-то богатую, тучную почву не особныхъ, личныхъ, а совмѣстныхъ, соборныхъ устремленій и навыковъ. Быть, повторяю, сотканъ изъ живыхъ конкретныхъ влеченій и оцѣнокъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не разумно отвлекающее и потому отвлеченно-одинокое индивидуальное усмотрѣніе и не личное своеволие, а, наоборотъ, вѣковая соборная дума и собранная воля.

Это просто — психологическая и соціологическая характеристика, а не моральная и политическая оцѣнка. При этомъ надлежитъ ясно понимать и постоянно памятовать, что „фактъ“, „практика“, „быть“, „жизнь“ есть контрарная, не контра-

³⁾ Въ спеціальномъ этюдѣ я предполагаю рассмотреть исторію этого понятія и въ русскомъ языкѣ, и въ русскомъ обществовѣдѣніи. Замѣчу сейчасъ только, что исторія русскаго слова „быть“ формально совершенно совпадаетъ съ исторіей греческаго слова οὐσία, которое первоначально тоже означаетъ конкретно „жилье“ и „имущество“ и лишь потомъ параллельно приобрѣтаетъ отвлеченный смыслъ русскаго „бытія“. Впрочемъ и русское „бытіе“ въ такихъ комбинаціяхъ, какъ „жизнь-быть“, сохраняетъ еще ту конкретность и непосредственность, которую греческое οὐσία никогда не утрачивала. Изъ славянскихъ языковъ чешскій хранитъ до сихъ поръ слово „byt“ въ его первоначально-конкретномъ значеніи.

дикторная⁴⁾, противоположность „теоріи“, „доктринѣ“, „идеологіи“, „ученію“, наконецъ, „закону“ или „нормѣ“. Гносеологически явленія „быта“ могутъ быть весьма часто противоположаемы явленіямъ „идеологіи“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ категорія „бытія“ противоположается категоріи „долженствованія“. Но и психологически, и исторически-соціологически долженствованія также, вѣдь, являются фактами, входятъ въ „бытіе“, „бытійны“. Въ то же время одни изъ нихъ не просто наличествуютъ, а входятъ въ „быть“, другія не составляютъ „быта“. Это значитъ: хотя въ каждомъ данномъ историческомъ разрѣзѣ общественной жизни „быть“ и „идеологія“ различимы и должны быть различаемы какъ особыя области, но и въ самомъ „быту“ наличествуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ какая-то естественная, или стихійная „идеологія“, которую можно въ каждомъ данномъ случаѣ объективнымъ анализомъ выдѣлить. Есть, стало быть, „долженствованія“, „ученія“, „идеологіи“, глубоко погруженныя въ „быть“, такъ сказать, покрытыя и закрытыя „бытомъ“. Поэтому мы имѣемъ полное право говорить о двухъ видахъ „идеологій“ — и исторію идеологій, вплоть до исторіи цѣлыхъ наукъ, въ особенности дисциплинъ оцѣночныхъ, или практическихъ (этика, политика, въ значительной мѣрѣ — правовѣдѣніе и политическая экономія), всегда необходимо вести по двумъ линіямъ, раздѣльнымъ и въ то же время связаннымъ, — идеологіи бытовой и идеологіи ученой. Но какъ бы то ни было, именно въ историческомъ анализѣ всегда нужно имѣть въ виду различіе и различеніе — въ порядкѣ „контрарнаго“ противоположенія — „быта“ и „идеологіи“, „жизни“ и „ученія“.

Самый значительный, имѣющій прямо таки всемірно-историческое значеніе, примѣръ различенія „быта“ и „идеологіи“, „жизни“ и „ученія“, мы находимъ у Лютера, поскольку онъ осозналъ и осмыслилъ свое дѣло (это указаніе имѣетъ силу, какъ бы мы ни оцѣнивали самое ученіе и дѣло Лютера, а также его личность). Лютеръ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что его призваніе — бороться не съ злоупотребленіями, или пороками католической церкви, какъ учрежденія, а съ ея порочнымъ ученіемъ, съ ложными догматами. Въ этомъ — говорилъ Лютеръ — огромное различіе между нимъ, съ одной стороны, Виклефомъ и Гусомъ, съ другой стороны. Послѣдніе хотѣли преобразовать „быть“ церкви, онъ же, Лютеръ, стремился замѣнить ложное „не-

⁴⁾ Понятія „контрадикторный“ и „контрарный“ разъясняются во всякомъ систематическомъ трактатѣ по логикѣ. См. Hermann Lotze. Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen. Lpg 1874 SS. 95—97. Ср. Н. О. Лосскій, Логика. Часть первая. Берлинъ 1923, стр. 111—113.

христiанское“, „дьявольское“ учение истиннымъ, „божественнымъ“ и „христiанскимъ“. „Мы препираемъ съ папистами не изъ за быта (Leben), но изъ за ученiя (Lehre). Этого не сознавали Гусъ и Виклефъ, которые исключительно нападали на жизнь папистовъ. Я же говорю преимущественно не объ ихъ жизни, а объ ихъ ученiи... Такимъ образомъ и этимъ я разбилъ и одолѣлъ Папу, а именно тѣмъ, что я предлагаю истинное учение (dass ich recht lehre), что мое учение божественное и христiанское, а его (Папы) нехристiанское и дьявольское“⁵⁾.

Соціальный и политическiй бытъ въ раннее средневѣковье (313—800) характеризуется борьбой между „римскимъ“ универсализмомъ, и „варварскимъ“ сингуляризмомъ (партикуляризмомъ), тоже въ свою очередь, подъ влiяниемъ римской и христiанской идеологiи, стремящимся къ какой-то интеграціи и единству. Относительный вѣсь момента универсалистическаго и сингуляристическаго въ самомъ „быту“ въ нашемъ смыслѣ въ этотъ періодъ невозможно точно установить. Однако, можно говорить тутъ и о преобладанiи универсалистическаго момента, и о возрастанiи этого преобладанiя какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Необходимо при этомъ принять во вниманiе, что въ этотъ періодъ расширяется то, что можно назвать историческимъ пространствомъ, и происходитъ христiанизация и романизация западнаго міра, лишь отчасти и временно прерываемая натискомъ арабовъ. На Востокѣ, въ области Византiйскаго Царства, натискъ персовъ и арабовъ весьма значительно сужаетъ историческое пространство, на которое распространяется христiанизация и эллинизация, но и восточные „варвары“ испытываютъ влiяние эллино-латинскаго (ромейскаго) универсализма, и, въ общемъ, балансъ складывается въ пользу послѣдняго. Не надо забывать при этомъ, что всякая новая политическая сила въ своемъ ростѣ стремится къ сплоченiю (консолидаціи), къ объединенiю и такимъ образомъ неотвратимо — при прочихъ равныхъ условiяхъ — становится факторомъ универсализации быта. Этимъ объясняется ростъ универсалистическаго момента въ эпоху того перваго подъема и усиленiя франкскаго государства, которое продолжалось около ста лѣтъ (съ 496 по 614 г.). За

⁵⁾ Ср. собственное заявленiе Лютера, цитированное у Denifle-Weiss. Luther u. Luthertum in d. ersten Entwicklung. Zweiter Band, bearbeitet von P. Albert Maria Weiss O. P. Mainz 1909. S.S. 16—19. Подчеркивая значенiе этихъ заявленiй самого Лютера, католическiй авторъ объективно правильно выдѣляетъ то, что существенно и характерно для Лютера, какъ историческаго дѣятеля.

Цитирую это заявленiе Лютера по Denifle-Weiss, ибо, къ сожалѣнiю, не могъ найти въ Бѣлградѣ собранiя сочиненiй Лютера.

этимъ періодомъ слѣдуетъ эпоха упадка (дезинтеграціи), смѣняющаяся новымъ подъемомъ при Каролингахъ (717—814). Затѣмъ происходитъ опять упадокъ и дезинтеграція и новый подъемъ германской королевско-императорской власти, которая, однако, терпитъ пораженіе въ борьбѣ съ окрѣпшимъ папствомъ, опирающимся на универсалистическую идеологию папской теократіи (Григорій VII, 1073—1085). Въ области „быта“ эпоха средняго средневѣковья (814—1309) можетъ быть въ общемъ охарактеризована какъ эпоха торжества сингуляризма — при безусловномъ преобладаніи въ области идеологіи универсализма. Но уже въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. обозначаются значительные успѣхи универсализма въ политическомъ быту и весьма сильныя сингуляристическія вѣянія въ области идеологіи. Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и на нѣкоторыхъ пространствахъ XIII вѣкъ въ области и быта, и идеологіи есть апогей универсализма. Осуществилась универсальная монархія папъ и утвердилась соответствующая этому идеологія. Но, какъ всегда бываетъ, высшая точка кривой возвѣщаетъ рѣзкій переломъ. Такую переломную высшую точку обозначаетъ изданная 8 ноября 1302 г. булла „Unam sanctam“. За нею извнѣ слѣдуетъ въ 1305 г. весьма реально подрывающее папскую теократію „авиньонское плѣненіе“, продолжающееся до 1377 г., и идейная сингуляристическая волна, изнутри подмывающая духовную основу папской власти, богословско-церковную универсалистическую идеологию.

Такимъ образомъ, развитіе средневѣковой соціальной мысли до 1325 г. можетъ быть изображено какъ почти сплошное господство соціологическаго универсализма, облекающагося въ логическія и метафизическія формы „реализма“. Этотъ реализмъ можно охарактеризовать какъ совершающееся подъ дѣйствіемъ религіозныхъ (философскихъ и соціологическихъ) мотивовъ сгущеніе античныхъ и восточно-патристическихъ идей въ цѣльныя метафизическія и логическія системы богопознанія, опирающіяся такъ или иначе на гипостазированіе общихъ понятій. Первую такую систему создалъ Іоаннъ Скоттъ Эрјугена (800—880), который свой богословскій реализмъ, несомнѣнно сложившійся подъ прямымъ вліяніемъ твореній грековъ: Псевдоареопагита, Максима Исповѣдника и Григорія Нисскаго, довелъ до величайшаго напряженія, однако отнюдь не впадая въ пантеизмъ, въ которомъ его потомъ обвиняли и за который его произведенія въ 1225 г. папской буллой были осуждены на сожженіе.

Въ этомъ универсалистически-реалистическомъ потокѣ философско-богословской мысли, представленной Гильо-

момъ де Шампо (1070—1121) и Ансельмомъ Кентерберійскимъ (1033—1109), вспышка номинализма, связанная съ именемъ Росцеллина (1050—1120), даже если признать, что въ Шартрѣ во второй половинѣ XI вѣка обозначилось цѣлое номиналистическое направленіе, близкое къ эмпиризму, остается всетаки мало вліятельнымъ эпизодомъ. Онъ запомнился и получилъ значеніе лишь въ связи съ толкованіемъ догмата Св. Троицы въ смыслѣ тритеизма, церковно осужденнаго. Трудно говорить въ эту эпоху о борьбѣ номинализма съ реализмомъ, настолько несомнѣнно прямо таки подавляющимъ было преобладаніе реализма (=универсализма)⁶⁾. Если номинализмъ Росцеллина есть эпизодъ, то номинализмъ Абелара (1079—1142) болѣе чѣмъ сомнителенъ: ему между традиціоннымъ реализмомъ и наивнымъ номинализмомъ въ духѣ Росцеллина въ теоріи познанія предносился на самомъ дѣлѣ нѣкій средній путь: въ основѣ общихъ понятій лежитъ нѣкая *communis similitudo*, которая заложена въ природѣ вещей, постигаемой абстракціей (*per abstractionem*). Это пониманіе весьма далеко отъ номинализма и совпадаетъ съ ученіемъ объ абстракціи Томы Аквината, имѣя общимъ источникомъ ученіе Аристотеля о зависимости мышленія отъ воображенія, понятія отъ созерцанія, или воспріятія. Но Абеларъ былъ не только аристотеликомъ; ему не чуждъ былъ и платонизмъ, въ его новоплатоновской и затѣмъ христіанизированной редакціи, идущей въ особенности отъ Августина. И въ этомъ отношеніи Абеларъ весьма близокъ къ Томѣ Аквинату, который сочетаніе Аристотеля съ новоплатонизмомъ въ Августиновской редакціи только довелъ до полной дискурсивной ясности.

Отсюда выводъ: въ характерномъ для средневѣковья философскомъ міровозрѣніи классической схоластики весьма сильно и разительно преобладалъ универсализмъ какъ въ области метафизики, такъ и въ области социологіи.

Какъ ни велико съ другихъ точекъ зрѣнія то различіе между Августиномъ и Томой (Аквинатомъ), что послѣдній, признавъ вслѣдъ за Аристотелемъ высшей душевной силой разумъ, или интеллектъ, эллинскій интеллектуализмъ поставилъ на мѣсто латинскаго (августиновскаго) волюнтаризма, *appetando acceptatur quod per consilium diju-*

⁶⁾ Alois Dempf въ своей чрезвычайно содержательной книгѣ: *Die Hauptform mittelalterlicher Weltanschauung*. München-Berlin 1925, S. 74 правильно указываетъ, что съ Іоанна Эріугены до Оккама реализмъ настолько господствуетъ, что врядъ ли можно говорить о борьбѣ его съ номинализмомъ. Номинализмъ Росцеллина былъ тотчасъ „ликвидированъ“ (*erledigt*), а возникновеніе позднѣйшаго номинализма обозначаетъ „разложеніе“ классической схоластики, какъ средневѣковаго міросозерцанія.

dicatur, — въ интересующемъ насъ отношеніи это расхожденіе не имѣетъ значенія.

Духовное значеніе въ Средніе Вѣка универсализма, коренящагося въ реалистическихъ мотивахъ и элементахъ новоплатонизма и христіанства, иллюстрируется и боковой линіей средневѣковой философіи, аристотелевско-арабской, въ которой новоплатоновскіе мотивы были не менѣе сильно представлены, чѣмъ аристотелевскіе. Ученіе Аверроэса объ единствѣ активнаго интеллекта во всѣхъ людяхъ, какъ бы ни толковать его, метафизически-онтологически или гносеологически логически, носитъ на себѣ весьма рѣзко выраженныя черты реализма-универсализма⁷⁾. Это тѣмъ болѣе примѣчательно, что проникнутый новоплатоновскими идеями арабскій перипатетизмъ послужилъ отчасти почвой и для матеріалистическаго и антирелигіознаго нигилизма XIII и XIV вѣковъ, и для противоположнаго политическаго теченія, съ полной ясностью выдвинувшаго идею примата свѣтской власти, опирающейся на народный суверенитетъ (Марсилій Падуанскій) — оба эти теченія имѣли въ XIV вѣкѣ, послѣ того какъ парижскій аверроизмъ былъ ниспровергнутъ, своимъ духовнымъ средоточіемъ Падуанскій университетъ, гдѣ дѣйствовали францисканцы, представители ордена, который въ XIII вѣкѣ пытался осуществить внутреннее обновленіе западнаго христіанства возрожденіемъ первохристіанскаго абсолютнаго сингуляризма.

Эти скрещенія разнородныхъ и противоборствующихъ мотивовъ съ чрезвычайной силой и яркостью обнаруживаются въ XIV вѣкѣ. Какъ разъ въ ту эпоху, когда строится идеологія папской универсальной монархіи, въ церкви и въ церковномъ народѣ возникаютъ движенія внутренняго обновленія. Давно замѣчено, что во второй половинѣ XII вѣка, подымается въ разныхъ формахъ, и въ чисто церковной, и въ еретически-противоцерковной, волна религіознаго обновленія, въ основѣ котораго лежитъ самая напряженная мысль о спасеніи души смиреннымъ послѣдованіемъ ученію Христа и переживаніемъ его земнаго пути (*vivere secundum formam sancti evangelii*).

Таковъ общій религіозный смыслъ и учительства Франциска Ассизскаго, и вальденства, и другихъ родственныхъ теченій той же эпохи (іоахимитства, гумиліатства и т. п.). Но этотъ духовный сингуляризмъ получаетъ полное значеніе и реальную силу, когда онъ со-

⁷⁾ См. R. Seeberg. Lehrbuch d. Dogmengeschichte. III²⁻³ (Lpzg. 1913), S. S. 333—345, 350—355. О волюнтаризмѣ Августина у него же, II³ (Lpzg. 1923), S. S. 417—423.

Ср. Renaud. Averroès et l'averroïsme. 3-me éd. (Paris 1866), ch. II и въ особенности ch. III.

прягается въ своемъ дѣйстви, во первыхъ, съ борьбой свѣтской монархической власти противъ притязаній папской церковной монархіи и, во вторыхъ, съ стремленіемъ — идею церковнаго обновленія провести даже въ прямой борьбѣ съ церковной властью. Поскольку происходитъ это сопряженіе, мы наблюдаемъ такіе факты, какъ появленіе противоавторитарнаго христіанскаго соціализма, возрожденіе идеи соборнаго устройства церкви и рожденіе идеи самостоятельности и самодовлѣнія свѣтскаго государства, построеннаго на началѣ народовластія, или народнаго суверенитета. Эти явленія суть, въ значительной мѣрѣ, отраженія и слѣдствія возрожденія духовной потенціи первохристіанскаго сингуляризма.

Сингуляризмъ становится въ эту эпоху не только бытовой стихіей, но и духовной силой. Рядомъ съ окончательнымъ превращеніемъ папства, въ идеѣ, въ универсальную церковную монархію, — происходитъ созданіе зависимыхъ отъ свѣтской власти государственныхъ церквей. Застрѣльщикомъ въ этой эволюціи является Англія, за нею слѣдуютъ Франція и Испанія. Франція на этомъ пути осуществляетъ даже, въ порядкѣ нѣкого внѣшняго, такъ сказать, международнаго расширенія своей церковной самостоятельности, т. н. „авиньонское плѣненіе“ папъ. Въ Германіи, на отдѣльныхъ „территоріяхъ“, или, что тоже, въ отдѣльныхъ „государствахъ“, происходитъ тотъ же процессъ, а, съ другой стороны, въ Германіи наиболѣе важные епископы окончательно превращаются въ могущественныхъ свѣтскихъ государей, и это превращеніе въ свою очередь въ дальнѣйшемъ какъ-то пролагаетъ путь окончательному образованію и въ Германіи въ эпоху реформаціи такихъ же государственныхъ церквей (*Landeskirchen*), какія уже въ средніе вѣка сложились въ Англіи, Франціи, Испаніи. Эти процессы представляютъ универсализацію политическаго и общественнаго быта. Она совершалась и помимо идеологическихъ вліяній, въ чисто бытовомъ порядкѣ. Но внѣ всякаго сомнѣнія сингуляристическая идейная волна XIII и XIV вв. усилила и обострила эти стихійные бытовые процессы. Такимъ образомъ „быть“, включая сюда и „учрежденія“, и „идеологія“ въ эту эпоху какъ бы мѣняются ролями или „обликами“: быть отмѣченъ тенденціей къ универсализаціи, идеологія, наоборотъ, явственно характеризуется ростомъ мотива сингуляристическаго.

Первой яркой вспышкой средневѣковаго идейнаго сингуляризма являются событія, разыгрывающіяся въ самомъ центрѣ универсальной теократіи: римская революція, связанная съ именемъ Арнольда Брешианскаго (1147—1159). Здѣсь еще нельзя установить никакого параллелизма между

политической идеологией и философской мыслью, ибо нельзя революционно направленную деятельность Арнольда Брешианского приписать, или „вмѣнить“ философскимъ вліяніямъ его друга и учителя Петра Абелара, даже если и считать послѣдняго номиналистомъ. Совершенно иначе слѣдуетъ охарактеризовать и оцѣнить соотношение между реальной борьбой Людовика Баварскаго (1314—1347) противъ папы и философской идеологией его времени. На пространствѣ почти двухсотъ лѣтъ (1150—1350) кореннымъ образомъ измѣнились и „реальные“ соотношенія политическихъ силъ, и идеологическія „установки“. Противопапскія идеи Уильяма Оккама, какъ публициста-философа Людовика Баварскаго, опираются на сингуляристическія (= номиналистическія) предпосылки. Въ эту эпоху сингуляризмъ (= номинализмъ) уже огромная идейная сила. Однако и тутъ параллелизмъ отнюдь не имѣетъ абсолютнаго и исчерпывающаго значенія. Оба автора „Defensor Pacis“, Марсилій Падуанскій и Іоаннъ Яндунъ, принадлежали къ падуанско-парижскому направленію латинскаго аверроизма, т. е. къ направленію, черезъ новоплатонизмъ близкому къ реализму, поддерживавшему реалистически-универсалистической тезисъ объ единствѣ интеллекта во всѣхъ людяхъ (человѣчество — единый интеллектуально субъектъ, нѣкій *Μακρανθηγορος*). Въ то же время то направленіе, которое въ *Defensor Pacis* оспаривало, во имя свѣтской власти и народнаго суверенитета, папскую теократію, эмоционально-реально опиралось на питавшуюся первохристіанскими чувствами и идеями противоположную францисканскую оппозицію.

Этотъ эмоционально-общественный фонъ имѣлъ въ борьбѣ свѣтской власти съ папской теократіей значеніе не меньшее, чѣмъ идеологическіе моменты. Это — тотъ душевный фонъ, въ которомъ укорененъ Данте (1265—1321).

Самъ Данте представлялъ францисканство въ его сентиментально-мистическомъ обличій, въ обрисовкѣ благочестиваго католическаго гуманизма. Тутъ мы имѣемъ поэтическое и свѣтское смягченіе суроваго *Evangelium Aeternum* Іоахима де Флорисъ, (1132—1202), подъ вліяніемъ котораго сложилось оппозиціонное и ригористическое францисканское движеніе „спиритуаловъ“ или „зелаторовъ“. Это, конечно, тоже сингуляризмъ, но совсѣмъ съ другимъ эмоциональнымъ и идейнымъ содержаніемъ, чѣмъ философскій номинализмъ. Тутъ можно констатировать — при тождествѣ логически-формативныхъ мотивовъ и психологическихъ побужденій — лишь временное практическое схождение и совпаденіе глубоко различныхъ духовныхъ содержаній.

Здѣсь необходимо установить одно общее положеніе: въ исторіи общественныхъ идей, или въ развитіи социальныхъ

и политических идеологий необходимо въ каждый данный моментъ ясно и строго различать два элемента: форму и содержаніе. Въ одну и ту же форму можетъ вливаться или въ нее облекаться самое различное содержаніе. Таковую судьбу испытываютъ и психологическіе мотивы, и логическія выраженія сингуляризма (номинализма) и универсализма (реализма). Сингуляризмъ съ характеромъ соціального равенства есть нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ сингуляризмъ съ характеромъ соціального неравенства. Сингуляризмъ съ содержаніемъ религіознымъ (свободное и въ то же время смиренное стремленіе къ Богу каждой бессмертной человѣческой души) есть нѣ то въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположное сингуляризму, устанавливающему мірское самоутвержденіе эмпирической человѣческой личности въ смыслѣ эгоизма и утилитаризма. Точно такъ же схема, или формула „естественное право“ можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ: „индивидуалистическимъ“ или, наоборотъ, „коллективистическимъ“, „либеральнымъ“ или, наоборотъ, „авторитарнымъ“, „эгалитарнымъ“ или, наоборотъ, устанавливающимъ тѣ или иныя различія (привилегіи). Существенно, что образующіяся въ культурно-общественной жизни разнообразныя эмоциональныя и идеологическія содержанія съ того момента, что утверждается схема „естественное право“, находятъ для себя эту, уже готовую, форму и что степень крѣпости такой „формы“ опредѣляющимъ образомъ вліяетъ и на самое содержаніе. Отсюда возможность такихъ явленій, какъ формулировка „соціалистическихъ“, или „коллективистическихъ“ идеаловъ въ терминахъ индивидуалистическаго естественнаго права и, наоборотъ, облеченіе крайнихъ „индивидуалистическихъ“ требованій (анархизма) въ „коллективистическія“ построенія. Конечно, понятія „формы“ и „содержанія“ въ указываемомъ соціологическомъ пониманіи развитія идеологий всетаки текучи и относительны. Кромѣ того, необходимо различать въ общественныхъ идеологіяхъ категоріи не только формы и содержанія, но цѣли и средства, различеніе, которое отчасти совпадаетъ, отчасти перекрещивается съ различеніемъ формы и содержанія.

Если до начала XIV в. въ области идеологіи вообще, соціальной въ частности, господствуетъ почти всецѣло универсализмъ, то съ начала этого вѣка обозначается могущественное сингуляристическое (= номиналистическое) теченіе, главнымъ философскимъ выразителемъ котораго является Уильямъ Оккамъ. Ученіе этого мыслителя завоевало себѣ парижскій университетъ и въ теченіе 150 лѣтъ господствовало въ послѣднемъ. Оккамъ, именно какъ мыслитель номинализма (*via moderna!*), противопоставляющаго себя реализму Томы Аквината и Дунса Скота (*via antiqua!*),

явился фигурой такого же мирового значенія, какъ и самъ Лютеръ. Изъ „оккамизма“ рождается „галликанизмъ“, имѣвшій не только бытовья, но и идейныя основы, и возрождается въ Западной церкви „конциліаризмъ“, или „соборное“ направленіе. И оккамизмъ же представляетъ тотъ строяющій, формативный мотивъ, который лежитъ въ основѣ протестантизма.

Какъ современники реформации, такъ и историческая наука нашихъ дней согласно связываютъ Лютера съ Оккамомъ. Оккамистскій Парижъ, т.е. парижскій богословскій факультетъ, сотворилъ Констанць (Констанцкій соборъ), Констанць же сотворилъ Базель (Базельскій соборъ), а Базель родилъ Лютера — такъ формулируетъ это соотношеніе одинъ новѣйшій богословъ-историкъ⁸⁾. Съ 1325 г. сингуляризмъ (номинализмъ) въ идеологіи по меньшей мѣрѣ столь же силенъ и вліятеленъ, какъ и универсализмъ (реализмъ).

Но реальное вліяніе церковнаго сингуляризма еще сильнѣе, ибо въ богословіи Виклефа и Гуса сингуляристическое содержаніе лишь укладывается въ универсалистическую (реалистическую) форму. Виклефъ и Гусъ будучи въ философіи универсалистами (реалистами), — въ жизни, въ быту были вліятельными выразителями сингуляризма.

Наивысшей точкой средневѣковаго сингуляризма, какъ умоначертанія и міровоззрѣнія, является протестантизмъ въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и лютеранство, и цвинглианство, и реформатство, и именно въ лицѣ его двухъ самыхъ мощныхъ и яркихъ фигуръ: Мартина Лютера и Иоанна Кальвина.

Идея „реформации“, или „бытовой“ реформы церкви вовсе не принадлежитъ протестантизму и не составляетъ существа реформации, какъ дѣла Лютера и Кальвина⁹⁾. Идейное, или духовное существо реформации есть возведеніе вѣры исключительно къ переживанію противостоянія грѣховной и сознающей свою грѣховность человѣческой личности величію и благодати (любви) всемогущаго Бога, противостоянія, завершающагося пріятіемъ благодати, справедливо и милосердно даруемой Богомъ „сердцу сокрушенному“ чрезъ живого Христа. Это религіозное переживаніе вѣры — съ точки зрѣнія иде и реформации — совершенно не нуждается ни въ какомъ посредствѣ органи-

⁸⁾ Denifle-Weiss. Luther u. Luthertum. II. S. S. 87—88.

⁹⁾ Реформация была лозунгомъ и ударнымъ словечкомъ въ католическомъ мірѣ всего поздняго средневѣковья съ того времени, что Guilelmus Durandus въ 1308 г. требовалъ reformatio ecclesiae in capite et membris. См. Maurer-Hermelinck: Reformation und Gegenreformation. 2. Aufl. (Tübingen 1931) S. 11. Ср. Loofs. Dogmengeschichte⁹ S. S. 319—330.

заци (церкви, священства, ієрархії) и обнаруживается въ таинствахъ, но отнюдь не причиняется таинствами: послѣднія суть, „signa efficacia, certissime et efficacissime“ сообщающія благодать (gratiam), поскольку присутствуетъ „fides indubitata“. „Sacramenta non implentur dum fiunt sed dum creduntur; abluit sacramentum non quia fit, sed quia creditur; sacramenta iustificantis fidei et non operis, unde et tota eorum efficacia est ipsa fides, non operatio“¹⁰). Въ догматикѣ Лютера и Кальвина ученія 1) о покаяніи, 2) объ оправданіи вѣрою и 3) о спасеніи благодатью по существу совпадаютъ. Догматика Лютера - Кальвина, какъ ученіе, есть едва ли не самое крайнее, наиболее сгущенное выраженіе религіознаго сингуляризма среднихъ вѣковъ. Человѣкъ спасается непосредственнымъ сообщеніемъ ему благодати. Тогда какъ Лютеръ не развилъ ученія о церковной дисциплинѣ, Кальвинъ въ основу своего ученія о церкви поставилъ понятіе дисциплины, покоящейся на непоколебимой увѣренности въ „избранности“ тѣхъ, кто благодатно увѣровалъ, и этотъ актъ сообщенія или дарованія благодати или, что то же, оправданіе вѣрою осуществляется въ полнѣйшемъ абсолютномъ одиночествѣ человѣка, противостоящаго Богу.

Было бы однако ошибочно въ этой сингуляристической исходной позиціи Лютера, общей ему съ Кальвиномъ, видѣть исчерпывающую характеристику ихъ религіозно-общественнаго міровоззрѣнія.

Въ качествѣ номиналиста, по своей философской выучкѣ, какъ послѣдователь Уильяма Оккама и Габріеля Билля, виттенбергскій монахъ-профессоръ, конечно, былъ индивидуалистомъ и противникомъ католичества, какъ универсальной видимой церкви, какъ воплощенія въ органическое и живое, индивидуальное и ієрархически-расчлененное, единство множества христіанъ¹¹). Однако въ пониманіи церкви у Лютера и Кальвина были заложены и элементы универсализма. У перваго — не только въ смыслѣ бытового „собирающаго“ значенія церкви, но и потому, что онъ въ сущности прежній авторитетъ богоустановленной ієрархії всецѣло перенесъ на „Слово“ (= „Писаніе“), а у втораго еще и чрезъ понятіе „дисциплины“. Хотя у Кальвина богословское понятіе „избранности“ построено (конституируетъ) самое церковь, „избранность“ же, конечно, сингуляристически укоренена у него въ

¹⁰) Ср. Seeberg. Lehrbuch d. Dogmengeschichte посвященный ученію Лютера первый полутомъ четвертаго тома: IV, I²⁻³ (Lpzg, 1917); въ особенности стр. 316—317; Haugk. Dogmengeschichte, III⁴ (Tübingen 1920), SS. 808—902; Loofs. Leitfaden z. Studium d. Dogmengeschichte³ (Halle a. S. 1893), SS. 344 f. f.

¹¹) Denifle - Weiss, I. c. SS. 320—321.

личной вѣрѣ, — женеvскій реформаторъ чрезъ дисциплину возстановилъ и даже усилилъ церковь въ ея „институціонномъ“ качествѣ и значеніи. Такимъ образомъ, выступая противъ папской теократіи, Лютеръ долженъ былъ извнѣ опереться на територіальную автократію свѣтскихъ „князей“ и въ извѣстной мѣрѣ прямо подчинилъ ей церковную жизнь, изнутри же онъ „Слово“ (или „Писаніе“) сдѣлалъ Папой. Кальвинъ же — по различнымъ причинамъ и разнообразнымъ мотивамъ, но всего болѣе утверждая понятіе и начало дисциплины — самъ активно и лично вложилъ въ созданіе протестантской теократіи.

Реформація, поскольку она держится за понятіе церкви, стоитъ еще на среднеvвковой универсалистической почвѣ. Новое время, въ лицѣ анабаптизма и родственныхъ направленій, создаетъ новое понятіе, которое оно именуетъ тоже церковью, но которое существенно, содержательно разнится отъ церкви.

Максъ Веберъ и Каттенбушъ, ясно формулировавшіе это понятіе, дали ему наименованіе „секты“.

„Церковь“ у такихъ реформаторовъ, какъ Кальвинъ и Лютеръ, есть институція, общеніе - учрежденіе (Anstalt), обязательно объемлющее, независимо отъ воли индивида и отъ качественной оцѣнки его религіозной годности, и праведниковъ и грѣшниковъ, т.е. всѣхъ, родившихся въ данномъ общеніи-учрежденіи.

Наоборотъ, „секта“ — терминъ этотъ, какъ чисто научный, имѣетъ въ данномъ случаѣ условное значеніе и въ этомъ смыслѣ первохристіанство, какъ его понимаетъ теперь большинство протестантскихъ историковъ, формально есть не церковь, а секта — есть „волютаристическій союзъ, въ который входятъ исключительно къ тому религіозно-этически квалифицированные люди, союзъ, въ который вступаютъ добровольно — это общеніе принимаетъ въ свою среду даннаго индивида на основаніи признанія его религіозной годности“¹²⁾, союзъ, въ которомъ люди никогда не рождаются, въ который они всегда вступаютъ. Въ этомъ отличіи „секты“ отъ „церкви“ — организаціонный и въ то же время религіозный смыслъ крещенія только взрослыхъ и отрицанія за крещеніемъ дѣтей религіозной силы. Въ этомъ отрицаніи заключается та, самая осязательная и „ударная“, новая идея, которую „анабаптисты“ бросили въ реформацію и которою они привели ея массы въ величайшее возбужденіе. Анабаптизмъ по своей идейной структурѣ обнаруживаетъ такое же внутреннее противорѣчіе, какъ „протестантизмъ“ Лютера - Кальвина.

¹²⁾ Max Weber. Gesammelte Aufsätze 7. Religionssoziologie, I (Tübingen, 1920), S. S. 151—153. 211—212. Ср. Kattenbusch статья Sekten въ R. E. 3.

Въ послѣднемъ универсалистическая церковность покоится на сингуляристически укорененной личной вѣрѣ. Въ анабаптизмѣ крайній религіозный сингуляризмъ (= индивидуализмъ) въ бытовой обстановкѣ возбужденія народныхъ низовъ, переходитъ въ свою противоположность, въ крайній бытовой, или практической коммунизмъ, и на этомъ въ эпоху растущаго духовнаго и бытового сингуляризма терпитъ величайшую катастрофу, объединяя противъ себя и католичество, и реформацію.

Было еще другое, тоже религіозное, внутреннее основаніе, по которому религіозный сингуляризмъ Лютера-Кальвина не могъ просто и сплошь превратиться въ социально-политическій, въ нашемъ смыслѣ — „бытовой“, индивидуализмъ. Основнымъ движущимъ мотивомъ обоихъ реформаторовъ былъ религіозный. Изъ этого религіознаго мотива вытекла извѣстная, связанная съ проповѣдью и дѣятельностью Лютера и Кальвина, относительная секуляризація нѣкоторыхъ сторонъ міра. Эта секуляризація, однако, въ ихъ умоначертаніи была направлена не противъ примата религіи и церкви, а противъ секулярныхъ притязаній римскаго католичества, какъ притязаній, по ихъ убѣжденію, антирелигіозныхъ и морально порочныхъ. Но вообще секуляризація жизни, или быта вождей реформаціи религіозно не только не интересовала, а, наоборотъ, была имъ чужда, даже прямо имъ претила. Ихъ сингуляризмъ былъ наполненъ опредѣленнымъ религіознымъ содержаніемъ, мыслью и заботой о спасеніи души для будущей жизни. Этотъ сингуляризмъ въ своей основѣ отнюдь не былъ мірскимъ, или секулярнымъ — и лишь потому и лишь постольку онъ былъ антиклерикаленъ, что и поскольку онъ возставалъ противъ секулярныхъ (клерикальныхъ) притязаній „вавилонской блудницы“, папскаго Рима.

Онъ не отрицалъ священства и его роли въ жизни. Наоборотъ. Онъ утверждалъ всеобщность священства и его, въ идеѣ, всеобъемлющую роль. Конечно, къ основному духовному явленію „протестантизма“, какъ крайняго религіознаго сингуляризма, привзошла идея и практика секуляризаціи, выросшей изъ самаго быта. Просто — фактъ, что секуляризація духа и быта получила отъ потрясенія всей жизни, произведеннаго реформаціей, какъ возстаніемъ противъ римской церкви, огромную поддержку. Но въ содержаніе и въ заданія классической реформаціи, какъ духовнаго явленія, секуляризація духа и быта не входила. Соотвѣтственно этому, ни свобода лица, т. е. „права человека“, ни демократія, т. е. „народовластіе“, ни социальное „равенство“ и „общность“ имуществъ, т. е. социализмъ и коммунизмъ, не входятъ въ духовное содержаніе реформаціи Лю-

тера и Кальвина. Фактически-исторически провозглашение „правъ челоуѣка“ связано съ вынужденнымъ исходомъ (эмиграціей) крайне-протестантскихъ массъ въ Новый Свѣтъ. Но это фактическое соотношеніе не устанавливаетъ еще никакой необходимой логической связи протестантской доктрины Лютера и Кальвина съ постулатами личной свободы. „Права челоуѣка“ суть въ исторіи политической идеологіи сложный и алогическій продуктъ скрещенія двухъ весьма различныхъ духовныхъ направленностей: напряженнаго религіознаго сингуляризма, приводившаго къ активной борьбѣ за собственное подлинно религіозное самоопредѣленіе, и той „установки“, которая извѣстна подъ именемъ „вѣротерпимости“ и которая объемлетъ цѣлую гамму, отъ христіанской благостности такихъ людей, какъ католикъ и католическій святой Тома съ Муръ, какъ православный подвижникъ Св. Нилъ Сорскій, до религіознаго безразличія (индифферентизма) такихъ ученыхъ, какъ Рейхлинъ и Эразмъ, и такихъ писателей, какъ Вольтеръ. Фактически, въ бытовомъ смыслѣ принципъ свободы совѣсти оказался и всегда оказывался оружіемъ самозащиты преслѣдуемыхъ религіозныхъ вѣрованій, идейно — питательной средой для этого начала явился гуманизмъ въ его обрисовкѣ, наиболее удаленной отъ воинствующей, какъ католической, такъ и протестантской, церковности. Въ лицѣ защитника Сервета и обвинителя Кальвина, Кастелліоне, гуманизмъ выступилъ по существу противъ реформаціи и предвосхитилъ укорененную въ извѣстномъ религіозномъ индифферентизмѣ „просвѣтительную“ проповѣдь терпимости, чуждой религіозному напряженію реформаціи, какъ движенія, вдохновляемаго вѣрой.

То же самое всецѣло примѣнимо и къ идеѣ „народовластія“. „Народовластіе“ есть принципъ, который фактически всегда является идейнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ фактомъ и идеей самодержавія (автократіи). Но въ разныхъ историческихъ условіяхъ питательная среда идеи народовластія можетъ быть весьма различна. Этой идеей можетъ пользоваться любое религіозное направленіе. „Монархомахія“, какъ идеологія, и „тиранноубійство“, какъ бытовое явленіе, возникаютъ въ XVI в. почти одновременно съ двумя противоположными знаками: протестантскимъ (кальвинистскимъ) и католическимъ (іезуитскимъ). Но теорія „тиранноубійства“ рождается или возрождается еще въ Средніе Вѣка и получаетъ свою первую формулировку въ связи съ борьбой католической церкви съ королевской властью въ Англіи, въ „Поликратикѣ“ Іоанна Салисберійскаго, написанномъ около 1160 г.^{12a)} Тутъ мы имѣемъ дѣло съ церковной переработ-

^{12a)} Migne. Series Latina T. 199. Ср. Ueberweg-Baumgartner

кой эллинскихъ идей Платона, Аристотеля и Полибія о тиранніи, какъ противонравственной и противоправной разновидности единоличной власти. Идеологіи личной свободы, народовластія и социализма имѣютъ каждая свою особую исторію, перекрещивающуюся съ исторіей религіознаго сингуляризма, но не параллельную съ нею и не стоящую въ однозначномъ соотношеніи съ этимъ сингуляризмомъ. „Бытовой“ въ нашемъ смыслѣ сингуляризмъ на всемъ протяженіи XV и XVI вв. возросталъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и на нѣкоторыхъ пространствахъ параллельно съ духовнымъ и, въ частности, съ религіознымъ сингуляризмомъ, но вовсе не въ простой и положительной функціональной зависимости отъ послѣдняго, какъ это часто утверждаютъ и хулители, и хвалители протестантизма. Это — два потока или движенія, въ значительной мѣрѣ независимыя одно отъ другого. XVI вѣкъ, по преобладающему въ немъ духовному стилю, слѣдуетъ относить къ среднимъ вѣкамъ. Въ немъ соотношение сингуляризма (номинализма, индивидуализма, персонализма) къ универсализму (реализму, социализму, коллективизму) характеризуется извѣстнымъ преобладаніемъ сингуляризма.

Религіозный сингуляризмъ реформации испыталъ подлинную секуляризацию лишь въ тѣхъ явившихся отраженіяхъ и продолженіяхъ Лютеровой проповѣди, „мечтательныхъ“ движеніяхъ, самою яркою разновидностью которыхъ были анабаптизмъ. На первый взглядъ тутъ есть какъ будто разительное безъисходное противорѣченіе: анабаптизмъ (катабаптизмъ, баптизмъ, Täufertum), какъ „мечтательство“, какъ утопизмъ (Schwärmerei), — всего дальше отъ міра, будучи до края напоенъ „хилиастическими“ предчувствіями и чаяніями. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ „утопизмѣ“, въ этихъ „мечтаніяхъ“, какъ массовомъ настроеніи, „мірскіе“, или „земные“ элементы и устремленія оказываются въ конечномъ счетѣ сильнѣе и вліятельнѣе „потустороннихъ“, и матеріализмъ преобладаетъ надъ спиритуализмомъ. Хилиазмъ превращается въ вѣру въ низведение Царства Божія на землю человѣческими средствами и во имя человѣческихъ цѣлей (земной рай). Это, конечно, очень сложный и длительный процессъ: онъ означаетъ секуляризацию прежде религіозныхъ устремленій и матеріализацию „спиритуалистическихъ“ прежде идей. Онъ и въ „ученой“, и въ „бытовой“ идеологіи сопрягается съ начавшимся еще въ нѣдрахъ схоластики развитіемъ естествознанія и съ обмірщеніемъ возникшаго въ нѣдрахъ спи-

ритуалистической религіозности и богословской учености гуманизма.

Новое Время, въ отличіе отъ Среднихъ Вѣковъ, характеризуется именно принципиальной и всецѣлой секуляризацией духа и быта, чуждой классическому протестантизму, главныя фигуры котораго, Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ, съ ихъ идеями и чувствами, духовно и душевно поэтому относятся еще къ Среднимъ Вѣкамъ.

До секуляризаціи¹³⁾ религіознаго сингуляризма въ крайнихъ направленіяхъ протестантизма социализмъ есть абстрактная и невліятельная идеологія („утопія“). Только указанная секуляризація даетъ социализму жизненное содержаніе и огромный толчекъ. Поэтому настоящую исторію, не только книжную, социализмъ (=коммунизмъ) получаетъ только въ Новое время. Социализмъ-коммунизмъ античной древности и среднихъ вѣковъ состоитъ изъ идей и утопій; въ новомъ времени онъ состоитъ изъ идей, утопій и — движеній.

* * *

Наша характеристика развитія средневѣковнаго духа и быта показала, какъ сложенъ въ этомъ развитіи переплетъ мотивовъ универсалистическаго и сингуляристическаго.

Изъ той сложной борьбы, съ одной стороны, реальныхъ силъ общественнаго и государственнаго строенія, съ другой стороны, этическихъ и политическихъ идей и чувствъ, которая развернулась въ событіяхъ XVI вѣка, какъ эпохи реформаціи, постепенно, но неукоснительно выкристаллизовались двѣ идеи, по существу чуждыя и классической реформаціи, и классическому средневѣковью:

1) идея абсолютной религіозной автономіи, или свободы лица и

2) идея полной свободы свѣтской государственности отъ всякой надъ государствомъ стоящей религіозной инстанціи, или силы и, въ частности, отъ церкви.

Изъ первой идеи, въ порядкѣ жизненнаго расширенія и обобщенія, родилась концепція „правъ челоуѣка и гражданина“. Вторая идея породила концепцію „суверенитета народа“, народа, понимаемаго именно какъ носитель государственной власти.

¹³⁾ Не случайно, а, наоборотъ весьма характерно и весьма мѣтко, что англійское атеистически-утилитаристически-демократическое, близкое къ социализму и направленное противъ идей Бога и Церкви, движеніе XIX в., творцомъ котораго былъ Голіэкъ (Holoake), ученикъ Роберта Оуэна, и шумнымъ пропагандистомъ котораго явился Брэдло (Bradlaugh), присвоило себѣ названіе „секуляризма“ (Secularism. Ср. RE³, 18, S. S. 166—168).

Эти идеи бродили и эти концепции высказывались въ Средніе Вѣка, но лишь спорадически и лишь въ зародышевомъ, недоразвитомъ видѣ. Свою идейную и бытовую мощь они приобрѣли или, вѣрнѣе, приобрѣтали въ томъ процессѣ секуляризаціи, или обмірщенія и духа, и быта, котораго въ области религіи первыми и настоящими провозвѣстниками явились анабаптисты, въ области же общественнаго быта — государственная власть въ ея національной территоріальной обрисовкѣ, какъ бы она ни была организована, была ли она ограниченная или неограниченная.

Эти идеи находились по существу между собой въ сложномъ соотношеніи, которое могло оказываться то противорѣчіемъ и борьбой, то взаимной поддержкой. Это соотношение опредѣлялось не отвлеченными соображеніями или общими идеями, а именно бытомъ, т. е. живыми и реальными интересами или самой государственной власти или общественныхъ группъ, на нее вліявшихъ. XVII вѣкъ есть эпоха, когда мы можемъ установить, соотвѣтственно степени экономического, соціального и политическаго развитія данной страны, различное соотношение между факторомъ государственно-коллективнымъ и общественно-индивидуальнымъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно сложную и пеструю картину представляетъ т. н. меркантилизмъ, нѣкоторые духовно-идейные и душевно-бытовые корни котораго, какъ это давно уже замѣчено, уходятъ глубоко въ Средневѣковье. Совершенно неправильно представлять себѣ меркантилизмъ какъ абсолютный, или безоглядный этатизмъ, исключаящій или отрицающій начало индивидуальной экономической свободы. Не только потому это невѣрно, что существуетъ, какъ теоретическая концепція, рядомъ съ крайне авторитарнымъ меркантилизмомъ, и меркантилизмъ либеральный. Но даже классическій англійскій меркантилизмъ, покоясь политически на идеѣ національнаго государства и на ощущеніи его мощи, выражаетъ въ то же время идею экономической свободы, какъ нѣкого естественнаго права лица, столь же основоположнаго, какъ другія субъективныя публичныя права. Въ замѣчательной парламентской запискѣ 1604 г. къ биллю о „свободной торговлѣ“ это высказано съ полной ясностью: All free subjects are born inheritable, as to their land, so also to the free exercise of their industry in those trades, whereto they apply themselves and whereby they are to live. Merchandize being the chief and richest of all other, and of greater extent and importance than all the rest, it is against the natural right and liberty of the subjects of England to restrain it into the hands of some few, as now it is¹⁴).

¹⁴) Instruction touching the bill for free trade (Journals of the House

Билль этотъ не состоялся какъ законодательный актъ, но его основная идея тогда же прочно вошла въ правосознаніе народа и получила силу закона въ дальнѣйшихъ парламентскихъ актахъ, 1623—24 гг. (1) The Statutes of Monopolies 21, James I c. 3, 2) 1 James I, c. 9 и 3) въ прокламаціи Карла I отъ 15 апрѣля 1639 г. объ отмѣнѣ прежде пожалованныхъ монополій¹⁵⁾. Примѣчательно также то, что эта эпоха формулируетъ свободную чеканку монеты не столько какъ публично-правовую обязанность административнаго учрежденія (монетнаго двора), сколько какъ субъективное право всякаго приносителя металла (Statutes, 18 Chas II, 5, 1666).

„Сингуляризмъ“ новаго времени, извѣстный подъ кличкой „экономическаго либерализма“, есть плодъ медленнаго, но стихійно неотвратимаго отверженія нѣкихъ отдѣльныхъ явленій „быта“ Среднихъ Вѣковъ въ огромную силу „духа“ Новаго Времени. Такъ всегда протекаютъ подобныя историческіе процессы: на почвѣ стараго „быта“, черезъ какіе то молекулярныя процессы „идейнаго“ отверженія и „бытового“ сгущенія, рождается изъ нѣдръ этого „быта“ новый „духъ“, и притомъ это совершается въ весьма причудливыхъ напряженіяхъ и сопряженіяхъ (комбинаціяхъ) какъ идейныхъ „содержаній“ съ идейными „формами“, такъ и „бытовыхъ“ силъ съ силами „идейными“, съ „ученіями“, т. е. съ догматами и идеалами.

of Commons, Vol. I., p. 218). Цитирую по превосходной христоматіи: А. Е. Bland, P. A. Brown and R. H. Tawney. English Economic History. Select Documents. London (Bell & Sons) 1921, pp. 443—444.

¹⁵⁾ Всѣ эти акты въ той же христоматіи pp. 465—468, pp. 468—470, pp. 472—475, pp. 674—675.

Изданія Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ:

Труды IV-го съѣзда русскихъ академическихъ организацій за границей. 1929. Часть 1. (Науки гуманитарныя) и 2. (Науки матем., ест.-ист. и техн.). — Цѣна 160 динаровъ или 80 динаровъ каждая часть отдѣльно.

Матеріалы для библіографіи русскихъ научныхъ трудовъ за рубежомъ. Выпускъ 1. 1930. — Цѣна 55 динаръ (1 долларъ).

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 1. 1930. — Цѣна 55 динаровъ.

А. Л. Погодинъ. Забѣтки объ изученіи былинь. — И. И. Лаппо. Уравненіе правъ В. К. Литовскаго и Короны Польской въ 1697 году. — Ѳ. В. Тарановскій. Предметъ и задача т. н. внѣшней исторіи права. — О. О. Марковъ. Статутъ города Котора. — В. В. Розенбергъ. Защита чистаго и прикладнаго искусства. — А. Н. Макаровъ. Вопросы кодификаціи основныхъ законовъ въ трудахъ комиссій XVIII вѣка. — Е. В. Аничковъ. Двѣ струи русской политической мысли. Герценъ и Чернышевскій. — М. В. Шахматовъ. Государственно-національныя идеи „Чиновныхъ книгъ“. — Д. Ф. Шмурло. С. М. Соловьевъ. — С. Л. Франкъ. Онтологическое доказательство бытія Бога.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 2. 1930. — Цѣна 30 динаровъ.

А. А. Брандтъ. Обь аксіоматикѣ теоремы Карно и второго закона термодинамики. — В. Х. Даватцъ. Обь одномъ свойствѣ окружностей. — А. И. Косицкій. Объясненіе измѣненія расхода двигателя внутренняго сгорания. — Н. А. Пушкинъ и М. Г. Каухчевъ. Электролит. гипохлоритная станція Петроград. водопроводовъ. — В. Э. Мартино. Забѣтки по экологіи млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Геометрич. и физич. основы морфологіи. — Г. Н. Піо-Ульскій. Исторія и соврем. направленіе прогресса паровой техники. — В. В. Фармаковскій. Тяговая характеристика турбино-паровозовъ и тепловозовъ. — Ан. Д. Билимовичъ. Обь уравненіи механики по отношеніи къ главнымъ осямъ. — Г. Г. Злоковичъ. Принципы почвообразованія въ работахъ А. И. Набокихъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 3. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Шмурло. Русскіе католики конца XVII вѣка (съ факсимиле). — А. Л. Погодинъ, А. И. Соболевскій. — Н. Лосскій. Русская философія въ XX вѣкѣ. — Ал. Маклецовъ. Проблема преступленія въ русской художественной литературѣ. — Е. В. Аничковъ. Къ религіознымъ воззрѣніямъ нашихъ шестидесятниковъ. — В. В. Шахматовъ. Купчія грамоты Московской Руси. — В. В. Розенбергъ. Правовыя и экономическія идеи до и послѣ войны. — Е. В. Спекторскій. Бенжаменъ Констанъ и Фюстель де Куланжъ. — А. А. Кизеветтеръ. Первый курсъ В. О. Ключевскаго 1873—74 г. — Р. К. Дрейлингъ. Воинскій Уставъ Петра Великаго и Суворовъ. — П. А. Остроуховъ. Обь источникахъ и методахъ изученія торговли на Нижегородской ярмаркѣ въ XIX вѣкѣ до эпохи великихъ реформъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 4. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Г. Г. Злоковичъ. Н. И. Васильевъ (некрологъ). — В. В. Фармаковскій. К. Д. Серебряковъ (некрологъ). — В. Х. Даватцъ. Къ вопросу объ огибающихъ семейства плоскихъ кривыхъ, зависящихъ отъ одного параметра. — Н. Н. Салтыковъ. Интегрированіе уравненій съ частными производными по способу измѣненій произвольныхъ постоянныхъ. — В. Жардецкій. О перманентномъ вращеніи изолированной жидкой массы. — Д. П. Рузскій. Работа центробѣжнаго насоса при переменныхъ условіяхъ. — Г. Н. Піо-Ульскій. О рациональномъ опредѣленіи коэффиціента полезнаго дѣйствія паровыхъ турбинъ — А. Фанъ-дерь-Флитъ. Статически неопредѣлимый стержневой четырехугольникъ съ двумя проволочными діагоналями и съ шарнирами въ углахъ. — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыгоднѣйшаго подъема при проектированіи желѣзнодорожныхъ линій. — Н. П. Абакумовъ. Относительная поправка на деформацию цѣпной линіи при измѣреніи базиса инварными проволоками. — А. А. Нилусъ. Наука и ея примѣненія въ военномъ дѣлѣ. — Л. В. Черносветовъ. Резобрація мужскихъ половыхъ продуктовъ и ея значеніе для организма. — В. Мартино. Объ измѣненіи окраски мѣха у млекопитающихъ Югославіи. — Н. В. Краинскій. Электростатическія изслѣдованія и ихъ примѣненіе къ біологіи. — М. Н. Лапинскій. Активаторы психическихъ функцій. — Г. Г. Злоковичъ. Нѣкоторыя данныя по морфологіи почвъ Ананьевскаго уѣзда. — Я. Хлытчиевъ. О гипотезѣ Журавскаго. — И. С. Свищевъ. Контроли правильности составленія условныхъ и нормальныхъ квадратовъ. — А. А. Брандтъ. Очеркъ исторіи примѣненія паровыхъ двигателей въ Россіи со временъ ихъ появленія до 1875 года.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 5. 1931. — Цѣна 55 динаровъ.

Л. М. Сухотинъ. Къ пересмотру вопроса объ опричинѣ. — Н. Н. Афанасьевъ. Провинціальныя собранія Римской Имперіи и Вселенскіе Соборы. — К. Ј. Зайцевъ. Крѣпостной земельный строй Россіи XVI—XVIII вв. и отраженіе его въ сочиненіяхъ Посошкова. — И. И. Лапшинъ. О схематизмѣ творческаго воображенія въ наукѣ. — Н. Лосскій. Интуитивизмъ и ученіе о транссубъективности чувственныхъ качествъ. — И. В. Пузино. Религіозно-философскія воззрѣнія Джіованни Пико делла Мирандола. — А. Л. Погдинъ. Наблюденія надъ техникой народной лирики. — А. М. Петрункевичъ. Фюстель де Куланжъ. — С. В. Троицкій. Нелегальное кровное родство какъ препятствіе къ браку. — Г. А. Острогорскій. Афонскіе исихасты и ихъ противники. — С. Л. Волкобрунъ. Къ вопросу о процессуальной право и дѣеспособности въ чешскомъ земскомъ правѣ. — М. А. Иностранцевъ. Вооруженныя силы, планы сторонъ и стратегическое развертываніе на русскомъ фронтѣ въ Міровую Войну.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 6. 1932. — Цѣна 35 динаровъ.

Н. Н. Салтыковъ. Способы Монжа-Ампера и Дарбу интегр. съ частн. производн. — О. Л. Струве. Э. А. Бредихинъ. — В. Жардецкій. — Нѣкот. замѣч. объ ур. движенія неоднор. непрер. среды. — В. В. Фармаковскій. О выборѣ наивыг. подъема при проект. желѣздор. линій. — Д. В. Фростъ. Къ теоріи магнетрич. развѣдки. — Т. В. Локоть. Идеи Менделя въ соврем. менделизмѣ. — М. Н. Лапинскій. Боль и ея сосудодовый механизмъ. — Н. Е. Акацатовъ. Туберкул. и чахот. проблемы. — Ю. Н. Вагнеръ. Зам. о интерсегм. лопостяхъ измѣн. сегм. у самцовъ блохъ. — Н. Н. Салтыковъ. Жизнь и учен. труды Д. Ф. Селиванова. — Ан. Д. Билимовичъ. О вращеніи произв. матер. сист. какъ цѣлаго.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 7. 1932. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Ф. Шмурло. Посольство Чемоданова и Римская Курія. — А. Н. Фатѣевъ. Сводъ законовъ и его творецъ. — А. Л. Погодинъ. Варяги и Русь. — А. В. Соловьевъ. Истор. рус. монашества на Аѳонѣ. — М. А. Георгіевскій. Еврейская община Нов. Завѣта въ г. Дамаскѣ. — В. В. Розенбергъ. Коммерціализація и концентр. современ. період. печати. — Ал. Д. Билимовичъ. Вопросъ о предсказ. урожая. — Е. В. Спекторскій. Мѣсто Гегеля въ исторіи философіи. — Н. В. Краинскій. Логич. ошибки въ науч. творч. — А. В. Соловьевъ. Кара за убійство въ Визант. и славян. правѣ. — П. Б. Струве. К. А. Неволинъ и А. А. Куникъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 8. 1933. — Цѣна 35 динаровъ.

Г. Н. Піо-Ульскій. Памяти проф. А. А. Брандта. — Н. Абакумовъ. Вліяніе тренія въ блокахъ базис. прибора Едерина на измѣр. разст. — В. Жардецкій. Трансформація Клебша и мал. колеб. жидкости. — Я. Хлытчиевъ. Перемѣщеніе точекъ деформ. тѣла. — В. Н. Болдыревъ. Сахар. болѣзнь и простуда. — Н. В. Краинскій. Механизмъ нерв. дѣятельн. — В. В. Фармаковскій. Наивыгод. скорость и наивыгод. вѣсъ товар. поѣзд. — А. И. Косицкій. Коэфф. полез. дѣйствія процесса двигателей внутр. сгорания. — Т. В. Локоть. Изъ біологіи культур. растений. — Г. Н. Піо-Ульскій. Замѣт. о коэфф. полез. дѣйствія газ. машинъ. — Д. Рузскій. Исправленіе къ теоріи центроб. насоса. — А. Копыловъ. О монотерм. теоріи машинъ. — Н. Абакумовъ. Опред. широты астрономич. пунктовъ. — Д. В. Фростъ. Примѣненіе различ. проекцій для изображенія топографич. и маркш. плановъ. — В. Х. Даватцъ. Къ вопросу о теоріи соверш. чиселъ.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 9. 1933. — Цѣна 55 динаровъ.

Е. Максимовичъ. Церковно-земскій соборъ 1549-го года. — С. Г. Пушкаревъ. Цѣловальники въ судѣ и управленіи Московской Руси. — П. А. Остроуховъ. Торговля чаемъ на нижегор. ярмаркѣ въ XIX ст. до эпохи великихъ реформъ. — А. А. Олесницкій. Первые боевыя встрѣчи въ XV вѣкѣ турокъ-османовъ съ Русью. — А. Л. Погодинъ. „Иванъ Выжигинъ“, романъ Фадея Булгарина. — Л. Тауберъ. Лига Націй и юридич. статутъ рус. бѣженцевъ. — А. В. Маклецовъ. Мѣры защиты въ югослав. угол. правѣ. — В. В. Розенбергъ. Научн. собственность. — Н. Лосскій. Гегель какъ интуитивистъ. — В. В. Зѣньковскій. Русская педагогика въ XX столѣтіи.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 10. 1935. — Цѣна 35 динаровъ.

Н. А. Пушкинъ. Д. И. Менделѣевъ. — А. А. Солонскій. Демографія рус. эмиграціи въ Бѣлградѣ. — М. Н. Лапинскій. Къ вопросу объ участіи стріар. системы въ механизмѣ неврастеніи. — В. Э. Мартино. Зоогеограф. положеніе горнаго кряжа Бистра. — Т. В. Локоть. Къ біологіи овса и ячменя. — П. Н. Рышковъ. Укороченные рельсы въ кривыхъ желѣзнодорожнаго пути. — А. А. Копыловъ. Примѣненіе монотермич. теоріи машинъ къ нѣк. видамъ двигателей. — А. В. Дейша. Водныя силы Россіи. — Е. П. Соловская. Автоном. ростовыя нутаціи сѣмядолей нѣкотор. злаковъ. — О. С. Гребенщиковъ. Къ познанію лѣсовъ о. Крита.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 11. 1935. — Цѣна 35 динаровъ.

А. В. Флоровскій. Памяти А. А. Кизеветтера. — К. І. Зайцевъ. Зародыши и элементы свободнаго крестьянскаго хозяйства

въ русскомъ крѣпостномъ строѣ періода Имперіи. — А. Л. Пог о д и н ъ. Личность и дѣятельность Императора Николая I въ сербскомъ обществ. мнѣніи его времени. — И. И. Лапшинъ. Комическое въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. — П. Б. Струве. Метафизика и соціологія. Универсализмъ и сингуляризмъ въ античной философіи. — Е. В. Спекторскій. Этика и антропологія. — Г. Ландау. О мистическомъ опытѣ. Очеркъ систематической философіи. — В. В. Розенбергъ. Финансовая ликвидація Мировой войны. — З. Розова. Державинъ и басни Крылова. — А. Л. Пог о д и н ъ. Дополненіе къ статьѣ „Личность и дѣятельность Императора Николая I“. — О. В. Тарановскій. Русскій Научный Институтъ въ Бѣлградѣ за первыя шесть лѣтъ его дѣятельности (съ 1928/9 по 1933/4 ак. годъ).

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 12. 1937. — Цѣна 35 динаровъ.

В. Даватцъ. Нѣсколько проблемъ, касающихся теоріи вѣроятностей. — Н. Абакумовъ. Критика новыхъ способовъ опредѣленія азимута земного предмета. — Антонъ Д. Билимовичъ. Элементарная теорія корреляціи. — Д. П. Рузскій. Опытъ элементарн. теоріи турбулентнаго движенія въ каналѣ прямоуг. сѣченія. — † Д. В. Фростъ. Къ теоріи наименьшихъ квадратовъ. — М. Лапинскій. Къ вопросу о разстройствахъ нервныхъ центровъ вслѣдств. душевн. или тѣлесн. травмы. — В. Э. Мартино. Одно изъ возмоз. примѣненій экологич. правила Бергмана. — Т. В. Локоть. Промышленныя растенія Югославіи. — Н. А. Муравьевъ. Къ познан. вегетации вдоль р. Дрины. — А. И. Игнатовскій. Банки и пивки съ точки зрѣнія соврем. медицины. — О. С. Гребенщиковъ. Азіатскій букъ (*Fagus orientalis*) на Эссалійскомъ Олимпѣ. — А. И. Косицкій. Коэфф. полезнаго дѣйствія парового котла.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 13. 1936. — Цѣна 35 динаровъ.

Е. В. Спекторскій. Жизнь и личность О. В. Тарановскаго (съ портр.). — П. Б. Струве. О. В. Тарановскій какъ историкъ западнаго и русскаго права. — А. В. Соловьевъ. О. В. Тарановскій какъ историкъ славян. права. — А. Л. Пог о д и н ъ. Импер. Александръ II и его время въ оцѣнкѣ сербскаго общ. мнѣнія. — Л. М. Сухотинъ. Къ пересмотру вопроса объ опричинѣ. — А. В. Соловьевъ. Новыя раскопки въ Гродно и ихъ значеніе для русской исторіи. — С. Г. Пушкаревъ. Цѣловальники въ государств. хозяйствѣ Московской Руси. — † Б. А. Евреиновъ. Бакунинъ и Славянскій съѣздъ 1848 г. — † О. В. Тарановскій. Русскій Научный Институтъ въ Бѣлградѣ въ 1934/5 акад. году.

Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ. Выпускъ 15. 1938. — Цѣна 35 динаровъ.

† А. П. Доброклонскій. Моя краткая автобіографія. — С. В. Троицкій. А. П. Доброклонскій какъ историкъ церкви. — В. В. Фармаковскій. А. П. Доброклонскій по личнымъ воспоминаніямъ. — П. Б. Струве. Труды А. П. Доброклонскаго по русской исторіи. — А. А. Боголѣповъ. Рѣшенія Сената по администр. дѣламъ. — А. Н. Анцыферовъ. Nemesis (демограф. этюдъ). — А. Л. Пог о д и н ъ. „Искаженный Пушкинъ“. — † Е. В. Аничковъ. Единство цивилизации и задачи фольклора. — Б. С. Ижболдинъ. Торговая политика С.С.С.Р. — А. Н. Макаровъ. Проектъ основн. законовъ Росс. Имперіи 1804 года. — Н. О. Лосскій. Формальная разумность міра. — П. Б. Струве. Духъ и бытъ (опытъ историко-соціол. истолкованія западно-европ. средневѣковья).

Складъ изданій Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ:

Руски Научни Институт. Београд, Краљице Наталије ул. 33. (Руски Дом Цара Николе II).

Ruski Naučni Institut. Beograd (Jugoslavija), Kraljice Natalije ul., 33 (Ruski Dom Cara Nikole II).